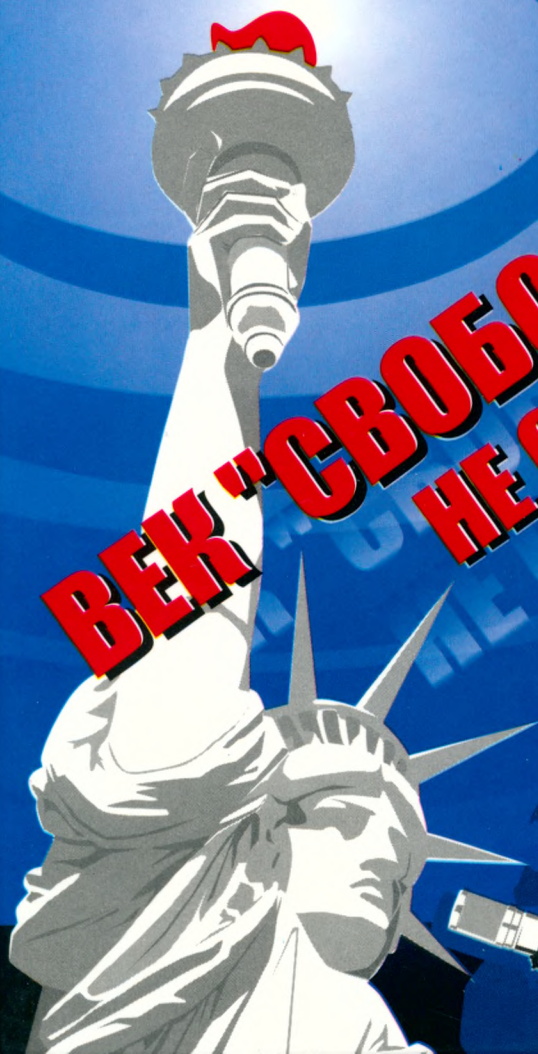
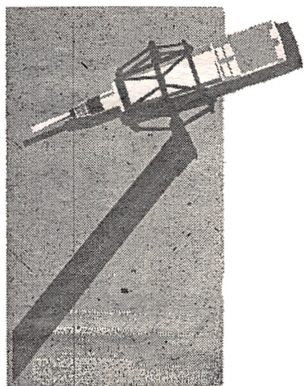

Валерий КОНОВАЛОВ

**ВЕК "СВОБОДЫ"
НЕ СЛЫЖАТЬ**

Валерий Коновалов

ВЕК «СВОБОДЫ» НЕ СЛЫХАТЬ

Записки ветерана холодной войны

Москва
АЛГОРИТМ
2003

ББК 66
К 64

Коновалов В. Н.

К 64 Век «Свободы» не слышать. Записки ветерана холодной войны.
– М.: Алгоритм, 2003 – 384 с.

ISBN 5-9265-0086-9

В холодной войне Запада и Востока особую, быть может, главную роль играли идеологические диверсии. Проводником их со стороны США являлась и радиостанция «Свобода». О специфике службы в империи лжи, как называют «Свободу», рассказывает ее кадровый сотрудник.

ББК 66

ISBN 5-9265-0086-9

© Коновалов В. Н., 2003

© ООО «Алгоритм-Книга», 2003

*Посвящается моим соратникам по перу,
русским офицерам
Игорю Морозову, Виктору Верстакову,
Валерию Борисенко, Александру Гурову,
Александру Маргелову, Валерию Чебану,
Геннадию Стефановскому и Владимиру Пластуну*

ОТ АВТОРА

Первые шесть глав книги в 1998—1999-м годах были опубликованы в еженедельнике «Литературная Россия». В настоящее издание включена их дополненная и частично переработанная версия, лишенная каких-либо цензурных купюр. Я — русский. Как и генерал Альберт Макашов, я привык называть вещи своими именами, особенно когда речь идет о моей собственной жизни и о моем личном отношении к тем или иным событиям, очевидцем и участником которых я был. Книга эта — опыт мемуарного жанра. В ее основе — почти тринадцать лет моей работы в мюнхенской штаб-квартире американской радиостанции «Свобода» — «Свободная Европа». Последние пять лет существования радиостанции в Мюнхене я занимал должность военного редактора Русской службы РС. В книге рассказывается о воссозданном мною на новом уровне военно-политическом обозрении «Сигнал» — радиопрограмме Русской службы, собравшей на своих страницах русских офицеров-патриотов, которым небезразлична была судьба их раздираемой на куски Отчизны, обреченного на нищету и вымирание народа, оплеванной и преданной армии. Разумеется, на контролируемой американскими сионистами, русофобской по своей сути радиостанции, политика и вещание которой, теперь уже из Праги, ориентированы на развал и окончательное уничтожение России как державы и русских как нации, такая программа долго просуществовать не могла. Со дня моего ухода со «Свободы» прошло уже более семи лет — достаточный срок, чтобы осмыслить пройденный этап жизни и предложить его на суд российского читателя.

Глава I

В ЭТОЙ ГЛАВЕ НЕМНОГО О СЕБЕ И ЧУТЬ МЕНЬШЕ О РАДИО «СВОБОДА»

... есть поэты в изгнание,
нет в изгнание солдат...

ВСТУПЛЕНИЕ

Аллах свидетель, я долго бы еще не вспоминал о той организации, в которой довелось проработать более десятка лет, ни устно, ни письменно. Да и мемуары мне, казалось бы, писать пока что еще рановато; вот разменял бы полста — тогда другое дело. Но мои московские друзья Игорь Морозов, Виктор Верстаков и Валерий Борисенко рассудили по-иному. «Пиши, Валера, потом может быть поздно, да и не интересно уже никому», — практически в один голос заявили они. В принципе так и есть, ибо кто знает, может, скоро «Свободы» этой мы больше уже никогда и не услышим, хотя, если честно, перефразируя известную эковскую забожку, в нынешнем виде «век бы ее не слышать». Так что вместе с предложением стать собственным корреспондентом «Литературной России» в Германии я принял и предложение поработать над созданием своих скороспелых мемуаров. Однако, находясь в редакции газеты весной сего года, обговорил я все же одну существенную для меня деталь: рассказ мой большей частью будет не о «Свободе» как таковой, а о моем Военно-политическом обозрении «Сигнал» и авторах, которые помогали мне его создавать. Ибо, на мой взгляд, в большинстве своем мелкие людишки, населявшие коридоры и кабинеты радиостанции, и их столь же мелкие дразги не стоят того, чтобы марать о них руки и тем более перо. Мне гораздо приятнее будет рассказать о моих российских авторах, ибо каждый из них — это личность с большой буквы, достойная того, чтобы вспомнить о ней самому и поведать другим. В замысле этой работы я постараюсь, если, конечно, смогу, каждому из авторов программы «Сигнал» уделить место и время в

моих воспоминаниях, попутно рассказывая и о том, что происходило в те времена на «коммунальной кухне» радиостанции. О «свободовских» делах постараюсь рассказать все же с юмором, ибо, говорят, ничто так убийственно не действует на «князя мира сего» и его слуг-приспешников, как здоровый смех здорового человека. Начать же позвольте с краткого изложения моей собственно «досвободовской» биографии бывшего гражданина СССР, прожившего в этой, уже не существующей сегодня, стране чуть более двадцати лет.

О СЕБЕ

Как правило, очень сложно писать автобиографию. Слова лезут на бумагу все какие-то корявые, казенные, словно из милицейского протокола. Но таково уж требование жанра, а посему рассказать о себе придется. Родился я в 1961 году в День Победы в небольшом белорусском городе Речица в простой семье служащих. Покойная мать более тридцати лет занимала должность старшего экономиста местного деревообрабатывающего предприятия. Бабка происходила из зажиточных крестьян, семью которой революция, комиссары да интервенция лишили всего нажитого. Дед со стороны матери был из обрусевших татар, учился за границей, а потом работал инженером-наладчиком на спичечной фабрике, был членом партии. В бытность товарища Бермана начальником ОГПУ Белоруссии, в одну из темных ночей 34-го, его попросили «на выход». Больше бабка и мать его никогда не видели. Хотя в 37-м, когда и самого Бермана отправили к «макару», ей сообщили, что «ошибочка вышла». Рос я без отца, мотавшего к тому времени свой четвертый лагерный срок, с которым, кстати, довелось-то по-настоящему увидеться первый раз только в 1970 году. Поэтому-то и фамилию ношу материнскую — Коновалов, а не отцовскую — Кожедуб. Батя мой, Николай Васильевич, тоже, понятно, не с пеленок в эки подался. Как поется в одной песне: «Не мы такими были, была такая жизнь...» А жизнь была такова, что его отец, мой дед Василий Иванович Кожедуб, погиб в 42-м, защищая Москву; мать отца, моя бабка, осталась одна с целым выводком детишек на руках (Николай был среди них старшим), а тут и освобождение Белоруссии от немецко-фашистского ига подоспело. В об-

щем, сошлась она с одним старшим офицером из военной контрразведки СМЕРШ, да, к сожалению, долго не прожила (сказались тяготы войны и оккупации), отдала богу душу. Меньших братьев и сестер моего бати забрала к себе тетка Евдокия, а офицер тот, прежде чем армейская фронтовая судьба повела его дальше на Запад, успел сделать-таки доброе дело, определив моего папаню на годичные курсы СМЕРШа, открытые к тому времени в освобожденном Бобруйске. Год проходил батя в курсантских погонах, и ехать бы ему в Ленинград, в открывшееся там военное училище, чтобы учиться дальше, да вот бес попутал на уголовщине. Говорит, мол, братья и сестры меньшие плакали, кушать хотели. Одним словом, по указу «семь-восемь» вместо Ленинграда и училища военных контрразведчиков пошел мой папаня этапом в места куда более отдаленные. Однако с этапа он сорвался в бега и снова был пойман только в 46-м в Ашхабаде. В этот раз попутал не бес, а природная стихия. «Если бы не пошел помогать разбирать завалы после землетрясения, черта лысого менты б меня снова взяли», — с горечью вспоминал папа Коля за стаканом водки. Из Ашхабада отца этапировали на Колыму, и на «материк» он вернулся уже по известной ворошиловской амнистии осенью 53-го, но ненадолго. Потом были зоны в Горьком, в Караганде, и где только не были... Одним словом, из более чем трех десятков лет, навешанных ему за подвиги народными судами, отсидел мой батя двадцать один с половиной год, был признан особо опасным рецидивистом и успокоился только с середины 70-х, уже обзаведясь второй семьей. Завязал. Получилось так, что 75-м отцовская воровская стезя засветила и мне — еще в ранней юности. Правда, волею случая дальше малолетки в Могилеве я все же не пошел. Хотя после оной еще два раза побыл под следствием. Не буду здесь плохим словом поминать свою зону. Это тоже была школа жизни (малолетка — школяпятилетка), научившая меня понимать и принимать реальность и строя и страны, в которой я тогда жил, а главное, научившая самостоятельно думать, принимать решения да и выживать в экстремальных ситуациях. В конце 77-го я откинулся с хозяйской дачи, закончил среднюю школу, и тут встал вопрос дальнейшего определения в жизни. Имея природный дар и способности к изобразительному искусству, я попробовал поступить в Минское художественное училище, но это оказалось не так-то просто. Од-

них талантов, оказывается было, мало, а ни «мохнатой лапы», ни фамилии Рабинович, ни тем более бешеных денег на взятки я не имел. Но мне повезло гораздо больше, чем Адольфу Алоизевичу Шикльгрубелю, который, если помните, тоже не смог поступить в Венскую академию искусств по схожим причинам, а посему перебрался в Мюнхен, ударился в политику и впоследствии стал печально известен под фамилией Гитлер. В политику я ударюсь еще, когда и сам переберусь жить в Мюнхен, а тогда, в 1979-м, в частном порядке я начал учиться живописи и иконописи у моего ныне покойного друга и земляка Александра Исачева. Саша был художник от бога, избравший темой своего искусства христианство, расписавший в Белоруссии несколько православных храмов и вернувший меня самого к истокам российской духовности.

Вот с этого все и началось, да так, что переломило под корень мою дальнейшую жизнь. Я попал в поле зрения органов государственной безопасности. Сначала в родной Белоруссии, а потом уже и в Ленинграде. Не знаю уж, чем руководствовалось 5-й отдел Управления КГБ по Ленинграду и области (наверное, талмудом и каббалой), но так называемым диссидентом я стал по милости именно этого управления КГБ. О других подразделениях Комитета госбезопасности ничего плохого сказать не могу, они выполняли полезную для государства работу. Одним словом, квартирные выставки моих полотен и графики на религиозную тематику и мое достаточно робкое участие вместе с Галиной Григорьевой, Татьяной Горичевой и Игорем Дорошенко в литературном самиздате в Ленинграде, вкуче с интересом к религиозному семинару Пореша-Горичевой, привели к тому, что в один прекрасный день я обнаружил в своем лице очередного «матерого врага Советской власти». Подозреваю, что некоторые сотрудники 5-го отдела в Ленинградском управлении КГБ уже заранее сверлили дырки в погонах. Врага ведь надо разоблачить, а за это, как известно, и дают звездочки. И враг-то этот какой-то странный... Больной, наверное? Вместо того чтобы, как все «здоровые» диссиденты, требовать выезда на «землю обетованную» к желанной свободе и демократии, этот талдычит что-то про «русское да православное». Закончилось все это тем, что по приезду из Ленинграда к себе в Речицу в начале 81-го я был взят, как говорится, под «белы ручки» и помещен в местную психбольницу, куда также на всякий пожарный случай доставили и Сашу

Исачева. Основание для помещения в «психушку» (его я прочитал в наших личных делах, проникнув ночью в кабинет главврача), заставило меня усомниться в психическом здоровье сотрудников 5-го отдела Гомельского областного управления КГБ. Нам с Исачевым инкриминировали ни много ни мало как замысел и подготовка терактов против делегатов XXI съезда КПСС. Из «психушки» нас выпустили только в марте 81-го года, а тут как раз подоспел и весенний армейский призыв. Не то чтобы я не хотел идти в армию. Нет! Была, правда, одна проблема — мое заикание. Но не настолько оно было проблемой, чтобы я не смог четко повторить слова воинской присяги. Я хоть и заика, особенно когда злой и нервный, но, слава богу, хоть не картавый. На память и дикцию никогда не жаловался. Все медкомиссии проходил я исправно и регулярно и даже помог майору (начальнику 2-го отделения горвоенкомата) оформить наглядную агитацию. Тем более что и сосед мой по подъезду, Серега Степанов, отслуживший срочную в разведбате на территории Венгрии, в Южной группе войск, а потом закончивший школу прапорщиков (до недавнего времени он служил в дивизии Российских РВСН), вопрос этот понимал просто: не служил — не мужик. Кстати, именно он первым и привил мне то отношение к армии, которое проявилось позднее в моих передачах на «Свободе». Самого же Серегу от армейской службы должны были комиссовать по-любому — один глаз у него почти не видит. Однако он обманул медкомиссию, а по стрельбе не знал себе равных в городе, часами не вылезая из тира (вот только щурил не тот глаз). Степанов часто приходил ко мне, приходили и его друзья-сослуживцы. За бутылкой да закуской разговоры велись разные. Мужики знали о пристальном внимании ко мне со стороны комитетчиков и понимали, чем это может грозить им по служебной линии, но, слава богу, как-то все обошлось. Особенно я запомнил одного из Серегиных сослуживцев, капитана, не раз упоминавшего в разговорах Афганистан. Серега, когда напивался, на чем свет стоит клял власть, которая посылает умирать простых необстрелянных пацанов, а не его, профессионала. Сам он написал два рапорта с просьбой отправить его «за речку», но начальство оставило их без внимания. С его слов я понял тогда еще одно: дети «власть имущих» в Афгане не воюют. Дескать, дураков нет. Как раз еще ранней осенью 80-го пришел в соседний с нами двор «цинкач».

Парня я знал по школе. Нам всем, кто был на его похоронах, сказали, что это, мол, несчастный случай на учениях. От Сереги я узнал, что гроб из Афгана. В военкомат по повестке я, конечно, пошел. Хотя, наверное, не надо было мне тогда спрашивать: «В каком Афганистане служит сын первого секретаря горкома партии?» Глядишь, и судьба моя могла сложиться бы по-иному. Но сделанного не воротишь, и прямо из горвоенкомата поехал я по «знакомому адресу» — в психбольницу, где доктор терпеливо и очень доходчиво втолковывал и вкатывал мне через шприц эту самую разницу между мною и сыном первого секретаря горкома партии.

Летом 81-го я окончательно перебрался из Белоруссии в Ленинград, а точнее в Выборг, где и решил на отчаянный по тем временам шаг — отказ от советского гражданства по политическим причинам. С предупреждением по «190-й прим.» терять мне было уже нечего. Следующее предупреждение могло быть только по «70-й». Письмо в Верховный Совет с приложенным к нему паспортом, кстати, юридически очень грамотное, составленное на основе духа и буквы Закона о гражданстве СССР, я отправил заказной почтой в начале 82-го и стал ждать результатов. В принципе, как выяснилось, в СССР можно было прекрасно жить и без советского паспорта. Главное, нужно было иметь прописку, работу и не попадаться на глаза милиции. В Выборге я работал грузчиком в продовольственном магазине, и из-за близости к спиртоводочным изделиям меня знали в лицо все местные менты — мои клиенты до открытия и после закрытия магазина. В Ленинграде я соблюдал осторожность и старался не попадаться им на глаза. Комитетчики и так прекрасно знали, где находится мой паспорт. Результаты моего «диссидентского демарша» не заставили себя долго ждать. В конце 82-го умер Брежнев, и у кормила власти оказался сам шеф КГБ Юрий Андропов. В органах МВД и КГБ грянули чистки и перестановки. Куда-то пропала и моя выборгская милицейская спиртоводочная клиентура. Водку теперь продавали от восхода до заката, так что необходимость в моих услугах с черного хода отпала. К слову сказать, я лишился и приличного по тем временам левого заработка. Не мог же я жить на одну зарплату грузчика в семьдесят целковых! В общем, в декабре 82-го меня вызвали повесткой в Ленинградский ОВИР. Попутно выяснив у знакомых, где находится сие примечательное учрежде-

ние, ранним утром я отправился электричкой на Финляндский вокзал, а оттуда, слегка опохмелившись для храбрости, на улицу имени террориста-народовольца Желябова. Ждать в ОВИРе пришлось несколько часов. Сидел я в окружении «избранного народа», отъезжавшего или ожидавшего разрешения на отъезд в Израиль. Народ этот, глядя на меня, недоумевал: что этому-то тут надо? Наконец объявили и мою фамилию. Мне сообщили, что ввиду того, что мне пришел вызов от непонятно, правда, чьих родственников, принято решение разрешить мне убраться подобру-поздорову за пределы СССР. В ответ я набрался наглости и заявил, что в своем письме на имя покойного Леонида Ильича просил только о лишении меня гражданства СССР в знак протеста против политики КПСС, а не о выдворении из страны. На что получил спокойный ответ: дескать, Леонид Ильич умереть-то умер, но дело его живет и психушки, а также, исправительно-трудовые учреждения новая власть в лице Андропова, по всей видимости, пока что отменять не собирается. Намек этот я понял быстро, спорить перестал и потащился с зажатой в руке непонятной овировской «ксивой» заказывать себе билет на самолет в Вену. На следующий день надо было ехать в Москву за визой. В австрийском посольстве мне шлепнули эту самую визу, а в голландском, представлявшем интересы государства Израиль, одарили еще и пятью сотнями деревянных, пообещав, правда, взыскать с меня сей «безвозмездный долг» уже по приезде на Запад. Окончательно оформив визу, я от расстройства забурился в какой-то очень дорогой по тем временам ресторан («Интурист», наверное,— хоть убей, не помню) и спустил дар «голландско-еврейских благодетелей» за один вечер, попутно напоив какую-то братву и околавившихся там «топтунов» из «наружки». Нет денег — нет и долгов. На последний кровный червонец взял билет на ночную «Стрелу» да пол-литра в дорогу.

Однако билет на самолет все же нужно было выкупать. Признаюсь, выручил меня покойный митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников), к которому я и пошел на прием в Александро-Невскую лавру. Секретарь митрополита хорошо знал меня и поэтому пропустил беспрепятственно. Преподнеся в дар владыке собственноручно писанную икону, изображавшую апостола Петра, я поведал о своей проблеме, не утаив ничего из московской истории с 500 рублями. Владыка Антоний,

внимательно выслушав меня, спросил вначале о здоровье Саши Исачева, (их связывала дружба еще в бытность Антония митрополитом Минским и Белорусским) и лишь потом перешел к рассмотрению моей весьма странной просьбы:

— Уезжаете, значит... Вот, говорят, и евреи тоже едут?..

— Ну это уж их дело, отче, я ведь не по своей воле, да и не еврей я...

— Знаю, Валерий, знаю... Сколько вам нужно?

— Ну хотя бы те же пятьсот на билет... или сколько дадите.

Понимаю, конечно, всю неуместность такого диалога в храме Божьем, в лавре; но кто не без греха... Вот только камни, пожалуйста, кидать не надо!

Между тем, продолжая расспрашивать меня о житействе, Антоний достал из стоявшей на столе красивой шкатулки несколько купюр и передал их мне. Я машинально не глядя побыстрее запихнул деньги в карман.

— Здесь тысяча рублей. Хватит? — спросил митрополит Антоний

Пробормотав смущенно слова благодарности и приложившись к руке владыки, я поспешно вышел из кабинета. Деньги жгли карман. У врат лавры меня уже ждал мой Выборгский дружок и тезка Валера Марышев. Когда-то он был первым секретарем горкома комсомола, потом отсидел по сфабрикованному обвинению в спекуляции валютой и экслибрисами (у него до сих пор сохранилась хорошо подобранная и дорогая коллекция книжных знаков). Теперь Валера частный предприниматель, однако без «бешеных бабок». Как он сам говорил при нашей с ним встрече через более чем десять лет: «В «новые русские» я своей русской мордой как раз и не вышел».

Окинув меня с ног до головы долгим взглядом, Марышев спросил, в чем дело, и как-то сразу развеял возникшее было сомнение относительно взятых у митрополита денег.

— Ну и что тут такого,— сказал он,— радуйся, уедешь на православные деньги.

— Хоть на мусульманские, лишь бы не на израильские подачки! Но все равно некрасиво как-то вышло

В общем, пошли мы с ним выкупать авиабилет и меня рубли на валюту. Так у меня оказалась валютная декларация и сто с лишним баксов. Валера Марышев тут

же предложил зайти в «Березку» на Невском и взять пару бутылок джина и виски.

— А баксы в дорогу? — спросил я с сомнением в голосе.

— Достану,— заверил Марышев.

— Как же, ты достанешь,— уныло протянул я, но потратиться на выпивку согласился.

Заграничное спиртное мы приговорили в кинотеатре «Нева», где наш общий приятель Вадим Алексеев работал в ту пору киномехаником. Был канун Нового, 1983 года, и до моего отъезда на Запад оставалось чуть более трех недель. Я успел еще смотаться на несколько дней к себе домой, попрощаться с матерью и отцом, а потом в Ленинград с картинами приехал и Саша Исачёв, который, конечно же, негативно отнесся к моему визиту в резиденцию митрополита Антония.

— Попросил бы денег у меня,— сказал Саша.

— Ага, как же! — огрызнулся я в ответ.— У тебя что — станок на чердаке?

Прекрасно зная его собственные, далеко не блестящие финансовые возможности, я предложил Исачеву добавить мои картины к его работам на квартирной выставке, открывавшейся на Гражданском проспекте. Чуть помедлив с ответом, Саша все же дал «добро». К сожалению, эта наша совместная выставка продлилась всего три дня. На четвертый ее закрыли «искусствоведы в штатском» — под предлогом того, что все самодеятельные, как они выразились, художники теперь выставляются в Салоне. Им прекрасно было известно, что нашу религиозную тематику в Салон этот никто не пустит. Выставку пришлось закрыть, но к тому времени большая часть работ Исачева уже была продана, а мои картины подмел на корню какой-то никому не известный хмырь-коллекционер. Марышев шутил потом, что коллекционер этот, похоже, также был из Большого дома. Работ, правда, было немного — всего семь, но это было последнее, что я написал на российской земле.

Организацию моей «отвальной» Валера Марышев взял на себя. Грандиозная «последняя пьянка в России» состоялась на Пряжке, на квартире зэка со стажем Женьки Николаева. Как 23 января 1983 года я оказался в Пулковском международном аэропорту, простите, не помню. Марышева со мной в самолет, понятно, не пропустили мои провожатые с Литейного, 4, хотя он и ухитрился про-

скочить следом за мной через таможенную зону. Однако в моем состоянии тяжелого алкогольного отравления был и свой плюс — отсутствие долгого и унижительного шмона. Международный рейс Ленинград — Цюрих и так уже прилично задерживался. Пришел я в себя только в Венском аэропорту. Голова раскалывалась от невыносимой боли, во рту сушняк, а самое паскудное было в том, что я прекрасно знал: денег у меня нет и опохмелиться, следовательно, будет нечем. Но благодарение Богу! Сунув руку за «Беломором» в порванный левый карман куртки, через подкладку нащупал я несколько смятых бумажек. Это были стодолларовые купюры. Мысленно вспомнив добрым словом Валеру Марышева, я обменял часть баксов на шиллинги, основательно опохмелился и уже в более благодушном расположении духа поехал в сторону австрийской столицы к новой и, как мне тогда казалось, радужной западной жизни. А еще через неделю, благополучно приехав на поезде в пограничный Зальцбург и миновав все полицейско-пограничные кордоны, я оказался на территории Федеральной земли Бавария, в городе Мюнхене. Потом и американцы и немцы спрашивали меня: «Кто вам помог перейти через границу?» Завели даже уголовное дело, потом, правда, закрыли. Если бы они знали, как выглядит госграница СССР с Финляндией на Карельском перешейке, наверное, не задавали бы столь глупых вопросов.

О «СВОБОДЕ»

Почему местом жительства я выбрал Германию? Признаюсь, первоначально я подумывал о том, чтобы перебраться жить в Штаты, однако общение с американцами из контрразведки ВВС на их военной базе в мюнхенском районе Гизинг как-то поостудило эти мои намерения. Но обо всем по порядку. Еще в Вене тамошний представитель Народно-трудового союза (НТС), некий господин Руткевич, намекнул мне, что если пройти в Германии через американцев, то право на убежище и вид на жительство можно получить без особых проблем. От него же я получил и сведения, как и где найти этих американцев, а также информацию о том, что в Мюнхене расположена и штаб-квартира радио «Свобода». (По наивности своей, еще живя в СССР, я думал, правда, что данная организа-

ция вещает на нас из Америки.) Поэтому-то, оказавшись на мюнхенском вокзале, я, недолго думая, плюхнулся в тачку и молча сунул под нос таксисту бумажку с адресом по-немецки. То ли этот венский энтээсовец что-то напутал в своей бумажке, то ли таксист не так разобрал его каракули, но подвез он меня прямо к парадному входу командования базой, охраняемому двумя здоровенными неграми в форме военной полиции США. Проскочив мимо них в холл, я начал что-то быстро бормотать на ломаном по тем временам английском, из чего они и присутствовавший там офицер управления командира базы поняли только одно слово «убежище». Потом в зарешеченной сзади машине военной полиции меня доставили по искомому адресу. На американской военной базе прожил я с 1-го февраля по конец апреля 83-го года. Американцы поняли, что секретносителем я не являюсь, и интерес у них ко мне быстро поостыл. Хотя одному моему мюнхенскому знакомому, Роме Шаламберидзе, повезло задержаться «в гостях» и подольше. В Германию он перебрался из Хельсинки, где жил в браке с финской гражданкой, которую же и ограбил. Битых шесть месяцев он рассказывал сказки американским воякам о своей якобы службе при военном атташе посольства СССР и о спрятанном в лесу под Хельсинки сейфе с секретными документами. А те слушали и все носили ему карты местности, чуть ли не «миллиметровки», пока до них наконец не дошло, что тот попросту вешает им лапшу на уши. Спыхватились, да поздно — с их же помощью вид на жительство в Германии у находчивого грузина уже был оформлен. Американцы сдали меня на оформление бумаг немецким властям, а заодно один из этих американских контрразведчиков, полурусский по происхождению, отвез меня на радио «Свобода».

Вначале поразило меня само здание. Длинное, приземистое, с высоким забором, кое-где украшенным «путанкой» из колючки. Оно сразу напомнило мне что-то «родное» — то ли «крытку», то ли «психушку», уже точно не помню. Внутри оказалось получше и не так сурово, хотя все равно что-то давило на психику... Позже я узнал, что до переезда в него «Свободы» в комплексе располагался американский военный госпиталь.

На «Свободе» я, как это было заведено, хоть и с огрехами пополам, но сразу же дал свое первое сумбурное интервью в культурную программу одного из старейших

сотрудников радиостанции, покойного ныне Саши Перуанского, и начал потихоньку присматриваться к обстановке на радио, ибо быстро понял, что это сулит работу, без которой на Западе ты никто и ничто. Вначале меня взяли свободным сотрудником за двести с лишним марок в так называемый «Красный архив» (часть Исследовательского института «Свободы») на обработку советских газет, а с сентября 83-го, еще до получения мною вида на постоянное жительство в Германии, я был фактически принят в штат радиостанции «Свобода — Свободная Европа». Моим поручителем был главный редактор Русской службы радио «Свобода» Олег Туманов. Да! Тот самый Туманов, который потом вернулся в СССР и выступил с рядом разоблачительных материалов о деятельности радиостанции. Я не осуждаю его за это, тем более что мы были друзьями. Я часто пропадал у него дома, пользовался его огромной и по-своему уникальной библиотекой научной фантастики, ставшей после его ухода моей. А сколько было выпито вместе! И вспоминать не хочу... Меня пытались расспрашивать о Туманове после его ухода в апреле 84-го и американские, и немецкие контрразведчики. Я отказывался беседовать с ними, ибо это мое право, а в случае принуждения намекал на вмешательство адвоката. Работал ли Олег Туманов на КГБ или нет — это его личное дело. Я знаю только, что кадровым сотрудником комитета он не был, как знал и то, что он вернется на Родину, еще до его ухода. Это было видно по его настроению и по разговорам. Олег был моим другом, и я считал и считаю бесчестным примыкать к той кампании охаивания, которая началась после его ухода в СССР и разоблачительных выступлений. Более того, Туманов очень многое из того, что знал о радио, не сказал. Хотя наговорил, простите, того, что говорить бы не следовало — явно не без диктовки бывшего руководителя 5-го Главного управления КГБ генерала армии Филиппа Бобкова. Вопреки утверждениям Туманова ЦРУ не имело прямого отношения к «Свободе» уже с 76-го года, и Туманов, занимая начальственный пост, не мог не знать, что в случае войны между НАТО и Варшавским Договором на Европейском ТВД радио «Свобода» и его сотрудники (и то не все) переходили под контроль 4-й группы армии США (Форт-Брэгг), но уж никак не ЦРУ. Зачем же грешить против истины? Кстати, прямой начальник Туманова в то время, Константин Гальской, был офицером именно этого спец-

подразделения армии США по пропаганде. Другое, что Туманов тоже сделал необдуманно,— это объявление агентом ЦРУ Николая Петрова — ассистента директора радио «Свобода» Николая Васлева (Васлев в прошлом служил в военно-морской разведке США). Надо сказать, по тем временам на «Свободе» сложилась уникальная ситуация, когда руководящие должности заняли американцы русского происхождения, что сказалось и на тематике передач, переставших носить не то что антисоветский, уж бог с ним, а русофобский характер. После выступления Олега Туманова они все были смещены со своих постов. Коля Петров когда-то действительно был сотрудником ЦРУ (резидентуры в Ливане и в Италии), но именно он старался делать все, чтобы искоренить русофобию на «Свободе». Как урожденному американцу ему, понятно, трудно было выбирать между идеологическими установками Госдепа и Конгресса (последний нас финансировал) и между своим русским происхождением и православной религией, однако выбор он сделал в пользу последних и, к сожалению, проиграл. В остальном же Туманов не погрешил против истины, описывая обстановку на радио «Свобода». Потом я видел Олега в 93-м возле пресс-центра МИДа, он меня не узнал, хотя взгляды наши несколько раз скрещивались. Подходить к нему я не стал, помня рекомендацию начальника пресс-бюро Службы внешней разведки России Юрия Кобаладзе, что в моей работе журналиста «Свободы», вхожего в силовые структуры России, это может быть лишним и вызвать определенный негатив как в России, так и в Германии. Потом я понял, что Кобаладзе имел в виду, когда по-немецки вышла книга Туманова о «Свободе», где он привел протоколы допроса в КГБ нашего с ним коллеги Джованни Бенци, еще в бытность того студентом в Москве. По всем уставам и положениям контрразведывательной деятельности к этим далеко не архивным документам у Туманова не должно было быть никакого доступа. Джованни потом говорил мне, что данная публикация явилась для него шоком. Эти же слова он сказал и генералу МБ РФ Александру Гурову, с которым я его познакомил в 92-м. Выводы делайте сами. Но закончу здесь о Туманове и вернусь в «свободовские» коридоры.

Кое-кто из моих бывших коллег, читая эти строки, наверняка с нетерпением ждет, когда же я наконец перейду к главному, к своего рода, так сказать, «изюминке», а

именно к евреям на радио «Свобода». Ведь не все же знают, что в Русской службе «Свободы» наряду с покойным главным редактором Женей Кушевым, нашим специалистом по перебежчикам из КГБ Алексеем Лёвиным и русским по происхождению, но не по рождению (Китай) и тем более не по духу (американца переамериканит) Виктором Федосеевым я находился в числе так называемого нацменьшинства. Хотя все же проблема радио «Свобода» заключалась не только в еврейском засилье. Да и откуда американцам было получать приток свежих кадров, как не из состава так называемой третьей и четвертой волн эмиграции? Просто были люди — и была мразь, как она бывает везде, зависимо или независимо от национальной принадлежности. И если тот же Юрий Львович Гендлер был подонком, то не только по вине своего папы-еврея. На «Свободе» были и другие евреи, без русофобских заскоков, правда, всего несколько человек. Равно как русофобов этих хватало и среди неевреев. У меня язык не повернется сказать что-либо плохое о тех людях, кто ко мне отнесся по-доброму, кто бы они ни были по национальной принадлежности. Пусть их было немного, но все-таки они были. Это Юлия Вишневская и Ирина Каневская — супруга автора известной книги о Рудольфе Абеле «Охотник вверх ногами» Кирилла Хенкина. Вишневская вообще, на мой взгляд, была одним из лучших аналитиков-специалистов по проблемам Союза в Исследовательском отделе радиостанции. Это и мой бывший начальник и коллега по «Красному архиву» Хервиг Краус, удивительный по-своему немец, прекрасно говорящий по-русски и собравший уникальнейший архив по биографическим данным партийно-правительственной номенклатуры за все годы советской власти, почти безвозвратно утерянный при переезде радио в Прагу. Мы остались друзьями и по сей день. Это и Владимир Матусевич — директор Русской службы, при котором получила «путевку в жизнь» моя программа «Сигнал». Получила именно в том виде, какой ее знали и, надеюсь, еще помнят мои российские радиослушатели. Матусевич (по специальности он кинокритик, специалист по творчеству Ингмара Бергмана) оказался большим умницей, быстро понявшим, что в прежнем своем виде радио «Свобода» проиграет в вещании на Россию. Он старался изменить лицо программ. В моем случае ему было плевать, заикаюсь я или нет. Главным критерием для него было то, что я умел работать

и умел делать то, что называется интересной радиопередачей. В бытность Матусевича директором Русской службы я сделал ряд передач, в которых шли беседы с генералом Филатовым, Александром Прохановым, интервью с Каремом Рашем и генералом Макашовым. Эти передачи уходили в эфир, невзирая на коридорные перешептывания, а то и прямые доносы американскому начальству, что Коновалов на деньги Конгресса США пропагандирует русский фашизм. При умном директоре Матусевиче эти передачи шли в эфир без проблем, потому что были интересны и вызвали положительный резонанс у аудитории, делая радио «Свобода» конкурентоспособным на рынке российских СМИ. После, конечно же, отнюдь не добровольного ухода Матусевича с поста директора Русской службы моя программа «Сигнал» существовала в условиях почти непрекращающейся травли со стороны его недалекого умом преемника Юрия Гендлера. Впрочем, развернутая им кампания травли моей программы затронула и моего покойного друга, одного из заместителей директора Русской службы Евгения Кушева, которого Гендлер косвенно обвинил в потворствовании моим националистическим «выходкам в эфире». Сам Гендлер, как и его «подельник» Савик Шустер, ставший при нем начальником Московского бюро РС, в отличие от не обделенного даром божьим Кушева, ничего примечательного, кроме чересчур завышенных амбиций, собой не представляли и не представляют. Выкрест Гендлер с его пустопорожней болтовней, к месту и не к месту любивший подчеркивать, что он де «гусский и пгавославный», тут же «ничтоже сумняшеся» мог заявить и такое: «Стагик, гусский народ — дугак и раб! Его нужно учить». Порой он неожиданно менял вдруг гнев на милость и, приглашая меня в кабинет на очередное собеседование по поводу содержания программы «Сигнал», не забывал налить рюмку-другую виски да рассказать очередную «хохмочку». К Гендлеру и к тому, как мне удалось на время отвадить его от моей «военно-националистической программы», я еще вернусь не раз, а пока кратко обрисую еще нескольких из числа сотрудников мюнхенской «Свободы», с кем доводилось иметь дело по работе. Над звуковым оформлением программы мне часто помогали работать Наташа Урбанская и Борис Бурштейн (Архипов). Еще я сошелся с Васей Фрейдкиным (Крупским), который работал в Белорусской редакции, где на какое-то время с его подачи подвизался и я, пока

не был принят в штат Исследовательского отдела РС/РСЕ. Родился Вася в белорусской деревне Миоры в Гродненской области. Потом закончил факультет журналистики БГУ. Одно время работал в окружной газете ПриБВО. Вася неплохо разбирался в западных, да и в отечественных образцах вооружений и боевой техники, так что со временем кое-что давал и для моей программы, хотя его дурная привычка с апломбом доказывать превосходство всего американского и израильского раздражала, а потом окончательно достала. Уже почти к закрытию радио из Белорусской редакции Вася перешел в Русскую службу РС. Сейчас он, насколько я знаю, работает в качестве спеца по России для разведслужб НАТО. Приезжал даже с их делегацией в Москву. Все-таки куда ни кинь, а в кармане у него паспорт США, предписывающий соблюдать интересы этого государства. Как-то сей американо-израильский подданный позвонил и похвастался мне, что помогал «натовцам» разбираться с картами минных полей в Чечне. Слушал я этот бред «оф сивый кэбыл» и думал: «Надо же! Новая саперная тактика НАТО — на минном поле всем в пример еврей заменит БМП...» Близко сошелся я, несмотря на разницу в возрасте, и с Алексеем Лёвиным, радиосвободовским специалистом по КГБ. Здесь сказывался и мой собственный интерес к этой теме плюс к тому наш общий интерес к компьютерам и баварскому пиву. Нам с Алексеем всегда было о чем поговорить. Сейчас он на пенсии в Нью-Йорке. Но все же самым близким моим другом на радио «Свобода» был покойный Женя Кушев, о котором я постараюсь рассказать более подробно в последующих главах.

Но обо всем по порядку, а посему позвольте мне вернуться во времени чуть назад, к началу моей «свободовской» карьеры в «Красном архиве» Исследовательского отдела РС/РСЕ.

Глава 2

«СВОБОДА» — «КРАСНЫЙ АРХИВ», А ТАКЖЕ О РУССКИХ И РУСОФОБИИ

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Зайдя как-то вечером за сигаретами в один из близлежащих к дому кабаков, я повстречал там двух своих бывших коллег: Джона Севи и Виктора Витмайера. С последним мы проработали в «Красном архиве» РС не один год, пока я не ушел редактором в Русскую службу, а Джон, представляя американскую администрацию и будучи юристом по образованию, работал в отделе кадров. Впрочем, конец карьеры у всех нас был одинаков независимо от положения и занимаемой должности. Разговор зашел, конечно, и о радиостанции, и о многих, мягко говоря, странных вещах, происходивших и в мюнхенской штаб-квартире, и в московском бюро «Свободы» во времена ее руководства Кевином Клозом. Но было это все под самый конец существования РС/РСЕ на территории Германии, а поэтому разговор о тех днях у нас еще впереди. Просто, говоря с Джоном Севи о делах радиостанции, я обратил внимание не на сугубо, скажем, человеческий фактор, присущий «Свободе» как организации. Еще мой коллега Алексей Лёвин обронил как то в разговоре, что в основном в руководящую верхушку нашей (по его образному выражению) «электростанции» из Америки попросту присылают неудачников, которым в Штатах уже и ловить-то нечего. Клоз, например, был уволен с должности редактора воскресного приложения к «Вашингтон пост» даже без права на пенсионное обеспечение (говорят, сильно поскандалил и, уходя, хлопнул дверью). А каков новый начальник, такова и его административно-кадровая политика. При вышеупомянутом Клозе и Гендлере ее иначе как развалом радиостанции назвать было нельзя. А предшественник Клоза, Юджин Пелл (по «табели о рангах» американский чиновник среднего руко-

водящего звена), вообще положил себе годовую зарплату чуть ли не вдвое превышавшую чистый годовой доход президента США. Но нет, свое внимание в разговоре со Джоном, я обратил на другой аспект, сугубо личностный: что радио «Свобода» как административно-организационная структура США могла дать такому человеку, как я? Человеку, только-только оказавшемуся в Германии и попавшему на эту самую «Свободу». Ведь у меня, по сути дела, даже документов никаких не было. А на вопрос «какое у вас образование?» я попросту устал уже отвечать: «Три класса плюс коридор при тюрьме». Так вот, человеку, желавшему чему-либо научиться, хорошо организованная в этом смысле структура РС/РСЕ могла в полной мере дать возможность получить образование. Черт с ним, пусть не совсем систематизированное, но по качеству отнюдь ему не уступающее. Было бы только желание учиться... А уж английский язык, живя не в англоязычной стране, выучить можно было только на радиостанции. Да и компьютерное мое образование тоже началось со «Свободы». Одним словом, «Красный архив» Исследовательского института РС, а позднее и Русская служба явились для меня тем, чем для других являются, например, МГУ, Высшая школа КГБ или Военная академия ГШ. Именно за это я и благодарен «Свободе».

Заранее прошу извинить, если, говоря о своем прошлом, нет-нет да и буду забегать вперед, в настоящее. Я смотрю на прошлое из настоящего, сквозь призму того опыта, который приобрел за почти 20 лет жизни в Германии, и по многим аспектам прошлое и настоящее для меня сплелись воедино. «Красный архив» Исследовательского отдела, а позднее института РС/РСЕ, с которого началась моя «свободовская» карьера, был уникальным образованием, практически не имевшим аналога не то что на какой другой радиостанции но и вообще в каком-либо центре стратегических исследований на Западе. Даже ЦРУ не располагало таким объемом информации по персоналиям ЦК КПСС, да и всей советской номенклатуры, которым мог похвастаться мой коллега и одно время непосредственный начальник Хервиг Краус. Он частенько подтрунивал над ошибками в получаемых нами открытых биографических справочниках ЦРУ. Справочники самого Крауса всегда были предельно выверены, а по вопросам административно-территориального устройства СССР он вообще не знал себе равных. По натуре своей, несмотря

на некоторую присущую всем немцам сухость и чопорность, Краус был в достаточной мере понимающим юмор человеком, неустанно продолжавшим совершенствовать свой русский, а я, в свою очередь, оказался для него просто кладезем по части жаргона и неформальной лексики, к которой он питал особенный интерес. Впрочем, это было неудивительно — к данной лексике питают интерес многие иностранцы, искренне желающие познать таинственную для них «русскую душу».

Сбор информации в «Красном архиве» начался еще тогда, когда радиостанция «Освобождение», переименованная позднее в «Свободу», делала первые робкие шаги в эфире. Ее день рождения, кстати, ознаменовался смертью Иосифа Сталина. В «Красный архив» только на русском языке поступало более ста газет и примерно столько же журналов со всего бывшего СССР. Кроме этого, ежедневные новости телетайпа на английском, западная (в основном англоязычная) газетная и журнальная периодика, радиомониторинг советских передач, включая даже радио «Волга» из ГСВГ, а позднее и телемониторинг двух основных программ ЦТ. Весь этот ежедневный объем информации по различным вопросам политики, экономики, культуры, социологии, права и так далее обрабатывался и складывался в архив. Архивная информация была готова к предоставлению любому, кто ее затребует, и — что немаловажно! — система ее обработки давала возможность очень быстро подготовить к эфиру практически любой материал. Уже позднее, работая в Русской редакции, я создал свой личный архив по военной тематике, основываясь на том же самом принципе, что позволяло мне, например, подготовить пятиминутный актуальный материал менее чем за тридцать минут. Параллельно на радио «Свобода» существовал еще и «Архив самиздата», куда стекалась вся нелегальная литература из бывшего СССР, а также часть эмигрантской прессы и литературы. К сожалению, «Архиву самиздата» к концу жизни радио «Свобода» в Мюнхене повезло еще меньше, чем «Красному архиву». От него мало что осталось, а что осталось, уцелело только благодаря усилиям Гарика Суперфина. Оно и понятно, горе-администраторам типа Кевина Клоза, Юрия Гендлера и Савика Шустера архивы были ни к чему. Впрочем, и саму радиостанцию они рассматривали не иначе как «кормушку» для себя и своих блюдо- и «прочих мест» лизов.

«КРАСНЫЙ АРХИВ»

В «Красный архив» меня поначалу взяли на обработку и регистрацию советской периодики. Дело это я выучил достаточно быстро, но, как выяснилось, «дружно спаянному» и в основном еврейскому коллективу «Красного архива» я, похоже, не подошел своей национальной принадлежностью. Без всякой задней мысли рассказанный мною анекдот об евреях-отъезжантах, в котором даже самый рьяный сионист наверняка не нашел бы ничего антисемитского, послужил причиной неудовольствия и как следствие доноса протиравших архивные стулья «риточек и лиечек» — вчерашних торговков рыбой с рижских и кишиневских рынков. Хорошо еще, что Краус был на моей стороне, хотя как всякий «нормальный» немец он предпочитал соблюдать и известную осторожность в столь щекотливой ситуации, связанной с евреями. Однако, на мое счастье, тогдашнее руководство Исследовательского отдела РС в лице Джона Лодейзина и Кейта Буша не обратило слишком уж большого внимания на донос. Видать, успели привыкнуть к эмигрантской склочности. Позднее Олег Туманов, бывший моим поручителем при поступлении на радиостанцию, до которого тоже дошли слухи из «Красного архива», по-дружески посоветовал мне не забывать, где я нахожусь. Но доносов и жалоб от этого меньше не стало. Помогло, правда, еще одно обстоятельство. Сотрудник украинской редакции Моисей Фишбейн привел в архив профессора из Иерусалимского университета, которого интересовали материалы по холокосту. Я, конечно, оперативно нашел все, что мог найти, в архивных папках по этой теме, а профессор (не без совета со стороны Фишбейна, люто ненавидевшего всех своих соотечественников и знавшего про мою проблему в архивном коллективе) выдал на официальном бланке письменную благодарность, ставшую для меня этаким гибридом индульгенции с охранной грамотой. Что же касается вышестоящего начальства, то британец Кейт Буш сию «писульку» к сведению принял, но по большому счету относился ко мне пренебрежительно-высокомерно до тех пор, пока я в достаточной мере не выучил английский. Буш сам неплохо знал русский язык, но те сотрудники архива, кто пытался говорить с ним по-русски, немедленно проигрывали в его глазах. Можете назвать это «британским империализмом», но моему английскому языку он опре-

деленно пошел на пользу. Как бы там ни было, а решающее слово, быть или не быть мне в штате РС, оставалось за Бушем. В конце концов одержала верх моя работоспособность плюс явный прогресс в английском. Написал я и свой первый аналитический материал для еженедельного бюллетеня Исследовательского отдела РС, что тоже сыграло некоторую роль. К концу 83-го года, после получения вида на жительство в Германии, я был таки принят в штат «Свободы».

Кстати, чуть забежая вперед, отмечу, что тот же Кейт Буш (экономист по образованию) был автором аналитической работы по советско-афганским экономическим отношениям 80-х годов. Над этой работой тогда кое-кто откровенно посмеялся, даже мой приятель Леша Лёвин и тот не обошел ее своими остротами, но время показало, насколько прав был Кейт Буш в своем неутешительном для советской экономики прогнозе.

Обращусь теперь к собственным первым шагам на радиожурналистском поприще. Нельзя, конечно, сказать, что за вычетом одного аналитического материала я вообще ничего не писал в то время. Скорее наоборот. Это были радиоматериалы (у нас для простоты их называли английским словом «скрипт») для Русской и Белорусской редакций РС, имевшие свою сугубо эфирную специфику. Постепенно я начал определять и собственное направление в радиожурналистике. Конечно, оставался вопрос заикания, но и тут выход нашелся — не без помощи Наташи Урбанской, и помощи весьма своеобразной. Наталья Семеновна великолепно владеет литературным русским языком, но, устав от моего заикания, которое, понятно, нужно было удалять с пленки путем его вырезания, она так выматерила меня, что я не выдержал и сам заматерился в ответ, причем, как ни странно, без единой запинки. «Ах, значит, можешь и не заикаться!» — обрадованно воскликнула Наталья Семеновна. Так я начал читать с листа все лучше и лучше, а продукта «шустеризации» — прямого эфира у нас на радио, — слава богу, тогда еще не было. Впрочем, с появлением прямого эфира (в основном из Москвы) в радиосвободовском языке возникли другие специфические дефекты, например, картавость. Но о том, как военный обозреватель Коновалов пообещал директору Гендлеру перестать заикаться и начать картавить как большинство других, я расскажу как-нибудь в другой раз, а пока вернемся в 83-й год.

Уже к концу того года я познакомился и с первым немцем — выходцем из СССР, с которым мы проработали под одной крышей более девяти лет. Виктор Витмайер так потом рассказывал о своем впечатлении от нашей встречи. В один из осенних вечеров я нарисовался в гостях у одного нашего общего знакомого — того самого грузина Ромы, который, как я уже упоминал, «пудрил мозги» американским разведчикам из РУМО. Там уже находилась компания незнакомых мне «качков», а на полу стоял ящик пива. Я, понятно, тоже пришел не с пустыми руками, но решил пока не торопиться с инициативой знакомства. Витя же, в свою очередь, увидел незнакомого молодого человека в костюме и при галстукке, с «дипломатом» в руках. «Инженер какой-нибудь, наверное,— подумал он,— а в кейсе небось бумаги какие...» Тем временем я присел на диванчик и не спеша с достоинством открыл чемоданчик. В нем лежал мой «джентльменский набор»: бутылка водки, две бутылки пива и открывашка. «Свой чувак»,— как потом рассказывал мне Витя, мелькнула у него в голове первая трезвая мысль. Дальше мы выпили, выпив — познакомились, а после, узнав, что он хорошо знает русский, пока без работы, а по специальности — переводчик, я предложил ему прийти на радио и познакомиться с господином Краусом. Через некоторое время Виктор тоже стал работать в «Красном архиве», а у меня появилась возможность общения со сверстником, который провел свою юность в Союзе. Но все же говорить по-русски и быть русским — это далеко не одно и то же, в чем я впоследствии убедился не один раз в моих отношениях с обитателями «Свободы» и «русского» Мюнхена.

О РУССКИХ

Снова чуть забегая вперед, скажу, что вообще проблема внутринационального общения и осознания своего национального «я» встала довольно остро почти сразу, ибо, несмотря на кажущееся обилие говоривших по-русски, настоящих русских-то практически почти что и не было в моем тогдашнем мюнхенском окружении, как почти что нет их и сейчас. Я прежде всего имею в виду национально мыслящих русских. На радио «Свобода» я застал еще русских из первой и второй волн эмиграции. Это покойные ныне издатель журнала «Вече» Олег Кра-

совский, Саша Перуанский, Петр Кружин. Из ныне здравствующих — Виктор Грегори (Шелопутов) и супруги Вербицкие. Из третьей волны, к которой принадлежал и я,— это Леша Лёвин, Олег Туманов и Женя Кушев. Последние двое теперь уже не живут. Все они были постарше меня, хотя в общении с тем же Женей Кушевым это никак не мешало. Что касается ровесников, то в массе своей дети и внуки эмигрантов первых двух волн либо утратили то, что является национальным самосознанием, либо по врожденному или приобретенному слабоумию представляли себя этакими «барчуками», которые, когда рухнет коммунизм, явятся заявлять права на отобранные большевиками имения. На таких, с позволения сказать, «русских» я насмотрелся, в частности, в НТС. Одному из них я бросил со злости, что если ему подобные явятся в Россию качать права, то я, несмотря на всю мою нелюбовь к разного рода «измам», с оружием в руках встану на защиту советской власти. Недаром аббревиатуру этой организации кое-кто метко расшифровал не как Народно-трудовой союз, а как Несем тиранам смену. На встречах «золотой эмигрантской молодежи» мне довелось побывать дважды, сначала в Бельгии, (название города напоминает известное русское слово на три буквы, поэтому для приличия я его опускаю), а потом «по ленинским местам» — в Цюрихе. Больше желания с ними встречаться у меня не возникало, да и они меня тоже впоследствии как-то не приглашали. Хотя с одним из представителей этой «эмигрантской молодежи», Сашей Раром, мы все же продолжали общаться, в основном по работе. Потом как-то встретились летом 93-го уже в Москве. Сначала я свел его с отставным полковником КГБ Карповичем, а когда Рар настолько достал меня рассказами про некоего своего родственничка по фамилии Юдин, которому до революции принадлежало-де здание на Лубянской площади, более известное как Второй дом, что я взял да и исполнил «голубую мечту» его детства — свез в особнячок в Колпачном переулке, принадлежавший Службе внешней разведки России. Я ушел обратно к машине почти сразу же (точнее, меня попросили уйти), а Саша задержался побеседовать. О чем — не знаю. Можно только догадываться. Но, простите, это уже чужая «история болезни», и меня она не касается. В том же 83-м году я познакомился и с первым национально мыслящим русским. Вячеслав Узлов, родом с Урала, отсидел в политлагере срок и по-

добно мне был выпихнут на Запад. На радио «Свобода» ему попасть не повезло. Скоропостижно утопший диссидент Кронид Любарский, помнивший его по лагерю, тут же завопил на весь Мюнхен: «Держи антисемита!» Да что там! В той же Русской службе РС доходило и до маразма, когда одна группа сотрудников еврейской национальности обвиняла в антисемитизме другую группу лиц той же национальности. Мне лично на это было наплевать — бьют, как говорится, не по паспорту. Я только органически не переношу, когда некоторые из этих лиц пытаются втоптать в грязь ту нацию, к которой принадлежу я сам.

В общем, на радиостанцию дорога Узлову была заказана, однако Слава смог найти себя и устроить свою жизнь без нее, что в итоге оказалось более правильным решением. В целом же до моего возвращения в Россию через почти десять лет отсутствия он был единственным человеком, с кем я мог не таясь говорить о русской национальной идее. Да и сейчас мы, когда есть свободное время, не оставляем излюбленную нами тему. Уже значительно позднее, в начале 90-х годов, у меня появился чуть более широкий круг общения за счет русских офицеров из Западной группы войск, ушедших на эту сторону Германии. Некоторые из них также стали авторами моей военной радиопрограммы. Далеко не все, кто уходил из ЗГВ, были предателями или ворюгами, наплевавшими на офицерскую честь и воинский долг (хотя, конечно, были среди них и такие) и погнавшимися за «красивой и сытой западной жизнью», как пытались их представить в отечественных средствах массовой информации. Парадокс заключается в том, что предали не они — предали их. Что, например, мешало боевому офицеру, капитану из Шаржойского батальона спецназа ГРУ Сергею Суслину уйти на Запад из того же Афгана? Просто 19 августа он выполнял свой воинский долг, а 21 августа ни он, ни его долг были уже никому не нужны. Мол, вы должны ехать служить по месту жительства в свободную Туркмению. Должен? В ответ он напомнил, что все долги заплатил своей кровью еще в Афганистане, а «августовским выскочкам» ничего не должен. А что было думать майору Михаилу Емуранову, помощнику командира танкового полка по комсомольской работе, глядя на своего «отца-командира», который 19 августа поддержал ГКЧП, а 21 августа принародно исполнял «демократическую лезгинку», топча ногами сорванный со стены кабинета портрет министра обо-

роны СССР маршала Дмитрия Язова? Или что было делать другому майору — начальнику клуба, которому до выхода в запас по полной выслуге лет оставалось несколько месяцев, а на его место уже спешно ехал «арбатский» полковник. И плевать, что на майорскую и совсем не командную должность, лишь бы платили в конвертируемой валюте. Я бывал несколько раз в ЗГВ и видел, во что постепенно превращалось самое боеспособное соединение советских Вооруженных Сил. Для меня эти волею обстоятельств ушедшие на Запад ребята — русские офицеры. Русскими офицерами они и останутся. Да и, по моему личному убеждению, Россия тоже не может позволить себе разбрасываться «служилыми людьми», какие бы политические бури над нею ни проносились.

Вообще же дефицит общения тогда, в начале моей жизни в Германии, ощущался еще более остро. Порусски про это, как было отмечено выше, говорили многие... Но, простите за резкость, ничто в мире не заставит меня, русского человека, считать валютную чмару, подостлавшуюся под араба, венгра или какого-нибудь негра, уехавшую в теплые края, оказавшуюся затем на немецкой панели и гнусаво при этом заявляющую: «Дескать, я тоже русская», — человеком одной со мною национальности. Некоторые из этих «безродных космополитов» уже настолько забыли или исковеркали (а может, и вовсе не знали) русский язык, что и двух слов на нем толком связать не могут. К сожалению, такова реальность. И на сегодняшний день она еще хуже, чем была тогда — почти 20 лет назад.

О РУСОФОБИИ

По большому счету, русофобия — явление, принимающее странные и порой даже уродливые формы, которые, простите, не снились и автору известной книги «Русофобия» Игорю Шафаревичу. Уже практически к концу существования радио «Свобода» в Мюнхене в Русской редакции появился парень из Ленинграда с простой русской фамилией Владимиров и с вполне славянским лицом, но с такой ненавистью и презрением к своей стране и народу, что можно было только удивляться: откуда такие убудки, как он, берутся? Вот, видимо, цена тому лживому «интернационализму», который в нас вдалблива-

ли с детства, замещая этим сионистским суррогатом исконно русское национальное сознание. С немцами тоже не всегда все обстоит гладко в вопросе русофобии — безотносительно к историческому опыту обоих народов. Взять, например, так называемую русскую мафию. Стараниями немецкой прессы русские давно уже превратились в «криминальную нацию». Как-то Александр Иванович Гуров рассказывал мне об опыте своего общения с немецкой криминальной полицией. Коллеги из крипо развернули перед ним фотоматериал с «русскими» мафиози. Кого там только не было! Евреи, узбеки, украинцы, грузины, армяне, чеченцы, снова евреи, опять чеченцы, еще раз евреи... Не было только русских. Так, простите, где же русские в этой так называемой русской мафии? Попробуйте доказать это немцам — и натолкнетесь на стену глухого непонимания. Мол, раз из России — значит, русские. Странно, откуда такая дремучесть? Ведь научились же немцы в конце концов отличать сербов от хорватов, китайцев от японцев (по фотокамерам), а теперь, после чеченских войн, уже знают, как отличить чеченца от русского. (Нам что ж, надо теперь воевать с каждым малым народом, населяющим Россию, чтобы немцы их от нас отличать научились?) Но вот отличить украинца от узбека, а их обоих, в свою очередь, от грузина, еврея и армянина почему-то не могут. Всех вышеперечисленных мною представителей различных народов немцы упорно продолжают именовать «русскими». Некоторые евреи на это, к слову сказать, даже искренне обижаются. Вот и получается, что чистокровных русских здесь по пальцам пересчитать можно, а «русская мафия» просто провела такую тотальную оккупацию Германии, которая сделала бы честь любой армии. В немецкой уголовной полиции даже специальную группу для борьбы с этой так называемой русской мафией создали. «Тайга» называется. Ну, там, где закон — тайга, прокурор обычно медведь.

Меня, когда закончилась работа на радио, эти «товарищи» также, похоже, классифицировали, причем сразу по двум «вражеским разновидностям»: кроме потенциального кандидата в авторитеты «русской мафии», я с моими специфическими российскими связями попал еще и в список потенциальных агентов КГБ, которого больше нет. К слову сказать, к этому приложил руку и один из моих бывших «свободовских» коллег-знакомцев Витя Витмайер, состряпавший донос на меня и Вячеслава Узлова, что

мы его, дескать, вербовали работать на КГБ. Вот и делай после этого добро некоторым, с позволения сказать, «людям». Немец — он и в Африке немец, и в Казахстане тоже немец. Стукачество — неотъемлемая часть их так называемого менталитета.

Так чем же считать эту катавасию с «русской мафией» в немецкой прессе — пробелом в начальном школьном образовании или изоциренной формой русофобии, желанием взять реванш, этакой животной ненавистью к народу-победителю?

Или другой пример. На кого в свое время была рассчитана информация, утверждающая, что «Чубайс, Гусинский, Явлинский и Березовский — выразители чаяний русского народа, столпы рынка и российской демократии». Самый тупой немецкий обыватель — и тот задумается, услышав такое.... Впрочем, я как-то предложил одному немцу, с пеной у рта утверждавшему эту телевизионно-газетную белиберду, устроить подобную демократию в купе с вот таким рынком у себя дома, в Германии, да не забыть при этом пригласить к себе на жительство выше-названных особ. Тот прикинул на слух вышеперечисленные фамилии и как-то быстро понял, на что я намекаю, а посему уклонился от продолжения разговора. Интересно, что немец сей был далеко не заурядным обывателем, а представлял сословие крючкотворов-адвокатов.

Не знаю, может, в большинстве случаев на это просто не надо обращать внимание, но ничего не могу поделать: русофобы всех мастей, наций и народов действуют на меня как красная тряпка на быка. Ведь даже мое кратковременное сотрудничество с Белорусской редакцией РС оказалось довольно поучительным именно в этом смысле. Еще когда я ходил в среднюю школу в своей родной Речице по настоянию матери, которая не хотела, чтобы исковеркали мой русский язык, меня официально освободили от изучения языка белорусского. Но на уроки я иногда приходил, особенно зимой, когда околачиваться в подворотнях становилось уже прохладно. Так вот, белорусский язык на радио «Свобода» я выучил за пару недель. Небезынтересно здесь заметить, что с украинским языком такого почему-то не получилось. Попутно выяснился и другой интересный аспект: белорусский язык на РС отличался не обильными вкраплениями русизмов, как белорусский язык в СССР, а столь же обильными вкраплениями германизмов. Вот как, например, русское слово

«прогуливаться» звучит в переводе на «радиосвободовский белорусский»? Ни за что не угадаете... «Шпацировать» (от немецкого spazieren)!

Поначалу я писал для них о том, что видел и пережил в Союзе, но руководство Белорусской редакции это не устраивало. От меня требовали не отставать от «передовиков производства» из соседней Украинской редакции «Свободы» и на чем свет стоит крыть в эфире «проклятых москалей». Русофобский накал в передачах Белорусской редакции РС частенько доходил и до курьезов типа: «Як маскалі праігралі Кулікоскую бітву». В конце концов я спросил у директора редакции Сеньковского (бывшего полицая в оккупированной немцами Белоруссии), чем язык Библии Франциска Скорины фактурно и лингвистически отличается от церковно- или старославянского. Таким премудростям в СД и в школах абвера, понятно, не учили, но по реакции шефа я понял, что в руководимой им Белорусской редакции мне долго не задержаться. Тем более что масла в огонь подлила и публикация в газете «Советская Белоруссия». Появилась она в конце 83-го в том же номере, где был помещен материал центральных газет о кончине маршала Устинова, и называлась «Отщепенец». В статейке этой написали и о том, что я на «всякий пожарный» о себе на радио «Свобода» решил не рассказывать. Не скрывая сам факт того, что сидел, я все-таки не говорил конкретно, за что. В статье было написано: «В тринадцать лет нанес ножевое ранение своему однокласснику...» Кто-то этому верил, кто-то считал «пропагандистской уткой», но Сеньковский решил, что нам лучше расстаться. Тем более что газетная статья обо мне заканчивалась плохо переводимой на белорусский язык фразой «по Сеньке и шапка», которую он тут же отнес на свой счет, ибо, ко всему прочему, был плохо знаком и с русскими пословицами-поговорками. Так что с той поры я упражнялся только в русско- и англоязычной журналистике, а белорусский язык столь же быстро почти забыл, как и выучил.

ТВЕРДЫЙ ГРАНИТ «НАУКИ ПОБЕЖДАТЬ»

Но бог с ней, с Белорусской редакцией! Это была лишь подработка, а основная моя работа все же лежала в плоскости «Красного архива». Почти все вечера, выполнив, а нередко и перевыполнив свой дневной план по пе-

релопачиванию советской периодики, я просиживал (благо это не возбранялось) за чтением всего того, что только мог найти интересного в архивных папках, газетах и журналах. Меня привлекали три конкретные темы, не считая информации по общеполитической обстановке в СССР и мире: афганская война, советские Вооруженные Силы, а также изменения в Основах уголовного и административного законодательства СССР. (В Ленинграде у меня было много знакомых юристов, и одно время я даже подумывал о юридическом факультете ЛГУ, но благодаря «органам» не попал даже на подготовительные курсы.) Понятно, что без систематизированного специального образования и профессиональной подготовки многое из прочитанного понять было трудно. Попробуйте почитать, например, журнал «Военная мысль», а потом, хотя бы без общевоинского командного военного училища за спиной, уяснить себе разницу между общевоинской операцией и боем, или же ухватить суть мобилизационной готовности военного округа по формуле МЗО на угрожаемый период, или понять, какую из войсковых операций следует считать стратегической по масштабам, охвату территории и количеству применяемых сил и средств, а какую — лишь оперативно-тактической. Признаться, применительно к афганской войне я по тогдашней своей наивности считал решаемые там советскими войсками задачи задачами не только оперативного и оперативно-тактического, но и стратегического уровня, раз за спинами моджахедов стоят военные машины Пакистана и США. Потом в процессе познания теории нелегкой «науки побеждать» выяснилось, что в Афганистане решались лишь оперативно-тактические и тактические задачи (то же самое сказал мне впоследствии и начальник Академии ГШ ВС генерал Родионов), целесообразность которых исходила из протяженности охватываемых войсковыми операциями территорий, численности ОКСВА, его сил, оперативных средств и тылового обеспечения. Но эта была, как позднее признали и сами советские военные, например, генерал ГРУ ГШ Александр Ляховский, «тактика без стратегии». И наоборот, из англоязычных, в основном американских источников получалась иная картина, согласно которой США рассматривали свою помощь моджахедам как операцию стратегического уровня, решаемую силами тактического звена (вооружение, советники и инструкторы) на определенном начальном этапе конфликта, но в

случае необходимости при выходе данного конфликта уже в следующую фазу интенсивности могло считаться целесообразным довести количество сил и средств на угрожаемом направлении до уровня оперативно-стратегического звена. Не знаю, включала ли такая стратегическая инициатива прямое военное вмешательство США в конфликт в случае возможного дальнейшего советского продвижения на территорию Пакистана, например, в Белуджистан, но цель, которую в афганской войне преследовали США, помогая моджахедам, отвечала понятию стратегической операции, ибо целью этой было ослабление советской военной мощи и советской экономики через втягивание СССР в затяжной военный конфликт и, как следствие этого втягивания, последующая дестабилизация политико-государственной структуры СССР. Привожу этот пример лишь для того, чтобы показать, как капля за каплей я впитывал в себя военные и военно-политические премудрости, проявившиеся впоследствии в выпусках моей военно-политической программы «Сигнал», и как доступ ко всеобъемлющей и разносторонней информации давал возможность оценки того или иного события с разных, а порой и прямо противоположных точек зрения. Нередко там, где отсутствовал профессиональный опыт и теоретическая подготовка, помогали интуиция и умение верно разглядеть саму суть проблемы в огромном информационном потоке да плюс к тому врожденные способности к аналитическому мышлению, без надобности доселе не проявлявшиеся. Не хочу уж чересчур расхваливать эти свои способности, но позднее, уже будучи военным редактором РС, я нередко наткнулся на встречные вопросы интервьюируемых мною генералов и офицеров: «Что я закончил «здесь»? А если «здесь» ничего, то что я закончил «там»? Я отвечал правду: «Не считая трех классов и коридора при тюрьме, только радио «Свобода». Но не все и не всегда верили этой правде. Бывший министр обороны Белоруссии Козловский даже отказался от встречи и интервью, так как посчитал, что мои вопросы к нему относятся не к области журналистики, а к методам ведения открытой информационной разведки спецслужбами США. Мне, конечно, польстила столь высокая оценка моих скромных способностей генерал-полковником Козловским, так что на его отказ от интервью я не обиделся, найдя в белорусской армии, может, и не столь высокопоставленного, но от того не менее сведущего в вопросах военной

теории собеседника из Оперативного управления Главного штаба. Так нежданно-негаданно свою вторую заметную аналитическую работу для исследовательского бюллетеня РС/РСЕ я написал на тему войны в Афганистане — по теории и практике общевойскового боя и горной подготовке войск. Работу эту заметили не только на «Свободе», но и в «Рэнд корпорейшн», после чего я стал публиковаться в исследовательском бюллетене РС практически постоянно и в 88-м получил первое повышение — был переведен из архивистов в «рисерчеры» (исследователи).

ПОСТСКРИПТУМ

Несколько слов памяти Олега Туманова

Когда я уже заканчивал эти строки, из России пришла печальная новость: от инсульта скончался Олег Туманов. Мы были друзьями. Олег во многом помог мне, тогда еще совсем молодому парню, только-только приехавшему из Союза. Повторяю, я никогда не осуждал его ни за возврат в СССР, ни за сотрудничество с КГБ, а по многим вопросам скорее даже разделял его взгляды, чего никогда и не скрывал. Так что неудивительно, что некоторые мои бывшие коллеги считали меня своего рода преемником Туманова на радио «Свобода» по линии КГБ. Строгие правила «Свободы» и проблемы личного свойства у самого Олега (в последнее время он много пил) не давали нам возможности нормально свидеться, когда я прилетал в Москву в очередную командировку. Тот единственный раз у здания пресс-центра МИДа даже и встречей назвать-то нельзя. И все же, несмотря ни на что, Олег Туманов был и навсегда останется в моей памяти русским человеком.

Спи спокойно, Олег, земля тебе пухом!

Глава 3

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ РАДИО «СВОБОДА» — «РЭНД КОРПОРЭЙШН»

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ, А «КРЫША ПОЕХАЛА»

1985 год ознаменовался апрельским пленумом ЦК, на котором Дегенеральный секретарь Горбачев провозгласил свои основные принципы того, что он называл «перестройкой», «ускорением» и еще черт-те чем и что сейчас с полной уверенностью можно назвать началом развала страны и армии. Правда, еще через четыре года уже в другом, но тоже памятном апреле он малость опомнился и начал соображать, что уподобился чукче из анекдота и усердно пилит сук, на котором сидит. Но это была весьма запоздалая реакция, ибо, говоря его же собственными словами, «процесс пошел». К тому же все попытки исправить свое незавидное положение Горбачев сводил к буквальному, а посему и неправильному пониманию известной ленинской фразы. Делая шаг вперед, он тут же отступал на два назад, предлагая расхлебывать заваренную им кашу дежурным «стрелочникам». В конце концов всех их подставил и предал.

Меня лично на тот текущий момент моей работы в Исследовательском отделе РС более всего интересовали два аспекта горбачевской «перестройки-перестрелки» — потуги в законотворчестве и война в Афганистане. В отношении последней уже тогда было ясно, что попытки добиться в ней перевеса теми силами, которыми располагал, по меткому выражению моего друга Вити Верстакова, «ограниченный до безобразия контингент», обречены на провал, а полное незнание основ военного искусства плюс полное пренебрежение чужими жизнями в конце концов приведут не к поражению, а того хуже — к международному позору, когда с великой державой перестанут считаться настолько, что на ее мнение просто будут пле-

вать. Что и случилось в 86-м во время американского налета на Триполи или же пять лет спустя в Персидском заливе. Так что, может, вовсе и не зря генерал Альберт Макашов публично советовал «главконедоверху» Горбачеву пройти хотя бы минимальный ликбез по основам воинских знаний где-нибудь на уровне общевоинского военного училища. Чтобы хоть взводом или там ротой мог бы командовать.

И на стезе законотворчества у Горбачева «блинов» тоже хватало. В основном — «комьями». Что ни указ — то «блин». Приведу только два примера, о которых сам в то время написал исследовательские материалы. Это указ «О борьбе с самогоноварением» — долго еще народ не мог оправиться от той отравы, которую пил по милости вождя, вместо того чтобы пить нормальные винно-водочные изделия, — и указ «Об ответственности за незаконное использование видеотехники и видеопродукции» — ни в одной даже самой отсталой африканской или азиатской стране использование видеотехники не регламентируется никакими специальными нормативными актами; что же касается ответственности за видеопродукцию, то там такого наворотили, что теперь уже никто не разберется, что разрешать и что запрещать в том море видеохлама и порнопродукции, которыми Запад услужливо наводнил Россию. То же самое и со смертной казнью. Во времена Горбачева в Белоруссии, да и в других регионах были вскрыты грубые судебные ошибки, приведшие к исполнению смертных приговоров в отношении невиновных людей. Казалось бы, что от человека, провозгласившего демократические принципы правления страной, можно было ожидать не рутинных кадровых перестановок, а изменения самой юридической нормы вынесения смертных приговоров и совершенно другой процедуры приведения их в исполнение, исключающей возможность расстрела человека, если есть хоть малейшее сомнение в его виновности. Но этого не произошло. Более того, согласно проведенному мною анализу практики приведения в исполнение смертных приговоров в СССР, их кривая при Горбачева даже несколько подскочила вверх. И не только лишь потому, что о подобных вещах начали писать более открыто.

Однако мой основной интерес к событиям в СССР времен Горбачева все же лежал в плоскости того, что теперь называют последствиями афганской войны, или

«афганским синдромом». Но это теперь, а тогда война была в полном разгаре. Южным ТВД командовал генерал армии Попов, а ОКСВА — генерал Родионов.

ШУСТРЫЙ ШУСТЕР, ИЛИ «В МИРЕ НЕТ БОЙЦА СМЕЛЕЙ...»

Я говорил уже ранее, что мой интерес к происходящему в Афганистане возник не случайно. На радио «Свобода» еще осенью 83-го года судьба свела меня с неким Савикасом Шустерисом (настоящие имя и фамилия имеют литовские окончания, он их не иначе как по национальному обычаю просто обрезал). О нем я расскажу сейчас чуть подробнее, хотя в дальнейшем моем повествовании этот персонаж, подобно «чертику из табакерки», будет выскакивать еще неоднократно. Дело в том, что на протяжении почти целого десятилетия мы были друзьями. Почему «были»? Все объясняется довольно просто. Он предал эту дружбу, потому что на все вещи в мире смотрел только с одной точки зрения — личной выгоды для себя. Предавал он и раньше, будет предавать и впредь. Предательство — критерий и залог его собственного выживания и существования, разумеется, за счет других. За это свое главное качество он и приглянулся ЦРУ, которому служит уже добрых два десятка лет, если не больше. Чего Шустер просто органически не переносит, но порой вынужденно терпит — так это людей умнее, способнее, а главное, смелее себя. А это, поверьте, совсем уж не трудно. Как вы уже, наверное, догадались, по национальности Шустер — еврей. Но почему-то он всегда любил повторять одну фразу: «А что, еврей, это разве профессия? Если да, то почему она так низко оплачивается?» За эти слова многие соплеменники на радио «Свобода» его недолюбливали, что вполне закономерно. Предавая, он не делал скидок на национальную принадлежность. Для примера, нашей с ним коллеге по Русской службе РС Ирине Хенкиной, дотянувшей до уровня некоторой понимаемости его практически не существовавший в то время русский язык, он отплатил той же монетой что и мне, — предательством. Злые языки даже поговаривали, что, оказавшись в Москве в качестве редактора Бюро радио «Свобода», он сдал свои афганские контакты то ли МБ, то ли СВР. Насколько я знаю, Шустер действительно

зачем-то искал выход на бывшего председателя КГБ Крючкова, а через него — на руководство СВР, в том числе и с этой целью. (Сдал же он своего никарагуанского друга из «контрас» Эдена Пастору, а до этого еще одного приятеля, по имени Ариэль Шарон. Тот, ранее будучи министром обороны Израиля, «нелегально» прихватил Шустера с собой во время вторжения в Ливан, а Шустер потом в статье «Красная армия Израиля» такого понаписал, что Шарон только за голову хватался, да и за остальные мягкие места тоже.)

Что ж, контакты среди моджахедов у «Шустрика» действительно были, как было и несколько заходов на территорию Афганистана «с той стороны». Этим-то да плюс к тому еще и своим далеко не шаблонным тогда отношением к происходящему в Афганистане он и расположил к себе. В том далеком 83-м году Шустер подвизался в качестве корреспондента итальянского журнала «Фриджедери» («Холодильник»). Бульварное издание это уже успело к тому времени прославиться тем, что в канун Московской олимпиады 80-го года выпустило фальшивый номер газеты «Правда» (его частичная ксерокопия попала мне в руки еще в Ленинграде), а к новому, 1984 году они подготовили такую же фальшивую копию «Красной звезды», которую надлежало доставить в Кабул и там по возможности расклеить либо просто подкинуть в общественные места. Эту акцию с помощью Абдул Хака из партии Хезбейслами Юнуса Халеса осуществил именно Шустер. Не скрою, мое скромное участие в этом деле ограничилось лишь парочкой свежих армейских анекдотов, аккуратно записанных для Шустера и позднее воспроизведенных в фальшивке. Интересно, что история с фальшивой «Красной звездой» нашла отражение и в книге бывшего сотрудника резидентуры КГБ в Кабуле покойного ныне генерал-майора Виктора Спольникова (знал его немного через моего близкого друга и автора программы «Сигнал» Владимира Пластуна). Спольников упоминает, что данная акция осуществлялась через людей Абдул Хака, которого от британской разведки МИ-6 курировал некий Майкл Прайс, ставший впоследствии советником по безопасности у Маргарет Тэтчер и устроивший Абдул Хаку прием в Уайтхолле на самом высшем уровне. Не исключено, что Прайс был и британским куратором самого Шустера. Почему бы «нашему теляти» не сосать сразу у двух маток — МИ-6 и ЦРУ?

После приема у Тэтчер Абдул Хак заглянул в Мюнхен. К тому времени уже всюду действовало еще одно «головное спецподразделение» РС/РСЕ — радио «Свободный Афганистан». Так через Шустера я и познакомился с известным душманом. Сразу скажу, он мне показался довольно приятным человеком и уж совсем не таким «звероящером», которых, чего греха таить, любили изображать в советской прессе, хотя история не раз учила, что лучше противника переоценить, чем недооценить. Я пригласил Шустера и Хака к себе домой, а там за традиционным чаем (мы с Шустером, понятно, пили более крепкий напиток) состоялась наша беседа, из которой я впоследствии сделал материал для исследовательского бюллетеня РС. Потом Абдул Хак спросил, нет ли у меня в личной видеотеке какого-либо советского фильма о борьбе с басмачеством. Понятно, что лучшего выбора, чем «Белое солнце пустыни», я ему предложить не мог. Фильм Абдул Хаку понравился, хотя концовка и навеяла некоторую специфическую грусть, может быть, из-за тождественности имен моего афганского гостя и одного из главных героев ленты басмача Абдуллы. (Осенью 2001-го схваченного в Кабуле Абдул Хака казнят талибы.)

А еще через некоторое время, уже летом 86-го, находясь в гостях у Шустера во Флоренции с моей бывшей американской «герлой» Джули Маффет, я узнал о несчастье, постигшем Абдул Хака. Итальянской миной в пластиковом корпусе (подарок натовских друзей-благодетелей) ему напрочь оторвало ступню. Кстати, «духи» всегда предпочитали носить очень легкую обувь, а не сапоги или горные ботинки — в случае подрыва на mine был шанс потерять не всю ногу. Абдул Хаку требовалась срочная операция по протезированию, которую взялись осуществить в Вашингтоне, где к тому же его ожидал и прием у Рейгана. А это, как и в случае с Тэтчер, оружие и финансовая помощь его партии и его отрядам в провинции Кабул.

Шустер любыми путями хотел оказаться в Вашингтоне, и оказаться официально. Единственный путь был от радиостанции, в штате которой Савик Шустер тогда еще не числился. В общем, я позвонил в Мюнхен Николаю Петрову, в ту пору администратору Русской службы РС, и, объяснив суть дела, попросил его переговорить с директором радио «Свобода» Николаем Васлевым. Не знаю уж как, но Коля Петров и доктор Васлев устроили Шустеру не только Вашингтон, но и дальнейшую командировку в

Афганистан, что автоматически обеспечило ему место в штате РС/РСЕ. Вот так мы с Колей Петровым своими руками и на свою же голову устроили «Шустрика» на «Свободу».

Благодарности от Шустера Николай Петров также дождался в виде доносов и предательства. Коля, по праву претендовавший на должность администратора Московского бюро РС, назначен туда не был. Вместо него не без интриг Шустера там оказался некий Энтони Салвия. Сей «голубок» даже близко не владел русским языком, да и плоховато поначалу соображал, куда это его, бедняжку, занесло — чай не в Глен-Коу (район Нью-Йорка, облюбованный «голубыми»). Потом, правда, освоился и по ходу дела даже весьма поднаторел на ниве финансовых махинаций, орудуя вместе со своим «мальчиком» Максимом из московской подворотни, приставленным к «свободовской» кассе. Впрочем, он ли единственный? Следующий по счету администратор Московского бюро, Фрост, оказался еще хуже. Узнав, что меня в Прагу не берут, решил что и гонорары моим московским авторам теперь платить необязательно, а значит, можно их списать и прикарманить. Пришлось его слегка переубедить, после чего по возвращению в Мюнхен мне инкриминировали ни много ни мало как вооруженный налет на московскую «шарашку» РС.

Был и такой случай. Возвратившись из своей предпоследней командировки в Афганистан (это было уже после вывода войск, но еще до талибов), Шустер решил подробно доложить о проделанной работе на утренней летучке редакции. Собственно говоря, мне и раньше казалось, что на моих домашних посиделках-попойках, желая блеснуть в компании чем-то оригинальным, он малость приукрашивает свои похождения. Впрочем, так казалось не только мне одному. Один мой товарищ, тоже наш бывший коллега, даже как-то ехидно заметил: «Ну конечно! В мире нет бойца смелей, чем напуганный еврей!» В этот же раз Шустер переплюнул все доселе слышанное. Вообразив себя по меньшей мере новоявленным Лоуренсом Афганским, он обрисовал следующую картину: «Где-то на Гиндукуше, на высоте примерно шесть с половиной — семь тысяч метров над уровнем моря, собрались все самые известные «духовские» лидеры и полевые командиры. Не был упомянут только Хекматияр. (Наверное, решил так высоко не забираться. Недаром ведь говорят: умный в гору не пойдет.) Среди них на почетном, понятно, месте,

не где-нибудь, а рядом с Ахмадшах Массудом восседает и наш Шустер, а вокруг, куда ни кинь взгляд, штабелями лежат трупы советских солдат. И так далее в том же духе... Первыми не выдержали этот бред уши моего коллеги Алексея Лёвина, за годы работы на РС подготовившего немало материалов по афганской войне. Не поленившись сбегать за географическим справочником, он доходчиво объяснил Шустеру, что высочайшая вершина Гиндукуша едва достигает отметки пяти с половиной тысяч метров, а уж никак не семи.

— Но не это столь важно,— сказал Алексей,— просто уже от четырех начинаются вечный лед и голые скалы. Туда не каждый альпинист заберется, не говоря уже о Шустере и его «духах».

При этих словах «герой» заметно побагровел.

— Да и чем бы они там питались? — продолжал вопрошать Леша.— Съели бы, разве что, самого Шустера?

Потом в разговор вмешался я и заметил, что по умению рассказывать «афганские сказки» Савик Шустер далеко переплюнул даже известного советского телекорреспондента Лещинского, а что касается «штабелей из трупов советских солдат», то попадись он на деле хоть одному из них, из него самого быстро бы настригли горку свежего «кошерного мяса». А что вообще мало поддается разумению в его рассказах, так это несколько странная любовь мусульман-моджахедов (некоторые из них, включая самого Массуда, раньше воевали против Израиля на стороне палестинского «Хамаса») к еврею-отщепенцу. Так к Шустеру и пристало переходящее прозвище «афганский сказочник», но ни мне, ни Алексею Лёвину этот выпад злопамятный «герой» не простил. Интересно, что в отношении первой войны в Чечне Шустер скромно помалкивал о своем «геройстве», не иначе как опасаясь за сохранность своей холеной хари (одного из подвизавшихся на РС московских журналистов, спецкора «Комсомолки» Евтушенко, воевавшие в Чечне московские омовцы как следует «поблагодарили» за «объективные репортажи»). Зато миньон Савика Шустера Андрюша Бабицкий отличился за двоих и в первую, а особенно во вторую чеченскую войну. Есть сведения, что этот полюбившийся Шустеру и устроившийся с его помощью в Московском бюро РС таджикский наркоман за баксы и дурь выдавал чеченам информацию о дислокации подразделений федеральных войск, куда он беспрепятственно проникал, прикрываясь удостоверением журналиста «Свободы».

США — «РЭНД КОРПОРЭЙШН»

В той же середине 80-х я повстречался еще с одним человеком — Сергеем Замашиковым. Сергей до 94-го года был постоянным автором моей программы «Сигнал», а в США он работал в очень интересной организации, называемой «РЭНД корпорэйшн» (штаб-квартира «РЭНД» расположена в живописном и довольно уютном городе-спутнике Лос-Анджелеса — Санта-Монике) — организации, которая среди прочего очень тщательно и внимательно занималась анализом опыта боевых действий 40-й армии в Афганистане. Что представляет из себя «РЭНД корпорэйшн»? Чтобы ответить на сей вопрос, необходимо дать небольшую историческую справку по этой организации. В советских военных и разведывательных кругах ее называли «Академией смерти». Боюсь, что это было весьма выпяченный пропагандистский ярлык, навешенный пусть на не совсем обычный, но все же научно-исследовательский институт, хотя среди его заказчиков числились и ЦРУ, и Пентагон, и Агентство национальной безопасности США. Кстати, аббревиатура «РЭНД» расшифровывается как «Research and Development», что по-русски означает «исследование и развитие». Возникла «РЭНД корпорэйшн» в конце 40-х годов и первоначально называлась «Проект Эйр-Форс». Род занятий организации уже тогда определялся ее названием — она занималась военными исследованиями и теоретическими разработками для ВВС США. В «РЭНД» до сих пор работает Джон Ламбет — человек сугубо гражданский, на практике освоивший практически все существующие типы самолетов истребительной и штурмовой авиации. В начале 90-х он, кстати, был в России по приглашению Министерства обороны и довольно спокойно управился с «МиГ-29». Потом «РЭНД», став тем, чем он является и теперь, выполнял заказы для Пентагона. Однако это не означает, что данная организация, превратившись в «научную прислужницу» военного ведомства США, стала полностью закрытой. Конечно, там работали и работают отделы, куда без специального пропуска входить не разрешается. Однако вместе с тем открытая часть «РЭНД», работавшая совместно с Отделом стратегических исследований Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, была в достаточной мере доступной. В бытность мою в США этой частью «РЭНД» руководили два человека, с одним из которых,

доктором Анджеем Карбоньским, мы стали друзьями. Успех «РЭНД корпорэйшн» прежде всего состоял в том, что, обладая весомыми финансовыми средствами, корпорация могла субсидировать исследования практически в любой области, приглашая для этого мировые величины в науке. Порой эти научные светила, скажем, весьма далекие от сугубо военных проблем, способом так называемой мозговой атаки достигали просто ошеломляющих результатов. Сергей Замашиков занимался в «РЭНД» анализом советской военной мощи, работая в «обойме» одного из ведущих по тем временам ее сотрудников — Алекса Алексиева. Любой анализ — это прежде всего информация. На тот период основную информацию мог давать печатный и радиоматериал, записываемый путем перехвата. О телемониторинге из-за весьма «злокозненной» траектории советского спутника жители Западного побережья США могли тогда только мечтать. В Европе же прием советских телепередач не составлял большого труда. Это да еще плюс к тому анализ военной и гражданской периодики, почему-то к ним не поступавшей, и составлял мой скромный вклад в работу «Корпорации РЭНД». И прежде всего по афганской войне. Кстати, для личных исследований в данной области мне стали доступны материалы и самой «РЭНД корпорэйшн», в частности весьма серьезно поработавшей с перебежчиками и военнопленными из состава 40-й армии, а также с источниками информации среди моджахедов и их инструкторов. С одним инструктором я потом познакомился лично уже в начале 90-х. Эндрю Эйва, американец литовского происхождения. Служил в морской пехоте США в Южной Корее. Член «Международного интернационала сопротивления» (Что это за «интернационал» такой? Догадайтесь сами или прочтите у Григория Климова в «Князе мира сего»), учрежденного известным диссидентом Владимиром Буковским. В Пакистане и Афганистане Эйва учил «духов» обращаться со «стингерами» и «блоупайпами». Позднее, уже в начале тех самых 90-х, занимался созданием организационных структур Службы охраны края Литвы.

Но вернемся все же к «РЭНД корпорэйшн». Так что, собственно, мог дать столь могущественной корпорации телемониторинг? Собственно говоря, здесь американцы следовали поговорке, что «лучше один раз увидеть...». Еще мой коллега по Исследовательскому отделу РС Витя Ясман, с которым мы параллельно разрабатывали тему горбачевского законотворчества в видеопродукции и те-

лекоммуникациях, набрел на вполне здравую мысль, что телевидение меньше поддается цензуре, чем печатное слово. Применительно к афганской войне и к Вооруженным Силам страны передачи советского ТВ давали неопределимый материал для исследователя. Даже в зализанных репортажах Лещинского можно было выловить не одну крупную ценную информацию. Так, случайно мелькнувший в одном из репортажей времен операции «Магистраль» генерал-лейтенант был отождествлен мною с Борисом Громовым, что дало возможность поставить точку над «i» в вопросе о личности последнего командарма 40-й. Я был первым на Западе, написавшим краткую биографию генерала Громова. Помогло давнее и практически забытое интервью воспитанника Суворовского училища полковника Громова армейскому журналу «Военный вестник». Это только один краткий пример аналитической работы. Столь же четко мне удалось вычислить и начальника Оперативной группы МО генерала армии Варенникова. За биографией, понятно, дело тоже не стало. Мой коллега Краус быстро выудил из своего архива данные на требуемого советского военачальника. Кстати, именно Краус, когда впоследствии к нам на радио «Свобода» начали заглядывать важные российские особы и особи, например, Бакатин, Калугин, Явлинский, Немцов, не раз удивлял визитеров информацией из их же собственного прошлого, которую они к тому времени, может, и сами уже подзабыли.

В общем, мое посильное сотрудничество с «РЭНД корпорэйшн» продлилось практически до конца 1993 года. Помимо «РЭНД», завязался у меня контакт и с Калифорнийским университетом. Получилось вот как. В конце 80-х у нас в «Красном архиве» находилась сотрудница Калифорнийского университета Людмила Кернер, подыскивавшая материалы для своей диссертации об аварии на Чернобыльской АЭС. Я, разумеется, помогал ей разобраться в завалах «Красного архива» и сам проникся интересом к теме. Собственно говоря, Людмила и предложила мне слетать в Штаты, где, кроме «РЭНД корпорэйшн», я мог бы попробовать свои силы в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. В это же время домой в Санта-Монику возвращался и Серега Замашиков. Мне повезло взять билет на тот же рейс. В Калифорнии я поселился в доме Люды и ее мужа Алика. Оба они эмигрировали еще в конце 70-х. Алик оказался выдающимся инженером. Настолько выдающимся, что изобретенная и запа-

тентованная им маркировочная машина совершила маленькую техническую революцию в авиастроительной промышленности США.

Не могу сказать, что Америка ошеломила меня. Просто на деле она оказалась совсем другой, нежели та, которую в своих фильмах тиражирует Голливуд. Это действительно бурлящий многонациональный котел с оживленными до сумасшествия городами-мегаполисами и весьма сонной, не терпящей никаких перемен и ничего чуждого сельской местностью. Это отсутствие какой-либо фундаментальной культуры и вместе с тем сонм мелких национальных гетто, живущих своей независимой друг от друга жизнью. Это страна, уровень самосознания населения которой затормозился на отождествлении себя самой с таким подростком-«отморозком», по отношению к другим странам с развитым взрослым самосознанием, а отсюда и весь комплекс поведения и мировоззрения. Это страна, где исповедуются сотни культов и существуют тысячи сект, но никто не испытывает жалости к ближнему, равно как и не ждет милости от других, ибо реальный и единственный Бог Америки — доллар, за который продают и покупают все, включая душу и честь. Армия США? Это в порядке вещей, когда какой-нибудь пейсатый бизнесмен-деяга типа Сороса может бросить в лицо человеку в хаки просто голливудскую фразу: «Форму ты имеешь от дяди Сэма, а все остальное — от меня». Это страна, воспитанная не на принципах национальной идеологии, а в духе чуждой для нас космополитической идеи единоличного управления миром, когда не принято спрашивать остальных, хотят ли они одного управления. Наконец, самой Америкой на деле правят транснациональные корпорации и крупные еврейские банки (этакое надмировое правительство), рассматривающие хваленую демократию только с точки зрения собственной финансовой выгоды. Когда-то я считал все это выдумкой советской пропаганды. Поистине, лучше один раз увидеть...

Итак, я поселился у Люды с Аликом в дорогом фешенебельном районе Пасифик Полисэйдс на Лонг-Бич, что по лос-анджелесским меркам было рукой подать до Санта-Моники, и занялся своим докладом для Калифорнийского университета. (Попутно пришлось решить еще одну задачу: получить американские водительские права и обзавестись «колесами» — общественный транспорт в Биг Эл-Эй почему-то совсем не развит.) Доклад, озаглавленный «Развитие ядерной энергетики в СССР», понятно, на-

до было писать по-английски, который в ту пору у меня был не так хорош, как теперь, так что без помощи Люды я бы, конечно, не справился. Сразу скажу, что особого интереса у университетской публики и профессуры он не вызвал, но мне лично работа над ним дала запас знаний, пригодившийся впоследствии уже на редакторской должности в Русской службе РС. В Штатах я пробыл недолго и снова вернулся в Мюнхен. С Людмилой и Аликом Кернером мы остались друзьями, хотя с началом моей деятельности военного редактора РС я в основном летал только в одном направлении — на восток

ЧТО РАССКАЖЕШЬ О ВОСТОКЕ?..

По возвращении из США я решил съездить в Париж навестить живущего там приятеля — поэта и барда Алексея Хвостенко. В то же самое время в Париже нарисовался и знакомый мне московский писатель Игорь Дудинский. А у Игоря был с собой очень интересный материал по афганской войне — стенографический отчет, прихваченный им с прежней работы в обществе «Знание». Так у меня в руках очутился закрытый по тем временам доклад старшего научного сотрудника Института востоковедения Владимира Пластуна, подготовленный им для работников ЦК и сотрудников советских силовых ведомств. То, что автор работы Пластун, я, понятно, узнал не сразу. В тексте стояло только имя и отчество: Владимир Никитич. Но, внимательно просматривая отчет, я наткнулся на интересную фразу: «Половину Афганистана прополз на брюхе, оправдывая свою фамилию». Тут я попутно вспомнил, что у казаков разведчики назывались пластунами, и решил оттолкнуться в своих поисках именно от этой версии. У Крауса в архиве нашелся только один человек с такой фамилией — им и был старший научный сотрудник Института востоковедения Владимир Никитич Пластун. Правда, из других, уже западных источников выходило, что сей старший научный сотрудник служит в советской разведке. В отношении последней источники несколько разошлись во мнениях: одни называли ГРУ ГШ, другие — ПГУ КГБ. Позднее еще один человек — майор-перебежчик из КГБ Владимир Кузичкин, знавший Пластуна по тегеранской резидентуре, — сообщил мне, что более верно второе определение. Потом через своего человека в США я достал и домаш-

ний телефон Пластуна на Остоженке, но до поры до времени не звонил.

Доклад Владимира Никитича ошеломил меня настолько, что заставил кардинально пересмотреть мою точку зрения на происходящее в Афганистане. Собственно говоря, и американская пропаганда, носившая четко выраженный антисоветский и антиармейский характер, влияла на меня довольно странно. Чем больше я имел дело с американскими пропагандистскими материалами, направленными против войны в Афганистане, тем больше я становился сторонником советского военного присутствия в этой стране. Так понятие «афганская война» постепенно ушло в иную плоскость, которую я определил бы словами моего брата Игоря Морозова: «величие и боль русского солдата». С той поры и присно лично для меня нет другого ее определения. Немалую роль в осознании истинности происходящего в Афганистане сыграл и жанр афганской песни. Самой первой оказавшейся у меня кассетой была запись Юрия Кирсанова (ныне, по некоторым данным, он начальник управления охраны президента Украины). Потом раздобыл кое-что из песен Виктора Верстакова и еще одну кассету, на которой оказалось несколько песен Игоря Морозова и песня Сергея Демешова, в которой рассказывалось о самом Игоре и его бадахшанской оперативно-боевой группе из состава 4-го «Каскада». Записанные на войне, напетые теми, кто воевал, они стали для меня гораздо большим, чем просто песни. Назовите мне хоть одну большую или малую войну после 45-го года, которая родила бы свой песенный жанр? В этом афганская война неповторима.

Уже тогда я пришел к мысли, что именно афганские песни и несут в себе самую правдивую историю войны, и с этой позиции подготовил исследовательский материал для РС. Вот тогда-то фактически я и потерпел первое фиаско. Материал этот большого интереса не вызвал, ибо не отвечал заданным пропагандистским канонам. Советского солдата в Афганистане, да и вообще советского солдата, нужно было рисовать не пишущим песни, а озверелым, безжалостно закалявающим во славу коммунизма бедных «афганских агнцев» (как сказал потом академик Сахаров, мы, оказывается, аж целый миллион этих «агнцев» там накололи, словно они до нас не воевали между собой, как и сейчас, после нас, не воюют). А уж если там образ офицера или генерала нарисовать, так никакой черной краски в вальцах пропагандистской машины не хва-

тит. И еще одно до меня начало доходить в ту пору. Не только против коммунистической партии и партийной идеологии направлена американская пропаганда, но и против русского народа. Конечная цель вырисовывалась все более четко — развалить СССР, а затем и Россию. В общем, пока я мало-помалу «умнел», сидя себе в «Красном архиве» и изучая последствия афганской войны и советскую «науку побеждать» по доступным и недоступным источникам, не иначе как черти принесли к нам в администрацию радио «Свобода» еще одного «специалиста по Востоку» — британского подданного доктора Яна Эллиота, которого поставили отвечать за Исследовательский отдел. В Англии он имел отношение к «Обществу советско-британской дружбы» и к британской разведке, но зачем-то подался на «Свободу». (Кстати, сейчас он снова служит в обществе, но уже российско-британской дружбы.) Вот этот-то начальничек — «ключик-чайничек», помимо всего прочего, и решил вплотную заняться моей персоной. То ему не нравилось, где я сижу, то как я работаю, то что я пишу, а потом еще почему это я пишу для Русской службы. Достал он меня так, что иначе как «доктором идиотом» я его уже и не называл. Как ни странно, на это он никак не реагировал, видимо, считая, что я не в состоянии правильно произносить его долбанную шотландскую фамилию. Однако смех смехом, а становилось ясно, что в Исследовательском отделе мне уже, грубо говоря, ловить нечего. Рано ли, поздно ли, но «доктор идиот» все равно меня из него выживет, или же я не выдержу и выживу его, но уже с этого света на тот. Я даже ту самую статеку про себя из газеты «Советская Белоруссия» ему в кабинет подкинул. Не помогло. Хотя разговаривать со мной он теперь стал, сохраняя дистанцию в добрые пять-шесть метров. Русской же службой РС поставили руководить Владимира Матусевича, который тоже прилетел из Лондона, где работал собственным корреспондентом радио «Свобода».

Дело уже близилось к зиме 89-го, а за полтора года до этого в Мюнхене с гастролями находилась Алла Пугачева. Короткое интервью с ней успел, правда, сделать мой коллега из Отдела новостей Вэйн Браун, но, несмотря на его хороший русский язык, интервью получилось неэфирным — разговорить Аллу Борисовну ему не удалось. Вот тут-то я и решил попытать счастья. Взяв с собой Рому Шаламберидзе (у него была видеокамера в рабочем состоянии и две профессиональных фотокамеры) и нагрузив его заодно своей звукозаписывающей аппарату-

рой, я в конце концов добрался до местечка Гархинг, где и проходил сей концерт под открытым небом. До самого концерта еще было время; где Пугачева, толком никто сказать не мог, и посему, встретив там знакомого мне ныне покойного «русского мафиози» Фиму Ласкина, я справился у него о местонахождении Пугачевой. Фима, конечно, знал, где Пугачева, и показал мне на одну из временок, попутно познакомив меня с известным на Западе, да и в России, бардом Михаилом Гулько. Ввиду того, что «трубы» с утра у меня горели нещадно, я решил их немного промыть. Гулько тоже не отказался, и мы пошли в расположенный поблизости шалман. Внутри оказались два человека из свиты Аллы Пугачевой — Николаев и Кузьмин. Кузьмина я попросил передать мою просьбу об интервью, и он, испуганно озираясь, почти сразу же ушел (наверное, принял меня за агента ЦРУ). С Николаевым мы разговорились и так увлеклись разговором и «промыванием труб», что чуть не пропустили начало концерта. Пугачева согласилась на интервью, заметив только, что со «Свободы» с ней уже разговаривали. Я тут же нашелся и сказал, что, кроме вопросов чисто по ее творчеству, у меня есть и специфический вопрос. «Какой?» — в свою очередь поинтересовалась она. «Ваше отношение к войне в Афганистане?» — не мудрствуя лукаво, выпалил я почти не заикаясь. Вопреки моему ожиданию она достаточно толково ответила и на этот вопрос, и на другие. Потом спросила сама: «Откуда вы узнали, что я там была?» Тут пришлось выкручиваться мне, ибо я ничего не знал о ее гастролях «за речкой»; просто интуиция в который уже раз меня не подвела. Потом мы сфотографировались на память, и я отправился на РС обрабатывать интервью. Материал был признан удачным и на следующий же день прозвучал в актуальной программе Русской службы РС. Кстати, именно Пугачева оказалась самым первым человеком из СССР, официально под своим именем давшим интервью радио «Свобода».

Вот это-то мое интервью с Пугачевой и понравилось Володе Матусевичу, который предложил мне перейти в Русскую службу. Тогда я, помнится, бредил карьерой в Исследовательском отделе и мягко отказался от предложения Матусевича, после чего заводить с ним разговор о переводе было как-то неудобно. Однако «доктор идиот» продолжал наступать на пятки, и надо было что-то делать. Идея возникла неожиданная: подсказать самому Эллиоту избавиться от меня в Исследовательском отделе РС пу-

тем моего перевода в штат Русской службы. Доктор наживку заглотил и побежал говорить с Матусевичем. Того, понятно, уговаривать не надо было. За мой перевод стоял и заместитель главного редактора службы Евгений Кушев. В общем, меня перевели в Русскую службу в той же должности «старшего исследователя». Правда, в Русской службе «исследовать» было нечего, а надо было писать, поэтому спустя месяц «титул» этот переписали на редактора. Произошли изменения и в администрации радио. Директором РС стал Эндерс Вимбуш, которого я знал по «РЭНД корпорэйшн». Директором РСЕ был назначен Жиллет, тоже выходец из «РЭНД», но с ним я знаком не был. А доктора Эллиота, который, видимо, и сам никак не хотел расставаться со мной, отправили надзирать за работой Русской службы в качестве заместителя директора РС. Больше он меня практически не доставал, а видел я его в основном на утренних летучках, когда, конечно, сам на них приходил. А после того как мы с Лешей Лёвиным поинтересовались, что он прячет под своим килтом, то есть шотландской юбкой, этот «потомок горцев» и вовсе исчез из моего поля зрения.

Первое, что я ощутил, перейдя в Русскую службу, так это гораздо большую личностную свободу. (Начальство-то в лице Володи Матусевича, конечно, было, но, будучи начальством творческим, занималось работой, а не подсчетом доносов: сколько раз в коридоре Коновалов ругнулся матом, кого куда за что и сколько раз послал, кому пытался набить морду.) Я начал писать актуальные материалы для программы «События и люди», а, кроме этого, Женья Кушев предложил мне делать один из выпусков его программы «Судьбы Сибири», что дало мне неоценимый опыт в моей последующей работе над программой «Сигнал». Писал я и для «Сигнала», который в ту пору и до своего ухода на пенсию в середине 91-го редактировал Лев Иванович Предтечевский (в эфире он выступал под псевдонимом Михаил Карташов). Во время его отпуска или болезни я брал программу в свои руки, постепенно постигая азы редакторской работы, имевшей на радио «Свобода» свою особую специфику.

Глава 4

РУССКАЯ СЛУЖБА РС: К АВГУСТУ 91-ГО И ПОСЛЕ ОНОГО

ВМЕСТО НЕБОЛЬШОГО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Независимая газета» в номере за 24 февраля 1999 года опубликовала материал бывшего директора Русской службы РС Владимира Матусевича, озаглавленный «Другая «Свобода», посвященный, как образно выразился автор, «шустеризации» данного радиовещательного органа США. Материал Матусевича явно не лишен интереса, ибо прежде всего, основываясь на собственном опыте радиостанционной работы плюс к тому хорошему знанию американской административной системы, он не предрекает «Свободе» долгих лет жизни. С данным утверждением я абсолютно согласен: как радиостанция «Свобода» себя изжила. Именно как радиостанция, но отнюдь, не как пропагандистско-подстрекательская организация, в которую, по сути дела, она и выродилась. Нынешней «Свободе» и в Праге и в Москве давно уже наплевать на все кодексы радиовещания и журналистской этики. Она выражает даже не американские интересы в их чистом виде, а интересы определенных лиц и политических кругов как в США, так и в России, а точнее будет сказать, в самой Москве. Причем интересы этих лиц и кругов находятся в разных плоскостях с интересами национальной России. Что же касается термина «шустеризация», то, на мой взгляд, Матусевич не вкладывал в это слово ничего личного в отношении Савика Шустера, кстати, очень многим в своей карьере обязанного именно Матусевичу, в бытность того директором Русской службы РС. В своей статье Матусевич привел лишь один пример радиозакулисных маневров «афганского сказочника», связанный именно с его очередными похождениями в Кабуле на период временного овладения «Талибаном» афганской столицей, куда он зачем-то подался за компанию с тогдашним министром иностранных дел России Козыревым. Я мог бы

напомнить куда более свежие похождения нашего «героя» в Чечне. Как рассказывали представители силовых ведомств России, находившиеся в то время в Моздоке, «герой» и носа в Чечню не сунул, но зато в репортажах едва ли не въезжал в «отбитый у русских» Грозный на «белом коне». Точнее и уместнее речь будет вести о «Жигулях» того же цвета, принадлежавших упоминавшемуся ранее корреспонденту «Комсомолки» Евтушенко. За «Жигули» эти, после одного из чеченских вояжей уже не подлежавшие восстановлению, заплатили почему-то из бюджета «Свободы», а отнюдь не «Комсомольской правды». Но это все мелочи. Карман РС/РСЕ, а точнее американского налогоплательщика, настолько бездонный, что из него понемногу и помногу тащили все: от президентов радиостанции Пелла и Клоза и до того же Шустера. Вопрос не в этом, я не инспектор министерства финансов США. А вот содержание материалов московского бюро «Свободы» из Чечни и по Чечне выглядело так, словно за них платили Дудаев с Удуговым (собственно говоря, оно так и было). Может, не случайно, а как раз в виду потоков той «эфирной грязи», которая выливалась на головы русских солдат и офицеров, воевавших в Чечне, и задал Шустер весьма сакраментальный вопрос президенту Ельцину на одной из пресс-конференций:

— Что делать журналисту, если его убьют в Чечне? — промямлил «храбрец»

По своему идиотизму ответ был под стать вопросу.

— Обращаться к президенту Российской Федерации.

Жаль только вот, не уточнил господин президент, когда обращаться: до того, как убьют, или уже после.

Теперь по поводу все той же «свободы слова». Буквально на следующий день главный редактор «Независимой газеты» Третьяков принес извинения Савику Шустеру за публикацию статьи Матусевича. Говорят, об этом его хорошо попросил коллега Шустера по «синедриону» господин Явлинский. Не пора ли газете убрать приставку «не» из своего заголовка, дабы никого больше не вводить в заблуждение «независимостью»?

РУССКАЯ СЛУЖБА РАДИО «СВОБОДА»

Как я уже отметил выше, в начале 90-го года мои позиции в Русской службе РС еще не были до конца определены, хотя круг обязанностей уже сводился к работе в

ежедневной актуальной программе «События и люди». Забегая вперед, скажу, что долготелая эта программа была насильственно умерщвлена не без помощи все того же Шустера, усмотревшего в ней конкурента своему бредовому «Лайфу» (в переводе с «шустеровского» на нормальный русский язык — «Программе прямого эфира», который все равно на 80 процентов состоял из записанного на пленку «московского картавчика» и перебивался короткими вступительными фразами ведущего, в обратном переводе с нормального русского на «шустеровский» называемых «водками»). Но те времена еще впереди, а в 90-м программа была вполне живой и интересной. Над нею работали два сменных редактора актуальных программ Русской службы — Анатолий Линдбергер и Константин Надирашвили. С Анатолием Линдбергером я, правда, поначалу часто спорил, не соглашаясь с его редакторскими правками, но впоследствии также многому от него и научился. Линдбергер до своей эмиграции долгие годы работал редактором газеты «Вечерняя Москва» и, работая уже на радио, никогда не скрывал своих симпатий к Советскому Союзу, стараясь смягчать материалы некоторых чересчур зарвавшихся на почве антисоветизма авторов, особенно из числа внештатников. Константин Надирашвили, бывший сотрудник 1-го отдела КГБ Грузии, а позднее личный адъютант Шеварднадзе в бытность того министром внутренних дел республики, прекрасно разбирался в военных вопросах, что делало наш тандем автор-редактор весьма продуктивным, ибо ему не надо было «объяснять на пальцах», чем отличается АКС от АТС. Еще одной частью моей работы в Русской службе стало совместное редакторство и работа над программой «Судьбы Сибири», задуманной и осуществленной моим покойным другом Евгением Кушевым.

Именно в работе над «Судьбами Сибири», постоянными авторами которой были Алексей Мананников и Лиля Пальвелова, я и выучил все премудрости профессии радиоредактора — от подбора авторских материалов до работы с программой в студии, — впоследствии очень пригодившиеся мне в работе с военно-политическим обозрением «Сигнал», хотя программы эти были разными по тематике, оформлению и звучанию. Что касается самого «Сигнала», то я по мере возможности и наличия времени принимал участие в этой программе, редактируемой моим предшественником Львом Предтечевским. В ее сту-

дийном оформлении мне с самого начала и почти что до конца существования «Свободы» в Мюнхене помогал Борис Бурштейн (псевдоним в эфире — Архипов). Вопреки пророчествам разных досужих болтунов с Бурштейном я нашел общий язык практически сразу, ибо, на мой взгляд, он обладал двумя необходимыми для работы с программой «Сигнал» качествами: знанием тем, на которые писали я и мои авторы (некоторые материалы из-за плохого качества звучания приходилось перечитывать в студии, и это тоже входило в круг его обязанностей), а также далеко не наигранным, человеческим отношением к проблемам Советской Армии. А это на РС/РСЕ было большой редкостью, учитывая то, что в свое время именно «Свобода» задавала тон перестроечным СМИ на стезе оплевывания профессии защитника Родины. Не скрою, я также писал критические материалы об армии. Но есть критика и есть клевета, очернительство всего и вся. Именно тогда и зародилась у меня идея создать такую программу, которая, насколько это было бы возможно в условиях американской радиостанции, могла противопоставить себя тому потоку нечистот, который обрушивался из эфира и с газетных полос на «человека с ружьем». Теперь, оглядываясь назад в прошлое, я счастлив, что сумел сделать это, и благодарен моим авторам — русским офицерам и генералам, что они помогли мне создать именно такую программу «Сигнал». «Гендлеры» и «шустеры» не раз обвиняли меня в том, что за мои проармейские материалы я чуть ли не вторую зарплату получаю от Министерства обороны России. (Это от Паши Грачева-то, что ли?) До их ограниченного денежными знаками местечкового мышления долго не могло дойти, что я просто выполнял свой долг русского патриота. Именно этого мне и не простили.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ «ИГРЫ»

Как мы помним, начало 90-го и 91-го годов ознаменовалось событиями в Баку, Душанбе и Вильнюсе. Генсек-президент Горбачев ничтоже сумняшеся (а может, и западные советнички нашептали) решил поправить ситуацию при помощи силовых рычагов. Так сказать, «поиграть в войну» с собственным народом, но так как ни опыта, ни тем более решимости и умения доводить начатое до кон-

ца, пусть и силовыми методами, у него никогда не было, то «благие намерения» лишь ускорили продвижение в ад. Честно скажу, многое в то время я еще недопонимал и недоосмысливал (сказывалась и односторонность информации, и порой даже ее объективное отсутствие), но интуитивно чувствовал: происходящий «перестрелочный процесс» конечную цель имеет вполне определенную — развалить Союз, подставить и предать армию, а затем взяться и за развал России. Посудите сами, чего стоили только попытки превратить воздушно-десантные войска в некий «всесоюзный жандармский корпус»! Кстати, соблазн этот был характерен и для следующего по счету «правителя» и его приспешников: либо развалить резерв Верховного Главного Командования (воевать-то ведь не с кем, они Россию-матушку и так продать за грошовую подачку готовы), либо же бросить на собственный народ, что приведет к деморализации последнего сохранившего боеспособность рода войск, а то и придумать очередную маленькую войну типа чеченской и подставить, чтобы побольше их осталась лежать в той земле. Еще раз скажу, не знаю, уж в каких заокеанских штабах или разведцентрах родилась эта «мудрая мысль», но при Горбачеве претворять ее в жизнь бросились рьяно. А вот с ОМОНОм (Рижским и Вильнюсским) вышло как раз наоборот. Стоило бойцам этих подразделений МВД СССР лишь попытаться выполнить свой конституционный долг, как тут же из них сделали «крайних». Батя Пятно после каждой такой силовой акции, по обыкновению, вел себя совсем не адекватно тому, что называется поведением главы государства. Словно с дерева упал. От всего отмежевывался, обо всем якобы всегда узнавал в последнюю очередь, как, например, о Вильнюсе: дескать, услышал об этом из сообщений «радиоголосов» (сомнительный источник информации для руководителя великой державы). А армию и спецслужбы тем временем продолжали подставлять, попутно развязав беспрецедентную кампанию их травли в средствах массовой, а точнее, масонской информации. Теперь уже ясно зачем? С целью более успешного моделирования ситуации, получившей название «августовский путч». Ни для кого уже не секрет теперь, что сценариев к нему «спектаклю» написали два: один для Горбачева, второй для Ельцина. Первый бросился спасать свое «новоогаревское дитяtko», создал и, более того, возглавил ГКЧП, а потом всех же и сдал. Второй, вначале «восста-

новив» конституционный порядок, спас-таки «форосского заложника», затем лишил его партийного оплота, а потом, подведя под «беловежский монастырь», вообще низложил, заодно упразднив и Советский Союз. В целом подробно расписывать предысторию и последствия августовских событий 91-го года будет лишней тратой времени; они и так на виду. Поэтому сконцентрируюсь лишь на своем видении этих событий и тех выводах, которые я из всего этого сделал.

Мне же лично август 91-го года, предоставил возможность выйти непосредственно на российские источники военной и военно-политической информации, которые в ином свете показали происходящее в стране и помогли создать концепцию программы «Сигнал» в том виде, в котором она и звучала из Мюнхена в последние годы жизни еще той, не суррогатной «Свободы».

«НАД ВСЕЙ МОСКВОЙ БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО...»

Придя 19 августа 1991 года на службу не слишком рано и с тяжелого похмелья, я первым делом «поправил голову» и немного покемарил, а уже ближе к обеду, услышав из-за неплотно прикрытой двери какие-то крики в коридоре про «переворот», вышел из кабинета и взял из своего почтового ящика сводку утренних новостей нашего радиомониторинга. Первое, что бросилось мне в глаза, был заголовок о введении режима чрезвычайного положения и перехода всей полноты власти в стране к какому-то ГКЧП. «Надо же,— подумал я,— может, действительно переворот? Надо бы это дело отметить». Ниже приводился и список членов этого ГКЧП, содержавший фамилии всех высших государственных деятелей — при отсутствии одной, самой высшей и важной фамилии. Я еще больше обрадовался. Наконец прекратится бардак! Настолько обрадовался, что на радостях осушил и остававшиеся полбутылки виски. Но этак через полчаса все же задумался: «Что-то странный какой-то «переворот»? Надо бы слегка протрезветь и разобраться, из какой задницы ноги растут. Я включил все три телемонитора — две российские программы и CNN,— а кроме них и «Свободу» (по внутреннему вещанию). По телевизорам показывали движение бронетехники по московским улицам, толпу у здания Верховного Совета России и придурка-виолончелиста

с «калашниковым». В новостях телетайпа уже проскочила информация о прилете в Москву господина музыканта Ростроповича, временно решившего сменить виолончель на АКМ, а также еще нескольких «загубежных товаг'ищей» из числа гостей так называемого «Конгресса соотечественников». Доморощенные «свободовские соловьи» захлебывались трелью о защите демократии и России от ГКЧП. Первая трезвая мысль у меня по поводу всей этой «радио- и телекакофонии» была вполне резонной: что это за военный или там государственный переворот такой, если никто не позаботился о том, чтобы по «чилийскому» или «афганскому» варианту побыстрее разобраться с главой государства, находящимся на отдыхе в Форосе, к которому, вдобавок ко всему, еще и открыто летают совещаться «заговорщики»? Что это за переворот, если никто не удосужился закрыть и взять под охрану международные аэропорты столицы и других крупных городов? Представьте себе, если бы в Чили в момент прихода к власти Пиночета рванули бы со всего земного шара журналисты и «соотечественники-виолончелисты». Далее, по самому ГКЧП. Как я уже сказал, даже беглого ознакомления со списком хватило, чтобы понять, что власть в стране взяли люди, которым и так принадлежала самая что ни на есть высшая власть. «Абсурд, однако», — как сказал бы чукча из анекдотов. В списке отсутствовал только сам Горбачев, но меня ввиду известной уже привычки главы государства «сигать в кусты» в самый ответственный момент это не удивило. Наверное, решил отсидеться, а то как бы чего не вышло. Наконец, третье. Введенные в Москву войска вообще бездействовали, даже до конца не выполняя свою самую простую в таких случаях функцию — взятие под охрану важных стратегических объектов столицы. В общем, немного отойдя от «на радостях выпитого», я сел за свой «макинтош» и довольно трезво перенес все вышесказанное на бумагу. То, что оставили от моего материала отцы-редакторы, имело мало общего с авторским замыслом. Короче говоря, плюнул я на весь этот «переворот» и отправился домой, поближе к венскому буфету, благо и день-то подходил к концу.

Назавтра я на службу не пошел, одним глазом изредка посматривал на второй акт «трагикомедии», безостановочно транслируемый по CNN. Ничего не анализировал, не писал, только похмелялся. Тем более что и без моего присутствия на РС с «этой» стороны дефицита в

радиосуфлерах для «пьесы» под названием «Путч» не наблюдалось, равно как и нехватки актеров с «той» стороны. Я отключил на всякий случай телефон, чтобы не доставали со службы, и, попивая виски, продолжал смотреть программы новостей, все больше убеждаясь в том, что «пьеса» несколько подзатянулась и закуливному режиссеру пора скомандовать «занавес!». На следующий день так оно и случилось. — победила «демократия». В Москву доставили форосского Михаила Затворника и, совсем как на «авторитетной» зоне, поставив того на «толковище» перед новоявленным паханом, прилюдно, при всей, так сказать, парламентской братве «надавали по ушам». Я только диву давался, откуда у вчерашних партийных секретарей обкомовского звена такие далеко не партийные и уж совсем далекие даже от советской демократии способы разборок? Вроде у хозяина на даче не бывали, вроде бы без мастей и без понятий?

Наступившая после 21 августа «демократическая вакханалия» до сих пор вызывает массу вопросов, ответов на которые, боюсь, так и не сыскать. Кому-то мало показалось очередной «игры в войну» возле здания Верховного Совета России, и ее перенесли на Лубянскую площадь — повоевать с Железным Феликсом. Грянули и аресты среди членов так называемого ГКЧП, в состав которого или к сочувствовавшим оному теперь можно было заносить всех неугодных новому режиму. Причем все тот же невидимый «режиссер-кукловод» заранее дал команду в начавшейся «охоте на ведьм»: «отдельных лиц в руководстве СССР живыми не брать». Иначе как, например, объяснить странный нырок из окна завотделом ЦК Кручины? Или «феноменальную» историю с министром внутренних дел Пуго, который умудрился покончить с собой двумя выстрелами в голову, да еще и успел при этом застрелить свою супругу? Или загадочную смерть маршала Советского Союза Сергея Ахромеева, человека, прошедшего через две войны, имевшего при себе пистолет с полной обоймой, но избравшего настолько сложный способ ухода из жизни через повешение, что, простите, как минимум без двух ассистентов способ этот для престарелого военного был бы просто невыполним? Да и сам этот способ очень уж пахнет каким то масонским Средневековьем. Но в наступившей эйфории «новые революционеры» мало обращали внимания на «столь незначительные детали». Соответственно встал и вопрос о переменах в силовых

структурах СССР. На первый план, конечно, выплыл «ненавистный комитет».

Признаться, я был весьма удивлен, увидев по телевизору 21 августа экс-генерала КГБ Калугина. Тот самозабвенно разоблачал участие КГБ в «путче». Калугин вещал не откуда-нибудь, а из подземного перехода лубянского Второго дома., который связывает старое здание с новым. Никак я не ожидал, что Олег Данилович столь оперативно окажется в Москве. Ведь в самый канун «путча» он гостил у нас на «Свободе», а затем еще и в Париж заглянул. «Опальный» генерал в который уже раз уличал свою «альма матер» во всех мыслимых и немыслимых грехах, видимо, надеясь на то, что новая власть предложит ему опустевшее кресло председателя. Кстати, находясь в Мюнхене, он произвел на меня очень болезненное, если так можно сказать, впечатление. До сих пор я не могу отделаться от ощущения, что одной из скрытых причин визита к нам Олега Даниловича была проверка готовности редакции «Свободы» на грядущие события августа 91-го года, а может, и не только одна лишь проверка. Вот только от кого было это задание? (На тот текущий момент имелась установка поддерживать «перестройку и ее архитекторов». Установку на поддержание «победителей» мы получили уже потом — не иначе как в обмен на бюро радиостанции в Москве, а Горбачев остался хоть и любимым, но второстепенным персонажем «Свободы».)

Но вернемся к Калугину. На РС он, разумеется, выступил с небольшим докладом о положении дел в СССР, где не была обойдена и тема КГБ. В частности, один мой коллега с радио «Свободный Афганистан» спросил Калугина о роли КГБ в событиях декабря 79-го и получил ответ, что никакого КГБ там не было, за вычетом разве что наличия согласия Андропова по решению Политбюро на ввод войск в Афганистан. Все вопросы решала армия. Сотрудник из прибалтийских редакций, поинтересовавшийся возможным участием спецгрупп КГБ в уничтожении литовского таможенного поста на границе с Белоруссией, получил ответ, что такое участие весьма проблематично и разговор об этом не стоит и выеденного яйца. Я никаких вопросов Калугину не задавал, ибо сидел и думал; что мне делать со взятым накануне интервью, в котором Олег Данилович, попутно давший с позиции слушателя-профессионала очень высокую оценку моим передачам, со знанием дела рассказал о ликвидации афганского прези-

дента Хафизулы Амина бойцами спецгрупп КГБ «Зенит» и «Гром», а касаясь событий на литовской таможне, акцентировал свое внимание на группе «А» как вполне способной к проведению такого рода операции (тем более что во время штурма вильнюсского телецентра зимой того же 91-го «альфовцы» потеряли своего бойца — старшего лейтенанта Виктора Шацких), попутно заметив, что у КГБ есть подразделения и покруче «Альфы», имея ввиду группу «В» — «Вымпел» из нелегальной разведки. Интервью в эфир я все-таки дал, а афганский и литовский коллеги попросили у меня копию звукозаписи, предложив своей аудитории выбрать одно из двух противоположных мнений одного и того же лица. После этого желания вновь встречаться и беседовать с экс-генералом КГБ Калугиным у меня больше не возникало. Я даже отказался от сотрудничества с одним американским журналом — «Секретные службы мира», — пишушим на темы разведки, когда узнал, что в редколлегии оного числится Олег Данилович. За собственный рассудок боязно. Вдруг «заговаривание» — болезнь заразная и передается через печатное слово.

Но вернемся к первым дням после путча. Придя на «Свободу» 22 августа, первым, кого я увидел в коридоре, был Женя Николаев из Русского мониторинга, прославившийся тем, что ходил и кропил святой водой кабинеты «окаанных жидов-сионистов». Уволить его не смогли до самого переезда в Прагу. Во-первых, при немецком законодательстве это было не так-то просто, а во-вторых, еще в СССР Николаев столько раз отлежал в «психушках», что мог уже ничего и никого не бояться.

— Ну что? — приветствовал он меня кликушеским возгласом.— Горбатому ездец, нам теперь ездец и «Свободе» ездец!

— Ну, может, «Свободе» еще и не ездец,— ответил я,— неизвестно, как чего и куда еще повернется.

— Ездец, ездец! — еще раз уверенно повторил «блаженный» Женя и побежал делиться радостной вестью дальше по коридору.

Свой второй эфирный материал по августовским событиям я посвятил назначению министром обороны генерала армии Михаила Моисеева, еще раз проведя мысль об отсутствии признаков участия армии в каких-либо политических играх президентов. За материалом в эфир последовал донос начальству: дескать, Коновалов выгоражи-

вает генерала-гэкачеписта. Пришлось опять «доказывать на пальцах», что после отлета Дмитрия Язова в Форос и нахождения Главкома СухВО Варенникова на Украине начальник Генерального штаба Моисеев и был той единственной фигурой, которая реально могла передать связь и управление введенными в Москву воинскими частями генералу Константину Кобецу, в ту пору министру обороны России (что, кстати, позднее в личных беседах и было подтверждено обоими генералами). Но Моисеева обвинили в пособничестве ГКЧП, уволив с должности министра на следующий день. Причина вполне понятна. В окружении Горбачева, дни которого как президента СССР уже были сочтены, нельзя было оставлять способного и умного военачальника-стратега. Новым министром обороны СССР назначили Главкома ВВС маршала Евгения Шапошникова.

С КГБ разобрались еще более иезуитским способом. Мало кто сейчас помнит, что назначение на эту должность Вадима Бакатина состоялось фактически «под занавес» существования организации. До него в должности начальника Управления кадров КГБ там с первых дней победы «демократии» достаточно «похозяйничал» мой старый знакомец, полковник-замполит из ВВС Николай Столяров. Позднее, чтобы избавиться уже от самого Бакатина, в ход пустили «подставку» с планом расположения «жучков» в новом здании посольства США. Сделано это было с достаточно тонким расчетом: во-первых, поставить в глазах общественного мнения пятно на репутации одного из самых порядочных людей в окружении Горбачева, во-вторых, настроить «комитетчиков», которых увольняли тогда сотнями, против конкретного человека,— дескать, вот он во всем и виноват. Наивно было бы думать, что, откажись Вадим Бакатин от передачи этой информации дипломатам США, не нашлось бы другого исполнителя. Да и секрет этот для спецслужб США, по сути дела, был секретом полишинеля. Я знаю Вадима Викторовича уже достаточно долго, для того чтобы считать наши отношения дружескими, так что никакие бульварные газетенки вкупе с господами Кацами не заставят меня усомниться в честности и порядочности этого человека. Это только лишь два примера тому, как подставивший своих соратников Горбачев в конце концов и сам оказался в полной политической изоляции, превратившись в «умелых руках» российского президента в эдакого «мальчика для битья», роль которого под общий смех он

исполнял вплоть до «беловежской попойки». Впрочем, такое отношение Ельцина к Горбачеву по-человечески понятно, слишком уж памятной для Бориса Николаевича осталась разборка на известном пленуме ЦК, не говоря уже о «купании в речке».

ПОСЛЕ АВГУСТА

В августовских событиях 91-го года, как я уже говорил, лично для меня оказался и один плюс — возможность свободно звонить в Россию и получать информацию из первоисточников. Я разжился несколькими телефонными номерами в Москве, и первым человеком, которому я позвонил, был бывший редактор «Военно-исторического журнала» генерал-майор Виктор Иванович Филатов. Именно он дал мне еще несколько важных телефонных номеров, и именно после разговора с ним у меня и зародилась идея создать цикл спецпередач: «Патриоты и армия». Директор Русской службы РС Матусевич эту мою задумку одобрил, и я соответственно взялся за дело. С Виктором Филатовым я разговаривал еще не раз. Между нами установилось взаимопонимание, позднее перешедшее в дружеские отношения, хотя очно мы познакомились только летом 92-го. К слову сказать, к концу сентября над Виктором Ивановичем начали «сгущаться тучи». Кто-то вспомнил публикацию «Майн кампф» в переводе на русский в «Военно-историческом журнале», кто-то задался вопросом о месте и роли Филатова в событиях августа 91-го. Да и из разговора с ним чувствовалось, что не все у него гладко. В общем, в одном из телефонных разговоров с другим генералом — покойным ныне Дмитрием Волкогоновым — я без обиняков спросил, что конкретно новая власть имеет против генерала Филатова. Волкогонов в присущей ему «вежливой» манере назвал Филатова «мракобесом», фашистом», «сумасшедшим» и так далее. Я, в свою очередь, напомнил ему, что ко всему он еще и прекрасный журналист, который работал в условиях боевых действий в Афганистане, в Никарагуа и Ираке, а кроме того, и то, что «Майн кампф» уже переведен на многие языки мира, в том числе и на иврит. Да и опубликовал Виктор Иванович именно ту часть книги «бесноватого фюрера:», в которой речь шла о судьбе, уготованной им русскому народу. По-

хоже, что в своих пожеланиях русскому народу господин Волкогонов мало в чем расходился с Адольфом Гитлером, но в конце концов я услышал требуемое: во-первых, никто этого «сумасшедшего» уголовно преследовать не собирается, а во-вторых, ему, Волкогону, не совсем понятно, почему это я, работая на «Свободе», вообще поднял этот вопрос о генерале Филатове. На что я в том же духе ответил, что, во-первых, ярлык «сумасшедший» к инакомыслящим клеили и раньше, в этом новая власть от старой мало чем отличается, а во-вторых, я не хочу терять остроумного, пусть порой и парадоксально мыслящего коллегу-журналиста и друга. Последнее слово вообще выбило Волкогонова из колеи, и, чего уж греха таить, наши отношения после того телефонного разговора несколько поостыли. А Виктор Иванович Филатов, перешедший после увольнения в запас на работу в газету Внутренних войск МВД России, стал одним из авторов программы «Сигнал», давая сводки с «фронтов второй гражданской». В цикл «Патриоты и армия» вошли двенадцать 20- и 30-минутных спецпередач. Мне удалось прозвонить и проинтервьюировать практически всех главных редактора военных журналов либо же их заместителей. А также предоставить слово в эфире уже упомянутому Виктору Филатову и еще двум не менее известным в России писателям-патриотам — Александру Проханову и Карему Рашу. Получилось несколько не то, что от меня, может быть, ожидали на РС. Русские патриоты и в мундирах и в гражданском платье оказались нормальными, образованными людьми и вполне приемлемыми собеседниками. Кое-кому из моих бывших коллег, рисовавших в эфире все русское только двумя красками, красной и коричневой, это, конечно, не понравилось, хотя все еще было терпимо, пока в 92-м я не привез из Москвы и не дал в эфир интервью с генерал-полковником Альбертом Макашовым. Вот тогда-то и последовали уже не коридорные шушуканья, а полновесный донос наверх, гласивший, что генерал Макашов на чем свет стоит кроет США и проклятых жидов-сионистов, а Коновалов на американские деньги пропагандирует это в эфире на всю Россию и СНГ. Так что не пора ли, мол, «заткнуть фонтан». Ну чем не наглядный образчик «свободовской» свободы слова! Однако у директора Русской службы Матусевича было свое особое мнение на сей счет. Донос не принес ожидаемого результата, и «фонтан» остался в строю еще на четыре го-

да. А спустя некоторое время я даже получил повышение и годовую поощрительную премию, в том числе и за цикл специальных радиопередач «Патриоты и армия».

На стыке 1991 и 1992 годов постепенно завязались у меня и другие телефонные контакты — уже на сугубо военном уровне. Это генералы Геннадий Стефановский, Валерий Манилов, полковник, а впоследствии генерал Валерий Чебан и упоминавшийся выше Николай Столяров, который к тому времени оставил хоть и прибыльную, но хлопотную должность начальника Управления кадров бывшего КГБ и перебрался в аппарат к Руцкому, пока его оттуда не выпер генерал Стерлигов.

Но был у меня один особенно примечательный контакт, который стоит более подробного рассказа о нем. Просматривая как-то дайджест газетной периодики, я совершенно случайно наткнулся на коротенькую заметку «Кафе на Лубянке». Сей образчик бульварной сенсации меня, конечно, позабавил. Чекисты решили открыть кафе для журналистов, но к нему прилагался и телефонный номер, первые цифры которого начинались на 224, что несколько меняло дело. Номер был действительно лубяньским. Одна из хакерских программ в моем «макинтоше» позволяла вычислить расположение улиц, площадей и районов Москвы по трем первым цифрам телефонного номера. В общем, я решил попытать счастья и узнать, так сказать, из первых рук, «почем чашечка кофе на Лубянке». На другом конце провода довольно приятным женским голосом ответили, что о подобных намерениях руководства МБ РФ ничего не известно, и предложили мне позвонить по другому телефонному номеру, тоже начинавшемуся на 224, назвав и фамилию хозяина кабинета — Гуров. Александр Иванович (а это был именно он) довольно резко высказался по поводу моего вопроса, добавив, что во Втором доме ни «кафе», ни прочих «питейных заведений» руководство МБ открывать не намерено, и посоветовал мне данный вопрос обсудить с автором заметки. Я тут же сменил тему и спросил его: уместно ли тогда будет поговорить с «сыщиком номер один» на тему организованной преступности? В частности по поводу «льва, который прыгнул». Гуров столь же резко ответил, что он больше не начальник 6-го Главного управления МВД СССР, но потом все же дал «добро» на то, чтобы я прислал интересующие меня вопросы по факсу. Что на другой день я и сделал. Вопросы Александру Ивановичу

не только пришлись по душе, но и сам я в качестве собеседника показался ему вполне «компетентным товарищем». Беседа получилась интересной, положив начало не только нашему сотрудничеству в рамках программы «Сигнал», где генерал Гуров вел рубрику по вопросам концепции безопасности Российской Федерации и борьбы с организованной преступностью и коррупцией, но и нашей дружбе.

Теперь я уже не военный редактор Русской службы Радио «Свобода», равно как и генерал Гуров больше не служит ни в МВД, ни на Лубянке. Сейчас Александр Иванович — председатель Думского комитета по безопасности. У меня остались наработанные нами за несколько лет материалы объемом в книгу, которая способна вызвать не меньший интерес у читателей, чем его знаменитая «Красная мафия».

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

1998 год стал последним годом жизни моего друга талантливое русского писателя Петра Паламарчука. У меня в архиве остался небольшой материал из литературного наследия Петра, в котором он рассказывает о своем дедушке, маршале Советского Союза Петре Кирилловиче Кошевом. Я счел возможным включить его в свои мемуары, ибо по замыслу сюжета каждого из постоянных авторов военно-политического обозрения «Сигнал» хочу представить одним-двумя эфирными материалами, дабы дать читателям более полное представление о них самих и их творчестве. Первым я представляю моего покойного друга Петра Паламарчука, родным и близким которого выражаю самые искренние соболезнования в связи с постигшей их утратой.

Петр Паламарчук

Рассказ о Маршале Советского Союза Петре Кошевом

До сих пор не могу избавиться от ощущения странности пребывания здесь, «по эту сторону» Германии. Ведь первый в своей жизни полет довелось пережить в шести-

месячном возрасте как раз сюда, но по иную сторону холодных границ. В штаб того, что тогда именовалось Группой Советских войск в Германии (ГСВГ). В 1956-м мой дед Петр Кириллович Кошевой был заместителем ее командующего Гречко. Восемь лет спустя он стал уже Главкомом группы войск. Причем две Звезды Героя Советского Союза имел не за паркетное шарканье в столице, где никогда не служил, а за взятие Севастополя и Кенигсберга. Располагался штаб группы в подберлинском городке Вюнсдорф, рядом с тем Цоссеном, что так знаком русским изгнанникам первого набора: туда приезжала еще Марина Цветаева навещать Андрея Белого. Но это второе поселение для большинства совслужащих был уже «запредел». То есть на право выхода через КПП требовалось иметь при себе пропуск. Помню заброшенные бомбоубежища времен последней войны, из которых, по преданию, начиналась затопленная в 45-м году подземная дорога в рейхстаг (в этом, начитавшись теперь про второе метро под Москвой, можно и не так сомневаться). Да, по легендам, и домик главнокомандующего был прежде жилищем чуть ли не самого Геббельса...

Конечно, волею рождения выпавшего из обычного окружения мальчишку куда как привлекали подобные обстоятельства. А коли добавить к тому еще негласное позволение читать после выполнения школьных уроков «синий» и «белый» ТАСС — сводки печати для служебного пользования, а то и чего пострашнее... Быть может, во многом они-то и потянули выбрать потом из всех институтов ненавистный за свою недоступную для большинства привлекательность МГИМО (хотя на самом деле детей военных там не привечали). Но попробуйте откажитесь в 67-м посреди «семидневной войны» взглянуть в подробнейшие карты Ближнего Востока. Как жутковато божественно выглядела тогда даже молча стоявшая королевою на столе кабинета кремлевская «вертушка». Тогда она, к счастью, не сработала. Команда «вперед» прозвучала годом спустя в направлении Чехословакии. Отнюдь не опускающая теперь из виду нравственной оценки этой операции, принятой на политическом, а не военном уровне, думается, полезным будет для полноты картины добавить несколько малоизвестных событий тех дней. Пусть не питают иллюзий читатели выбравшего себе громкий псевдоним «Суворов» Владимира Резуна (входившего в Чехословакию, впрочем, с другой стороны). Операция

была осуществлена в высшем смысле грамотно — недаром ее изучают в Вест-Пойнте — и, главное, практически без потерь. А когда приказ отдается человеку военному, он обязан его выполнять, иначе это будет уже не армия, а парламент. Учтем еще, что по негласному признанию давнего сослуживца деда маршала Баграмяна, он в шестидесятые годы считался у нас «военным номер 1». И недаром имел в распоряжении самую большую в мире группировку наисовременнейше оснащенных войск, способную в считанные дни достичь Гибралтара. Слава богу, тогдашние цековские умы до этого все-таки не додумались. А маршал, вернувшись домой, какими только глаголами не честил советскую дипломатию, втянувшую войска в совершенно не подходящие их службе действия.

По прошествии времени становятся более значимыми не самые внешне яркие, а как бы созревшие в тишине десятилетий явления. Скажем, то, что везде, где он служил — в Забайкалье, Литве, Германии, Новосибирске, Киеве,— первым делом занимался обустройством жизни всего личного состава, от рядовых и до высших офицерских чинов. Тут не следует подозревать в необъективности естественно любовный взгляд единственного внука: те, кто еще помнит главкома, отлично ведают, что в отношении нерадивых это был немилостивый судья. Он требовал рвения, ибо в отличие от прочего начальства отвечал за человеческие жизни. Перед штурмом Сапун-горы несколько дней, например, вместо короткого отдыха заставлял бойцов преодолевать искусственные подобию германских укреплений, чтобы добиться наименьших потерь. И добился. Да и изобретение известных налетов на Севастополь загруженных из-за отсутствия бомб просто камнями самолетов — во многом его идея, вполне достигшая эффекта устрашения. Ту же малороссийскую смекалку применял он и все последующие десятилетия. Так, пресловутый «армейский спецназ» во многом тоже родился благодаря ей — причем на моих глазах. В Германии тогда стояли войска четырех стран-победителей. Французскими командовал генерал Массю. Этот человек спас в 1968-м Францию, когда перепуганный взбаламученным Парижем де Голль прилетел к нему и попросил выручки. Массю, употребляя, по сведениям советского историка Молчанова, исключительно крепкие выражения, потребовал освобождения своих алжирских соратников, а затем запросто восстановил порядок, двинув во Францию танки. Так вот,

будучи еще одним из «четверовластников», он нанес визит в советскую штаб-квартиру и в ответ на парад лучших наших подразделений показал, что могут проделывать его «командос». Зрелище было оценено по достоинству.

Припоминают в своих кругах и рассказ командующего авиацией группы о тех же чехословацких событиях. Как-то вечером он, находясь в отпуске, позвонил и спросил, можно ли отправляться на покой. Главком разрешил, а ровно через 20 минут поднял всех по тревоге. Кстати, поневоле задумаешься, почему даже спецсвязи он не доверял всех своих тайн. Быть может, недаром и донос на него на «самый верх» написал заместитель из того рода, что негласно звался «политпоп». Было за что, даже не считая неприятия втягивания армии в худую политику. В свой юбилей дед, прекрасно ведая, что «слушают и слышат», громко заявил: «Похоронить не в кремлевской стене!» И действительно оказался первым из «полных маршалов», погребенных на Новодевичьем. Теперь, видя воочию суету с грядущим праха насельников мавзолейного огорода, нельзя не признаться: опять угадал. Многие из этих историй мне посчастливилось услышать от тех его соратников, кого теперь можно считать личностями историческими, — маршалов Конева, Москаленко, Чуйкова. С их смертью ушла целая эпоха победителей Второй мировой. Последующие главкомы, да и министры обороны уже не числились в заметных деятелях Великой Отечественной.

Дед успел выпустить первый том воспоминаний «В годы военные». И надо отдать должное записывавшему их «литобработчику»: он не сгладил живой голос своего героя. Даже таких примечательных подробностей, что на параде в Куйбышеве в самые крутые дни 41-го Калинин-де выступал без микрофона — да прежде «и в Большом театре им не пользовались». Жаль, что туда не попали по причинам времени (добавление про то, что автор, любитель музыки, имел возможность сравнить и с «Гранд опера», будучи послан в Испанию в качестве «добровольца»). И еще обиднее — нет крайне точного штриха эпохи: на столе перед «посылкою кругом Европы» осталась лишь лаконичная записка: «Вернись». Но счевшие пропавшего в одночасье соседа напуганные сожильцы перестали здороваться с его женою и дочерью.

И последний случай из книги. Свежую сибирскую дивизию спешно перебросили в самый тяжелый час под Тихвин. Комдив по своей еще не раз оказавшей себя

бесшабашной храбрости — потом в Сталинградской битве он выехал, например, нарушая все уставы, впереди наступающих и захватил десятки немецких танков,— оборудовал себе пункт управления прямо в кроне сосны по-над рекою Волхов. Но озаботился, естественно, полевой связью. По команде докладывают: «С вами хочет говорить товарищ Иванов». Подумав, что это кто-то из армейского штаба, полковник Кошевой взял трубку и услышал на том конце провода до страсти знакомый картавый голос Сталина: «Ты знаешь, где стоишь? Напротив — аракчеевские казармы. Завтра они должны быть наши!» Военные в таком случае отвечают «Есть!» Приказ был выполнен, а последовавшее освобождение самого Тихвина осталось в учебниках истории как первое успешное наступление русских в 1941 году. Вслед за тем началось и контрнаступление под Москвой. Вызвав перед новым назначением уже генерала Кошевого, Верховный Главнокомандующий изрек: «Говорят, ты никогда не отступал». И этот приказ был выполнен Петром Кошевым до конца самой жизни.

Глава 5

ПЕРВЫЕ КОМАНДИРОВКИ: ЗГВ И МОСКВА

ЗАПАДНАЯ ГРУППА ВОЙСК — БАЗА ВВС В МАЛЬВИНКЕЛЕ

Осенью 91-го в Бонн с официальным визитом прибыл тогдашний министр обороны Советского Союза маршал авиации Евгений Шапошников. Основное внимание на упомянутых переговорах, конечно же, уделялось статусу бывшей ГСВГ, которую спешно переименовали в Западную группу войск, и вопросам того, какую сумму в твердой валюте немецкие бюргеры готовы выложить из своих карманов за ее скорейший и окончательный уход из объединенной Германии. Конечно, на командировку в Бонн я не особенно рассчитывал да и, к слову сказать, «наших» туда никогда особенно-то и не приглашали. Мой же командировочный опыт на то время ограничивался только выставкой «Конверсия-90», проходившей к тому же и в Мюнхене, так что особенно далеко ехать не пришлось. Поэтому я с большим энтузиазмом ухватился за предложение пресс-центра ЗГВ прислать на базу российских ВВС в Мальвинкеле корреспондента «Свободы».

Со мной Матусевич отправил и некоего Манхайма. Последний числился на РС в качестве звукооператора, но не оставлял попыток подвизаться к той или иной программе и как пишущий автор. Вот только по части русского языка возникали проблемы: что ни строчка, то «калька» с немецкого, а может, и с родственного ему языка идиш. Но это, как говорится, мелочи. «Товарищ» был услужлив до подхалимажа (обычные повадки стукача), а его так называемый русский в конце концов можно было и подредактировать. Куда сложнее было редактировать пустопорожние вопросы, которые он к месту и не к месту рвался задавать. Упоминаю его лишь ради исторической справедливости, ибо с этим самым Манхаймом довелось мне

побывать в ЗГВ еще раз, уже в августе 94-го, на выводе последней российской воинской части — Берлинской мотострелковой бригады.

Как бы там ни было, но «добро» на командировку было дано, и я на всякий случай запасся собственной звукозаписывающей аппаратурой, дабы не во всем зависеть от упомянутого Мана, который ко всему еще и Хайм. Дальнейшее развитие событий показало, что интуиция и здесь меня не подвела. До Мальвинкеля мы добрались почти без приключений и довольно быстро. Единственное — пришлось немного поплутать после Магдебурга. Дорожных указателей на базу российских ВВС, понятно, не существовало. Не скрою, эта часть Восточной Германии произвела на меня одновременно и гнетущее и в чем-то приятное впечатление. Ощущение было такое, что я попал в Советский Союз временем расцвета так называемого застоя. Вот только типовые коробки домов в том же Магдебурге были в более худшем состоянии, чем в наших провинциальных городах. Потом, конечно, с появлением вывесок и фонового шума улиц, ощущение это пропало, хотя спустя почти два года я вновь испытал схожее чувство уже в Восточном Берлине, напомнившим мне Москву.

У ворот базы ВВС дежурила полицейская машина. Уточнив у полицейских, правильно ли мы добрались, оставляем тачку и пешком идем дальше по направлению ко второму КПП, где после предъявления журналистских удостоверений дежурный офицер, обнаружив наши фамилии в списке приглашенных, объясняет, как нам пройти в актовзй зал. Когда мы наконец прибыли на место, совместная пресс-конференция главкома ЗГВ и министра обороны уже началась, но, как мы выяснили у сотрудника пресс-центра ЗГВ майора Евгения Кривошеева, свои вопросы западные и отечественные журналисты будут задавать после перерыва. У нас еще оказался в запасе своего рода «сержантский зазор», дававший время сформулировать тот единственный вопрос, который каждый из приглашенных мог задать на выбор либо Бурлакову, либо Шапошникову. После пресс-конференции министр обороны улетал в Москву прямо с мальвинкельской базы. Обдумывая свой вопрос (для себя я уже определил, что буду задавать его Шапошникову, о чем соответственно предупредил и Манхайма, на всякий случай напомнив последнему не только о субординации, но и о координации наших действий), я успел перекинуться парой фраз с майором Кривошеевым. Выяснилось, что Евгений слышал

мое интервью с врио начальника ГлавПУ СА и ВМФ генералом Стефановским (последнего тогда прочили в помощники министру, но на Первом всеармейском офицерском собрании все обернулось по-иному, «не в свои сани» снова сел вездесущий полковник Столяров, оставив Стефановскому менее значимую должность помощника у Главкома РВСН Сергеева), и оно ему очень понравилось охватом злободневных тем и профессиональной постановкой вопросов. «Вы «Львовку» случайно не заканчивали?» — спросил майор Кривошеев. Я хотел было снова ляпнуть свои коронные «три класса и коридор при тюрьме», добавив к ним и «школу для слабоумных разведчиков», но вместо этого, поймав усталый взгляд майора, решил шутки отставить и только отрицательно помотал головой. «Странно...» Я, улыбнувшись, ответил, что мне тоже странно. Наверное, нужно было что-то закончить, если не Львовское политехническое училище, то хотя бы Военную академию Генерального штаба или Вест-Пойнт. Мы посмеялись, и Евгений протянул мне свою визитную карточку. Спустя некоторое время его перевели служить в Россию, и контакт наш оборвался. Все что осталось у меня на память от той встречи, это присланная из Вюнсдорфа видеокассета с записью пресс-конференции Бурлакова и Шапошникова.

После небольшого перерыва наконец стартовал и финальный заезд. Желających задавать вопросы журналистов вновь собрали в актовом зале. Я не торопился лезть в первые ряды, во-первых, потому что хотел послушать, что будут спрашивать другие и как на их вопросы будет реагировать министр, а во-вторых, не хотел сразу огорошить министра этически и юридически довольно сложным вопросом. Наконец подошла и наша очередь. Услышав «Радио Свобода», и маршал и главком заулыбались, причем достаточно доброжелательно. Кстати, Евгений Иванович всегда сохранял веселое выражение лица. По-настоящему серьезным, без знакомой улыбки на лице я видел его только один раз, уже на должности секретаря Совета безопасности, незадолго до «октябрьского расстрела». Манхайму я позволил первым пролепетать что-то о российско-германских отношениях, а потом, на одном дыхании, ни разу даже не заикнувшись, попросил маршала Шапошникова дать мне четкую военно-юридическую формулировку так называемого «преступного приказа» и сказать, что он по этому поводу лично думает. (Если помните, в то время вокруг данного понятия довольно много

дебатов было в отечественных СМИ.) К чести маршала, он довольно четко определил понятие «преступного приказа» как относящееся не к армии и воинским уставам, а к политическому словоблудию, добавив при этом, что для Вооруженных Сил данная концепция вообще неприемлема, так как подрывает основы единоначалия и дает возможность очень уж вольной трактовки любых приказов по нисходящей «командир — подчиненный». Было видно, что вопрос мой он нашел хоть и резковатым, но интересным, а я, в свою очередь, остался в полной мере удовлетворен услышанным от него ответом. Для нас, «свободовцев», даже было сделано исключение в виде возможности задать один дополнительный вопрос. Манхайм переключился на выясненные «немецко-русских» отношений с Шапошниковым, а я поинтересовался у главкома группы Бурлакова причинами дезертирства солдат, офицеров и прапорщиков из частей и соединений ЗГВ. Чуть позднее, уже после посещения Мальвинкеля, я даже получил «добро» Матвея Прокопьевича на интервью с заместителем военного прокурора группы войск, который довольно четко описал мне ситуацию с дезертирством в ЗГВ, не пытаясь сваливать все на чьи-то «происки» или там «классовую несознательность». Да! Проблема существует, и вызвана она различными факторами, равно как и сам общий рост преступности в группе. Один из таких факторов — немецкая марка. Войска выводятся не с казарменного положения. К политическим факторам я отнес события августа 91-го, с чем военный юрист не мог не согласиться. В свою очередь, он сказал, что объявлен месячный срок для тех, кто захочет вернуться, гарантирующий освобождение от наказания. Я согласился дать текст обращения в программе, но с определенными оговорками: никто никого агитировать за возвращение через трансляцию «Свободы» не будет. Военный прокурор согласился с тем, что вопрос возвращения — это личное дело и решение каждого из дезертиров. В общем, интервью получилось очень состоятельным по содержанию, без оголтелых нападок и ярлыков. Одним словом, мои журналистские контакты с ЗГВ становились все шире, но некоторый нежелательный перерыв в них внесло следующее событие, известную роль в котором сыграл мой давний и почти постоянный респондент Николай Столяров, к тому времени генерал и помощник министра обороны.

Это случилось в самый канун 1992 года. Сначала на радио «Свобода» (разумеется, по нелегальным каналам)

пришло письмо из ЗГВ от группы офицеров-политработников и членов их семей. Я, признаться честно, отложил его в «долгий ящик», ибо «политрабочих» не особенно жаловал, соглашаясь со словами генерала армии Вареникова, что по теперешним временам «комиссарить на Руси стало проблематично», потому после «августовского путча» и полезли многие замполиты в первые ряды «ельцинских демократов». Да и те из «политруков», кто рванул за «полновесной маркой» из частей и соединений ЗГВ, были настолько, простите, «хитротрахнутыми», что ни расположения, ни уважения к себе не вызывали. Уж у этого-то «беженского контингента» какие-либо политические причины ухода отсутствовали начисто. Не так давно с одним таким как-то столкнулся. Так там на морде просто было написано, что Главвоенпрокуратура по нему не зря плачет. Но по тем временам тот случай оказался особым, с чем даже руководство Главной военной прокуратуры не могло не согласиться (встреча с Валентином Паничевым и Алексеем Смертиным у меня состоялась летом 92-го). Вскоре в январе пришло и второе письмо, а потом один из этих офицеров сумел прозвониться с частной немецкой квартиры на «Свободу» по контактному телефону, и меня соединили с ним. Тут-то все и прояснилось. Не буду даже сейчас называть его фамилию по этическим и другим соображениям, назову только звание — майор и национальность — украинец. Кстати, все остальные из этой группы, за исключением одного, оказались уроженцами Украины. Суть же проблемы состояла в следующем.

В процессе реформы ГлавПУ все замполиты должны были проходить переаттестацию на замещаемые должности воспитателей — помощников командира по работе с личным составом. Семеро упомянутых выше офицеров: в званиях от старшего лейтенанта до майора, ее (эту переаттестацию) успешно прошли. И тут неожиданно выяснилось, что на их должности из России уже направлены новые люди в званиях от капитана до полковника, а офицерам-воспитателям предложено уволиться и ехать себе служить «на ридну Украину» в тамошней «самостийной армии». Был назван и человек, непосредственно отвечавший за вышеупомянутые «ратные подвиги», — помощник Бурлакова по воспитательной работе генерал-майор Иванушкин. Из присланных же офицерами копий документов было видно, что все они дали «присягу на верность России» («переприсяга» эта заменила советскую, и

не давший ее офицер, как правило, в войсках долго не задерживался). Более того, какая, к черту, «украинская армия», если на основании юридически обоснованной и признанной правопреемности Западная группа войск стала объединением российским независимо от национальной принадлежности ее личного состава. То есть налицо была дискриминация офицеров-замполитов по национальному признаку плюс к тому желание некоторых «арбатских шаркунов» найти себе теплое и прибыльное местечко ввиду ликвидации ряда структур бывшего ГлавПУ.

Это меня и подвинуло на дальнейшие действия. Я понял, что для генерала Геннадия Стефановского данный вопрос будет звучать уже не по адресу и позвонил в Москву новоявленному «воспитателю-помощнику номер один» Николаю Столярову. Вкратце изложив суть дела и процитировав кое-что из имевшихся на руках документов, я попросил Столярова высказать свое мнение на сей счет. Столяров говорил пространно и долго, назвав учиненный в отношении офицеров-замполитов произвол «попранием основ новой российской демократии», а Западную группу войск — «реликтом застойных времен». Что ж, как говорится, из песни слова не выкинешь. Мнение «главного армейского воспитателя» я дал без каких-либо купюр, все как есть. Не знаю, что уж там подумал о товарище Столярове лично сам главком ЗГВ Бурлаков, но передача вызвала негативный резонанс у командования группы войск и особенно у генерала Иванушкина. Некоторые из этих офицеров потом ушли на Запад, а остальных вместе с семьями депортировали в бывший Союз. Куда? В Россию, на Украину? Этого я не знаю и поныне.

Так что, завершая свой рассказ о первых контактах с командованием и офицерами ЗГВ, могу еще раз повторить уже сказанное ранее: многие случаи так называемого дезертирства порождались произволом и нездоровой обстановкой стяжательства, охватившей личный состав группы. И не вина в том Бурлакова. Кстати, я до сих пор убежден, что он был честным человеком, а все то, что приписывали главкому журналисты и «слева» и «справа», в реальности не стоило и выеденного яйца. Другое дело: почему на все обвинения в свой адрес он отвечал молчанием и нежеланием защищаться? Наверное, таков был приказ свыше. А что касается самой Западной группы войск, то выводить ее, если уж принято такое решение, следовало только с казарменного положения и в сжатые

сроки (все равно ведь в большинстве своем бросали офицеров и солдат в «медвежьи» необжитые углы, вопреки лживым посулам об их обустройстве на немецкие марки), а не так, чтобы в конечном итоге и морально и физически развалить и уничтожить самое крупное по численности и самое боеспособное соединение Вооруженных Сил СССР. Видимо, и тут сработал приказ. Интересно вот только чей?

С Матвеем Бурлаковым я вновь увижусь на окончательном этапе вывода ЗГВ. На тех самых памятных торжествах в Берлине, где немцы побыстрее выпихнули из бывшей ГДР «оккупантов» — последнюю нашу мотострелковую бригаду, от души посмеялись над президентом-алкашом и его «калинкой-малинкой», а затем торжественно проводили своих «освободителей» из числа трех оставшихся «держав-победительниц».

КОМАНДИРОВКА В МОСКВУ

После окончания пресс-конференции в Мальвинкеле я все же успел обратиться к спешно уходившему министру обороны Шапошникову с вопросом о возможности поработать в России — создать цикл радиопередач о Вооруженных Силах. Ответ маршала был краток: «Выходите на моего пресс-секретаря генерала Манилова, обсудите этот вопрос с ним и приезжайте». Это по возвращении в Мюнхен я почти что сразу и сделал. Позвонил Валерию Леонидовичу по телефону, сослался на разговор с Евгением Ивановичем и объяснил, что я задумал и что, собственно говоря, хочу. Мне было рекомендовано подать письменную заявку по факсу и соответственно указать в ней, с кем из числа руководителей министерства, аппаратов и штабов я хотел бы провести беседы. Также было рекомендовано приготовить вопросы и тоже либо отправить их по факсу, либо привезти с собой. Прикинув объем предстоящей работы, я, не медля ни дня, к ней тут же и приступил, учитывая в первую очередь то обстоятельство, что вопросы военным профессионалам требовали и моего профессионального подхода к той или иной теме. Работенка выпала не из легких, но за пару месяцев я с ней все же справился. То есть к середине апреля 92-го я был уже практически «боеготов». Само собой разумеется, отправил я и факс, на который был получен ответ, что

Управление информации Министерства обороны готово оказать мне содействие в данной работе. В моем списке кандидатов на интервью числились более двадцати высокопоставленных военных. К слову сказать, решив не ограничиваться одними Вооруженными Силами, аналогичную просьбу я отправил факсом в Министерство безопасности и в Службу внешней разведки России. Оттуда, правда, письменных подтверждений я не получил, так что фактически располагал лишь приглашением Минобороны, дававшим мне возможность пойти в Генеральное консульство, к тому времени из советского ставшее уже российским, и попросить въездную визу.

Прежде всего надо было заполнить визовую анкету, что я и сделал. Далее возник вопрос с гражданством СССР. Долгих девять лет я не мог получить ни подтверждения, ни опровержения по поводу моего статуса гражданина СССР, хотя обращался по этому вопросу неоднократно. И вот в самый канун «августовского недоворота» Генконсульство Советского Союза меня «обрадовало», прислав по почте сообщение о том, что гражданином СССР я больше не являюсь. Почему в канун «путча»? До сих пор не знаю. Ехать на Конгресс так называемых соотечественников и размахивать «демократической виолончелью», то есть, простите, автоматом Калашникова, я не собирался. В общем, собрав все необходимые для получения въездной визы «малявы» и «ксивы», я ранним апрельским утром отправился в Генконсульство России. Мидовский чиновник рассматривал факс на бланке Министерства обороны как рассматривают опасную и смертельно ядовитую змею. Примерно так же он потом посмотрел и на меня, спросив при этом, как я оказался в Германии, где мой советский паспорт, что я делаю на радио «Свобода», зачем я записал в визовую анкету Ленинград (такого города больше не существует) и при чем тут Министерство обороны РФ. На эту длинную вопросительную тираду я посоветовал поискать ответы в моей анкете, а причастность Министерства обороны к данной акции выяснить непосредственно в аппарате министра. В общем, по первому разу визу в Россию мне не дали. Пришлось еще раз звонить в Москву, заполнять по новой анкету, старательно выводя «Санкт-Петербург», и снова топтать в Генконсульство. На этот раз обошлось без намеков на серпентарий. Въездную визу мне выдали сроком на два месяца.

Теперь вопрос встал о командировке. Командировку в Россию на месяц от начальства я получил без проблем, а остальное урвал от своего отпуска. А кроме всего прочего, необходимо было оставить и с десятком выпусков программы «Сигнал», дабы не создавать пробелов в эфире, с чем я и справился уже где-то к началу мая (в дальнейшем перед каждой командировкой в Россию это у меня вошло в обязательную практику). Вот тут-то и случился казус. Из-за предстоящего собственного дня рождения я как-то пропустил, что двумя днями ранее, 7 мая, состоялось рождение российских Вооруженных Сил. Министром обороны России стал генерал-афганец Павел Грачев, которому я как-то напоминал в одной из радиопередач, что не он, а дядя Вася Маргелов является создателем современных ВДВ (это-то я знал еще с детства — у меня дядя в конце 50-х служил срочную в Витебской 103-й), а приглашавшей меня стороне — маршалу авиации Шапошникову предложили переехать в бывший штаб Варшавского Договора на Ленинградском проспекте — возглавить командование Объединенными Вооруженными Силами СНГ, которых нет и никогда не было.

Что-либо менять уже было поздно, но на всякий случай я еще раз прозвонил кабинет генерала Манилова. Тот заверил меня, что данные административно-кадровые перестановки существенного влияния на мою работу не окажут. Окрыленный этими словами, я пошел заказывать у администрации радио «Свобода» билет на московский рейс американской авиакомпании «Дельта», летающей из Франкфурта-на-Майне, и 22 мая 1992 года, после почти 10-летней разлуки, ступил наконец на российскую землю.

МОСКВА: ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Перед тем как отправиться в аэропорт, я, конечно, созвонился с Москвой и попросил Володю Пластуна решить несколько организационных вопросов. То есть обеспечить меня надежной крышей над головой на период проживания в столице и не менее надежными «колесами». С Минобороны о такого рода сервисе договоренности не было, а в московское бюро «Свободы» я решил не обращаться, исходя из своего многолетнего опыта, гласившего, что «обещанного три года ждут», а на

РС так все и четыре. Владимир Никитович не велел беспокоиться — в «Шереметьево-2» встречать столь долгожданного гостя он прибудет лично. Попросил только захватить кое-что из англоязычных материалов по афганской войне. И наконец ранним майским утром я нарисовался в Мюнхенском аэропорту. Почти часовой перелет до Франкфурта я проспал, а там был просто убит тем, сколько мне тащиться пешком до этой самой гребаной «Дельты». В голове мелькнула мысль о том, что лучше было бы полететь беспересадочной немецкой «Люфтганзой», но потом я вспомнил, что «щедрый дядюшка Сэм» оплачивает билет только на собственных авиалиниях, так что услуги других авиакомпаний пришлось бы оплачивать из своего кармана. Впоследствии я привык летать с пересадками, обнаружив в этом не только минусы, но и определенные плюсы. В тех, конечно, случаях, когда не надо было просидеть в ожидании самолета часами, иначе я так надирался, что меня не хотели запустать в салон.

Мысли в голове роились самые разные. Все-таки я отсутствовал дома почти десять лет. Улетал-то при советской власти, а прилетаю вообще неизвестно при какой, туманно называемой за неимением лучшего «свободным рынком и дерьмократией». В общем, взгромоздившись на борт «Боинга-737», я занял свое «коронное» место для курящих в хвосте (хотя согласно билету мог рассчитывать на лучший прием в бизнес-классе) и начал присматриваться к обстановке. Самолет был, что и говорить, «битком»: американские туристы всех мастей, кучка каких-то проповедников-сектантов, воспользовавшихся счастливым случаем «поохмурять» православный люд, да несколько немецких то ли туристов, то ли бизнесменов, летевших с таким выражением лиц, словно они уже ждали, что после приземления в «вилде Руссланд» их всех немедля пустят на корм белым медведям. Разительный, кстати, контраст с оживленными и веселыми американцами-«отморозками».

Борт вскоре вышел на взлетную. Я быстро достал припасенный заранее «сопливчик», чтобы успеть принять сто граммчиков «за отрыв носового колеса», и спустя несколько минут уже был в воздухе — курсом на Россию. Полетное время составляло по расписанию почти три часа, и, решив немного убить его (спать уже не хотелось), я еще раз занялся перепроверкой вопросов моим будущим

«звездно-лампасным» респондентам. Через некоторое время стюардессы начали развозить по салону еду и напитки. Есть не хотелось, а вот вопрос напитков меня весьма заинтересовал. Выяснилось, что спиртное на борту никак не лимитировано, и мои так называемые сто грамм превратились в целый литр первоклассного скотча. Потом я даже полюбил авиакомпанию «Дельта», и не в последнюю очередь именно за этот вид сервиса. Остальные авиакомпании, особенно немецкие, очень уж жались насчет спиртного, приходилось расходовать свой НЗ. Каждый раз встречая меня потом в «Шереметьеве-2», братан, Игорь Морозов, не забывал спросить, на сколько литров скотча я нанес ущерб бюджету «дяди Сэма». Но не буду здесь слишком уж уподобляться моему старому знакомому, покойному ныне писателю Веничке Ерофееву. Пишу ведь не «Москва — Петушки», а «Мюнхен — Москва»...

Наконец самолет тяжело плюхнулся на шереметьевскую посадочную полосу и, трясаясь на «родных ухабах», подрулил поближе к аэровокзалу. На борт зашел пограничник, равнодушно оглядел салон, после чего автобус доставил пассажиров «Боинга» в комплекс здания для прохождения паспортного и таможенного контроля. Подошла и моя очередь. Старший прапорщик за стеклянным окошком долго разглядывал мой паспорт, затем меня, потом снова паспорт, потом визу, потом недоуменно снова меня, и, наконец, что-то на дисплее своего компьютера. Не приняв никакого решения и не задав ни одного вопроса, по селектору он вызвал старшего смены. Им оказался майор. Вдвоем они еще раз повторили упомянутую уже процедуру, а затем майор спросил меня, кто и где выдал мне сей документ и на каком основании. Начиная заметно нервничать, я ответил, что там и так все по-немецки и по-русски понятно написано, но если нужно, я повторю. Майор и после этого не понял, какие у меня дела в Министерстве обороны, однако уточнять больше не стал. В конце концов после тридцатиминутной заминки штамп в визу все же был поставлен. Мне разрешили пройти.

На таможне я уверенно направился к «зеленому» коридору». Совсем юный страж «свободного экономического пространства», узрев меня с объемистым «сидором», тут же спросил: «Валюта есть?» Я ткнул пальцем в нужную графу декларации. Тот оживился: «Покажите!» Я достал несколько долларовых «косарей» (всей налички было по-

рядка шести «кусков») и показал ему, добавив, что все остальные «хрусты» точно такие же. «Покажите все!» Мне вполне хватило до этого «содержательной беседы» с пограничниками, поэтому я, уже по-настоящему выходя из себя, сказал, что все остальное предъявлю в присутствии начальника таможни «Шереметьево-2», назвав имя, фамилию, отчество, а также номера служебного и домашнего телефонов данного лица. Услышав это, другой таможенник, видимо, поумнее или поопытнее первого, велел мне побыстрее проходить и не блокировать «зеленый коридор». Надо сказать, что во все мои последующие командировки в Россию погранконтроль и таможню я проходил гладко и без заминки, порой даже через дипкоридор.

Я выплеснулся в зал ожидания. Со всех сторон сразу понеслись заманчивые предложения с кавказским акцентом: «Брат, Масква дэшэво давэзу!», «Дарагой, далэко эхат, тачка нужин?» Никак не реагируя на весь этот навязчивый извозный сервис либо же огрызаясь на далеко не литературном английском, я прошел в глубь зала и, конечно, того, кто должен был меня встречать, не увидел. Ведь в лицо-то мы, получается, друг друга и не знаем. «Все, картина Репина «Приплыли»... Я в запарке фрайернулся настолько, что забыл обменяться «особыми приметам»,— мелькнула запоздалая трезвая мысль (сказал, правда, про наколки на левой руке, да вот только в России это не такая уж и особая примета). «Ладно,— подумал я чуть погодя и не особенно впадая в панику,— можно еще позвонить в бюро РС, или на худой конец (вот только чей?) воспользоваться «кавказским извозом». Еще раз пристально присмотревшись к наводняющей «Шереметьево-2» публике, я увидел слегка рыжеватого, уже начинающего заметно лысеть человека среднего роста, в остальном ничем особым не примечательного. Человек этот тоже пристально оглядывал зал. «Может, это и есть Володя Пластун,— прикинул я,— тем более что и стоит он возле окошка, где по внутренней трансляции дают объявления для прибывающих. А, была не была, спрошу!»

Я подошел к нему:

— Владимир Никитич?

— Да, а вы Валерий? Ну именно таким я вас себе и представлял.

Володя сказал мне, что несколько раз просил объявить для меня место своего нахождения. Я, в свою очередь, объяснил причину почти часовой задержки.

— Все ясно,— сказал Владимир Никитич,— твою фамилию, видимо, не успели убрать из «черного списка», поэтому и вышла некоторая неразбериха.

Мы вышли из здания аэропорта и после представления меня человеку за рулем (впоследствии один из постоянных московских авторов «Сигнала», подполковник запаса Михаил Елистратов) и еще одному пассажиру в салоне «Жигулей» (хозяину квартиры на Ленинском проспекте, где мне предстояло жить) поехали в направлении Москвы. «Шестерка» принадлежала Володе. «Это,— сказал мне Пластун,— единственное, что я приобрел за несколько лет службы «за речкой».

Чуть отъехав от Шереметьева, остановились. Володя достал бутылку коньяка, стаканы и плеснул на троих помалу. «За встречу на родной земле!» Мы выпили, и тут я как то сразу почувствовал, что впредь никогда не буду испытывать «жажду» в России. Забота была одна — только бы не спиться. Но этого, слава богу, не случилось. Как правильно заметил Владимир Никитич, а до него и Веничка Ерофеев, русский человек должен знать, когда выпивает: «с кем, где, когда, что и сколько». По второй накатили за знакомство. На «третий», выйдя из машины, по традиции выпили молча и стоя.

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

О своем заочном знакомстве с Владимиром Никитичем я рассказал в предыдущей главе книги. Теперь же хочу дать несколько фактов из биографии этого человека. По профессии Володя ученый-востоковед. Более 12 лет он провел на Востоке — в Иране, в Индии и в Афганистане. Имел ли он отношение к советской разведке? Имел, числился в действующем резерве ПГУ КГБ. Но на все вопросы неизменно отвечал, что к данной организации он никакого отношения не имеет, а вся его действительная военная служба сводилась к срочной на флоте. Преподавал одно время язык фарси в Высшей школе КГБ. «Может, за это и присвоили генерал-лейтенанта?» — иногда как бы невзначай проговаривался Володя. (Хотя некоторые знакомые офицеры КГБ, слышав про пластуновское «генеральство», скептически усмехались.) Но как бы

там ни было, а на момент известной операции «Шторм 333», поменявшей в декабре 79-го власть в Афганистане, Владимир Пластун был 2-м секретарем советского посольства в Кабуле. Потом он не единожды возвращался в Афган под «крышей» армейского ГлавПУ или с удостоверением спецкорреспондента «Правды» в кармане, уже после вывода наших войск. Его блестящие материалы по афганской войне и по таджикско-афганскому узлу новейшего времени, я думаю, запомнились многим. Удивил он меня и обилием афганских орденов и медалей, при почти что полном отсутствии наград советских. (Я насчитал их 17.) А более всего — своим отношением к афганцам. Владимир Никитович никогда не считал наше присутствие в Афганистане «ошибкой». В его понимании «ошибка» была не в желании оказать военную помощь соседней с нами стране и ее народу, а в том, как эта помощь была осуществлена. В конечном итоге, волей наших нерадивых политиков, мы их предали, бросили на произвол судьбы. Не раз я слышал от него эту фразу, с которой трудно было не согласиться.

Несмотря на свое высокое положение в советском прошлом, Владимир Никитович жил очень скромно. Главной ценностью в жизни он считал и считает книги и свою научную работу (научное наследие Владимира Пластуна поистине огромно, но издание его трудов по исламскому Востоку также требует и немалых денежных средств, хотя книгу о Наджибулле он все же смог издать в соавторстве с Владимиром Андриановым.)

Последний раз мы очно виделись осенью 98-го, а в 2000 году Владимир Пластун перебрался жить в Новосибирск, где получил место в Институте истории и этнографии. Мы время от времени созваниваемся и переписываемся, обмениваемся информацией, вспоминаем о прошлом. Владимир Никитович был и навсегда останется в моей жизни тем человеком, который оказал существенное влияние на развитие моего нынешнего отношения к прошлому и настоящему Афганистана. Я многому у него научился и считаю за честь назвать себя его учеником. (Чуть не сказал «студентом». На фарси — это «талиб».)

Володя познакомил меня со многими замечательными людьми из своего окружения. Об одном из них, генерале КГБ Викторе Спольникове, он и рассказывает.

Жизнь и смерть генерала Виктора Спольникова

«Смерть разведчика» — так была озаглавлена крохотная заметка, скорее даже некролог, опубликованный в одной из московских газет и посвященный генерал-майору Виктору Спольникову. Я хорошо его знал. Мы с Виктором Николаевичем работали в одни и те же годы в Иране и в Афганистане. Я никакого отношения к разведке не имел и не имею, за исключением нескольких лет преподавания на полставки в Высшей школе КГБ в области подготовки оперативных кадров для работы в Афганистане в восьмидесятые годы. Даже я тогда не знал, что Виктор Спольников — разведчик.

Обаятельный и довольно общительный человек. И в то же время, как это ни парадоксально, сдержанный и замкнутый. С ним можно было посидеть, поговорить по душам и выпить, причем немало, но он всегда оставался трезвым, оставался разведчиком. Не киношным, а настоящим.

В феврале 1994 года я был в Тегеране на научном семинаре по приглашению иранского правительства. В перерывах между заседаниями бродил по знакомому городу и совершенно случайно встретился с полицейским на углу улиц Фирдоуси и Надыри. Он, довольно пожилой человек, остался служить новому исламскому режиму, но помнит старые монархические времена. И что странно, помнит случай совершенно невероятнейший, когда кто-то из советских разорвал на себе рубаху и кинулся в подъезд дома именно на этом углу.

Было это в середине шестидесятых годов. Виктор Спольников, к тому времени прочно сидел под «крышей» нашего посольства в Тегеране. Надо было из этого дома, вернее из квартиры, вынести документы и микро пленки одного из работавших на комитет иранских генералов в отставке. Дом был уже окружен «саваковцами» — агентами шахской тайной полиции. Вроде бы все выглядело безнадежным. Вышколенные инструкторами ЦРУ США, агенты САВАК были неплохими специалистами, однако Спольников тоже знал свое дело. Как рассказал мне тот полицейский и как впоследствии подтвердили товарищи Спольникова по работе, он пошел по-русски, на «ура».

Подойдя к подъезду дома, где, забаррикадившись в ожидании неминуемого ареста, сидел тот самый генерал, Виктор рванул на себе рубашку до пупа и ринулся по лестнице в его квартиру. Саваковцы опешили. Предпринять они ничего не успели. Зато Виктор успел сделать все, что нужно: документы и микропленки вынес, передал тут же одному из своих и, прикидываясь пьяным, объяснил саваковцам, что приходил к знакомому, но попал не туда. Одна деталь: почему саваковцы были так ошеломлены? Дело в том, что Виктор Спольников был татуирован по всем правилам нашего послевоенного времени. На груди от одного плеча до другого — изображение орла с распростертыми крыльями и с грудастой обнаженной женщиной в когтях. Именно это на время и ошеломило агентов САВАК, когда он обнажил свой мощный торс.

Вообще Виктор Спольников был человеком очень неординарным, сообразительным, аналитически воспринимавшим любую ситуацию. А именно анализ и является краеугольным камнем в работе разведчика-профессионала. Далее, став начальником представительства КГБ в Афганистане, то есть попросту резидентом в данной стране, а до этого пройдя через Ирак, Ливан, Египет, Мексику и Соединенные Штаты, он как специалист по исламскому Востоку сосредоточился на Кабуле. Ох, трудные были для него, как и для всех нас, служивших и работавших там, эти времена! Помню, как, возглавляя резидентуру в Кабуле, он отстаивал идею координации действий представителей советских силовых министерств в Афганистане. Причина? Вот только один пример: генерал из Министерства обороны, предположим, называет в рапортах в Москву количество вооруженных формирований афганских моджахедов что-то около пятисот, МВД — восемьсот, МИД — одну тысячу, а КГБ — тысячу пятьсот. Кто из них прав? Убежден, что КГБ. Почему? Министерство обороны было просто зациклено на снижении цифр, поскольку из Москвы немедленно спросят: «А на кой хрен мы держим этот ограниченный контингент, если количество вооруженных формирований с каждым годом не уменьшается, а увеличивается?» Следовательно, нужно подать на начальственный стол угодную для него цифру. То же самое с МИД и МВД. Виктор Спольников предлагал на тот момент, чтобы все ведомства и службы согласовывали (не для доклада в Москву, а для общего дела) конкретные факты и отсылали информацию от имени всех ведомств,

а не от каждого по отдельности. Приняли вроде бы это предложение Спольникова. Но, как говорится в одном из наших старых детских фильмов, «нормальные герои всегда идут в обход». И шли, официально подписывая совместную сводку, а в обход отправляя другие, оправдывающие себя данные. Частенько ко мне в Министерстве обороны тогдашней Демократической Республики Афганистан прибегал майор и спрашивал (в третий раз я был в Афганистане под «крышей» ГлавПУ, в качестве эксперта Главного Политического Управления Вооруженных Сил Республики Афганистан): а что эти доложили наверх? Чтобы, не дай бог, самому не ошибиться. Мы со Спольниковым прекрасно понимали причину этих межведомственных противоречий и в числе немногих с самого начала были категорически против афганской авантюры в том ее виде, в котором она и вошла в историю.

И вот морозной зимой 1994 года мы похоронили генерал-майора Виктора Николаевича Спольникова. Тяжко было. Водка — и та не помогала. На похороны прибыл лично даже Евгений Примаков, директор Службы внешней разведки, и многие, очень многие коллеги Спольникова. Виктор, мужественный человек, покончил с собой — застрелился, чтобы в нынешние трудные времена не быть обузой, как он считал, для жены и детей. Рак — страшная болезнь, но все-таки его доконало и другое. Его книги, опубликованные после того, как он ушел в запас, говорят сами за себя. Кстати, в моей библиотеке есть несколько справочников по КГБ, изданных на Западе. Фамилия Спольникова в них не значится. Он был и навсегда остался советским разведчиком-профессионалом.

Глава 6

МОСКВА 92-го: КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ БУДНИ

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Утром следующего послеприлетного дня (это, как сейчас помню, был понедельник), проинструктировав секретаршу Люду, как и что отвечать на телефонные звонки, и невзирая на мое средней тяжести похмелье, мы с Михаилом Елистратовым отправились в вотчину МО РФ на Новом Арбате. Необходимо было представиться сотрудникам оборонного ведомства, ибо от этого напрямую зависел и вопрос моей дальнейшей работы в российских военных структурах. По дороге Миша осторожно расспрашивал по поводу моей работы и специфического моего интереса к вопросам обороны и безопасности. По профессиональной постановке вопросов я быстро понял, что имею дело с офицером, в чем Миша несколько не то что неохотно, а скорее осторожно признался. Я, в свою очередь, спросил Елистратова, как он в дальнейшем смотрит на сотрудничество с РС в рамках программы «Сигнал». Миша пообещал над этим подумать. В целом же он как-то сразу расположил к себе своим неистощимым юмором и довольно трезвым аналитическим взглядом на внезапно свалившиеся на головы россиян «рынок и демократию». Так за разговорами мы и добрались до небольшого переулка, расположенного в максимальной близости от белой громады здания МО.

Миша остался ждать в машине, а я пошел в бюро пропусков позвонить по имевшемуся в моем распоряжении дежурному телефонному номеру. Встречать меня вышли сразу двое старших офицеров Управления информации — полковник Владимир Никаноров и подполковник Владимир Уватенко. В виду того, что пропуск в само здание МО выписать не представлялось возможным (как все-

гда не было на месте нужного начальника), российские офицеры предложили мне переговорить в здании напротив, принадлежавшем 10-му управлению Генштаба (это единственное из «открытых» подразделений ГРУ). Ознакомив их с моими заявками и отдав копии вопросов представителям высшего военного командования, я спросил, на какой объем от всего этого я мог бы реально рассчитывать. Вместо ответа Никаноров зачем-то поинтересовался моим статусом в административной «табели о рангах» радио «Свобода». Я объяснил. Видимо, решив после этого, что и в «звании» и «по должности» мы равны, он, сославшись на занятость, неожиданно куда-то заторопился, оставив мне в помощники только Уватенко, оказавшегося очень способным и умным офицером, без содействия которого, я просто никогда бы не выполнил даже половину намеченного объема работы.

Оставшись вдвоем с Владимиром, мы более плотно приступили к делу. Уватенко сказал, что Управление информации МО РФ, по всей видимости, считает возможным выполнить следующие мои заявки: главком ВМФ, адмирал флота Владимир Чернавин, командующий ВДВ генерал-полковник Евгений Подколзин, начальник Академии ГШ генерал-полковник Игорь Родионов, начальник Высшего общевойскового военного училища имени Верховного Совета Российской Федерации генерал-лейтенант Александр Носков, Главный военный прокурор генерал-майор юстиции Валентин Паничев и некоторые другие. Командующий войсками ЛенВО генерал-полковник Сергей Селезнев пока под вопросом, как и командующий войсками МВО. Под таким же вопросом замминистра обороны, генерал-полковник Валерий Миронов (он в Риге, сдает округ), другого заместителя министра, генерал-полковника Бориса Громова, тоже нет в Москве. Насчет руководства ГРУ, как и всего Генштаба в целом, нет никакой информации. Владимир пообещал, что со своей стороны приложит все усилия, чтобы мои интервью с вышеназванными людьми состоялись, но попросил также понять и его руководство, которое впервые столкнулось с вопросом работы представителя такой организации, как радио «Свобода», в российских военных структурах. Я вяло кивнул головой, это-то мне было понятно лучше всего.

Тем временем Уватенко обратился к вопросу ШОВСа, сказав что с его руководством все вопросы улажены, но

вначале мне необходимо встретиться и переговорить с генералом Маниловым. Я выразил немедленное желание ехать на Ленинградский, чтобы иметь уже хоть какую-то конкретику в работе. Мы вышли из здания УВС МО и по дороге к машине мой сопровождающий внезапно спросил относительно того, не хочу ли я взять интервью у генерала армии Михаила Моисеева.

— А это возможно? — Я посмотрел на Уватенко несколько недоверчиво.

— Отчего же нет, я летал с ним несколько раз в войска. Умный и способный военачальник. Я позвоню ему. Уверен, он согласится. Здесь никакого специального разрешения не надо, из-за августа Моисеев теперь не у дел, а побеседовать можно будет в том же здании Управления внешних сношений,— сказал Владимир.

Я мог только мечтать о такой удаче — интервью с вторым человеком в Вооруженных Силах СССР времен так называемого путча. И поэтому, в свою очередь, поведал Владимиру о своем августовском радиоматериале по поводу назначения и снятия Моисеева с должности и о том, какую реакцию этот материал вызвал у моего начальства.

— Вы расскажите об этом Михаилу Алексеевичу лично при встрече,— посоветовал Уватенко

Мы добрались до переулка. Я представил подполковника Уватенко Мише и попрощался с ним, договорившись, что относительно первых интервью он поставит меня в известность по телефону. Миша Елистратов, с военной смекалкой нарушая правила уличного движения в дорожной зоне Минобороны, снова вырулил на Калининский, а с него уже начал выдвигаться на Ленинградку. Москву я тогда, конечно, знал хуже некуда, поэтому не только глазел по сторонам (в поле зрения то и дело попадали повывезавшие, как поганые грибы после дождя, разноцветные и разномастные «комки», донельзя изуродовавшие вид столицы), но и старался запомнить маршрут следования.

В Главном Командовании ОВС все повторилось заново с той только разницей, что пропуск был выписан очень быстро, за мной пришел офицер пресс-центра, и через несколько минут я уже сидел в кабинете полковника Серафима Юшкова — начальника этой информационной структуры Штаба ОВС СНГ. Мы представились друг другу, и за чашкой кофе я быстро ознакомил Юшкова с моими

заявками — главком маршал авиации Евгений Шапошников, начальник штаба генерал-полковник Виктор Самсонов, заместитель главкома генерал-полковник Борис Пьянков, секретарь Совета министров обороны СНГ генерал-лейтенант Леонид Ивашов и, разумеется, сам генерал-лейтенант Валерий Манилов — начальник управления информации и пресс-секретарь Главкома. Спросил я и о военном юристе при координаторе по делам СНГ. Оказалось, что интервьюировать генерал-майора Василия Волкова нужно ехать в Белоруссию, в Минск. Ну что ж, коли так, то заодно навещу родителей и сестру. По заявке на ШОВС Серафим сразу сказал, что реально и выполнимо все, кроме генерала Самсонова, и назвал вместо начштаба кандидатуру его заместителя генерал-майора Виктора Селуянова. С Самсоновым же предложил подождать до следующего раза. Слишком свежи еще были в памяти последнего нападки на него Собчака в связи с августовскими событиями 91-го года, чтобы снова подставляться под «журналистские залпы».

На том и порешили.

Вскоре освободился генерал Манилов, и меня пригласили к нему в кабинет. С Валерием Леонидовичем мы не раз уже беседовали по телефону, теперь представилась возможность и очного знакомства. Манилов уделил мне немного времени (в приемной ожидали еще несколько посетителей). Я рассказал ему о себе, о своей работе на радио «Свобода», а заодно достаточно откровенно обрисовал и свои взгляды как на нынешнюю российскую действительность, так и на положение с Вооруженными Силами бывшего СССР и обороноспособностью России. Валерий Леонидович правильно оценил мою позицию, что положило начало нашему весьма плодотворному сотрудничеству. Я же был рад тому, что нашел понимание у человека, которого считал и считаю одним из самых умных военных политиков России. Впоследствии мы встречались и беседовали в каждую мою командировку и в ШОВСе, и в Совете безопасности России. Сейчас генерал-полковник Валерий Манилов — первый заместитель председателя Комитета по обороне Совета Федерации.

В ШОВСе мне также пообещали дать знать по телефону, когда приезжать и кого интервьюировать. Я взял у полковника Юшкова номер его служебного телефона и отправился в обратный путь к КПП.

БЫВШИЙ КГБ: ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ И КОЛПАЧНЫЙ ПЕРЕУЛОК

На следующий день почти что с самого утра мы с Мишей заехали в Московское бюро РС на улице Чехова. Необходимо было позвонить Володе Пластуну, а также сделать еще ряд звонков, в частности одному из моих авторов — Андрею Шарому. С ним предстояло обсудить цикл радиоматериалов по европейской безопасности. С Андреем мы познакомились в Мюнхене, когда он был у нас на пробной стажировке. Присмотрев довольно способного журналиста-международника (за плечами у Шарого был МГИМО), я предложил ему писать для «Сигнала», тем более что буквально выпиравший изо всех щелей и плintусов Московского бюро некий Марк Дейч ставил ему палки в колеса. Я созвонился по телефону с Пластуном и уточнил нашу диспозицию на вечер. Надо же было все-таки посидеть как следует, выпить за встречу. Потом — звонок в пресс-бюро СВР России полковнику Юрию Кобаладзе. Там моего звонка уже ожидали. Мы договорились о времени и месте встречи. Юрий Георгиевич назвал адрес. Я, конечно, не дурак и соображал, что это будет не Ясенево, но побегать-поискать маленький Колпачный переулок в Китай-городе все же пришлось. (В 1998-м, по старой привычке, остановил краусовский «мерин» напротив знакомого особняка в Колпачном переулке, но увы... Пресс-бюро СВР по этому адресу больше не значилось. Набрал номер по «мобильнику» — телефоны тоже не отвечали. Значит, переехали. Куда? Потом от знакомых узнал, что и сам «Коба» из СВР ушел работать на телевидение.)

В Центре общественных связей (ЦОС) Министерства безопасности России трубку снял сам Александр Иванович Гуров, предложивший приехать хоть завтра, предварительно уточнив у секретарши наличие его, Гурова, на месте. Так что первые интервью в Москве я сделал не в военных структурах, а в структурах бывшего КГБ, который по мере знакомства с его сотрудниками перестал казаться «страшным» и превратился чуть ли не в «родной дом». Вечером того же дня мы с Елистратовым поехали в Отрадное к Володе Пластуну. Он жил тогда там, только лишь в 94-м снова перебравшись на Остоженку в свою старую

квартиру, ставшую тем временем почему-то коммунальной — туда заселилась семья так называемых беженцев из Азербайджана.

С Володей мы говорили долго, да и выпили тоже немало. Все-таки несколько лет телефонного знакомства породили массу вопросов, которые нужно было решить в личном разговоре, в том числе и вопрос его дальнейшего сотрудничества с программой «Сигнал». Наконец пришли к решению, что за ним останется Афганистан, отношения России с приграничным ей исламским Востоком, а также вопросы внешней разведки (Пластун долгое время проработал бок о бок с Евгением Примаковым в Институте востоковедения и хорошо знал и знает этого человека). По последнему пункту Владимир Никитович согласился с известной уже оговоркой, что к данному виду деятельности он отношения не имеет. Хотя впоследствии писал о разведке сугубо профессионально. Володя также договорился и о моих встречах с участниками афганской войны и, соответственно, с представителями различных ветеранских организаций (назову в их числе Руслана Аушева и Александра Котенева). Кроме этого, он обещал помочь мне разыскать в Москве Игоря Морозова (мы увидимся с Игорем только летом следующего, 93-го), а также пригласил на встречу «мошаверов» — советников из состава 40-й армии, которая должна была состояться 25 мая.

Чуть забегаю вперед, скажу, что Андрей Шарый, хорошо знавший помощника вице-президента Федорова, взял на себя проработку вопроса о возможности встречи со вторым лицом Российского государства. К сожалению, во время второй командировки в ноябре — декабре 92-го ничего из этого не получилось. В Кремле меня принял только Федоров, ответив на все интересующие вопросы. Забавно, но через Спасские ворота охрана наотрез отказалась пропустить меня в Кремль как иностранца. Пришлось Федорову чуть ли не лично сопровождать меня в офис Руцкого, но, как я говорил, наша встреча не состоялась. Не будет же он ожидать вечно, вице-президент все-таки. С Александром Владимировичем мы встретимся у него дома: летом 94-го уже после роковых октябрьских событий 93-го. Но об этом речь еще впереди. Я же не буду впредь утомлять читателей перечислением моих каждодневных московских встреч и маршрутов, а остановлюсь только на некоторых самых красочных, на мой взгляд, эпизодах.

Коль уж руководством МБ в лице Баранникова дано было «добро» на мою встречу с Александром Гуровым в стенах его лубянского кабинета, то надо ехать. Тем более что увидеть его воочию мне и самому очень хотелось. Никакой телефонный разговор никогда не даст полного представления о человеке. И вот назавтра я «обрадовал» Мишу Елистратова новым маршрутом. В свою очередь, Миша как-то странно на меня посмотрел, но вслух ничего не сказал. Спустя некоторое время, раскрутив замысловатое кольцо вокруг облысевшей клумбы Железного Феликса, мы в конце концов подъехали прямо к второму подъезду под литерой «А». Не успел я выйти из машины, как тут же к нам, размахивая жезлом, подскочил постовой милиционер: «Остановка не положена!» — «А где положена?» Тот неопределенно махнул жезлом за угол. В конце концов, еще немного поколесив вокруг, мы припарковались за «тем самым углом», как оказалось, на ведомственной автостоянке. Часы показывали 14.13 — почти исчерпанный «сержантский зазор». Я сказал Мише, что вернусь максимум через час-полтора, и тот, многозначительно вздохнув, остался кемарить в машине.

В вестибюле подъезда меня встретил дежурный наряд из двух прапорщиков. Сверившись с моими удостоверениями и проверив, что мне действительно назначено, они предложили пройти к лифту и подняться на четвертый этаж. Кнопки лифта почему-то не были помечены цифрами.

— А какую кнопку нажимать? — спросил я.— Не ровен час, заблужусь еще.

— Единственную действующую, остальные заблокированы,— сказали в ответ.

— Понятно.

Наконец я в кабинете у Гурова. Поздоровались, сели к столу. Александр Иванович попросил секретаршу Лену принести чай и кофе. Я начал было настраивать аппаратуру, но генерал остановил меня: «Давай сначала так поговорим». Говорили долго. Гуров рассказывал о том состоянии, в котором после развала союзных силовых структур оказалась безопасность России. Об отсутствии концепции национальной безопасности, без которой невозможно свести к единому знаменателю законы и нормативные акты силовых ведомств. Для примера он назвал недавно принятый парламентом и утвержденный президентом «Закон об оперативно-розыскной деятельности».

Об угрозах, которые несут государству в условиях беззакония и бесконтрольности, а главное, бессилия власти организованная преступность и коррупция. О терроризме и о многом другом. Я то и дело порывался включить магнитофон, но Александр Иванович тут же меня осаживал. Наконец он сам задал мне несколько вопросов о моей предыдущей жизни в СССР, о том, что толкнуло меня уехать на Запад, как я оказался на радио «Свобода», а также по поводу моего интереса к вопросам обороны и безопасности. В числе прочих был и вопрос, как я теперь отношусь к КГБ.

Я ответил, что за вычетом 5-го Главного управления нормально и что согласен с тем, что то, как поступили с госбезопасностью СССР, было просто очередной «демократической» глупостью, если не чьим-то нарочитым злым умыслом. С Гуровым я решил говорить искренне, незачем было скрывать от него мои взгляды, тем более что они совпадали и с его собственными. Именно эта общность взглядов со временем сблизила нас и сдружила. Александр Иванович, сказав, что в служебное время обо всем не поговоришь, пригласил меня к себе домой в гости. Потом, заметив по часам, что рабочий день-то подходит к концу, предложил все же включить аппаратуру и задать интересующие меня вопросы. Но беседа поначалу не пошла, на меня опять «накатило». Необходимо было немножко расслабиться. Я спросил генерала Гурова, как он посмотрит на то, если я совсем немножко «залью за галстук» (свой «рабочий инструмент» — плоскую пластиковую поллитру шотландского виски «Johnnie Walker», в вольном переводе на русский именуемого «Ванькой Ходокком», я на всякий пожарный всегда держал в том же кейсе). Гуров ответил, что не возражает.

Говорили мы по двум темам сразу. Одна из них — безопасность Российского государства и задачи МБ, вторая — уже упомянутый «Закон об оперативно-розыскной деятельности», который Александр Иванович, имеющий ученую степень доктора юридических наук, профессионально разложил «по полочкам», показав все сильные и слабые стороны данного нормативного документа и еще раз при этом подчеркнув, что в отсутствие единой концепции безопасности этот закон в полную силу на практике реализован не будет.

Тут мы заметили, что время уже совсем позднее и за окнами стемнело. Я попрощался с Александром Ивановичем.

чем, его секретаршей Леной и заторопился к выходу «прощаться» с прапорщиками на КПП. Состояние у меня было более чем приподнятое, ибо в пылу борьбы с заиканием я незаметно осушил всю поллитру скотча фактически на голодный желудок, и меня развезло. Не знаю, что уж подумали обо мне прапорщики, но Миша саркастически заметил, что еще немного, и он поехал бы в бюро РС сообщить, что я «сгинул в застенках Лубянки». Потом, приняхавшись, спросил: «Ты что, еще и надраться там умудрился?» Я только развел руками, ибо внятно отвечать уже был не в состоянии.

Через пару-тройку дней состоялась у нас и поездка в пресс-бюро СВР. Елистратов эту мою тягу к структурам бывшего КГБ назвал не чем иным, как формой «утонченного диссидентского мазохизма». Я только отмахнулся от его очередного саркастического замечания, но про себя все же усмехнулся — «мазохист», значит. С большим трудом мы установили, что бывшая улица Богдана Хмельницкого и есть теперь эта самая Маросейка (интересно, чем это перед новой властью провинился гетман, воссоединивший Украину с Россией?), сориентировались на местности и попали в искомый переулок под названием Колпачный. Миша опять схохмил в мой адрес, обыграв название переулка. Подойдя к красивому серого камня особняку с массивной дверью я, к своему удивлению, не обнаружил на нем ни одной вывески или таблички, о чем через улицу крикнул оставшемуся в машине Михаилу.

— Да здесь это,— раздраженно ответил Елистратов,— что ты хочешь, чтобы тебе тут аршинными буквами написали «СВР»? Подойди и позвони в дверь.

Я так и сделал. В двери сначала открылся «волчок», после чего открылась и сама дверь. В отличие от лубянского подъезда здешние служилые люди были одеты в штатское, однако их принадлежность к организации не мог бы скрыть даже самый модный итальянский двубортный костюм.

— Вы по какому вопросу?

Я назвался.

— Подождите здесь.

Через некоторое время секретарь Кобаладзе Елена Васильевна предложила мне подняться наверх и подождать немного в приемной:

— Юрий Георгиевич пока еще занят.

Ожидая, я успел выкурить пару сигарет и выпить предложенную чашечку кофе. В пресс-бюро СВР сервис был по высшему классу, не хуже, чем на Западе. «Микстуру» я принял загодя еще в машине и чувствовал себя вполне готовым к работе.

Наконец меня пригласили в кабинет к начальнику пресс-службы СВР полковнику Кобаладзе, о котором я знал только то, что ранее он работал в Лондоне под «крышей» Гостелерадио.

— Так что хочет от нас радио «Свобода»? — улыбаясь и протягивая мне руку, спросил Юрий Георгиевич.

— По максимуму — беседу с Примаковым, по минимуму — с одним из его замов, — тут же нашелся я.

Кобаладзе рассмеялся:

— Ну, в отношении директора это слишком завышенная просьба, интервью он практически никому не дает, а его заместителя вы должны назвать вполне конкретного, так что давайте сначала поговорим со мной, посмотрим, какие вопросы вас интересуют.

Тогда я предложил провести нашу ознакомительную беседу в форме интервью с самим Юрием Георгиевичем, чтобы вообще не остаться с пустой магнитофонной лентой. Чуть подумав, Кобаладзе дал согласие. Наш первый разговор касался общих вопросов становления структур СВР и работы разведки как по старым, так и по новым направлениям — в рамках прорабатываемого российскими законодателями закона о разведдеятельности и сопутствующих нормативных актов, но при отсутствии на тот текущий момент четкой внешнеполитической доктрины у Российского государства.

Под занавес зашел у нас разговор и о так называемых ушельцах, то бишь перебежчиках из ПГУ. Не вступая в полемику с Кобаладзе по поводу «гордиевских и иже с ним», я задал только один вопрос: как объяснить историю с майором КГБ Владимиром Кузичкиным? Ведь его уход из тегеранской резидентуры через Турцию в Англию не мог оказаться незамеченным, хотя бы по более поздним, второй половины 83-го — начала 84-го года, публикациям в британской прессе. И что же? В Москву пришла похоронка. Его жену известили, что Кузичкин погиб или же пропал без вести, выполняя задание в Афганистане. (В зону ответственности майора Кузичкина входила афганская провинция Герат, где он работал среди тамошних «духов», имевших тесные связи с Ираном.) Хорошо. Может, слу-

чайно его перепутали с полковником **Владимиром Кузнецковым**, погибшим при штурме дворца Амина в декабре 79-го? Хотя в это мало верится.

И что еще более странно, по-настоящему наличие Кузичкина в Англии советские спецслужбы обнаружили только в начале 90-х годов уже после выхода в свет его книги. Возникает закономерный вопрос, суммировал я вышесказанное: знал ли тогдашний резидент КГБ в Тегеране Леонид Шебаршин об уходе на Запад своего подчиненного? Если не знал, то по логике вещей самое время было ставить вопрос о полном или частичном служебном несоответствии данного офицера разведки, а если знал, то при чем тут история с похоронкой «на погибшего в Герате» агента по кличке Оса. И кроме того, возможно ли будет задать этот вопрос лично Леониду Владимировичу? Объяснил я и причину моего интереса, сославшись на всевозможные и противоречащие друг другу публикации в советской, а затем и в российской прессе, а также на личное мое знакомство с ним (Кузичкин писал для «Сигнала»). Все это, вместе взятое, однозначно мешало поставить его на одну доску с Гордиевским и другими. Что-то в его истории не совсем увязывалось, и я это чувствовал. (Кстати, к схожему заключению по поводу Кузичкина пришел на страницах своей книги «Позывной «Кобра» и мой знакомый офицер-афганец, подполковник спецподразделения «Вымпел» Эркибек Абдуллаев.) На всю эту мою вопросительно-утвердительную тираду Кобаладзе почти ничего не ответил, пообещав только, что вопросы для беседы с Шебаршиным он проработает. Кстати, ответ Шебаршина был отрицательным — с прибавлением некоторых эпитетов в адрес радио «Свобода». Впрочем, все это не так уж теперь и важно.

Распрощавшись с Юрием Георгиевичем, я отправился на Ленинский, на временно оккупированную мною жилплощадь, чтобы немного отдохнуть и собраться с мыслями, а заодно позвонить отставному полковнику из 5-го отдела Московского УКГБ Ярославу Карповичу, который и сам был заинтересован в контакте с журналистом со «Свободы». С ним мы встретились у него на даче по Дмитровскому шоссе, где я получил профессионально разобранный с точки зрения чекиста-практика все тот же «Закон об оперативно-розыскной деятельности», а кроме этого, Карпович рассказал мне массу интересных случаев из своей долголетней работы в органах, оказавшись до-

вольно приятным и содержательным собеседником. Не знаю, правда, как бы я себя чувствовал, попади к нему в «гости» в другом месте и в другое время (на это не преминул намекнуть мне и Миша Елистратов), но, исходя из моих личных впечатлений, ничего негативного в его адрес сказать не могу, хотя он и служил в «пятерке». Мы виделись с Карповичем и в другие мои командировки, а кроме того, он был первым, кто достаточно подробно рассказал мне о Герое Советского Союза полковнике Григории Бояринове, чей подвиг и имя долгие годы уже и после окончания афганской войны находились за завесой секретности.

Наконец я дождался и звонка от Володи Пластуна. Он сообщил, что познакомит меня со своим другом Леонидом Бирюковым, который работает в Комитете по делам воинов-интернационалистов у Аушева, и что беседа с самим Русланом — вопрос решенный. Через некоторое время я действительно встретился с Аушевым, записав интервью о насущных проблемах воинов-афганцев, а после поговорил и с Леонидом Игнатьевичем. Я думаю, теперь уже можно открыто сказать, ввиду увольнения с действительной службы (сказалось здоровье), что Леонид Бирюков в действительности был полковником Службы внешней разведки России, занимаясь таким нелегким, но нужным делом, как розыск и возвращение на Родину наших солдат и офицеров, попавших в плен и пропавших без вести в годы афганской войны. Кстати, впервые информация об этом проскочила в «Красной звезде» в 93-м году в статье за подписью Александра Олейника.

Сказать, что Кобаладзе был взбешен этой публикацией, значит не сказать ничего. Взяв из его рук номер «Красной звезды» со статьей полковника Олейника, посвященной событиям почти десятилетней давности в лагере для военнопленных, в местечке Бадабера в Пакистане, я, сотворив на лице ехидную улыбку, спросил: «Вы, вероятно, ожидали, что это сделаю я в одной из своих передач? Но я лично знаю Леонида Игнатьевича, знал и знаю, что он полковник разведки, и также знаю, чем он занимается, правда, в отличие от коллеги из «Красной звезды», у меня достаточно ума и профессионализма, чтобы представлять его в эфире как журналиста, а не как кадрового сотрудника СВР, тем более что снятие «крыши» с полевого агента, действующего в боевых условиях, чревато очень серьезными последствиями».

Как бы там ни было, но этот небольшой эпизод добавил доверия ко мне как к профессионалу, знающему «кухню» разведки и умеющему, когда надо, держать язык за зубами.

Из бесед с Русланом Аушевым и Леонидом Бирюковым я сделал вывод, что членом Комитета по делам воинов-интернационалистов является не кто иной, как замдиректора СВР генерал-майор Владимир Рожков. В памяти кое-что всплыло: резидентуры — Германия начала 80-х и Афганистан середины 80-х. Не теряя времени звоню в пресс-бюро СВР и сообщаю Кобаладзе, что могу назвать вполне конкретного заместителя Примакова, с которым я хотел бы побеседовать и по какому вопросу. «Вы твердо обещаете, что ограничитесь только Афганистаном?» — в свою очередь спросил Юрий Георгиевич. Я ответил утвердительно. «Хорошо, пришлите по факсу вопросы и позвоните через день-два, я сообщу вам место и время встречи с Владимиром Михайловичем». На мой наигранно-наивный вопрос, почему встреча не может состояться в Ясенева, Кобаладзе в ответ уже раздраженно спросил: «Валерий, ты что, издеваешься над нами? У вас, на Западе, что, в Пуллах или в Лэнгли всех кого ни попадя просто так с улицы пускают? Есть режим секретности». Я не стал спорить со столь вескими аргументами, заметив только, что я не «с улицы», и вскорости мы с Елистратовым поехали по знакомому уже адресу в Колпачный.

Конечно же, моя беседа с генералом Рожковым одними вопросами Афганистана не ограничилась. Не по моей вине. Заместитель директора СВР счел вполне уместным затронуть и вопросы деятельности российской разведки в той степени допустимости, которую он посчитал возможной в беседе с журналистом. О чем после интервью я откровенно и сообщил Кобаладзе. Правда, Юрий Георгиевич не очень-то поверил в мою полную безынициативность в данном вопросе, но придирааться особенно не стал. Таким образом, я оказался первым, а может быть, и последним журналистом «из-за бугра», получившим «добро» на беседу с одним из высокопоставленных руководителей российской внешней разведки. В дальнейшем я не раз был гостем уютного особнячка в Колпачном переулке, но, к сожалению, на столь высоком уровне интервью больше взять не удалось. Разведка все-таки.

Но вернусь здесь снова к Леониду Шебаршину. В своей книге он называет одной из причин своего ухода с

руководящей должности в разведке несогласие с назначением одного человека (в книге он фигурирует под латинским «R» — первая буква фамилии Рожков) на один из ключевых постов в СВР. Якобы это было сделано по протекции (и далее следует намек на Бакатина). Позже я услышал и рассказ самого Вадима Бакатина, который заметил, что это, пожалуй, была единственная его личная инициатива на посту председателя КГБ, что самого Рожкова он лично никогда раньше не встречал, так что ни о какой «протекции» и речи быть не может; просто была мысль ввести в высшее руководство разведки свежего человека из резидентуры, а вот теперь Шебаршин пишет, что... Я ответил Вадиму Викторовичу, что встречался и беседовал с генералом Рожковым летом 92-го. Исходя из своих личных впечатлений, могу сказать следующее: назначение Владимира Рожкова заместителем директора СВР было справедливым и вполне оправданным шагом последнего председателя КГБ СССР, а Леонид Владимирович пусть себе пишет...

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

Подполковник запаса Михаил Елистратов закончил Военный институт иностранных языков Министерства обороны СССР. Основные языки — французский и шведский. Был военным советником в Африке — в Гвинее и в Алжире. Последнее место службы — Отдел информационной работы Разведовательного управления Ленинградского военного округа. С конца 1992-го года — офицер запаса.

Михаил Елистратов

Военный институт Министерства обороны России

Есть в Вооруженных Силах России уникальное учебное заведение — Военный институт иностранных языков, именуемый ныне Военным институтом Министерства обороны России. Это единственное в своем роде военное учебное заведение, которое осуществляет подготовку военных специалистов — переводчиков и юристов. Уникальность данного учебного заведения и в том, что за свою

относительно недолгую историю институт неоднократно разгонялся, но как «птица Феникс» он возрождался из пепла вновь, ибо Советской Армии вновь требовались специалисты, владеющие несколькими иностранными языками. Особенно велика была потребность в них в кризисных ситуациях шестидесятых-семидесятых годов, когда «Советский корпус мира» — 10-е Главное управление Генерального штаба Вооруженных Сил — активно и массово осуществлял отправку советских военных специалистов в «горячие точки» планеты — в Африку, на Ближний Восток и в Азию. Данные военспецы, имевшие хорошую профессиональную подготовку, но не знавшие иностранных языков или плохо владевшие ими, просто не могли обойтись без переводчиков. Так было и в период Карибского кризиса, и в многочисленных вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке и Азии. С помощью военных переводчиков советская военно-транспортная авиация по воздушному мосту перебрасывала оружие, военную технику и боеприпасы своим союзникам. Очень часто в те годы в эфире звучали неокрепшие юношеские голоса курсантов военного института, вызывающие авиационных диспетчеров с заморских аэродромов и авиабаз. Большое количество выпускников и курсантов института принимало участие и в почти десятилетней войне в Афганистане. В те кризисные периоды институт работал с полной нагрузкой, выпуская в массовом порядке специалистов с требуемыми иностранными языками, а иногда в целях экономии (ведь дипломированный специалист стоит дороже) отправляли в пекло войны и курсантов.

Но заканчивался очередной кризис, прекращались военные действия, и многочисленные специалисты, например с арабским языком, из которых можно было бы сформировать несколько мотострелковых батальонов, оставались без работы. Министерство обороны мало заботила их судьба. Там привыкли думать о сиюминутных потребностях. Поэтому многим военным переводчикам пришлось уволиться из армии, чтобы не прозябать в богом забытых «медвежьих углах», склеивая штабные карты, выполняя обязанности старшего машины, теряя свою высокую квалификацию и забывая иностранные языки. Наше военное руководство всегда почему-то отличалось расточительностью: затратив большие суммы на подготовку специалиста, о нем просто забывали. Хотя такая судьба была уготована не всем, так как в данном учебном заве-

дении обучались и дети высокопоставленных родителей, которым, конечно же, была уготована совсем иная стезя. Высокопоставленные папы и мамы уверенно вели своих сыновей по ступенькам служебной иерархии.

Обращали на выпускников института свое пристальное внимание и представители спецслужб — ГРУ и КГБ, которые тщательно изучали личные дела выпускников, отбирая, по их мнению, самых достойных, что составляло примерно около пятидесяти процентов от общего числа выпускников — военных переводчиков. Последние же никогда потом не пользовались большим авторитетом в военной разведке, руководство которой даже пыталось сваливать на них провалы в своей работе. Если сотрудник одного из зарубежных аппаратов ГРУ перебежал на Запад и оказывалось, что он когда-то заканчивал Военный институт иностранных языков, то руководители из ГРУ считали, что это не их система превратила его в предателя, а тому способствовали недостатки в воспитательной работе в Военном институте МО. Они закрывали глаза на то, что в их руки попадал еще не окрепший морально двадцатидвух-, двадцатитрехлетний офицер, который на протяжении нескольких лет, находясь в их же системе, вынужден был дышать нездоровой атмосферой, пропитанной духом низкопоклонства, угодничества и взяточничества, без чего трудно было проложить себе дорогу по служебной лестнице выездного офицера ГРУ.

В настоящее время отнюдь не радужным видится будущее выпускников Военного института Министерства обороны. Если потребности в военных юристах будут постоянно возрастать — ввиду полной юридической безграмотности командиров,— то в связи с резким сокращением оказания помощи иностранным государствам потребности в переводчиках за рубежом столь же резко сократятся. И нынешними выпускниками института либо будут укомплектовываться многочисленные «осназы» и «спецназы», либо им останется единственный выбор — сразу же написать рапорт об увольнении в запас. А что теперь делать специалистам с западными и восточными языками в войсках? Ведь бывшие противники сейчас уже вроде как и не противники, а деловые партнеры.

Или такой факт. Руководство Министерства обороны доплачивает к денежному содержанию за знание двух иностранных языков просто «астрономическую» сумму —

пятьдесят рублей, что с учетом инфляции и удорожания жизни равняется пяти советским копейкам.

Или же российское руководство примет очередное «мудрое» решение и в стенах Военного института МО форсированными темпами теперь начнут изучать уже языки народов бывшего СССР, а может быть, и языки народов России.

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

Журналист-международник Андрей Шарый закончил Московский государственный институт международных отношений. Специализировался по восточноевропейской политике. Несколько лет работал редактором международного отдела еженедельника «Россия». Специализировался по проблемам бывшей Югославии. Несколько лет был собственным корреспондентом газеты в Загребе (Хорватия).

Андрей Шарый

Россия: поиск естественных союзников

Резкое и непредсказуемое изменение баланса сил и интересов в мире порождает соблазн искать аналогии среди уже известных геополитических раскладок. Вакуум стабильности возникает всякий раз, когда одна из сверхдержав теряет сферы влияния. Пришел черед России. Вновь, как и сто тридцать лет назад после поражения в Крымской войне, настало время сосредоточиться в своих границах. Очевидно, что это сосредоточение подразумевает и поиск новых союзников по критериям идеологическим, религиозным, этническим. Возрождение России как национального государства оживило славянскую идею, а вместе с ней и тезис о славянском братстве. Но кто нам теперь «братья»? Поляки, чехи, словаки, подружившись с неславянами-венграми, норвят самостоятельно пробраться в Европу. Украина, похоже, готова иметь дело со всеми, кроме своего северного соседа, да и Беларусь при всей своей толерантности к союзу с Россией больше тяготеет к Прибалтике и Польше. И дальнейшее логическое построение напрашивается: путь в

«европейский дом» лежит через континентальный «погреб» — Балканы, где позиции России всегда были традиционно сильными. Не останавливает даже и то, что «погреб» этот вот уже несколько столетий называют не иначе как пороховым. Сербия — Болгария — Россия — готовая политическая ось, которая, как кажется, вполне способна скрепить разлезающийся по швам континент. Вроде налицо и общность языков, и общность культуры, и общность исторических корней, и единая вера. Чего еще нужно? Но это геополитическое построение, несмотря на всю его привлекательность для приверженцев панславянизма, православия и державности, вряд ли станет построением реальным. Нет единого каркаса, который смог бы на деле сплотить три славянских народа. Да, до сих пор свеж в памяти исторический союз в борьбе против сиятельной Порты, есть и соответствующий памятник героям Плевны в Москве, и роман Ивана Вазова «Под игмом». Но те времена безвозвратно ушли. Болгарская армия проводит совместные маневры с войсками НАТО и принимает в своих портах американские военные корабли, хотя зависимость от поставок техники советского производства сказываться будет еще не одно десятилетие. Да и турки за минувшее столетие изменились. И если суждено России выбирать себе одного, а не нескольких союзников на Балканах, то, боюсь, избранником этим окажутся не братья-славяне, а мусульмане-иноверцы. Анкара заинтересована в российском рынке и усилении своего влияния в Средней Азии и на Балканах. Нынешнее руководство России заинтересовано в турецком капитале и нейтрализации исходящих от Ирана и некоторых других мусульманских стран фундаменталистских исламских идей на просторах бывшего советского Востока. А потому соображения прагматические могут перевесить соображения морально-этические. Турции сейчас нет равных на Балканах, и не в ее интересах допускать формирование в этом регионе любой группировки, которая даже в перспективе могла бы ограничить там влияние Анкары.

Образованию той самой оси Москва — София — Белград препятствует еще по крайней мере два фактора.

Первый — неурегулированный до сих пор военный конфликт на территории бывшей Югославии, а ведь с его разрешением связаны перспективы международного признания союзной республики Югославия, в которую теперь входят Сербия и Черногория. В принципе, благожела-

тельно отреагировав на сам факт возникновения новой страны, нынешняя Россия тем не менее не торопится предпринимать какие-либо практические шаги, которые облегчили бы новой Югославии подключение к европейским и мировым процессам. Религиозное и этнические тяготение и тут не может перебороть логики текущего момента. Богатой Европе, которая не склоняется пока к поддержке сербов, нужен мир, а России нужна богатая и мирная Европа. Второе препятствие — это противоречие между самими потенциальными участниками нового блока. Болгария и тогда еще не развалившаяся Югославия скрыто конфликтовали по поводу Македонии. Теперь в конфликт включилась и Греция, а вслед за ней и вечно антигреческая Турция. Как сложатся отношения София — Белград в этой области, пока сказать трудно, но до союза здесь еще далеко. Те же соображения приводят и к мысли о том, что вряд ли вероятно подключение к гипотетическому «малому тройственному союзу» и Греции, опять же по принципу единства веры. Афины весьма озабочены сейчас своим положением в НАТО и ЕС, и укрепить позиции они могут скорее в одиночку, чем в союзе с кем-либо. И все же, несмотря на столь неутешительный на сегодняшний день прогноз, бессмысленно было бы отрицать, что история и культура славянских народов подарила нам богатое общее наследие, а потому связи Москвы с Софией и Белградом просто обречены на дальнейшее развитие. Вполне возможны многочисленные инициативы общественности и отдельных политиков, которые вновь заставят вспомнить о славянском православном единстве. Однако не думаю, что нынешняя ситуация на юго-востоке континента в обозримом будущем будет благоприятствовать по настоящему серьезному политическому и военному сближению. Пока тенденции сепаратизма, увы, сильнее тенденций объединения. Напомню старую дипломатическую истину: чтобы возродиться, нужно сначала как следует сосредоточиться.

Глава 7

КОМАНДИРОВКИ В РОССИЮ: ЛЕТО И ОСЕНЬ 92-го

МЕЖДУ ЛЕНИНГРАДСКИМ ПРОСПЕКТОМ И НОВЫМ АРБАТОМ

Летом — осенью — зимой 92-го года, за две моих самых первых командировки в Россию, мне удалось собрать настолько большой объем бесед с российскими военачальниками, что в будущем я так и не смог его перекрыть. Скорее всего на этом сказалась новизна события и для самих интервьюируемых. Ведь мало кто из советских карьерных военных даже в кошмарном сне мог представить себе, что по коридорам штабов и управлений будет шататься коротко стриженный парень с магнитофоном и удостоверением вражьего пропагандистского центра, более известного как радио «Свобода». Я тоже, признаться, такого не мог представить ни в кошмарах, ни наяву. Однако «четвертый сон папаши Бжезинского» стал явью, и мне предстояло эту явь положить на магнитофонную ленту. Прежде чем перейти к подробному описанию моих походов в недрах постсоветской военной машины, хочу привести список того, что мне удалось выполнить, дабы с самого начала дать читателю представление: с кем я встречался и беседовал и о чем. Именно в таком виде этот список и был представлено моему свободовскому начальству, утвердившему план радиопередач в рамках Военно-политического обозрения «Сигнал».

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ И ГЛАВКОМАТ ОВС СНГ

1. Главкомандующий Объединенными Вооруженными Силами СНГ, маршал авиации Евгений Шапошников.

2. Первый заместитель Главкомандующего ОВС СНГ, генерал-полковник Борис Пьянков.

3. Заместитель министра обороны России, генерал-полковник Валерий Миронов.

4. Военный советник президента, генерал-полковник Дмитрий Волкогонов.

5. Начальник Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил России генерал-полковник Игорь Родионов.

6. Главнокомандующий ВМФ России, адмирал флота Владимир Чернавин.

7. Командующий Воздушно-десантными войсками России, генерал-полковник Евгений Подколзин.

8. Бывший начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, генерал армии Михаил Моисеев.

9. Помощник командующего Ракетными войсками стратегического назначения по работе с личным составом, генерал-полковник Геннадий Стефановский.

10. Председатель Координационного совета Офицерских собраний, контр-адмирал Александр Мочайкин.

11. Начальник Московского Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета Российской Федерации, генерал-лейтенант Александр Носков.

12. Начальник Управления информации ОВС СНГ, пресс-секретарь Глакома, генерал-лейтенант Валерий Манилов.

13. Главный военный прокурор, заместитель Генерального прокурора России, генерал-майор юстиции Валентин Паничев, начальник следственного отдела Главной военной прокуратуры, полковник юстиции Алексей Смертин.

14. Заместитель начальника Гуманитарной академии Вооруженных Сил России по учебной и научной части контр-адмирал Иван Барсуков.

15. Главный редактор газеты «Красная звезда», капитан первого ранга Владимир Чупахин.

16. Представитель Главного Командования ОВС СНГ в Белоруссии, генерал-майор Василий Волков.

МВД РОССИИ

17. Главный редактор газеты Внутренних войск МВД России «Ситуация», генерал-майор запаса Виктор Филатов.

МВД БЕЛОРУССИИ

18. Полковник МВД Белоруссии Игорь Пырх — депутат парламента

МИНИСТРЕСТВО БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

19. Заместитель начальника Центра общественных связей Министерства безопасности России, генерал-майор Александр Гуров

20. Полковник КГБ запаса Ярослав Карпович

СЛУЖБА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИИ

21. Заместитель директора Службы внешней разведки России, генерал-майор Владимир Рожков.

22. Начальник Бюро по связям с общественностью и средствами массовой информации СВР России, полковник Юрий Кобаладзе.

ВETERАНЫ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ, АССОЦИАЦИИ

23. Бывший старший офицер разведуправления 40-й армии, генерал-майор запаса Владимир Нестеренко — военный советник президента Приднестровской Республики.

24. Бывший руководитель группы советников ГлавПУРа в Афганистане, генерал-майор запаса Василий Гнездилов.

25. Председатель Союза ветеранов Афганистана, советник Правительства России, подполковник запаса Александр Котенев.

26. Председатель Комитета по делам воинов-интернационалистов СНГ, генерал-майор Руслан Аушев.

27. Начальник отдела по военнопленным Комитета по делам воинов-интернационалистов СНГ, полковник Леонид Бирюков.

28. Президент фонда «Гармония», в прошлом — сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Генрих Поляков.

ОППОЗИЦИЯ

29. Член руководства Русского Национального Собора, генерал-полковник Альберт Макашов.

30. Главный редактор газеты «День» Александр Проханов.

На самом деле объем материалов был даже больше запланированных, ибо кроме всего прочего были еще и спонтанные встречи с теми же ветеранами Афганской войны, с офицерами штабов и управлений, не говоря уже о тех офицерах, кто прибыл в Москву на Координацион-

ный совет Офицерских собраний со всех «медвежьих» уголков «Совражества». Им было что сказать в микрофон военного корреспондента «Свободы», хотя Главком, маршал Шапошников, от греха подальше и удалил меня из зала заседания.

ПРИНЦИП «ЛОСКУТНОГО ОДЕЯЛА» КАК ОСНОВА ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

В прошлом году я смог наскрести немного деньжат и наконец вырваться в Россию на две с небольшим недели. В Москве я не был с 1998-го. С той поры успел перемениться и президент, и министр обороны, и парламент. Началась и перешла в состояние стагнации 2-я чеченская война, по идиотизму исполнения мало чем отличавшаяся от первой. Не поменялось только одно: по-прежнему у России сказывается отсутствие четкой, как это было в советские времена, оборонной концепции и нет никакой разумной военной реформы. Не определен и вероятный противник. То есть его как бы нет. Ведь на сегодняшний день, кроме чеченцев да скороспелого «исламского терроризма», с которым нужно бороться по совету «американского дядюшки» Буша, другие враги у России как бы вроде отсутствуют. Раз нет врагов, так зачем нам и глобальная концепция обороны. С локальными же конфликтами мы как-нибудь управимся. Да и друг Буш вон заверил друга Путина, что, пока он президент США, России, мол, нечего бояться.

Господа демократы, чьи дети, за редким исключением, погон на плечах, понятно, не носят, привыкли считать что на их век «пушечного мяса» в России хватит. На этом принципе и были проведены две чеченские войны, боевые потери от которых превысили потери десятилетней афганской. Новый президент, правда, слегка подкрасил оборонный фасад, да и офицерству российскому пообещал возродить престиж воинской службы. Только одних лишь обещаний в данном вопросе мало. И сегодня русский офицер все еще по-прежнему более занят мыслью не о совершенствовании «науки побеждать», а более тривиальной — о том, как прокормить себя и свою семью.

С молодым пополнением и того хуже. Мало-помалу возрождается, правда, начальная военная подготовка и

военно-патриотическое воспитание. Но для того, чтобы восстановить в полном объеме то, что с гордостью можно будет назвать русской армией, понадобится не один десяток лет, а разрушили ведь в одночасье. В общем, еще раз повторю: больших перемен на стезе военной реформы я не заметил и спустя почти десять лет, если считать от 92-го. Тогда я сразу как-то обратил внимание на одно общее обстоятельство, присущее всем интервью. За исключением генерала Валерия Манилова да, пожалуй, генералов Бориса Пьянкова и Леонида Ивашова, никто ничего конкретного по военной реформе мне не рассказал, обходясь обтекаемыми и ничего не значащими общими фразами, о том что, дескать, да, надо укреплять и реформировать! Вот только что?

Отмечу, что здесь следует не смешивать два понятия. Военная реформа — это прежде всего государственно-политический уровень качественных комплексных изменений в вопросах обороноспособности и военной безопасности страны. Реформа же собственно Вооруженных Сил — это практические шаги по реорганизации штабов, управлений и прочих военных структур, их подгонка, если так можно выразиться, под насущный момент развития общества и государства, адекватный политической ситуации в мире. Разумеется, что и сама реформа должна проводиться, исходя из собственных интересов, а не интересов того или иного «заокеанского дяди». Третьим же постулатом является военная доктрина государства — комплекс мер, применяемых Вооруженными Силами для сдерживания и отражения военных угроз и прямых военных агрессий, включая и превентивные меры. Я думаю, все прекрасно помнят, что реформу армии в ельцинской России почему-то начали с портняжного дела. Чем уж не угодили генералу Грачеву старая и более чем эстетично выглядевшая советская военная форма, но решено было реформу начать с формы. Смешков и зубоскальства по этому поводу было немало и в коридорах самого военного ведомства. Как написал мой брат Игорь Морозов в одной из своих шуточных песен:

И вот готова форма
На вражеский манер —
Не то геноссе Борман,
А может, бундесвер.

Бог уж с ней, с этой новой формой; если бы ей соответствовало содержание, однако дальше формы дело не пошло. В бредовых умах «августовских выскочек», спешно выселивших старых советских коллег из кабинетов Генштаба, появлялись идеи одна безумней другой. Чего только стоило предложение о создании неких мобильных сил (по образцу американских сил быстрого развертывания и быстрого реагирования), призванных сменить устоявшуюся и единственно пригодную для огромного континентального государства систему военных округов (фронтов на угрожаемый и военный периоды) и стратегических направлений. Ни один из этих горе-теоретиков не удосужился даже сообразить, что ВДВ в том виде, как их задумал и создал генерал армии Василий Филиппович Маргелов, по своим возможностям намного перекрывают их «мобильные силы». Еще дальше зашел генерал Константин Кобец с его идеей обученного резерва и обороны по периметру границ. Несостоявшийся министр обороны, видать, подзабыл, что с той проблемой призыва, которая искусственно была создана еще при Горбачеве и по наследству досталась Ельцину, никакого обученного резерва, способного служить интересам обороны, просто быть не может. И что такое оборона по периметру границ? Генерал, что, спутал Россию со «страной обетованной»? Но подзабыл, видать, что Израиль, в сущности,— карликовое государство, в котором армия выполняет чисто полицейские, карательные функции, а по стратегическому счету уповаet на помощь своей «большой дубинки» — США. И чем это, интересно, оборонять периметр российских границ — конными разъездами, как при «царе-батюшке»?

В качестве основных, можно сказать, краеугольных проблем военного реформирования в моих разговорах с постсоветскими генералами я старался выделить две: реорганизацию военных округов и определение вероятных угроз и противника. Касательно последнего вопроса, может быть для кого-то из моих коллег по «свободовской шарашке», равно как и некоторых новоявленных российских «демократов», полезших при смене режима, что говорится, напрямик «из грязи да в князи», он звучал открыто милитаристски. Что ж, прошу меня извинить; но если государственная политика той или иной страны оказывается неспособной к адекватному реагированию на военные угрозы и заявляет об отсутствии вероятного противника, то такой стране не нужна армия вообще, а лучше сразу отдаться на милость кого бы то ни было.

(Читайте Клаузевица, господа, он когда-то тоже служил в русской армии.) Это уже похоже на крайний, доведенный до абсурда пацифизм.

Ельцин и его окружение, вознесенные к власти на гребне мутной волны августа 91-го, ни в коей мере не были пацифистами. Но страх перед собственным народом у них оказался выше страха внешних угроз. Вероятный противник был определен в лице собственных граждан, и как следствие — военная реформа началась не в Вооруженных Силах, а в структурах МВД, что в итоге вылилось в создание округов внутренних войск, равно как и придание этим войскам тяжелой бронетехники, ракетно-артиллерийских систем и фронтовой авиации. Географически новые военные округа МВД практически калькировали уже имеющиеся, что вносило мало порядка и в без того расшатанный военный организм государства, не говоря уже об оттоке лучшей части и без того весьма далекого от идеала молодого пополнения. Собственно военные округа России также оказались лицом к лицу с новой геополитической реальностью, возникшей после упразднения ОВС ВД и развала СССР. Потеря буферных государств-союзников после фактического роспуска Варшавского Договора еще при Горбачеве сказалась в основном на наступательном, а не оборонительном потенциале советских Вооруженных Сил. Хотя применительно к вопросу обороны становилось ясно, что четко определенный на тот период вероятный противник — блок НАТО — не преминет воспользоваться ситуацией и заполнить образовавшийся военно-политический вакуум, что, собственно, и произошло после объявления доктрины о расширении НАТО на Восток. Данный шаг в той или иной мере приблизил вероятного противника, а значит, и исходящую от него военную угрозу уже непосредственно к границам России.

Это случилось после развала СССР и потери трех стратегических военных округов на западном направлении, одного на южном и одного на северо-западном. Нарушения в эшелонировании обороны привели к оголению огромного участка уже непосредственно российской границы, начиная от горных хребтов Кавказа и кончая Крайним Севером. Ленинградский и Северо-Кавказский военные округа не могли в полной мере заполнить образовавшуюся брешь. Требовалась кардинальная перестройка Московского военного округа, военных округов Волжско-Уральского региона, Сибири, а также создание новых, вза-

мен утраченных в первом стратегическом эшелоне. Мобилизационные нормативы для внутренних военных округов СССР строились по формуле М30 (организационно-мобилизационные мероприятия по развертыванию округа во фронт в течении 30 дней), для стратегических военных округов первого эшелона этот период времени соответственно сводился к нескольким дням.

Именно эти вышеперечисленные аспекты военной реформы я и поставил во главе своих вопросов российским военным, и именно на них, как я уже говорил, практически не получил ответа. Признаюсь, я даже нарисовал и логически проиграл некий футурологический сценарий — сродни тем, которые впоследствии очень блестяще перекладывал на бумагу и готовил для «Сигнала» полковник Генерального штаба, впоследствии генерал-майор Валерий Чебан.

Представьте себе, что сценарий для Балканского ТВД, с таким успехом проигранный НАТО на Югославии, был бы перенесен на Россию. Конечно, Россия не Югославия, и блок НАТО прекрасно осведомлен о таком факторе сдерживания и возмездия, как ядерное оружие. Но представьте себе, что этот фактор оказался в полном бездействии, или вообще забудем о его существовании, рассматривая только обычные, конвенциональные средства ведения войны. Так вот, в случае массивной агрессии, включающей ракетные удары и бомбардировку с воздуха, равно как и применение сил быстрого реагирования и развертывания, задача которых подготовить плацдарм для основных сил вторжения, окажутся ли Северо-Кавказский, Московский и Ленинградский военные округа, равно как округа ПВО и округа внутренних войск МВД мобилизационно готовыми адекватно развернуться во фронты за кратчайший срок, обеспечить тыл и снабжение, организовать структурное взаимодействие не только на ведомственном уровне для применения имеющихся средств и сил, но и между родами войск и видами Вооруженных Сил, применяемых на ТВД, сдержать агрессию и перейти в контрнаступление? Не знаю, что уж там подумали об умственном здравии новоявленного Нострадамуса некоторые из интервьюируемых мною генералов и маршалов, но для Вооруженных Сил России на тот период мой сценарий не оставлял реального шанса адекватно и быстро прореагировать на массивированную военную агрессию.

Впрочем, не то же ли самое на уровне локального конфликта низкой интенсивности показала впоследствии

и военно-полицейская операция в Чечне, вошедшая в историю новой России как 1-я чеченская война? О каком-либо реальном военном взаимодействии на территории СНГ говорить было вообще излишне, так как сразу становилось ясно, что этот «выкидыш постсоветской демократии» никогда не будет воплощен на практике, ибо «местным князькам», дорвавшимся до властной кормушки в бывших советских республиках, он попросту не нужен и даже опасен, а проблема решения военных конфликтов в Таджикистане, Абхазии или Приднестровье все равно ляжет на плечи российских военных, отрывая приличный кусок от и без того скудного военного бюджета.

Я думаю, что маршал Евгений Шапошников как никто другой понимал всю порочность принципа «лоскутного одеяла» как основы оборонного союза СНГ, да и всей военной реформы в целом. Не может быть здорового военного организма, в котором не соблюдается принцип единоначалия. Маршалу же оставили некий совещательный голос, на деле не дав ни войск, ни властных полномочий. Он и сам как-то в одном из разговоров со мной, не записываемых на пленку, обронил весьма саркастическую фразу, что является «главкомом войск, которых нет, не будет и никогда не было».

Мне известно, что многие из оппозиционно настроенных к ельцинскому режиму и гражданских и военных недолюбливали главкома, выдвинутого из маршалов авиации в министры обороны СССР после августа 91-го, считая его слабаком и чуть ли не предателем их интересов. Я достаточно долго общался с Евгением Ивановичем на всех его должностях — от Главкома ОВС СНГ до секретаря СБ и представителя президента в компании «Россвооружение» — и не только лишь по долгу радиостанционной службы, чтобы остаться при своем мнении. Маршалу Шапошникову, может, и не хватало порой решительности в действиях, но в том была не его вина, а его беда, ибо он, как, впрочем, и вся российская армия, оказался заложником тех политических обстоятельств, которые принес с собой августовский «недоворот» и последовавшая за ним Беловежская «пучка» бывших партийных товарищей. Не Шапошников и даже в какой-то мере не Грачев, а новоявленная «банда четырех» развалила и страну и армию, оставив России хотя и самый большой лоскут от военного одеяла, но никак не могущий целиком покрыть образо-

вавшиеся бреши в оборонном пространстве. Евгений Иванович произвел на меня впечатление честного и патриотически настроенного русского офицера. Еще раз оговорюсь, это мое личное мнение, которое я вынес из общения с ним на протяжении нескольких лет. В октябре 93-го он сделал свой выбор, подав в отставку с поста секретаря СБ, когда режим ждал от него совсем иных действий по отношению к парламенту, который так и не утвердил его в этой должности. Я до сих пор лично благодарен Евгению Ивановичу в первую очередь за то, что он помог мне осуществить мою давнюю мечту — снова оказаться в России и работать в подвластных ему военных структурах в качестве военного журналиста, пусть и откомандированного «вражьем» радиоголосом.

У меня остались самые приятные впечатления и от встреч с генералами Маниловым, Пьянковым и Ивашовым. В их лице я получил великолепно подготовленных в военных вопросах собеседников, без помощи которых никогда бы не смог довести концепцию своей программы до того уровня военного профессионализма, который, по письмам некоторых радиослушателей, приходивших в Московское бюро РС, выгодно отличал ее от всего другого, звучащего на волнах «Свободы». Пусть основную часть моей аудитории составляли «те, кто носит на плечах погоны», но их количество в России, по самым скромным оценкам, превышало миллион человек. Отечественные же СМИ на тот период своего существования продолжали «славную горбачевскую традицию» оплевывания всего, что связано с понятием «защитник Отечества», и некоторые из этих, с позволения сказать, «коллег по перу» очень уж часто бросали на меня косые и порой весьма недружелюбные взгляды.

ГЕНЕРАЛЫ МУТНОГО ВРЕМЕНИ

Первым из российских генералов, согласившихся дать интервью «Свободе», оказался тогдашний командующий ВДВ Евгений Подколзин. В один из майских дней я созвонился с его помощником, полковником Геннадием Яценюком, и запряг Мишу Елистратова маршрутом к славной российской тюрьме «Матросская тишина», рядом с которой как раз и расположен штаб Воздушно-десантных войск, а также часть ОСНАЗа ВДВ. На беседу к

Подколзину меня, конечно, сопровождал полковник Уватенко из Управления информации российского Минобороны. В приемной пришлось немного подождать. Было слышно, как командующий разбирался с кем-то по ЗАСу. Потом меня и Уватенко пригласили в кабинет.

Беседа получилась объемной, более чем на час, и многоплановой. Евгений Подколзин оказался хотя и не оратором (чего греха таить, не так уж много генералов советской школы были приучены к микрофонам и выступлениям перед аудиторией), но говорил по-военному четко, профессионально и по существу, не уклоняясь от ответов даже на некоторые каверзные вопросы, как так называемая миротворческая функция, навязанная ВДВ горе-политиками и грозившая превратить и без того ослабленный потерей нескольких дивизий стратегический резерв Верховного Главного Командования в этаких «пожарных СНГ». Дескать, «никто, кроме вас!» Впечатления от беседы у генерала Подколзина, впрочем, как и у меня самого, остались самые приятные.

Уже в конце 92-го, когда я приехал в Москву во второй раз и столкнулся с очередным «вывертом» в Управлении информации МО в лице нового начальника генерала Чирвина (при Язове, как мне сообщили по секрету, он заведовал минобороновской каптеркой, выдавал уборщикам метлы и моющие средства), а также с категорическим запретом Грачева давать какие-либо интервью иностранным корреспондентам без его личного на то разрешения, генерал Подколзин счел возможным проигнорировать данный запрет, и я вернулся из второй более краткосрочной российской командировки, слава богу, не с пустыми руками.

Следующим по счету российским генералом, нашедшим время для беседы с корреспондентом «Свободы», стал начальник Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РФ, генерал-лейтенант Александр Носков. Начальник ВОКУ правда заставил себя подождать пару часов, но причина была уважительная. Офицеры училища сдавали зачеты по физнормативу, этот же норматив сдавал и сам генерал. Я знал о нем не так уж много, как о достаточно еще молодом выдвиженце Дмитрия Язова, охарактеризованном некоторыми офицерами, знавшими его по мотострелковой дивизии, которой он раньше командовал, толковым и перспективным военачальником. Ко времени встречи с

Носковым я успел задать несколько вопросов курсантам и пообщаться с замполитом училища, то есть, по-новому, помощником по работе с личным составом.

Беседа с генералом Носковым прошла в достаточно, я бы сказал, конструктивном ключе. Генерал сконцентрировался только на военно-учебной тематике и всячески избегал сугубо политической темы, сразу сказав, что, по его личному мнению, это не дело военных. Что касается внешних данных Александра Носкова, то более спортивно сложенного и по-военному подтянутого представителя российского генералитета я, признаюсь, так больше и не встречал. Не знаю, продолжает ли генерал Носков руководить училищем, получил повышение или, наоборот, был уволен в запас. Если последнее, то было бы очень жаль.

Отдельным вопросом в моей работе со структурами российского МО стоял сам министр обороны, но, как я уже говорил, Павел Сергеевич интервью давать передумал, заявив, что не время, мол, и не место. Только гораздо позже я понял смысл этой многомудрой фразы. Временем оказался август 94-го, а местом — Берлин. По программе-минимум я согласился на его заместителя. Признаюсь, я рассчитывал провести интервью с Борисом Громовым, но, видимо, на тот момент еще не определенное до конца положение бывшего командарма 40-й ставило под вопрос и мою беседу с ним; альтернативой я назвал второго генерала-афганца, моего тезку Миронова, к тому времени сдавшего ПрибВО и получившего должность заместителя министра обороны по воспитательной работе. Мои заявки на остальных замов Грачева не подлежали удовлетворению, так как я мог рассчитывать только на одно интервью, а заданный как бы вскользь вопрос об интервью с кем-нибудь из Генштаба, если не с самим НГШ Михаилом Колесниковым, то хотя бы с Николаевым или Барынькиным из структур ГОУ, вообще остался вроде бы не услышанным до этого всегда чутким ухом российского министра обороны. Я быстро понял, что если буду слишком давить на самого главного, то лишусь и уже приобретенных разрешений на интервью, а посему на время оставил Пал Сергеича в покое, решив не разбивать образ «уважаемого журналиста, как бишь там, мать твою, тебя зовут?».

Озадачив своего помощника из управления информации МО полковника Уватенко вопросом об отслеживании маршрута замминистра Миронова, я с его помощью нако-

нец встретился с бывшим начальником Генерального штаба ВС СССР генералом армии Михаилом Моисеевым. Встреча и беседа состоялись в здании напротив МО, принадлежавшем Управлению внешних сношений. Генерал армии Моисеев очень подробно коснулся вопросов, связанных с августом 91-го. Слушая его интерпретацию тех событий, я еще более уверился в своей концепции театрального представления под названием «путч», в которой от природы хитрый актер Бориска переиграл хренового и бездарного режиссера Мишку. А тех действующих лиц, которые вовремя не почуяли, куда подул ветер, впоследствии определили на роли «стрелочников».

Вторая часть беседы с генералом Моисеевым касалась вопросов военных, теории и стратегии, а также того, какой видится бывшему начальнику ГШ концепция военной реформы в России. Эту вторую часть интервью по возвращении в Мюнхен я довольно свободно пустил в эфир, чего не скажу о первой ее части. «Свободовский кагал» устроил-таки форменный крик по поводу протаскивания в эфир американской радиостанции мемуаров одного из «гэкачепистов». Однако покричали и успокоились (больные люди, раз кричат, значит — что-то болит, голова, наверное), интервью в эфир все же ушло, не в последнюю очередь опять благодаря личному вмешательству директора Русской службы Матусевича.

А впереди меня ждали еще несколько подобных «кагалов» с «форменным криком» из-за бесед с Альбертом Макашовым, Виктором Филатовым, Александром Прохановым и некоторыми другими так называемыми русскими фашистами. Правда, тут представители «кагала», решив, что старые традиционные средства борьбы с «русским фашистом Коноваловым» уже исчерпаны, сами бросились названивать тому же Проханову и проводить с ним беседы по вопросам русского национализма. Согласитесь, уважаемые читатели, что когда русский по духу и национальности человек беседует с таким же русским по духу и национальности другим человеком о русских же духовных и национальных ценностях, то это вполне приемлемо и здраво. А вот когда оголтелый сионист-еврей звонит русскому националисту и пытается делать то же самое, то это, извините, уже патология, и одного еврея надо содержать за американский счет в самой лучшей израильской психлечебнице. Вопрос, как любил приговаривать Павел Сергеич Грачев, «однако, интересный», но факт остается

фактом: некоторые из моих бывших коллег-евреев настолько «прониклись» идеей русского национализма, что решили последовать моему примеру и наперебой стали приглашать так называемых русских фашистов в микрофонам «Свободы». Не знаю, что уж подумали о них Александр Проханов и Виктор Филатов. (Чуть забегаая вперед, надо бы все же отметить, что господин Проханов на «Свободе», похоже, прижился и сошел за своего. Иначе как объяснить его странный транзит из Лондона от Березовского в Прагу нынешней осенью и задушевную беседу с одним из самых отъявленных русофобов на РС Левоу Ройтманом? Перефразируя известную русскую пословицу, видать, «по Саньке и камилавка».)

С генерал-полковником Геннадием Стефановским, как и с его тогдашним помощником полковником Валерием Чебаном, я был знаком телефонно и даже подружился с ними по телефону еще с прошлого, 91-го года. Чебана к моему приезду в Россию в Москве не оказалось. Служба есть служба, как говорится, «летим, куда прикажут», а Геннадий Александрович Стефановский сам нашел меня. Я знал, что генерал все же получил должность в российских военных структурах — помощника по работе с личным составом Главкома РВСН Сергеева, как знал и то, что с Пал Сергеичем Стефановским сильно не в ладах. Дав понять Уватенко, что встречаются старые друзья, а третий, как говорится, лишний, генерал повел меня в ресторан Дома Российской Армии для беседы в более спокойной и располагающей к доверию обстановке, нежели кабинетно-казенная. Елистратов, как всегда, остался ожидать в машине.

Признаюсь, я испытывал определенные муки совести из-за него, ибо человек по натуре добрый, и для себя решил, что в следующий раз, коль мы обговорили вопрос его сотрудничества с программой, возьму его с собой в качестве ассистента. И... чуть было не оказал товарищу Елистратову медвежью услугу. Но об этом позже, а пока вернусь к итогам моей ресторанной встречи с генералом Стефановским.

Прежде всего я так ничего и не записал в тот день, ибо мы упились просто до чертиков. Наутро, оценивая количество выпитого по головной боли и общему моторно-мышечному состоянию, я пришел к выводу, что оно было критическим. Но все относительно. Я еще не летал тогда с Героем России полковником Александром Марге-

ловым, ставшим мне близким другом и братом, в Омск на открытие мемориальной доски Василию Филипповичу — его легендарному отцу и нашему десантному Бате, еще не пил с десанниками, а главное, не опохмелялся. Со всем как в том анекдоте, знаете?

«Из дневника иностранца в России:

Вчера пил с русскими военными, чуть не умер.

Сегодня опохмелялись... Лучше бы я умер вчера!»

Я, слава богу, не умер ни тогда, ни вчера и тем более не сегодня... Наверное, потому, что все-таки русский, а не иностранец, хоть и живу за границей. Я нашел в себе силы позвонить Геннадию Александровичу по служебному, порученец соединил. Генерал, как того и следовало ожидать, был в полном порядке. Мы договорились повторить беседу, но уже с умеренным количеством спиртного. Потом появился Елистратов и внес ясность в то, как я оказался на квартире, добавив, что «развозить по домам в жопу пьяных корреспондентов и генералов он не нанимался».

— Ладно, не лезь в бутылку, — квелым голосом отозвался я.

— Да ты-то сам, вижу, туда вчера основательно залез,— не унимался Елистратов

Контрастный душ восстановил мою двигательную систему, но голова требовала лечения, а в доме как назло ни капли, и секретарша тоже куда-то свалила.

— Сгонял бы лучше за спиртным, что ли...

Кляня корреспондента-алкаша на чем свет стоит, Миша взял бабки и пошел к выходу.

— И пожрать чего-нибудь прихвати! — крикнул я несколько запоздало вслед.

— Шел бы ты, барин...

— Я бы с радостью, но пока не опохмелюсь, даже туда, куда ты меня послал, передвигаться мне будет тяжело.

Через пару часов я был уже в форме, достаточной, чтобы показывать меня по телевизору в качестве учебного пособия по борьбе с алкоголизмом, а еще через час ничем не отличался от человека обычного, если не считать перегара; но по роду моих занятий мне ни с кем лбызаться было не надо. Зазвонил телефон. Подполковник Уватенко сначала обрадовал меня новостью, что сегодня вечером замминистра обороны Миронов прилетает в Москву, а потом огорчил тем, что завтра тот уже улетает в Ленинград.

— Ну и что делать? — спросил я с заметным нетерпением в голосе.

— Как что? Ловить его сегодня вечером в гостинице Генштаба,— последовал совет Уватенко.

До означенного вечера оставалась еще уйма времени, и я упросил Мишу Елистратова проехаться по книжным «развалам», посмотреть, чего там можно купить почитать. Покряхтев и поохав насчет «не в меру образованных алкашей», Елистратов пошел заводить тачку.

Вечером мы выбрали Уватенко на Новом Арбате и подъехали к генштабовской гостинице.

— Пойдем с нами,— предложил я Мише Елистратову, помня свое недавнее данное самому себе обещание,— ты теперь автор моей программы.

Реакция Миши была весьма странной и поначалу, даже можно сказать, непонятной.

— Ты что, охренел? — вытаращив глаза (это было заметно даже за толстыми стеклами дымчатых очков) неожиданно наехал на меня Миша.— Куда, к Миронову, что ли?

— Ну да.

Тут уже с интересом к нашей перепалке начал прислушиваться и Уватенко.

— Ты знаешь, что он раньше занимал должность начальника штаба ЛенВО?

— Ну и что?

— А то, что он летит в Ленинград с инспекцией штаба и управлений.

— Но тебе то чего? Ты ж в запасе

Тут Миши несколько ступешался.

— Пока еще нет,— как-то сразу потеряв весь задор, промямлил подполковник Елистратов, — увольняться в запас буду осенью, а пока я действующий офицер разведуправления округа, нахожусь в отпуске, подрабатываю, тебя, дурака, по Москве катаю... А ты — к Миронову!

— Но и что из того?

Я все еще не понимал всех сложностей армейской субординации.

— А то, что если Миронов знает его в лицо — а своих бывших старших офицеров он не может не знать,— то уволят твоего приятеля с действительной военной службы без всякого выходного пособия и уже не по собственному желанию, а по статье за действия, порочащие... и так далее,— закончил вместо замолкшего на полуслове Миши подполковник Уватенко.— Так что лучше будет ему остаться в машине.

Лучше так лучше. Я тоже хотел, как лучше, а получилось как всегда. Мы вдвоем зашли в вестибюль гостиницы, Уватенко предъявил пропуск, мы подошли к нужному номеру, но там никого не оказалось. Через минут пятнадцать на лестнице послышались шаги и гул голосов, означавший появление замминистра и сопровождающих его офицеров. Представившись, подполковник Уватенко кратко изложил суть нашего визита.

— Времени у меня сегодня нет,— ответил Миронов,— впрочем, я слышал, что корреспондент собирался также посетить Санкт-Петербург? (При этих словах я энергично закивал головой в знак утверждения.) Вот и хорошо, прошу быть завтра к 12.00 в Чкаловском. На борту моего самолета, пока будем лететь, и побеседуем.

Поблагодарив генерала Валерия Миронова за столь неожиданное приглашение полететь в Питер, мы покинули генштабовскую гостиницу. Надо было готовиться к предстоящему полету, тем более что в Ленинграде я не был, почитай, десять лет и собирался задержаться там на пару-тройку дней дольше — навестить старых приятелей.

Наутро, часикам так к одиннадцати, Миша Елистратов привез нас с Уватенко в Чкаловский, на КПП рядом со взлетным полем, и поспешно ретировался, дабы случайно не попасться на глаза Миронову. (Мог бы не торопиться.) Небольшой по размеру, восьмимиллиметровый, газовый ствол итальянского производства «вальтер», который мы совместно приобрели на черном рынке на «всякий пожарный», он сунул мне в кейс еще загодя. В Питере я буду предоставлен самому себе, объяснил Миша, а он очень не хотел бы потерять работодателя и друга. Со стволом, хоть и газовым, все-таки спокойнее, да и таможню мне не проходить. Я растроганно (особенно насчет «работодателя и друга») принял сказанное к сведению, но «фигурой» этой воспользоваться мне так и не довелось.

Махнув Елистратову на прощание, мы с Уватенко предались томительному ожиданию, примостившись поодаль от крыльца КПП. Часы пробили полдень, а генерала Миронова все еще не было. Воздушно-командный пункт замминистра, «Ту-134», стоял наготове на взлетной полосе, ожидая хозяина. Экипаж занимался своим делом. Нам с Уватенко оставалось только ждать. Я попробовал было почитать книгу, чтобы хоть как-то убить время. Мысли разбегались, сосредоточиться на чем-то отвлеченном было трудно, и в который уже раз я взялся за шлифовку вопросов заместителю министра обороны. С опозданием на

два часа Миронов все-таки прибыл, объяснив задержку ожиданием в приемной вице-президента Руцкого. Еще порядка часа мы ждали команды на взлет, и наконец, получив «добро» от метео, экипаж врубил турбины на полную и «тушка» начала разгоняться. От земли оторвались тяжело, но оторвались. Самолет набрал заданную высоту и лег полетным курсом на Пушкин. Через пару минут я узнал, что тот же самолет, не так давно вылетая из Риги, не смог оторваться от взлетной полосы, пробил ограждение и вспахал соседнее поле. Мне стало чуток не по себе, и, незаметно прихватив из кейса пластиковый пузырь с виски, я отправился в самолетный «толчок» поднимать тонус. Спиртное подействовало, напрочь выбив из головы всякие дурные мысли о самолетах, которые подчас имеют обыкновение падать. Я был готов приступить к беседе с генералом Мироновым, который в свою очередь уже ознакомился с заранее отданной ему копией моих вопросов.

Интервью заняло немногим более получаса и прошло под несмолкаемый гул самолетных турбин (техники звукозаписи уже после моего возвращения в Мюнхен немало сил приложили, чтобы свести эту неустранимую в воздухе помеху до минимума слышимости). После завершения интервью генерал Миронов перекинулся с одним из своих офицеров партией в шахматы и... неожиданно предложил продемонстрировать свои стратегические таланты нам с Уватенко. Признаюсь, я, как и «великий комбинатор» — незабвенный сын турецкоподданного, в шахматы играл первый раз в жизни (я не утрирую, это на самом деле было именно так), но неожиданно и для себя, и тем более для остальных загнал оппонента в патовую ситуацию. Миронов начал подсказывать Уватенко правильные ходы, и в конце концов сообщая они меня одолели. На мое запоздалое замечание, что так, в общем-то, нечестно — двое на одного, — генерал Миронов, смеясь, ответил, что не мог позволить «идеологическому противнику» обыграть в шахматы русского офицера.

Под крылом проплывали уже ясно различимые кроны деревьев и коробки зданий. Самолет явно заходил на посадку в Пушкине, ибо к гулу турбин примешался и различимый уже свист выпущенных шасси. Я не скрывал от Миронова, что собираюсь попытаться взять интервью у командующего ЛенВО генерала Селезнева (тоже генерала-афганца — старого приятеля и протеже министра Грачева).

— Ну что ж, попробуйте, хотя Сергей Павлович — командующий занятой,— предупредил замминистра обороны,— его трудно застать на одном месте.

Как в воду глядел — и в этот раз, и в последующие мои визиты в Питер, только узнав о моем не то что появлении, а звонке в штаб ЛенВО, генерал Селезнев неизменно отбывал проверять войска в Псковской, Новгородской или Мурманской области; мне за ним было не угнаться. В середине 90-х, уже с началом 1-й чеченской войны, он погиб в авиакатастрофе.

Наконец самолет замер на взлетной, к трапу подали машину, и генерал Миронов, коротко попрощавшись, укатил в штаб. Нас с подполковником Уватенко тоже довели до Питера одной из штабных «Волг» — напрямик к крылечку окружной гостиницы. Еще было светло, а посему, договорившись с Уватенко о планах наших действий на завтра, я позвонил моему старому поделельнику Игорю Дорошенко, прихватил кейс, спортивную сумку да и был таков.

«В ЛЕНИНГРАДЕ-ГОРОДЕ...»

В Ленинграде я отсутствовал почти десять лет, посему сразу смекнул, что добираться через весь город до Гражданского проспекта с моими основательно подзабытыми познаниями в его географии будет пустой тратой времени. Дорошенко уже ждал меня у здания гостиницы с попутной тачкой. Узнал он меня сразу, впрочем, как и я его. Игорь внешне ощутимо похож на покойного государя императора Николая II, особенно когда с бородой, и любит порой обронить невзначай фразу, что его бабушка была фрейлиной последней императрицы.

— Хорошо выглядишь,— окинул он взглядом мою на то время весьма отъезжую ряху,— в плечах раздался, спортом, что ли, занимаешься?

— Ага, литрболом!

— Я вот чего-то сдал...

— Пить меньше надо, все-таки возраст, да и здоровье уже не то.

— Какое там пить! — с полоборота завелся Игорь.— При большевиках мне еще на водку хватало, а при этих долбанных демократах и на пиво не всегда соберешь... Кстати, надо бы чего взять, отметить твой приезд.

— Возьмем,— успокоил я его,— только учти: мне завтра спозаранку надо приступать к выполнению корреспондентских обязанностей, а поэтому, во-первых, реши вопрос с тачкой (тут выяснилось, что тачка, в которой мы едем, не случайная, а принадлежит знакомому и тот за 10—12 баксов был готов возить хоть целые сутки), а во вторых, «бросать кости» в твоей хате я сегодня не буду.

— То есть как? — Дорошенко несколько даже помрачнел, ибо предвкушаемая «пьянка да утра» отменялась.— Куда ж это ты намылился на ночь глядя? Времена-то уже не те!

Я откинул полу пиджака, показав уютно примостившийся на спине газовый ствол и, в свою очередь ехидно улыбаясь, спросил:

— Как там Лена?

Дорошенко все понял без дальнейших расспросов и был оставлен наедине с изрядным количеством спиртного и собственной женой, а я, грешный, отправился к своей старой подруге Ленке Петровой. Дорошенко не мог знать, что Лена уже дважды побывала в Мюнхене и мои отношения с ней давно перешли грань дружеских. Однако стоп, на этом подробности и закончатся. Хоть все это теперь в прошлом, но интимные отношения я не хотел бы доверять даже бумаге.

Очень уж ранним утром я был поднят телефонным звонком Дорошенко, подозрительно бодрым голосом собиравшего, что минут этак через двадцать они с водилой собираются подобрать меня и отвезти к штабу ЛенВО. Кляня все на свете, я кое-как растолкал заспанную Лену, попросил сделать мне кофе, наспех это кофе выпил, умылся и, даже не опохмелившись толком, выкатился из подъезда на улицу.

Этот район Питера был окраинным, так что до центра мы добирались хороших полчаса. Тут же, в машине, я уже по-настоящему похмелился из прихваченного Игорем фуфыря (когда это было нужно, то, невзирая на свои отношения с «зеленым змием», а после Венечки Ерофеева, Дорошенко явно претендовал на второе место в рядах «борцов» с ним, Игорь умел проявить неординарные организаторские способности) и отправился под арку Зимнего ко входу в штаб ЛенВО, где меня уже поджидал Воля Уватенко.

Как и предрекал замминистра Миронов, командующий Селезнев на месте отсутствовал. Пообщавшись с

замполитами и офицерами отдела информации, мы вышли на улицу. Питерский заезд грозил закончиться полным фиаско. От расстройства, в том числе и желудка, я предложил подполковнику Уватенко пойти чего-нибудь выпить и перекусить. Тот замялся — минобороновские командировочные явно выдавались «сухим пайком».

— Да ладно, Володя, не бери в голову, бери выше,— впервые со дня нашего знакомства я перешел на более фамильярный тон,— гулять так гулять

— Ну, если приглашаешь...

— Приглашаю!

Мы подкатили к одному из самых на тот момент шикарных немецких ресторанов, слава богу, с хорошей русской кухней (ибо, находясь в России, жрать сосиски с капустой — верх гастрономического извращения), но с настоящим немецким бочковым пивом, а не консервированной мочой из баночки. Там уж мы поели-попили на славу.

— Может, я тогда сегодня же вечером вернусь в Москву,— сказал Уватенко,— займусь проработкой оставшихся кандидатур на интервью.

— Разумно,— прогудел я с набитым ртом,— а как мне отсюда выбираться, учитывая летний период на железнодорожном пассажирском транспорте и долгие очереди в кассах, где к тому же на московское направление и при советской власти не всегда легко можно было взять билеты (самолетом из-за прихваченного в дорогу газового пистолета я, понятно, лететь не мог)?

— Я забронирую тебе билет через комендантскую кассу,— пообещал Уватенко,— скажи только, на какое число.

Быстро прикинув в уме, что сегодня четверг, а завтра у правоверных пятница, и еще денька два надо бы откинуть на достопримечательности и Выборг, я назвал вечер воскресенья. Ночь в дороге, а утречком я уже в Белокаменной.

— Заметано,— подытожил Володя.

Мы приняли еще по апперитивчику, я «поблагодарил» официанта кредиткой и дал команду водиле отвезти товарища Уватенко к железнодорожным кассам Московского вокзала, после чего оказался по-настоящему представленным самому себе и городу на Неве.

Поездку по местам былой славы мы начали с Литейного.

— Кто там теперь? — спросил я, показывая в сторону Большого Дома номер 4, с крыши которого, как говорят, даже Колыму видать.

— А никого,— тут же просветил Дорошенко,— чекистов переселили на бывшую улицу имени еврея-большевика-террориста Урицкого.

— Там теперь только УВД,— отозвался более осведомленный водитель.

— Ладно, родные пенаты подождут до следующей командировки, — успокоил я Игоря, который было уже решил, что все оставшееся время я посвящу славным питерским органам госбезопасности.

Мы допоздна катались по Ленинграду. Я отщелкал две фотопленки, но, признаюсь, впечатление осталось тягостное. Даже при беглом осмотре нельзя было не заметить, что город замусорен и запущен

— И давно Питер в таком состоянии?

— Да с первых дней «победы демократии»,— зло отозвался Дорошенко

— Странный ты человек, Игорь...— Я влоборота развернулся к заднему сиденью и посмотрел на него более пристально.— Помню, и при коммунистах ты тоже был в рядах недовольных, господин диссидент?

— Да хрен с ними, с коммунистами, но Советы никому не мешали! Я теперь больше диссидент, чем был при большевиках,— заверил меня Дорошенко,— решил было даже своих трех псов окрестить именами нынешних вождей, да жалко стало... не вождей, собак жалко стало

На удивление схожих взглядов придерживался не один только лишь Дорошенко. Из старых моих когда-то диссидентствовавших знакомых только единицы, и только, подчеркну, те единицы, кто успел приложиться к властной «кормушке», искренне радовались наступлению в России «демократии». Остальным она радости, увы, не доставила. Что ж это за «демократия» такая наступила в России, что даже боровшиеся за нее диссиденты теперь шарахаются от оной, как черт от ладана, и с тоской вспоминают об утраченном советском былом? Над этим стоило поразмышлять на досуге.

Весь вечер пятницы мы «прогудели» у Игоря на квартире, на ночь я, понятно, свалил на хату к Лене, а в субботу было решено ехать в Выборг. В этом небольшом приграничном городе я оставил двух хороших друзей, десять лет назад уезжая в западном направлении не совсем по своей воле. Не навестить город, с которым меня связывали несколько лет жизни, я просто не мог.

Лена в субботу не работала, а посему вчетвером мы и вырулили с утрайки на Выборгское шоссе. Через пару часов я как ни в чем не бывало зашел в магазин, в котором когда-то работал грузчиком. Кое-кто из старого коллектива все еще стоял за прилавками, но в вошедшем иностранном туристе они, конечно же, не признали своего бывшего коллегу. Наконец с каким-то мешком на плече в магазине нарисовался и дед — Петр Карнаушко. Об этом человеке следует рассказать особо..

Морской пехотинец — участник боев на Керченском плацдарме и на Малой Земле (один из немногих выживших), где, как вы помните, начиналась и военная биография политкомиссара Леонида Брежнева, он закончил войну в Прибалтике, был тяжело ранен, несколько лет провалялся на госпитальных койках, но выжил. По количеству орденов и медалей, включая два ордена Славы первой и второй степени, дед Карнаушко мог соперничать и с самим Брежневым, но надевал их редко. Одни случаи мне особо запомнились. Было это, когда Леонид Ильич проезжал через Выборг в Финляндию, а дед надел боевые ордена и как был, в рабочем халате, пошел на станцию проведать своего однополчанина. Ох и шуму же было... Но Брежнев велел его пропустить к себе в вагон, расспросил, как дела, угостил коньяком. По словам Карнаушко, в личном общении Леонид Ильич был простым и отзывчивым человеком. Я не спорил, они все-таки были фронтовыми товарищами.

Увидев меня, дед грохнул мешок оземь прямо посередь зала и с радостным воплем «Валерка!» кинулся обниматься. Тут меня признали и другие. Заведующей отделом я объявил, что ввиду торжественного момента забираю деда на неопределенное время с собой. Та не очень возражала, ибо все еще не оправилась от легкого шока, вызванного моим — «как снег на голову»! — появлением. Мы зашли к Карнаушко домой. Он жил рядом, и я категорически настоял на парадной форме одежды. Пока дед переодевался, я вызвонил второго старого друга — Валеру Марышева, на которого и возложил обязанность найти приличный ресторан. Мог бы и не беспокоиться. Бывший 1-й секретарь горкома комсомола и бывший же диссидент, уже имевший за спиной две ходки на «хозяйскую дачу», был «авторитетом» местного бизнеса, так что ни с рестораном, ни со всем остальным проблем у нас быть не могло.

Мы немножко побродили по городу, сфотографировались у местной крепости, оставшейся еще от шведов, и наконец забурились в круглый по форме и шикарный по убранству ресторан. Марышев заверил, что кухня превзойдет все мои ожидания.

— Ну как ты там? — участливо глядя на меня, проговорил очень сильно раздавшийся в объеме тезка.— Похудел вроде?

— Нормально. Сам бы ты лучше похудел, это тебе, борю заплывшему, все худыми мерещатся,— отшутился я.

— Не хочешь узнать, как поживает твой друг Лебедев? — сменил тему Марышев.

— Какой он мне друг... а он что, здесь, в Выборге? Можно было бы по старой памяти навеститься.

Речь шла о старшем в те времена лейтенанте местного отдела КГБ Лебедеве, который по заданию вышестоящего начальства присматривал за диссидентствующим грузчиком Коноваловым и облегченно вздохнул только в аэропорту Пулково, когда убрали трап самолета, улетавшего рейсом Ленинград — Вена — Цюрих.

— Да нет, как я слышал, он в Питере, видимо, скоро получит должность в Управлении МБ, если другого твоего знакомого, Виктора Черкесова, назначат начальником этого Управления,— подвел итог Марышев.

Признаться, и раньше меня всегда удивляла, а порой и настораживала осведомленность Марышева в таких делах, которые касались кадровых перемен в местных структурах КГБ. Виктор Васильевич Черкесов — нынешний полномочный представитель своего сокурсника по юрфаку ЛГУ и коллеги по службе в Ленинградском УКГБ, а ныне российского президента, был моим ленинградским куратором и даже как-то руководил обыском у Галины Григорьевой, во время которого изъяли собранный и отредактированный мною самиздатский литературный альманах. Он тоже облегченно вздохнул, когда за мной убрали трап самолета, хотя и не мог предположить, в штате какой организации я вскорости окажусь и какой на это будет реакция его тогдашнего начальства в лице генерала Носырева.

Находясь в Ленинграде, я дважды пытался встретиться с генералом Черкесовым на предмет интервью («добро» на то со стороны министра безопасности Виктора Баранникова имелось в наличии), но оба раза Лебедев, с которым я связывался по телефону, огорчал меня новостью,

что начальник проверяет-де службу то ли во Пскове, то ли в Новгороде. Словом, та же «тяга к перемене мест», что и у командующего ЛенВО генерала Селезнева. Вышеозначенный Лебедев тоже не горел желанием беседовать с корреспондентом «Свободы», так что ни одного интервью от сотрудников органов госбезопасности Питера я тоже не получил.

Начало вечереть, я распрощался с дедом Карнаушко, пообещав ему в следующий раз обязательно заглянуть в Выборг, когда окажусь рядом, в Питере, и с Марышевым. Петра Карнаушко я попросил вспомнить ряд моментов из его фронтовой биографии, ибо собирался один из выпусков программы «Сигнал» полностью посвятить ему. Что еще я мог сделать для старого ветерана, зарабатывающего на хлеб насущный нелегким трудом грузчика?

В Питер мы вернулись уже за полночь. Дорошенко несколько погрустнел. Лена тоже нервничала, понимая, что я снова исчезну надолго — «растаю, как след на песке». Я, правда, оставил ей приглашение. Но куда она оформит визу, еще не одна Нева воды утечет.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В РОССИИ

Обратную дорогу в Москву я проехал в битком набитом военными отпускниками и командировочными купе, даже глаз не сомкнув. Миша Елистратов забрал меня с Ленинградского, со вздохом констатировав, что не смог в этот раз выбраться в Питер со мною. Может, в следующий приезд? Я не возражал, ибо вырваться на несколько дней в Питер был готов всегда. Но удовольствие удовольствием, а нужно было приступать и к насущным делам.

Подполковник Уватенко сообщил мне о наличии согласия начальника Военной академии ГШ генерала Игоря Родионова на интервью «Свободе». К этой встрече я готовился особенно тщательно, и так уж получилось, что в те несколько дней перед встречей с Родионовым позвонил Александр Проханов и предложил заехать к нему на Цветной бульвар. После нашего разговора Александр Андреевич набрал номер генерала Грибкова, тот в свою очередь связался с генералом Альбертом Макашовым, и вот мы с Мишей Елистратовым уже на «стрелке» у гостиницы «Москва». Понимая, что беседа с Макашовым — для меня редкая удача (после августа 91-го генерал вполне

заслуженно не жаловал никаких корреспондентов — ни отечественных, ни тем более иностранных), я извелся и перенервничал так, что, несмотря на выпитое, заикался больше обычного. Альберт Михайлович тоже пребывал в несколько нервном состоянии, не совсем понимая, зачем это Проханов и Грибков уговорили его дать интервью «этому сионистскому радио «Свобода».

Напряжение разрядил следующий эпизод. Очередной раз пройдясь по жидомасонам и сионистам, которые разрушили его страну, Макашов вдруг обернулся к Мише Елистратову, внимательно на него посмотрел и произнес: «Извините уж, если чем обидел вашу нацию». Я не смог сдержать смеха, глядя на остолбеневшего Мишу, выключил звукозапись и, все еще давясь смехом, объяснил генералу, что хотя товарищ Елистратов и похож внешне на представителя «этой самой нации», но он русский, родом из Тамбова и к тому же офицер. Макашов тоже рассмеялся: «Ну извините, Михаил, обознался!» Остальная часть интервью прошла уже в более доверительном ключе. Я до сих пор считаю это интервью с генералом Макашовым одним из лучших материалов, привезенных тогда из Москвы. Да и дать его без цензурных купюр в эфир мне стоило немалой крови.

На следующий день я продолжил общение с российской оппозицией уже в лице моего старого знакомого, генерал-майора запаса Виктора Филатова. Виктор Иванович Филатов — бывший главный редактор «Военно-исторического журнала», уволенный по приказу Горбачева за публикацию отрывков из гитлеровской «Майн кампф» на русском языке. Советским гражданам, по мнению «президента-резидента», отнюдь не за «красивые глазки» получившего звание «почетный немец», вовсе не обязательно было знать о той участи, которую им собирался уготовить нацизм, а то ведь, не ровен час, начнут задумываться, проводить параллели. А что касается так называемого антисемитизма, то в том же Израиле гитлеровский бестселлер давно уже перевели на иврит и одобрили к свободной продаже. (То ли в шутку, а может, и всерьез, но поговаривают, что у нынешнего израильского премьера Шарона «Майн кампф» — настольная книга.)

В 92-м и до самого октября 93-го Виктор Иванович редактировал газету Внутренних войск МВД России «Ситуация», а для моей программы регулярно давал сводки с «фронтов 2-й гражданской». В тот день, когда мы за-

ехали к нему, генерал был в полном одиночестве, супруга и дочь находились на отдыхе, а потому мог позволить себе расслабиться. Расслабительного у меня с собой было литра два, не меньше, а увидев накрытый Виктором Ивановичем стол, согласился пропустить пару рюмок даже бывший за рулем Елистратов. К его великому неудовольствию, я рассказал Филатову о встрече с генералом Макашовым, не упустив и пикантный момент с «обиженной нацией». Филатов посмеялся, потом сказал: «Ничего страшного, Миша, главная примета еврея — не в лице, а в том, что значительно ниже. Там-то, надеюсь, все в порядке?» Невнятный ответ Елистратова потонул в новом взрыве хохота. В конце концов развеселился и сам Михаил. Гостеприимного хозяина мы покинули далеко за полночь.

Еще один день я потратил на поправку своего состояния, который раз уже давая себе зарок пить в меру (вопрос в том, как ее определить, эту меру), а ранним утречком дня следующего поехал в сопровождении Уватенко в самый конец Ленинского проспекта. Здание академии ГШ поразило меня своим величием и законченностью форм. Как бы ни злословили некоторые по поводу советской архитектуры, но внешне и Военная академия Генштаба и Минобороны выглядят куда эстетичнее пятиугольной коробки американского военного ведомства.

Родионов принял нас почти сразу. Я заметил на подоконнике приемной подшивку газеты «День» и, нарушая этикет, быстро просмотрел заголовки свежего номера. «Интересуетесь?» — спросил генерал. Я ответил, что знаю Проханова лично, упомянув и его помощь в установлении контакта с Макашовым (мало кто помнит, что генерал Макашов являлся заместителем командующего Закавказским военным округом по боевой подготовке, которым в самом конце 80-х был Игорь Николаевич Родионов). Генерал посмотрел на меня уже несколькими другими глазами. Думаю, что это сыграло не последнюю роль в его согласии говорить о тбилисских событиях апреля 89-го, когда он еще раз прошелся по господину грузинскому президенту.

Из этой части интервью я сделал спецпередачу, а так как сам Шеварднадзе, несмотря на все уговоры, напрочь отказался отвечать своему оппоненту, то в эфире вместо грузинского президента пришлось выступать моему коллеге Котико Надирашвили (когда-то он работал у Шеварднадзе помощником, еще в бытность Эдуарда Амвросьевича министром внутренних дел Грузинской ССР).

Вскоре я удостоился высочайшей жалобы батона Эдуарда, переданной в администрацию радиостанции «Свобода». Не знаю, может, такие же жалобы были отправлены и президенту Клинтону, в Конгресс США, или же, того хуже, в ООН, но о планах посещения Грузии ввиду обидчивости главы государства пришлось тут же забыть.

К интервью с генералом Родионовым, как это уже было упомянуто, я готовился очень тщательно, и без ложной скромности могу сказать, что профессиональной постановкой вопросов и точным применением военной терминологии немало удивил не только Игоря Николаевича, но и подполковника Уватенко, не ожидавшего от меня таких обширных познаний в области оперативного искусства и военной стратегии. Только в одном вопросе Родионов не согласился с моей концепцией, назвав боевые действия ОКСВ в Афганистане выполнением оперативно-тактической задачи. Я не стал спорить, хотя свое мнение об имевшей место «тактике без стратегии» изложил в том виде, в каком вы можете его прочесть в предыдущих главах книги. Повторяться не буду.

Генерал Родионов попрощался со мною напутствием «строить вместе великую Россию». Признаюсь, меня до глубины души тронули эти слова. Я пообещал генералу передать запись нашей беседы и фотографии при первой же возможности. Через два года, летом 94-го, один из старших офицеров — адъютант академии ГШ рассказывал мне, что несколько раз генерал Родионов включал запись той нашей беседы перед аудиторией, дабы некоторые слушатели академии могли поучиться у штатского журналиста четкости постановки вопросов и владению военной терминологией. У меня не было возможности проверить эти слова офицера-адъютанта.

С генералом Родионовым я пересекался только еще один раз возле здания Минобороны. Он узнал меня, но, кроме обмена приветствиями, ни на что другое у генерала времени не было. Игорь Николаевич произвел впечатление порядочного и вдумчивого русского генерала. Непонятно и тем более жаль, что, став очередным министром обороны России, он поддержал предложение некоторых генштабовских генералов по реорганизации Воздушно-десантных войск, которая на деле грозила их полным расформированием и уничтожением как рода войск и стратегического резерва ВГК.

Остальные мои встречи и интервью, помимо визита в Главный штаб ВМФ и беседы с Героем Советского Союза адмиралом флота Владимиром Чернавным, а также, пожалуй, еще и беседы с Главным военным прокурором Валентином Паничевым, были не столь интересны. (Я скрепя сердце дал в эфир пустопорожнюю болтовню замначальника Гуманитарной академии контр-адмирала Ивана Барсукова.) К тому времени я понял, что уже изрядно поднадоел со своими куда как завышенными запросами военному ведомству России, и что пора бы сворачиваться да отбывать восвояси, в Мюнхен. Да и срок действия моей визы тоже почти что истек.

Но неожиданную коррекцию в мое «чемоданное настроение» внес Главкомсат ОВС СНГ. Общаясь с председателем Координационного совета Офицерских собраний капитаном 1-го ранга, а вскорости и контр-адмиралом Александром Мочайкиным, я узнал, что этак примерно через неделю на территории штаба состоится заседание КС Офицерских собраний и что неплохо бы было мне на нем поприсутствовать. Послушать и записать на ленту, что думают и говорят офицеры СНГ. Он, Мочайкин, лично приглашает меня на Координационный совет.

Я быстро оценил неожиданно открывшуюся перспективу и пошел увещевать генерал-лейтенанта Валерия Манилова походатайствовать перед консульской службой МИДа о продлении моей визы. Тот, составив соответствующую бумагу, перепоручил это дело начальнику пресск-центра полковнику Серафиму Юшкову, с которым у меня к тому времени уже сложились дружеские отношения, и когда все бумаги были оформлены, я повез их на Смоленскую в МИД на продление визы.

Сообщив подполковнику Уватенко об уважительной причине моей задержки в столице, я практически завершил все свои дела с МО России, поблагодарив Володю за оказанную помощь и намекнув ему, что в следующий приезд к концу осени текущего года планирую продолжить работу именно с ним. Уватенко лично не возражал, ибо содействие иностранному корреспонденту больше было похоже на второй оплаченный отпуск, но это уж как решит начальство. Я также позвонил генералу Манилову и поставил его в известность, что срок пребывания в России мне продлили, а следовательно, прошу пополнить моей фамилией и список журналистов, приглашенных в Главкомат ОВС СНГ для освещения работы Координаци-

онного совета Офицерских собраний. Впереди была еще целая неделя, и я спросил Мишу Елистратова, нет ли у него желания слетать со мной в Белоруссию. У Миши такого желания не было (не в Питер же), а чтобы несколько дней от меня отдохнуть, он даже за свой счет готов был отправить меня хоть на Дальний Восток.

Мы съездили на Петровку к кассам Аэрофлота, там я купил билет, благо режим посещения соседнего теперь уже государства был безвизовый, и следующим утром Елистратов повез меня в «Шереметьево-1». Кроме желания проведать проживающую в Минске сестру Раиску и двух племянников, Вадима и Артема, я также намеревался съездить и к матери с отцом в Речицу. Помимо дел семейных, передо мной стояла и задача аккуратно проверить возможность работы с военным ведомством Белоруссии по типу той, что я довольно успешно проделал в России. В Белоруссии у меня уже были телефонные контакты в Управлении информации МО, в МВД и даже в парламенте республики. Оставалось проверить их надежность на практике при очных встречах.

Правда, в Белоруссии произошло одно важное для меня изменение — был назначен новый министр обороны. Я знал, что генерал Козловский воевал в Афганистане, но лично с ним знаком не был. До Минска лететь было час, и «Ту-134», не успев как следует повисеть в воздухе, уже начал терять высоту и делать разворот для захода на посадку. В здании старого аэровокзала, больше похожего на колхозный сарай, не было ни КПП, ни таможни. Я начал было оглядываться в поисках знакомого лица, но так никого и не заметил. Знакомое лицо — супруг моей сестры Михаил Федорович Соколов, когда ему уже порядком надоело ждать, сам окликнул меня.

— Извини брат, не признал,— проговорил я извиняющимся тоном,— зато богатым будешь.

— Точно, будешь тут богатым, если не родился Рабиновичем,— флегматично заметил тот,— давай лезь в тачку. Пора ехать, а то Раиска уже заждалась дорогого гостя.

Михаил Федорович, хоть корнями своими и был с Волги, принадлежал к особому этносу — русским азиатам (родился и вырос в Казахстане), что наложило отпечаток на его характер и манеру разговора. Вывести из себя его мог, наверное, только ядерный взрыв, да и то ненадолго. Я поделился с ним планами относительно МО РБ, но Миша только вяло кивнул: «Что ж, попробуй, попытка не пыт-

ка. А в Речицу можем на день-два смотаться вместе, я как раз туда намерен намылиться».

Сестра мне, конечно, была рада-радешенька. Почитай, десять лет не виделись, только слушала меня, когда была возможность, на коротких волнах. Я, правда, писал и ей и матери, но письма почему-то доходили не все, а учитывая мою давнюю нелюбовь к эпистолярному жанру, признаюсь, писал я довольно редко. Племянники тоже были рады визиту «заграничного дяди», особенно старший, Вадим. А в Речице меня еще ждал двоюродный брат Леня. Вообще-то их двое, близнецы. Но один из братьев, Валя, был офицером и, насколько я тогда знал, последним местом службы у него значилось Закавказье. На следующий день Михаил Федорович организовал водилу с тачкой, и мы с раннего утра поехали в Речицу.

Мать уже не чаяла воочию увидеть меня до конца того срока жизни, который ей был отпущен Богом и в который свои коррективы внес Чернобыль. Пообщался я и с отцом, Николаем Васильевичем Кожедубом, который почти не изменился характером, только несколько постарел (подошел к седьмому десятку) и пить, похоже, стал еще больше, когда, конечно, было на что. Брат Леня сообщил мне, что второго близнеца, Валентина, перевели служить в Московский военный округ. Уже что-то, подумал я, хотя все равно найти его будет непросто. (Уже в Москве за пару дней до обратного полета в Мюнхен мой кузен сам нашел меня.)

По возвращении в Минск я связался с начальником Управления информации МО РБ полковником Владимиром Чековым и его заместителем подполковником Александром Муштой, которые доброжелательно отнеслись к моему вопросу о работе в военных структурах республики. Полковник Чеков сообщил мне довольно важную информацию о том, что на Координационном совете Офицерских собраний будет также присутствовать белорусский министр обороны Козловский. Вот если бы я попробовал перехватить его там и обо всем договориться лично...

Перед возвращением в Москву я сделал еще два интервью: одно с представителем Главкомата ОВС в Минской штаб-квартире СНГ, генерал-майором Василием Волковым, второе — с депутатом парламента Белоруссии, полковником милиции Игорем Пырхом — бывшим бойцом команды специального назначения МВД СССР «Кобальт» в Афганистане.

В последний вечер мы все вместе отправились в ресторан поужинать, а наутро со мной произошел забавный случай (однажды это уже имело место, но в другое время и на другом континенте, в Америке) — я на совершенно трезвую голову перепутал время отлета, и самолет в Москву улетел без меня. Пришлось позвонить Елистратову, который безрезультатно проторчал два часа в аэропорту и посему наградил меня не одним нелестным эпитетом. Служащий Минского аэровокзала, безуспешно пытавшийся посадить меня к местным депутатам, следовавшим курсом на Домодедово, все-таки нашел выход — чартерный рейс ближе к вечеру, но, поймите, мол, у этого рейса свои особенности. «Что вы предпочитаете? Плохо сидеть или хорошо стоять?» — в шутку спросил он. Мог бы и не задавать столь провокационных вопросов. Как потомственный зэк я всегда предпочитал «плохо сидеть» на шконке, чем «хорошо стоять» у стенки, а посему выбрал первое из предложенного мне ассортимента.

В первый и, надеюсь, в последний раз я летел в самолете, сидя в «сортирной позе», то есть, уперев подбородок в коленки (хорошо хоть доплатил за это «плохое сидячее место», а не стоял в проходе, как некоторые), и моей единственной мыслью весь этот час было: «Какого хрена я не поехал поездом, там те же «мешочники», но поезд — не самолет, его так не перегрузишь». В общем, кое-как долетел я до «Шереметьева-1», правда, двигательные способности от весьма неудобной позы восстановились не сразу и в зал ожидания я, простите, вошел, как пое...ный. От Миши это не укрылось, и он не преминул меня подколоть.

Дома с порога секретарша Люда огорошила меня вестью, что уже два раза звонил генерал Стефановский. «Он в Архангельском, в санатории, просил заехать», — добавила Люська. Тут я наконец вспомнил, что так и не определился с Геннадием Александровичем по вопросу второй нашей встречи.

День в запасе у меня еще был. В Архангельском мне понравилось, красивое место. Я провел с генералом намеченное интервью, а кроме этого, Стефановский передал мне гранки своей книги «Пламя афганской войны», главы из которой я позднее дал в эфир в четырех «афганских» спецвыпусках «Сигнала». Геннадий Александрович, выслушав мой краткий отчет о поездке в Белоруссию (его предки были родом из Могилевской губер-

нии), сказал мне, что хорошо знает Козловского еще по Афганистану, а посему скептически относится к возможности разговорить министра обороны РБ при сложившихся обстоятельствах. Я пожелал генералу Стефановскому приятного отдыха, и мы попрощались до осени.

Актовый зал Штаба ОВС СНГ, в котором собрались представители офицерских собраний со всех уголков некогда необъятной страны, когда я туда наконец добрался (ибо застрял в пробке в районе Белорусского вокзала), был набит до отказа. Я быстро пробрался поближе к трибуне, включил магнитофон. Ан не тут-то было! После краткого вступительного слова всегда улыбающийся маршал Шапошников улыбнулся еще шире и попросил корреспондента «Свободы» удалиться. Незачем, мол, выносить «сор из избы». Ко мне тут же подскочил комендант. Я вопросительно посмотрел на каперанга Мочайкина. Тот только руками развел. Ну что ж, раз Главком попросил, то удалюсь. Я справился, когда будет перерыв, и пошел в направлении буфета. Еще по дороге в актовый зал я заметил, что всегда скудный ассортимент буфета неожиданно обновился — в основном импортными напитками.

В перерыве я и мой магнитофон тут же «обросли» внушительной компанией офицеров, в основном из российских частей, еще остававшихся на Украине, которые горели желанием сказать «пару ласковых» в микрофон. Кроме того, я выяснил, где точно в зале сидит министр обороны Белоруссии Козловский и как он выглядит, после чего офицеры снова пошли заседать, а я продолжил знакомство с содержимым буфета, предлагавшим и хорошую среднеазиатскую кухню. День подходил к концу, а в «целовании замочной скважины» актового зала я не видел особого смысла. Наконец подошло к концу и Офицерское собрание.

Я заметил, что министр Козловский бочком-бочком продвигается к выходу, и рванул на перехват. Генерал остановился, я представился и кратко изложил суть дела. Услышав про радио «Свобода», Козловский поначалу не знал, что сказать, а потом под дружный смех стоявших поодаль офицеров сослался на то, что, дескать, прилетел «Аэрофлотом» и опаздывает на самолет, а то ведь «зазря пропадет купленный на народные деньги билет». Смех стал еще громче, многие офицеры знали, что на самом деле он опаздывает на пьянку со своим российским коллегой Грачевым. Когда людская масса уже значительно

схлынула, я подошел к генералу Валерию Манилову с неммым вопросом герасимовской Муму. За что? Манилов посоветовал мне не обижаться на решение Главкома, пожелал счастливого возвращения в Мюнхен и, если что нужно, велел выходить по телефону прямо на него.

Дома меня ожидал приятный сюрприз в лице моего двоюродного брата Валентина. Оказалось, что из Закавказья его действительно перевели в МВО, присвоили старлея. От Москвы часть расположена не так далеко — меньше ста километров. Должность тоже не обременительная — тренер по физдо, рукопашка. (Валька был обладателем черного пояса в карате.) Жить, в общем, можно. Мой московский телефон он узнал у близнеца, которому я предварительно его оставил, позвонил, вышел на секретаршу Люду — вот так и нашел меня. Последние три дня в Москве мы провели вместе, и он проводил меня в аэропорт. Я даже не мог представить себе, что наша следующая встреча с двоюродным братом будет уже на кладбище... на его могиле. Нет, Валя не погиб в «горячей точке» от рук боевиков. «Горячая точка» доконала его уже на «гражданке». Через несколько месяцев после нашей встречи он внезапно уволился с действительной службы, уехал домой в Белоруссию и... покончил с собой, оставив маловразумительную записку, что в своей смерти просит никого не винить. Вальке не было еще тридцати. Говорили, у парня «крыша съехала» — «постстрессовые травматические нарушения психики» (ПСТН), так этот синдром называется по-научному. Может, по-научному оно-то и так...

ОБРАТНО В РОССИЮ

Я вернулся в Мюнхен, за пару-тройку месяцев подготовил и дал в эфир практически все привезенные из первой командировки материалы и... снова стал собираться в дорогу. Россия притягивала и манила меня. Я не мог уже больше бездумно сидеть в уютной квартирке, тупо уставившись в «тель-авизор» и потягивая баварское пиво, или шататься по кабакам, шлюхам и прочим сомнительным компаниям. «Во чужом пиру похмелье» становилось невыносимым. В октябре 92-го я подготовил и отправил два факса — в Минобороны России и в Главное Командование ОВС СНГ — и вскорости получил ответы. В приложении к этой главе я приведу оба факсимиле, дабы читатель сам

мог сравнить отношение ко мне со стороны МО РФ и Главкомата ОВС СНГ. Мой второй «бон вояж» в Россию в конце осени 92-го был мало чем примечателен. Единственное интервью в российских военных структурах, как я уже говорил, было взято у тогдашнего командующего ВДВ генерал-полковника Подколзина. Зато в Главкомате ОВС СНГ я поработал более плодотворно, фактически став желанным гостем в кабинетах и Главкома, и его заместителей. Не было проблем и в работе с такими структурами, как СВР и Министерство безопасности России. Видимо, мой по-человечески нормальный и объективный подход к деятельности данных силовых ведомств вполне удовлетворял их руководство, и оно не чинило препятствий. Так что совсем без материалов я, конечно, не остался.

В эту вторую командировку вместе с уже успевшим выйти в запас Мишей Елистратовым мы наконец-то съездили в Ленинград. Он познакомил меня с некоторыми из своих друзей и бывших сослуживцев. Младший из братьев Зубковых, Саша, в прошлом капитан 3-го ранга, командир БЧ-3 атакующей атомной подводной лодки, классифицируемой в натовских справочниках как «Дельта-4», а ныне подающий надежды бизнесмен-финансист, получил предложение стать одним из авторов «Сигнала», готовя материалы по ВМФ и военно-экономическим вопросам. С другим автором было немножко сложнее, ибо в то время он продолжал еще служить, поэтому его материалы на радио «Свобода» приходили через Мишу Елистратова. Теперь, я думаю, этого автора — давно уже военного пенсионера — я могу представить под его настоящим именем: кавалер двух орденов Красной Звезды, участник боевых действий в Афганистане, подполковник запаса Андрей Карганов. Но в ту пору он занимал должность заместителя начальника управления боевой подготовки округа, и я не мог подставлять его под горячую руку скорого на расправу командующего Селезнева.

Тогда же мне пришлось распрощаться с одним из авторов — писателем Игорем Буничем. Его материалы по военной истории уже перешли грань реальности и объективности, все больше отдавая просто больной фантазией и очернительством. С меня в свое время с лихвой хватило одного такого фантазера — проживающего в Англии беглого майора ГРУ Виктора Резуна. Российскому читателю он более известен под громким псевдонимом Суворов. Но Бунич ухитрился переплюнуть даже эту Алису из

Застеколья (на армейском жаргоне ГРУ иногда называют не только «аквариумом», но и «стекляшкой»).

В тот наш приезд в Ленинград Михаил Елистратов познакомил меня еще с одним человеком — доктором технических наук Николаем Сунцовым. Капитан 1-го ранга в отставке Николай Николаевич Сунцов оказался одним из создателей и разработчиков советского ядерного оружия и после знакомства с концепцией моей программы дал согласие давать для нее материалы, оговорив при этом, что технические подробности он сведет к разумному минимуму, дабы они не выглядели как пособие для начинающий ядерных террористов по типу «сделай сам». На самом же деле для этого, конечно, были иные причины, связанные с понятием «секретоноситель», но шутка мне показалась удачной. Один из самых первых радиоматериалов Николая Ивановича Сунцова я приведу в конце настоящей главы в традиционном приложении «По страницам программы «Сигнал», а из всего написанного им для «Сигнала» по истории и современности советского и российского ядерного оружия можно было бы составить отдельную книгу.

Вдоволь нагулявшись по Питеру, мы с Мишей вернулись в Москву. Я практически уже был готов к отбытию в западном направлении, но у меня оставалась еще одна непокрытая тема — ветераны афганской войны и их место в нынешних политико-государственных структурах России. В прошлую командировку мне удалось встретиться и поговорить с лидерами двух ветеранских организаций: Русланом Аушевым и Александром Котеневым. В этот раз я замахнулся на нечто большее, решив все-таки взять интервью у Александра Руцкого. Нельзя сказать, что я до этого не пробовал выходить на Руцкого. Пробовал, и не раз, как по телефону, так и находясь в Москве еще летом 92-го. Но каждый раз это почему-то срывалось. От одного из тогдашних соратников Руцкого, полковника, а впоследствии генерал-майора авиации Николая Столярова, толку в решении этого вопроса оказалось мало. Второй бывший соратник Александра Владимировича, генерал Стерлигов, уже практически подвел меня к цели, но помешали обстоятельства. В этот раз я решил не рисковать и действовать наверняка через советника вице-президента России Андрея Федорова, с которым меня свел мой автор Андрей Шарый.

Через несколько дней раздался долгожданный телефонный звонок и меня пригласили в Кремль. Прямо скажу, мне опять не повезло. Пока прапорщики из Главного управления охраны, дежурившие на КПП Спасских ворот Кремля, решали архиважную государственную задачу; следует ли разрешить проход через оные врата предъявителю иностранного паспорта, Руцкой куда-то укатил по делам, а мне пришлось беседовать с Федоровым, что, сами понимаете, вовсе не одно и то же. Мой старый ко-реш Алексей Мананников, депутат Верховного Совета России, долго смеялся над всей этой историей. Потом спросил:

— Ну и при каких обстоятельствах тебе все же разрешили пройти в Кремль через ворота Спасской башни?

— Только в сопровождении гражданина России,— скорчив кислую мину, ответил я,— но, пока его искали, Руцкой из Кремля уже уехал.

Хохот стал заметно громче.

— Ты бы, долбаный депутат, лучше не смеялся, а придумал что-нибудь,— посоветовал я.

— А что тут можно придумать? Разве что повесить у ворот башни большой плакат с надписью: «Собакам и обладателям иностранных паспортов вход в Кремль через Спасские ворота разрешен только в сопровождении граждан России»,— давясь смехом, внес рацпредложение депутат Мананников.

Ну что с него брать, с «народного избранника»? Впоследствии, уже став членом Совета Федерации и заместителем председателя комитета по международным делам, Алексей не раз оказывал мне помощь и в получении многократной въездной визы в Россию, и в моей корреспондентской работе. В политическом же плане из лагеря защитников «демократии» образца августа 91-го, после того что случилось в октябре 93-го, Мананников окончательно перешел в ряды оппозиции. Сейчас он уже давно не депутат, живет в Новосибирске. Изменилось ли его мировоззрение? Не знаю. Последний раз мы виделись в конце 95-го.

Уже перед самым моим отлетом позвонил Володя Пластун и попросил заехать. Он наконец разыскал мне домашний московский телефон Игоря Николаевича Морозова. Невзирая на явное желание Владимира Никитовича «посидеть на дорожку», я вежливо отказался и тут же набрал переданный мне телефонный номер. Игорь сам

снял трубку. Я представился, но ожидаемой мною реакции с той стороны провода не последовало. Мы все же проговорили больше часа, в основном об афганской войне. Весь обратный полет в Мюнхен я изводился одной-единственной мыслью: «Тот это или не тот Игорь Морозов, которого я помнил еще с раннего детства?»

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

Николай Николаевич Сунцов — доктор технических наук, профессор, капитан 1-го ранга в отставке. Живет в Санкт-Петербурге. Один из создателей и разработчиков термоядерных боеприпасов для Военно-Морского Флота СССР. Предлагаемый вниманию материал Николая Николаевича явился своего рода откликом на ряд публикаций в российской и зарубежной прессе о ЦНИИ-12 МО РФ и подчиненных ему сейсмологических лабораториях, а также, об имевших-де место ядерных испытаниях, способных если не вызвать землетрясения, то существенно усилить их балльность по шкале Рихтера.

Николай Сунцов

Эксперименты в СССР по вызову искусственной волны цунами подводным термоядерным взрывом

Распад Советского Союза вызвал в числе прочего и усиление внимания людей к проблеме ядерной безопасности. Это вполне объяснимо и оправдано, так как частично распалась существовавшая в СССР централизованная система жесткого и четкого управления ядерными боеприпасами. Эта отработанная во всех деталях система предотвращала возможность несанкционированного применения всех видов оружия с ядерными зарядами и обеспечивала безаварийность эксплуатации этих зарядов. В войсках и на флоте были отдельные, немногочисленные случаи аварий с носителями, ракетами и торпедами, но не было аварий самих зарядов. Я беру на себя всю ответственность заявлять это, так как мне в течение двадцати лет приходилось заниматься исследованиями поражающих факторов ядерных взрывов, а также обоснованием перспектив развития и правил эксплуатации ядерных

боеприпасов Военно-Морского Флота СССР. Было это во время моей работы в Морском филиале ЦНИИ-12 Министерства обороны СССР и в Военно-морской академии в Ленинграде. Однако справедливая обеспокоенность возможным нарушением ядерной безопасности привела также к появлению самых невероятных и фантастических домыслов. К их числу я отношу информацию о том, что с помощью ядерных взрывов можно в военных целях вызвать искусственное землетрясение и что испытания тектонического оружия в СССР увенчались определенным успехом.

Справедливости ради надо сказать, что в свое время появлялась мысль вызывать с помощью мощных термоядерных взрывов такие геофизические явления, которые возникают в естественных условиях и приводят к катастрофическим последствиям. Однако речь шла не о землетрясениях, а о так называемых волнах цунами.

Прежде чем говорить об этом, следует в самых общих чертах вспомнить историю создания и развития ядерных зарядов. Ее можно очень условно разбить на два периода. В первом из них все усилия ученых и конструкторов были направлены на увеличение мощности самих зарядов. Мощность, а точнее, энергию, заложенную в заряде, принято характеризовать тротиловым эквивалентом. Это масса заряда из тротила, энергия взрыва которого равна энергии ядерного взрыва. Максимальный тротиловый эквивалент ядерного заряда составляет величину порядка двадцати килотонн. Тротиловый эквивалент термоядерного заряда может быть на много порядков больше. Это и привело к созданию сверхмощных зарядов.

В дальнейшем, во втором периоде, тенденция развития зарядов изменилась. Во-первых, в войсках появились ракеты с разделяющимися головными частями, в том числе с индивидуальным наведением боевых блоков. Высокая точность стрельбы исключила актуальность создания сверхмощных зарядов. Вместо них потребовались малогабаритные заряды небольшой массы. Во-вторых, стали создаваться узкофункциональные заряды, такие, например, как нейтронные — для поражения живой силы противника или заряды с повышенным выходом рентгеновского излучения для решения задач противоракетной обороны.

Однако вернемся к первому периоду, когда в зарядостроении господствовала тенденция всемерного увеличе-

ния массы и мощности. В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Знамя» в 1990 году, Андрей Дмитриевич Сахаров рассказывает, что в 1961 году был создан и испытан на Новой Земле свермогущный термоядерный заряд с тротильным эквивалентом в сто мегатонн. Однако носителя для этого гигантского заряда не было. Стали думать, что же с ним делать. Сахаров пишет: «Я решил, что таким носителем может явиться большая торпеда. Я фантазировал, что для такой торпеды можно разработать проточный водопаровой атомный реактивный двигатель. Однако Андрей Дмитриевич не упомянул, что эта его, так сказать, «фантазия» получила воплощение в виде технического задания на разработку торпеды с ядерной энергетической установкой. По этому заданию такая торпеда проектировалась под символическим шифром «Цунами».

Практически одновременно с проектированием торпеды «Цунами» прорабатывались и варианты ее боевого применения. По одному из них, торпеда должна была дойти до побережья вероятного противника, выскочить на берег... и там должен был произойти термоядерный взрыв. Однако было очевидно, что вероятность реализации такого варианта крайне мала, ибо торпедке вряд ли удастся в неповрежденном состоянии добраться до берега. Тогда появился вариант, по которому взрыв должен был произойти на некотором удалении от берега в океане. Но что это даст? Вот тогда-то и появилась мысль вызвать с помощью взрыва волну типа цунами. Волны цунами — это гигантские волны на поверхности воды. Они зарождаются в Мировом океане по различным причинам. Например, из-за подводных землетрясений. При подходе к берегу и вскапывании на него цунами часто наносит очень большой ущерб.

В то время, о котором сейчас идет речь, я был начальником отдела поверхностных явлений подводных ядерных взрывов в уже упомянутом мною Морском филиале ЦНИИ-12. В числе прочего занимались мы и волнами, возникающими на поверхности воды при подводных ядерных взрывах. При подводном ядерном взрыве в воде возникает так называемый парогазовый пузырь, который интенсивно расширяется и прорывается в атмосферу. При этом у свободной поверхности воды образуется впадина-воронка, словно от брошенного камня. Заполнение этой воронки окружающей водой и приводит к образованию системы расходящихся по поверхности

кольцевых волн. Такие явления наблюдались при наших подводных ядерных взрывах в Губе Черная на Новой Земле, а также при американских взрывах, в частности при взрыве «Бейкер» в атолле Бикини архипелага Маршалловых островов в Тихом океане. Тротиловые эквиваленты всех этих взрывов были относительно невелики, они составляли десять — двадцать килотонн. Соответственно и волны не были очень опасными. Так, при взрыве «Бейкер» с тротильным эквивалентом двадцать килотонн высота волны на расстоянии трехсот метров к удалению от эпицентра взрыва была порядка тридцати метров, а на расстоянии трех километров составляла около трех метров высоты. Безусловно, такие волны могли повредить корабли в гаванях и гидротехнические сооружения. Однако говорить о них как о стратегическом поражающем факторе не приходилось.

Положение в принципе изменилось с появлением заряда с тротильным эквивалентом в сто мегатонн. В 1962 году я был вызван из Ленинграда в Москву начальником 6-го Управления Военно-Морского Флота СССР вице-адмиралом Фоминым Петром Фомичем. Это была заметная фигура среди руководящего состава ВМФ. В его ведении были все флотские ядерные боеприпасы. Ему же подчинялся и ядерный полигон на Новой Земле. Адмирал Фомин вызвал меня, чтобы поручить выполнение научно-исследовательской работы, как он сказал, чрезвычайной важности. Целью этой работы являлось составление методики расчета ущерба, который может быть нанесен территории Соединенных Штатов Америки искусственной волной цунами, вызванной подводным взрывом мощного термоядерного заряда. Был выдан диапазон тротильных эквивалентов, верхней границей которого была цифра сто мегатонн. Мои попытки утверждать, что эта затея не приведет к стратегическому эффекту, вызвали гнев Фомина. Было сказано, что я ничего не понимаю, что эта идея принадлежит академику Лаврентьеву. Он, академик Лаврентьев, считает, что волна типа цунами от мощного подводного термоядерного взрыва может нанести значительный ущерб большей части территории США. Якобы Лаврентьев написал уже по этому поводу докладную записку Хрущеву. Никита Сергеевич заинтересовался и приказал разобраться и доложить.

В такой ситуации оставалось одно — возвращаться в Ленинград и приступать к работе, что я и сделал. Собрал

сотрудников отдела, я рассказал о поставленной задаче и дал короткое время на обдумывание путей ее решения. Выработанный нами план исследований включал анализ гидрографических особенностей заданных акваторий, обобщение натуральных данных, проведение модельных опытов, создание математической модели и разработку расчетной методики. Считалось необходимым максимально возможным образом использовать математический аппарат гидродинамики волновых движений. К этому были все основания, так как уровень квалификации исполнителей был весьма высок. Мы отчетливо представляли, что наши выводы и рекомендации должны быть максимально обоснованными и убедительными. Ведь это было время Карибского кризиса, и мир стоял на грани глобальной термоядерной катастрофы. Использовать в этих условиях термоядерный стомегатонный заряд было весьма соблазнительно. А если еще учесть докладную записку академика Лаврентьева и реакцию на нее Хрущева, то дело обстояло очень и очень серьезно.

Натурные данные по волнам на воде от ядерных взрывов, как я уже упоминал это выше, были немногочисленны. В числе них были данные по ядерному взрыву в контакте со свободной поверхностью воды. Это было уникальное испытание, максимально приближенное к условиям боевого применения ядерного оружия морского базирования. Подводная лодка в Губе Черной на Новой Земле выпустила торпеду с ядерной боевой частью. Взрыв был задуман как подводный. Однако торпеда всплыла, и взрыв произошел у поверхности воды. При этом обычный для подводных взрывов водяной столб, иначе называемый «взрывным султаном», отсутствовал, а наблюдался паровой столб от испарившейся воды. Поверхностные волны при этом взрыве были незначительны, они были меньше, чем при подводных взрывах такой же мощности. Поэтому сразу был сделан вывод, что для получения волны максимальной высоты взрыв должен быть обязательно подводным. При этом очевидно, что чем мощнее заряд, тем больше должна быть и оптимальная глубина такого подводного взрыва. Мы воспользовались известным в теории взрыва законом подобия по корню кубическому из энергии взрыва. Этот закон выполняется точно для ударных волн, а приближенно он может быть распространен и на поверхностные волны на воде. За модельный взрыв нами был принят американский под-

водный ядерный взрыв «Бейкер». По закону корня кубического все характерные линейные размеры при взрыве натурального стомегатонного сахаровского заряда следует увеличить примерно в семнадцать раз. Глубина атолла Бикини, в котором был взрыв «Бейкер», составляла шестьдесят метров. Следовательно, глубина океана при взрыве сахаровского заряда должна составлять не менее тысячи метров. Такие глубины есть у Западного побережья США, однако гористый характер берега исключает возможность проникновения волны далеко в глубь суши. Оставалось Восточное, то есть Атлантическое побережье, имеющее пологий характер. Но перед ним расположена широкая мелководная материковая отмель, которая отделяет берег от океанских глубин. Следовательно, для получения волны максимальной высоты взрыв надо производить далеко от берега, за материковым шельфом.

Мы приближенно оценили, что при взрыве в океане сахаровского заряда на расстоянии пяти километров от эпицентра взрыва высота волны может составить порядка пятисот метров, а длина ее — около десяти километров. Было совершенно неясно, как поведет себя такая волна кольцевой формы в плане при входе на материковую отмель и продвижению по ней, а также при вскатывании на берег. Влиять на все это могли в принципе три фактора.

Во-первых, должна иметь место так называемая рефракция, за счет которой кольцевой фронт волны будет выпрямляться и в таком виде двигаться в сторону берега. Во-вторых, на материковом шельфе происходит трансформация волны, в ходе которой высота волны несколько возрастает, а длина уменьшается. В-третьих, характерным моментом трансформации волны на отмели является ее обрушение при некоторой критической глубине водоема. В месте обрушения волна резко теряет свою высоту, примерно на пятьдесят-шестьдесят процентов, и переходит в прибойный поток.

Для выяснения влияния всех этих факторов на поверхностную волну взрывного происхождения в конкретных условиях поставленной задачи мы смоделировали материковую отмель у Восточного побережья США и прилегающую к отмели часть Атлантического океана. Сделано это было на песчаном берегу Ладожского озера близ Приозерска. Материковая отмель плавно переходила в пологий берег, на который и скатывались возникающие при взрывах волны. Заряды использовались небольшие, с

массой до ста килограммов. Высота волн на всем пути их движения регистрировалась специально разработанными волнографами. Кроме того, производилась съемка всей водной поверхности двумя кинокамерами, установленными на вышках. Затем профиль волновой поверхности восстанавливался с помощью стереопланиграфа. Начальство торопило нас с ответом на вопрос: какой же поражающий эффект может быть от искусственного цунами, вызванного подводным взрывом сахаровского стомегатонного термоядерного заряда?

Масла в огонь подлила появившаяся в американской печати статья командира подводной лодки военно-морских сил США. В ней описывалось, как эта лодка всплыла в районе Новой Земли, когда там был подводный ядерный взрыв. Командир этой подлодки якобы даже видел гигантскую поверхностную волну от этого взрыва. Пусть этот рассказ будет на его совести, тем более что, находясь в открытом море, такую волну вообще нельзя заметить, ибо угол волнового склона у нее очень мал.

Несмотря на настойчивые требования начальства о быстрейшем окончании работы и выдаче рекомендаций, мы все же провели еще контрольные опыты с тротильовыми зарядами массой в одну тонну на Новой Земле. Теперь в нашем распоряжении по натурным ядерным взрывам и по взрывам малых и крупных тротильовых зарядов. Это позволило нам достаточно обоснованно экстраполировать разработанную методику на термоядерные взрывы мегатонного класса. Чтобы избавить слушателей от излишних технических деталей, остановлюсь сразу на основном результате наших исследований. Материковая отмель у Восточного побережья США оказалась прекрасным природным фильтром, не пропускающим поверхностную волну больше некоторой определенной высоты. Максимально возможная высота прибойного потока, подходящего к берегу, целиком определялась глубиной воды на отмели и не зависела от высоты волны в районе эпицентра термоядерного взрыва в глубоком месте океана перед отмелью. Следовательно, не имел значения и фактор мощности такого взрыва. Даже если все ядерные заряды собрать вместе и подорвать их в океане, то в данных условиях к берегу подойдет практически такой же прибойный поток. Скатываясь на берег, этот поток, как мы определили, может причинить ощутимый ущерб различным сооружениям и объектам на расстоянии в два, ну

максимум пять километров от уреза воды, но не более. Глобальной по масштабам катастрофы в США он вызвать не сможет.

Таким образом, нами была доказана невозможность претворения в жизнь идеи академика Лаврентьева «смыть американский империализм с лица земли» с помощью сахаровского стомегатонного термоядерного заряда. На этом данная область исследований была закрыта, и к ней, насколько мне известно, больше не возвращались.

Вскоре наш отдел получил новое задание — исследовать эффект от подводных термоядерных взрывов в водохранилищах, ограниченных высотными плотинами. Но это уже отдельная тема для разговора.

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

Капитан Сергей Суслин во второй половине 80-х проходил службу в Афганистане, в провинции Забуль, в одном из батальонов Лашкаргакской бригады спецназа ГРУ. Эти его воспоминания, я до сих пор считаю одним из лучших материалов об Афганской войне, подготовленных для программы «Сигнал». Рассказ солдата о нескольких днях бесконечной войны.

Сергей Суслин

Воспоминание об Афгане

Пенкарауль, Туркарауль — два высоких пупа на равнине, испещренной глубокими мандехами. В густых клубах пыли по ней идет броня. Серые от пыли бойцы внимательно следят за местностью и в любую минуту готовы ссыпаться на землю и вести огонь по внезапной засаде. Провинция Забуль, дорога на Калат, Афганистан.

Опять мне снится этот сон... Прошло ведь столько времени. Там опять идут бои, но уже без нас. Вчера по телевизору показали Гульбедина Хекматияра. Дерется уже с Ахмад-Шахом Массудом. А Массуд выглядит ничего. Оказывается, еще молод годами. Когда-то грозный хозяин Паншера Ахмад-Шах — теперь министр обороны в новом правительстве Афганистана. А кровавый Гульбедин — хозяин почти всего юга — все еще не успокоился. Дерутся

между собой лидеры. Как это теперь у них называется — опять джихад или уже просто привычка? Нам это было тогда еще невдомек, мы шли на Калат. Караваны с оружием и боеприпасами из Пакистана непрерывным потоком текли к боевикам и Массуда и Хекматияра, во все провинции Афганистана. Из этого оружия душманы стреляли и в нас, и в афганский мирняк. Нам надо как можно больше таких караванов перехватить, уничтожить, взять.

Мы идем на Калат. На работу вышли три группы, броня их прикрывает. В мандехе под Туркараулем высадили первую группу. Теперь она будет действовать самостоятельно пять-шесть дней. Броню надо убирать, чтобы духи ничего не заподозрили. Только зашли за сопку — стоят шатры, лагерь пуштунов-кочевников. От места посадки первой группы нет и километра. Решение пришло моментально: чтобы обезопасить группу, отвлекаем внимание на себя — производим досмотр кочевья. Окружаем броней лагерь, чтобы никто не ушел. Собрали всех мужчин, двое выглядят подозрительно. Слишком холеные руки для кочевников и следы от ремней рюкзаков на плечах. Возможно, это следопыты для разведки и проверки караванных маршрутов. Находим два ружья-«бура» и боеприпасы — обычное оружие пуштунов-кочевников. Но сколько наших парней полегло от таких вот душманских «буров»! Забираем всех мужчин и «буры» с собой. Пока довезем до Калата, группа спецназа уже уйдет, этих двоих со следами от ремней отдадим местным властям, пусть разбираются, остальных отпустим. Под плач женщин и лай собак мы покидаем кочевье.

Калат — административный центр провинции Забуль. Полк афганской милиции — царандоя, полк «зеленых» — афганской народной армии, вилла наших советников из ГРУ. Власть в Калате осуществляет 1-й секретарь НДПА провинции Забуль Саканай — лучших друг советских советников. Располагаемся лагерем вокруг виллы. Саканай у друзей в гостях. Представляем ему наших задержанных. Не скрывая своей радости, он приказывает увести их под конвоем в свою резиденцию. Советники объясняют, что у Саканая проблемы — срывается очередной призыв новобранцев в армию. Из Кабула прилетел представитель Главного штаба афганской армии и учинил ему разнос. Добровольно в армию никто не идет, а когда полк «зеленых» вышел в окрестные кишлаки для сбора молодого пополнения, то был обстрелян и вернулся ни с чем. Саканая за это грозит снятие с должности.

Через час Саканай возвращается довольный и приглашает нас на плов, для которого уже забит молодой барашек. Из двенадцати мужчин, которых мы ему доставили, семеро оказались пригодными к службе в армии, в том числе и те двое подозрительных. Остальные доказали, что они пуштуны-кочевники, их в армию не берут. За ужином Саканай просит нас задерживать и привозить ему всех годных к службе в армии мужчин, встреченных в районах мятежных кишлаков, где мы будем ходить броней. Всю ответственность за это он берет на себя. Нам это на руку — неплохой камуфляж для действий брони. Якобы броня пришла не для прикрытия действующих в районе групп спецназа, а для сбора молодого пополнения в афганскую армию. Мы соглашаемся.

Ночью две оставшиеся группы спецназа скрытно выходят из Калата на работу, а броня с утра приступает к функциям полевого военкомата. Чем больший шорох при этом наборе в армию мы наделаем, тем правдоподобнее будет выглядеть и наше пребывание здесь. Едет по полю трактор, в прицепе до десятка мужчин. Забираем всех, включая водителя. Пасется стадо — берем пастухов (жаль, что овцы не годятся для службы в афганской армии). В молодое пополнение идут мужчины от восемнадцати до сорока восьми лет. Возраст определяем на глаз — привезем Саканая, пусть сам с ними и разбирается. По полю идут двое парней. Завидев шурави на броню, они бросаются наутек. Начинаем погоню. Один из беглецов на бегу отстреливается из «калашникова», открываем ответный огонь. Эти двое скрылись за сопкой. Объезжаем сопку. Недалеко кишлак, но к нам беглецы гораздо ближе. Уже не стреляют. Догоняем их, оба без оружия, молодые. Автомат, вероятно, спрятали или выбросили. Спрашиваем на дари и на пушту:

— Кто из вас стрелял?

— Не знаем, начальник,— отвечают «духи».

Бойцы для острастки, чтобы не ошибиться, слегка попинали ногами обоих и закинули на броню. Из кишлака по нас заработали из тяжелого и легкого стрелкового. Ответили им тем же из всех своих стволов и пошли дальше. В кишлаке нам делать нечего — только лишние хлопоты.

Первый же день работы нашего «броневоенкомата» оказался значительным по результату: задержанных — двадцать три человека. Саканай так и светился от радо-

сти. В армию годились практически все, причем половина из них были душманы, прибывшие домой для обработки полей из действующих в провинции бандформирований. А из тех двоих, которые пытались отстреливаться, один оказался сыном главаря банды. Его оставят в заложниках. Мы спросили Саканая: «Что же это за армия будет такая, если там половина личного состава душманы?» Он все так же улыбаясь ответил, что это будет уже не его, Саканая, проблема.

На второй день вся округа знала, что шурави силой уводят мужчин в армию. Они как в воду канули. На полях и в садах одни лишь ханум молотят неподатливую, пере-сохшую землю мотыгами. За целый день встретили только одного мужчину-афганца на велосипеде, да и тот, еще до того как к нему подъехали, стал размахивать своим военным билетом, говорящим о том, что он уже отслужил в армии положенный срок. Зато для нашей брони началась минная охота. На всех возможных для нас въездах и выездах из города саперам начали попадаться сюрпризы в виде пластиковых «подарков из Италии». Набор в армию становился опасным.

Группы спецназа отработали впустую. Вероятно, те караваны с оружием прошли по другим маршрутам, их все же больше, чем наших боевых групп. Но и у нас потерь нет. Это одно уже само по себе хорошо. Саканай доволен, что уцелел на своем посту. Народная армия обрела пополнение из числа «добровольцев». Выход можно считать удачным, хоть и безрезультатным в смысле решения поставленной нам задачи. Мы идем домой. До первой заставы охранения, наши глаза будут напряженно всматриваться в каждый камень и в каждый куст. Оружие постоянно будет на взводе. А потом баня и два дня отдыха... до следующего выхода на боевые.

Нас там давно уже нет, но пламя войны все еще пылает. Что это — джихад или уже просто привычка?

ГОД РАССТРЕЛЯННОГО ПАРЛАМЕНТА

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА НА КОРОТКИХ ВОЛНАХ

Холодная война началась не только с известной речи Уинстона Черчиля в Фултоне, но и с первых передач американской радиостанции «Освобождение», чуть позже переименованной в «Свободу — Свободную Европу». Так что радио «Свобода» есть, была и будет не чем иным, как реликтом той холодной войны. А у всякой войны, сами понимаете, есть свои ветераны и даже есть инвалиды, в основном умственные, с мозгами, поврежденными пропагандистской шрапнелью. Нынешнее начальство РС в лице президента Дайна, классического инвалида холодной войны, в недавнем прошлом известного еврейского лоббиста, решило потряхнуть стариной и с благословения Вашингтона открыло вещание на Северный Кавказ, в основном на Чечню. А пару лет назад в чешской столице торжественно отметили 50-летний юбилей радиостанции. Единственным из всех бывших сотрудников РС, которого на торжества в Прагу не пригласили, оказался, конечно же, я. Но я не в обиде. Для меня «Свобода» перестала существовать первым днем июня 95-го. Как в том бородастом анекдоте: «Померла так померла». Будучи в Москве осенью прошлого, 2001 года, как раз после памятного «разбора полетов» над Нью-Йорком и Вашингтоном, в своем выступлении по «Народному радио» я высказал предположение, что, несмотря на громкие заверения американской администрации о «едином фронте» России и США в борьбе с «международным исламским терроризмом», администрация Буша исподволь будет продолжать поддержку чеченских «борцов за свободу» и откроет вещание РС на Северо-Кавказский регион. Примерно через полгода так оно и случилось.

Американцы, то ли прикидываясь слабоумными, то ли будучи таковыми на деле, не раз уже демонстрировали миру, что правая рука у них не в ладах с левой. То есть одной рукой они пытаются этих вышеозначенных «исламских террористов» давить, а другой — подкармливают и организуют. Но вернемся к «чеченскому варианту» вещания «Свободы».

В самом конце 40-х — начале 50-х годов на РС существовала Северо-Кавказская редакция, которая вскорости была упразднена ввиду отсутствия притока свежих да и одиозности старых кадров, набранных из вчерашних бойцов Кавказского легиона СС. Потом, помнится, в самом конце 80-х тогдашнему директору РС Эндерсу Вимбушу пришла в голову идея воссоздать вещание на Северный Кавказ под одного из своих «миньонов», некоего Гелисханова (по специальности даже не редактора, где уж там, а техника звукозаписи), по типу уже существовавшего радио «Свободный Афганистан». В Вашингтоне к этой затее отнеслись с прохладцей, да и опять же с кадрами были проблемы, ибо никто, включая и самого протеже-ингуша, на родных языках не говорил.

Ситуация изменилась с началом 1-й чеченской войны, когда в Стамбуле, в Варшаве, в Таллине, в Праге, да и самих США появились первые ростки дудаевских информационно-пропагандистских центров, заботливо опекаемых ЦРУ. Эти центры со временем уже можно было брать под финансирование Совета по международному радиовещанию и доводить до уровня американских массмедийных стандартов. Однако в США не спешили, хотя при администрации Клинтона играть в «защитника угнетенных народов Востока» было куда сподручнее, чем теперь, да и отношения с Россией на тот момент оставляли желать лучшего. И вот в году 2002-м старушку «Свободу», перед тем как похоронить, сперва решили выдать замуж. За чеченца. И даже без уплаты калыма. Из всей богатой палитры северокавказских языков в вещании воссозданного реликта холодной войны превалирует именно чеченский. Кадры же собрали с миру по нитке. Костяк их составили вчерашние боевики покойного Дудаева, одноногого Басаева, одноглазого Радуева и так далее. Это, конечно же, не Кавказский легион СС, любовно взращенный и выпестованный немецкими нацистами, а полуграмотный уголовный сброд, сродни бывшему чеченскому министру пропаганды Мовлади Удугову (дважды судимому

бывшему гражданину СССР Темишеву), порой путавшему такие совсем несхожие понятия, как радио и телевидение, но все же... на безрыбье, как говорится, бывает, и сам «раком» станешь. Американцам это, похоже, не впервой.

В последовавшей реакции руководства России этот шаг администрации США был расценен как недружелюбный, если не сказать провокационный. (Надо же, какие «дипломатические» выражения применяются теперь между соратниками по борьбе с «исламским терроризмом»!) Из выступления пресс-секретаря российского президента однозначно можно было сделать вывод, что дни московского бюро РС могут быть сочтены. По моему мнению, этого бы делать не следовало. Силовое закрытие бюро РС в Москве приведет только к повышению ставок «Свободы», придаст ей облик этакого «борца за права народов, вновь невинно пострадавшего от произвола авторитарной власти». Форпост радио «Свобода» в Москве можно вполне можно лишить «места под солнцем», вынудив саму администрацию США убрать его куда-нибудь в Прибалтику, причем рычагами чисто экономическими, такими, например, как налоги или высокая стоимость аренды помещения. Либо же российские власти должны наконец взять на себя труд и проверить кадровый состав сотрудников бюро, набранных на местах. Ручаюсь, что у органов дознания работы бы прибавилось не на один год, ибо такие кадры, как Бабицкий, в Московском бюро РС отнюдь не исключение.

На сегодняшний день любой скандал с РС, наподобие того, который вызвал «боевик с микрофоном» Андрюша Бабицкий, может склонить чашу весов не в ее пользу. Радиостанция «Свобода» все еще отгрызает приличный кусок бюджета, ежегодно выделяемого Конгрессом США Совету международного радиовещания. С учетом того, что «война с терроризмом» — дело дорогостоящее и также подразумевает создание информационно-пропагандистских структур, радио «Свобода» вполне может быть упразднена, а ее средства и технические мощности перейдут к новому владельцу. (Планы по созданию пропагандистской структуры «911 — 11 сентября» на текущий момент заморожены. Американцы ждут, пока отгремят пушки, считая их более действенным средством убеждения для «непокорных мусульман», нежели радиоприемник.)

Перспектива закрытия однажды уже нависла над «Свободой» в первой половине 90-х, когда речь поначалу

шла не о переезде радиостанции в Прагу, а о полной ее ликвидации и передаче имущества американскому «People Radio». Благодаря, как поговаривают, личному вмешательству семейства Клинтонов этого не случилось (тогдашний президент РС/РСЕ Кевин Клоз числился в приятелях нынешней сенаторши Хилари). С другой стороны, реликт ли старой холодной войны будет засорять эфир или зубастый младенец новой — все без разницы. Суть американского радиовещания останется неизменной, такой же, как в те приснопамятные времена, когда контроль за ним был возложен на ЦРУ.

Не так давно российский президент объявил завершённой 2-ю чеченскую кампанию. Боюсь, с учетом далеко идущих планов его американского приятеля Буша с такой скоропалительной оценкой он несколько поторопился. По-прежнему гремят взрывы, гибнут мирные жители и российские солдаты, происходят захваты заложников. Война не закончилась, она продолжается. Продолжается не только в своей горячей фазе, но и как война холодная. Пора, наконец, взглянуть правде в глаза: в американских политических планах нет и не может быть никакой дружественной России, ибо в реальности то, что они хотят видеть на месте России и русских, мало чем отличается от бредовых фантазий Адольфа Шикльгрубера. От некоторых евреев-американцев (бывший директор Русской службы РС Гендлер) мне не раз приходилось слышать фразы типа «русский народ — это быдло, стадо, которому нужен пастух». Это-то и есть краеугольный камень той лоббистской политики США, которую сегодня на РС представляет ее новый президент еврейский рабби Дайн. Истинный враг России — вовсе не пугало «исламского фундаментализма», порожденное Лэнгли и Пентагоном, а иудомасонский режим, давно прибравший к рукам сами Соединенные Штаты и возомнивший себя вправе диктовать свою волю всему остальному миру.

Надо бы также отметить, что спецслужбы США сорок с лишним лет пытались разыграть «исламскую карту» как средство противодействия советской коммунистической экспансии в страны так называемого третьего мира. Теперь мало кто помнит, что именно ЦРУ США опекало проживавшего в изгнании в Париже лидера Иранской революции аятоллу Хомейни, зато все знают, что из этого вышло, и в первую очередь для самих США. Агентом ЦРУ являлся и всемирно известный ныне Осам бен Ладен.

Что же касается доморощенных «исламских террористов» вроде Басаева или Бараева, то, по логике их хозяев — американских «кукловодов» из Лэнгли, — чеченские боевики призваны исполнить ту же самую роль, которую их «двоюродные братья-албанцы» из УЧК уже с успехом сыграли в Косове и Македонии.

МЮНХЕН, ШТАБ-КВАРТИРА РС/РСЕ: СМЕНА КАРАУЛА

Все это было еще так далеко в ретроспективе 93-го года. Вернувшись из Москвы в Мюнхен, 23 января я отпраздновал свое десятилетнее пребывание за кордоном. Что и говорить, срок достаточно долгий даже в такой благоустроенной «тюряге», как Германия. На «Свободе» тоже задул ветер перемен, но, как всегда, не в лучшую сторону. Грозовые тучи сгустились над директором Русской службы Матусевичем. Становилось ясно, что интригами Савика Шустера и некоторых других представителей «смонского кагала» дни Матусевича как директора сочтены, а на смену ему уже прочили «православного еврея» Юрия Львовича Гендлера. Последнего пару раз я уже видел в кафетерии РС, когда оный приезжал из Америки. В нью-йоркском бюро РС Гендлер числился «русским писателем» и специалистом по «культуре». В первых главах книги я достаточно уже рассказал об этой одиозной личности и не хочу повторяться. Пусть себе живет на пенсии в своем Джу-Йорке. Надеюсь, 11 сентября прошлого года ему не упал на голову случайный кирпич?

В этот раз Юрий Львович Гендлер, говоря языком военных, прибыл на рекогносцировку. Разыскивая Лешу Лёвина, я и застал их в кафетерии. Гендлер, как всегда, был изрядно навеселе и рассказывал анекдот собственного сочинения. Приведу его ниже, еще раз подчеркнув авторство Юрия Львовича Гендлера, дабы ни у кого не возникло лишних вопросов.

— Старик, представь себе газету «Правда» 2003 года, — елеино-картавым голосом молвил Юрий Львович, обращаясь к Алексею Лёвину и всей застойной аудитории, — последняя страница, уголок «Заметки фенолога».

— Ну, Юра, не тяни резину, рассказывай, — отреагировал Алексей.

— «Как нам сообщают из таежного поселка «Кедровый», — продолжил Юрий Львович, — лесник дед Тимофей

проснулся ночью от странного шороха за дверью. Кряхтя, дед слез с печки, вышел в сени и отворил дверь. На пороге стоял... еврей! Только дед сбегал в горницу за ружьем, как еврея и след простыл. Да! Видно, голод и холод гонит носатого к человеческому жилью».

Не иначе как по тактическим, а может, и этическим соображениям слушатели только вежливо улыбались. Покидая кафетерий, я постарался запомнить анекдот, а про себя подумал, что моя идея организации психлечебницы у берегов Мертвого моря для некоторых сотрудников РС еврейской национальности, кажется, обрела под собой почву и первого пациента — будущего директора Русской службы.

В начале того же 93-го года мне наконец удалось наладить и хорошие контакты с Минобороны Украины. Правда, во плоти, к сожалению, в Киев я так и не попал, контакты ограничивались телефоном. Автором моей программы из Киева согласился стать начальник пресс-службы МО Украины полковник Анатолий Мураховский. Пока не поменялся министр обороны и штат информационных структур, все мои попытки связаться с украинским военным ведомством пресекались на корню: «А це тый самый москаль, яки пра нашу армию бреша!» — Все началось еще в 92-м, при министре обороны Украины генерале от авиации Морозове, когда стали делить Черноморский флот. Я набрался то ли смелости, то ли наглости и в своем отклике на события рассказал в эфире анекдот почти что в стиле футуристических зарисовок Юрия Львовича Гендлера:

«2010-й год. Средиземное море. Неопознанным подводным объектом атакован флагман 6-го флота США авианосец «Саратога». Спустя полчаса в месте затопления авианосца всплывает вначале на перископную глубину, а потом и полностью атомная подводная лодка класса «Акула» под желто-голубым флагом. На мостике появляются двое — в таких же «жовто-блакитных» шароварах и с оселедцами. Один другого толкает в бок и спрашивает: «Мыкола, а ты впевнены, шо це були москали»? — «Ну як же не москали,— отвечает Микола,— ты ж бачив, кильки зирок у их было на прапори!»

Орган военного ведомства Украины газета «Радянська армия» практически полностью воспроизвела этот анекдот на своих страницах, зачислив автора, то есть вашего покорного слугу, в разряд «врагов украинского народа». Полковник Мураховский, как и все старшие офицеры МО

Украины, конечно, знал об этой моей шутке в эфире и в должной мере оценил юмор, куда больше интересуясь, насколько я хорошо знаю украинский язык. Я ответил, что понимать, читать и даже иногда говорить я еще могу, а вот писать — уж увольте, с меня и русского языка хватит, чтобы знакомые буквы в тексте расставлять. Анатолий Мураховский сотрудничал с программой «Сигнал» вплоть до закрытия радио «Свобода» в Мюнхене даже после ухода из МО на новую должность — помощника командующего Национальной гвардией Украины.

Кроме Украины, как я уже упоминал, в сферу моих интересов также вошли Белоруссия и ее военное ведомство. Исходя из перспективы строительства военно-политического блока на постсоветском пространстве, я не мог упустить такой важный его «кирпичик», или, если угодно, «лоскуток», как бывший Белорусский военный округ. Надо было только придумать повод для администрации РС, чтобы выбить себе командировку в Минск. Такой повод наклюнулся в виде информации о планах глав государств СНГ провести очередную «дружескую попойку» в столице Белоруссии ориентировочно в апреле месяце. Я хватанул телекс и рванул на прием уже к новому директору Русской службы Юрию Гендлеру. Тот к концу дня пребывал в умиротворенном поллитрой выпитого состоянии.

— Да, старик, я тебя внимательно слушаю,— молвил Юрий Львович,— хочешь стаканчик?

Я одним глотком проглотил предложенное виски и выпалил:

— Вот сообщение, организуйте мне командировку в Минск, постараюсь повторить то, что я уже с успехом сделал в России!

— На сколько дней ты туда собрался?

— Недель. Не менее трех. Сами понимаете, налаживание контактов требует времени.

— Старик, это много,— рука поднялась и плеснула еще по сто грамм в опустевшую посуду,— хорошо, три недели с сохранением заработка, а остальное — твои проблемы и никаких командировочных.

«Ну и хрен с тобой,— подумал я,— мне и своих бабок хватит... да, это не Матусевич...»

Коль в том или ином виде «добро» на мое отбытие было дано, я вернулся в свой кабинет, чтобы позвонить в МО РБ полковнику Чекову, а также озадачить представителя Главкомата ОВС СНГ при минской штаб-квартире

содружества генерала Волкова моей возможностью быть аккредитованным на встрече глав государств. Вопрос с визой вызывал куда меньше проблем.

Мое приглашение в Белоруссию взялся обеспечить депутат парламента Евгений Новиков. Начальник пресс-службы МО Белоруссии оказался на месте. Внимательно выслушав меня, он дал распоряжение своему подчиненному Александру Муште принять от меня факс с вопросами министру и другим военачальникам, а впредь по приезде оказывать содействие. До генерала Волкова я так и не дозвонился, но проблему моей аккредитации мог решить и Новиков.

Я сделал еще один звонок — сестре, обрадовав ее очередным своим скорым явлением «под светлы очи». Она, в свою очередь, сообщила мне, что хорошо знает сокурсника Бори Ельцина по Свердловскому политеху Юрия Сердюкова. Если у меня есть желание, то я могу с Юрием Ивановичем встретиться и порасспрашивать его о «младых годах президента». Я тут же довел эту новость до Гендлера, дабы укрепить его в решении отпустить меня в Минск и, кажется, сделал ошибку. Данная новость очень всполошила Савика Шустера, уже давно и безуспешно пытавшегося пробраться к Ельцину на программное интервью. Если бы это вдруг удалось мне, Шустер от зависти точно пошел бы вешаться, за компанию прихватив с собой на «горькую осину» и Юрия Львовича. Понятно, что «Шустрик» от планов моей командировки был не в восторге, а Гендлера можно было легко переубедить. Достаточно одной поллитры! Однако в попытке интервью с самим Ельциным мне не повезло... Но лучше по порядку.

Весь март я готовил листы с вопросами белорусским генералам, попутно прозондировав и КГБ республики, которым тогда командовал генерал Эдуард Ширковский, числившийся в действующем резерве российской СВР. Как любил приговаривать мой Выборгский дружок Валера Марышев, «в КГБ лучше идти самому, чем ждать, пока они придут за тобой».

Между тем в Германии наступил карнавал, по местному называемый «фашинг», и так уж получилось, что по календарю он совпал с 23 февраля. Мы с Женькой Кушевым, оставшимся и при Гендлере главным редактором и заместителем директора Русской службы, тоже приняли в нем участие, явившись на службу: он сам — в генеральской парадно-выходной форме, а я — в камуфлированной.

На утренней летучке появление Кушева, конечно же, вызвало ажиотаж, но тут заметили отсутствие еще одного члена совета редакторов — мое. Я решил сыграть «на нервах» и, войдя в зал, как был в камуфляже, с натянутой на лицо «шапочкой убивчика», аккуратно положил на стол обмотанный изолентой странный тикающий механизм с часовым циферблатом, ко всему еще соединенный с гранатой, из которой у всех на глазах я выдернул кольцо (граната была добротной имитацией боевой «Ф-1» со вставленной в корпус сигаретной зажигалкой). В зале повисла мертвая тишина, а кое-кто уже начал нервно поглядывать в сторону двери.

— Ну что, Юрий Львович, отпускаете в Минск? И командировочные тоже начислите,— спросил я, стаскивая с лица вязанный подшлемник.

— Старик,— запинаясь проговорил директор Русской службы, — к чему эти шуточки... как ты мог подумать... конечно поезжай... будут тебе командировочные... и билет...

Остальные коллеги дружно поддержали это решение, советуя Юрию Львовичу как можно быстрее отправить «террориста» Коновалова в командировку хоть в Минск, хоть в Афганистан, а еще лучше в джунгли Суматры, лишь бы со своей гранатой куда с глаз подальше. Я, под начившийся смех посвященных в детали Кушева и Лёвина, горячо поблагодарил господина директора за принятое им мудрое решение, достал сигарету, отжал у гранаты чеку и прикурил, после чего нажал кнопку на загадочном устройстве с циферблатом, и оно зазвенело, как обычный будильник. Смех стал уже общим. Не смеялся только один Юрий Львович.

К началу апреля у меня все уже было готово, включая визу и приобретенный за счет радио довольно дорогой билет на самолет немецкой «Люфтганзы». Американские авиакомпании в столицу Белоруссии из Германии вообще не летали. А транзитом, через океан, было бы еще накладнее. По обыкновению я сделал короткий звонок в МО РБ, чтобы подтвердить прибытие, и тут-то... полковник Чеков наповал сразил меня заявлением, что, по мнению министра обороны Козловского, я никакой не журналист, а шпион, военный разведчик, собирающий информацию открытым способом. И где, с позволения сказать, готовили присланные ему по факсу вопросы — в форте Брэгг, в Вест-Пойнте, а может, в отделе военного планирования самого «Пятигольника»?

От столь высокой оценки белорусским министром обороны моих скромных способностей военного аналитика я поначалу настолько опешил, что даже сразу не мог подобрать подходящий ответ.

— И что мне теперь делать — вообще похерить тему военного строительства в Белоруссии? Вы же знаете, что никакой я, к черту, не разведчик, и предшественник Козловского в должности министра обороны РБ генерал-полковник Петр Чаус вполне нормально со мной общался,— с досадой в голосе наконец отозвался я.

— Приезжай, что-нибудь придумаем,— сказали на другом конце провода,— но про интервью с министром обороны Козловским придется забыть, он у нас, в отличие от своего предшественника Чауса, журналистов не жалует.

Удивительно, что именно этот «журналистоненавистник», после того как его сняли с должности министра за имевшие-де место злоупотребления по финансовой части, последовал примеру генерала-диссидента брежневских времен Петра Григоренко и устроил пресс-конференцию для отечественных и зарубежных средств массовой информации прямо у себя на квартире. Жалко, меня там тогда не было...

АПРЕЛЬ В БЕЛОРУССИИ

И вот 13 апреля (угораздило же с календарной датой) я рейсовым бортом Франкфурт — Минск снова лечу на Родину. Рейс от Мюнхена был ранний — шесть часов утра, по времени меньше часа лета, и я его по обыкновению проспал. Во Франкфурте я, как обычно проклиная все на свете, наконец дотащился до нужного терминала, и вовремя — посадка уже была объявлена. Хорошо, я успел прихватить кое-что в дорогу еще загодя. Приняв свои кровные сто с прицепом за «отрыв носового колеса», я стал ждать, пока аэробус наберет заданную полетную высоту и персонал приступит к обслуживанию пассажиров. Однако мои предвкушения «попить на халяву сладкого уксуса» не оправдались. Это вам не американская «Дельта», где пей сколько влезет, хоть залейся, только веди себя хорошо — не приставай к пилотам с просьбой типа «дядя, дай порулить до международного торгового центра». В сервисе «Люфтганзы» сказала известная немецкая скупость: один маленький «сопливчик» виски либо же произведенной где-то в Израиле «руссиише водка» — и баста.

«Ну, как говорится, за нас с вами и за хрен с ними», — подумал я, перекрестил пузырек и тут же опрокинул его содержимое в глотку. Будем пить из собственных припасов, незаметно наливая из-под полы. Нам это не в диковинку. Почувствовав себя уже почти хорошо, я провел глазами по салону и закурил. (С этим делом тогда еще, слава богу, как сейчас, не боролись.) Народу в самолете было немного, рейс в Минск явно гоняли полупорожняком. Публика, как и на американских авиалиниях, разношерстная; какие-то жулики-бизнесмены, пара то ли американцев, то ли англичан (к акценту я не прислушивался), остальные сплошь туристы из Германии, бывших соотечественников — никого. Я достал свою писанину и начал лениво пробегать ее глазами. «Надо же, в форте Брэгг готовили эти вопросы, шпионы ему мерещатся... Похоже, что министр Козловский — человек злопамятный, не может забыть, как выставил себя дураком перед публикой летом прошлого года в Главкомате ОВС СНГ. Да черт с ним, мне бы заполучить толкового оператора из ГОУ Главного штаба ВС Белоруссии, а дальше — поживем-увидим».

От размышлений меня отвлек слишком уж громкий лай двух секс-туристов, занимавших параллельные кресла справа от прохода. Два прыщавых «дяди» откуда то из-под Дюссельдорфа, насколько мне позволял понимать мой немецкий, оживленно жестикулируя, предвкушали свои предстоящие развлечения «с зер юнге руссише метхен». «Вот поганые киндерфикеры, — подумал я, — нашли себе новые Филиппины». Заметив, что к их разговору прислушиваются, один из секс-туристов уперся в меня взглядом и смолк. Я отхлебнул приличный глоток виски прямо из горлышка, плотоядно улыбнулся и в свою очередь спросил по-английски: «Не слышали ли вы случайно о том, что в России по весне из-под снега очень часто выкапывают останки подобных вам любителей дешевых плотских утех?» Немец, ничего не сказав в ответ, тут же отвернул свиное рыло к приятелю и тихо прошептал: «Руссише мафия». — «КеГеБе» — как паролем отозвался другой. Шумные «базары» сразу приутихли.

Уже по приземлении я заметил, как эти двое, стоя в очереди паспортного контроля, озирались по сторонам какими-то затравленными взглядами. Видимо, смысл оброненной мною фразы про «подснежники» наконец дошел и до их кучух мозгов. «Ага, — злорадно ухмыльнулся я, —

поняли, куда занесла нелегкая? Это вам, фраерки ушастые, не Таиланд».

На выходе из зала меня уже поджидал муж сестры Михаил Федорович, стоя рядом с каким-то незнакомым мне «качком». Водила, догадался я.

— Ну, здоров будь, браток,— поздоровался Михаил и добавил: — Знакомься, это Серега Зуев, будет тебя по Минску катать.

Я протянул руку, попутно обратив внимание, что протянутая мне навстречу рука имеет наколки и подкожную накачку вазелином.

— Приходилось бывать у «хозяина»? — мимоходом спросил я.

— Да нет, бог миловал, это так — память детства,— ответил Сергей.

Забегая вперед, добавлю, что с Серегой Зуевым мы как-то моментально сдружились. Не знаю, что тут случилось, видимо, схожесть нашего с ним детства. Сергей оказался отличным парнем, на которого всегда можно было рассчитывать и полагаться как на себя самого. Качество, которого вам никогда не предоставит благоустроенный Запад, имеющий иные мерки и цену.

Мы вышли из здания аэровокзала и подошли к видавшему виды зеленому «Москвичу».

— Это и есть мое «точило»,— сказал Сергей.— Не беспокойся,— добавил он, уловив в моих глазах некоторое сомнение,— у него под капотом половина V-образного движка от «фоккевульфа». Летать, правда, не летает, но бегают — дай бог каждому...

«Москвич» этот прослужил нам еще несколько лет и уступил эстафету «ауди». Последний раз мы с Серегой виделись осенью 2000-го, когда я прилетал со знакомыми немцами охотиться на кабанов. В тот раз Серега показал такой класс езды по сильно пересеченной местности, что немецкой фирме, выпускающей эти автомобили, в пору было бы заключать с Зуевым контракт на рекламный ролик. Жаль, что тема охоты в лесах Белоруссии несколько выбивается из моего нынешнего повествования.

На следующий день я поехал представляться в Минобороны Белоруссии. До встречи глав государств СНГ оставалось два дня, и нужно было определяться еще и с тем, что предоставят мне белорусские военные. Полковник Чеков сообщил мне, что интервью РС, разумеется с согласия министра, даст замначальника Оперативного

управления Главного штаба полковник Воротынцев, да еще я могу почтить своим вниманием совместную пресс-конференцию министра Козловского и его коллеги из Польши. Что касается остальных заявок, то на этот раз, похоже, все. «Поймите правильно, Валерий Николаевич, что можем, то и делаем. Вы лучше прилетайте почаще, постепенно все и образуется»,— подвел итог начальник Управления информации МО РБ.

Что ж, бывать почаще я отнюдь не против, главное, чтобы было с чем назад возвращаться. Оставив свои минские координаты подполковнику Александру Муште, я отбыл восвояси. Следующий заезд мы с Серегой сделали к зданию белорусского парламента, где, выловив «борца за права человека» Евгения Новикова, я спросил, что мне делать с аккредитацией на встрече глав государств. Новиков предложил проехать в Белорусский МИД и попробовать решить это дело там, ибо вопросы аккредитации зарубежных журналистов возложили на это ведомство. «Тем более,— продолжал Женя,— вот, познакомься, твой коллега из Литвы, кстати, тоже Валерий. Раньше он также жил в Белоруссии, но из политических соображений уехал».

К нам подошел полноватый, среднего возраста мужчина в добротной темно-синего цвета тройке. Все ясно, значит, еще один «борец за права человека».

В консульской службе Белорусского МИДа чиновники списали данные с моих многочисленных документов, пообещав уже к вечеру все вопросы с аккредитацией утрясти. Я поблагодарил, распрощался с Новиковым и под завязку, уже ближе к концу светлого времени суток, отправился в минскую штаб-квартиру СНГ в надежде перехватить генерала Волкова. Генерала на месте не оказалось. Секретарша посоветовала позвонить завтра — если есть возможность, то с утра пораньше, ибо ввиду предстоящего мероприятия у генерала просто нет времени ни на что. Ладно, быть по сему. Не объяснять же ей, что понятие «раннего утра» у меня всегда было каким-то особенным.

— А что, Серый, не закинуть ли нам чего на порядком голодную кишку? — садясь в машину, обратился я к Зуеву.

— Почему нет, можно и закинуть.

— А как насчет того, чтобы это чем-нибудь еще и сверху залить? — продолжил я свою гастрономическую тираду.

— Я — пас, здесь не Германия, а у ментов нюх — дай боже! Приловят — будешь потом ходить пешком,— с улыбкой отозвался Серега.— Вечером — пожалуйста, можем и принять по стаканчику.

— Лады, браток, ты эту «малину» лучше знаешь, ко-мандуй, куда кости кинуть.

— Давай в «Бульбяную» , ее под туристов варганили, так что, глядишь, может, и не отравят.

Тут обнаружилось, что белорусских «зайчиков» у меня в наличке разве что на пачку сигарет. Скептически поглядыв на мою озадаченную физиономию, Серега крутанул рулевое колесо, развернув «Москвич» на 180 градусов, и взял направление в сторону рынка. Там он быстро выхватил взглядом в толпе какого-то юркого паренька, подозвал его, поздоровался и спросил, обращаясь ко мне: «Сколько будешь менять?» Я протянул два косаря «зелени». Парнишка быстро хватанул купюры да и был таков. Я вопросительно взглянул на Сергея. Тот улыбнулся: «Все схвачено, щас принесет разменку. Это свой хлопчик, на «общак» работает». Когда паренек вернулся с местной деньгой, я пожалел, что не прихватил с собой чемодан. Кое-как распахав доставшийся мне ворох дензнаковой бумаги по всем своим и Серегиним карманам, мы поехали в эту самую «Бульбяную» откушать.

Национальная кухня оказалась вполне съедобной. Напитки — употребимыми. Прибыв под поздний вечер домой к сестре, я только и делал, что резкими мотками головы отказывался от всех предложений Михаила Федоровича выпить, как и от предложений сестры перекусить. Единственное, чего мне больше всего хотелось, так это куда-нибудь упасть. Перед тем как я окончательно свалился, сестра все же успела сообщить мне, что однокашник Ельцина, Юрий Иванович Сердюков, придет завтра вечером, так что она очень просит меня хотя бы сохранять вертикальное положение. Я согласительно что-то промышчал и вырубился.

Встав ни свет ни заря, будучи разбуженным громким лаем и прыжками стокилограммовой радости по кличке Джус, я засунул мутную с пьяни голову под холодный душ и справился у старшего племянника Вадима, нет ли чем в этом доме полечиться. С пониманием взирая на похмельного дядю, Вадик, протянув руку за бабками, быстро сбежал в магазин и приволок бутылку импортного скотча, от которого меня тут же и вывернуло наизнанку. Глядя на все

это, вернувшийся с прогулки с собакой Михаил Федорович молча открыл шкафчик, достал бутылку самогона и коротко сказал: «Пей!» Как ни странно, но от самогонки мне полегчало настолько, что я оказался в состоянии даже закусить, после чего, набирая трясущимися руками номер, позвонил генералу Василию Волкову. Выслушав меня, тот ответил, что ввиду завтрашней встречи глав государств времени у него в обрез, так что лучше будет, если я сразу же и выеду в направлении штаб-квартиры Содружества.

Сергея с тачкой уже был внизу, так что много времени это у нас не заняло. Слава богу, Минск — не Москва, если брать критерием расстояния и время, затраченное на торчание в пробках. Подъехав к зданию штаб-квартиры Содружества, мы столкнулись с таким блокпостом милиции, который в пору было бы выставлять в нынешней Чечне, а не в мирной белорусской столице. Пришлось вызывать Волкова по мобильнику, чтобы тот провел меня через этот «пикет».

Из контекста моей беседы с генералом я получил практически полное представление о военном пакете, который, вероятно, будет обсуждаться главами государств. Уже после интервью я попросил генерала прояснить и вопрос о моей аккредитации, рассказав про вчерашний визит в МИД. Еще раз о пользе «телефонного права». Одного звонка из ведомства господина Коротчени вполне хватило. Аккредитацию мне дали в течение минуты. Поблагодарив Василия Петровича, я проделал обратный путь через милицейскую «полосу препятствий» и вышел к Серegiной тачке.

— Ну, коль тебе запретили сегодня надираться, так, может, по девочкам? — с подколкой спросил Зуев.

— Нет, Серега, первым делом будем портить самолеты,— протянул я,— так что давай перекусим без запивки, погуляем, а потом съездим к Камню.

Захватив на проспекте Скорины (бывшем Ленина) букет красных гвоздик, мы поехали на Остров слез, к мемориальному камню погибшим в Афганистане. (Теперь там установлен памятник, строительство которого было закончено уже при президенте Лукашенко, но сам мемориальный камень сохранился.) Возложив цветы, постояли несколько минут, помолчав, затем вернулись к машине. Вечером, не забывая при этом подливать в стакан и накладывать в тарелку, я подробно расспрашивал Юрия Сердюкова о его однокашнике — российском президенте.

От Юрия Ивановича я узнал, что Ельцин уже в Минске. Они говорили по телефону, а после окончания встречи в верхах, может, и посидят вместе, вспомнят старые времена. Вот мне, дураку, тогда и воспользоваться бы внезапно открывшейся перспективой при поддержке Юрия Ивановича Сердюкова выйти на российского президента, так нет же — «обходному охватывающему маневру» я предпочел «лобовую атаку», не рассчитав при этом ни «глубину операционного прорыва», ни «силы и средства», которые выставит «противник».

Интервью с Сердюковым получилось интересным. Хотел того Юрий Иванович или нет (о своем старом друге он, разумеется, в основном говорил положительно), но перед моим мысленным взором вырисовывался портрет мало отягощенного какими-либо моральными устоями бывшего партийного секретаря, от природы хитрого и изворотливого, способного на любые, часто непредсказуемые и алогичные действия. Степень выживаемости и приспособляемости Ельцина достаточно хорошо характеризовал и рассказ Сердюкова о годах совместной учебы в Свердловском политехе, и эпизод из партийной карьеры свердловского первого секретаря, когда он прибыл на пленум ЦК с неподготовленной речью, что грозило снятием с должности, но выступил экспромтом и тем самым почему-то приглянулся присутствовавшему на пленуме «вождю кубинской революции» Фиделю Кастро. Рассказ Сердюкова лишь добавил к портрету ЕБН как раз те недостававшие ему черты, о которых по вполне понятной причине не пожелал говорить мой хороший знакомый Вадим Бакатин, в те годы первый секретарь соседнего со Свердловским Кемеровского обкома партии.

Беседа с Юрием Ивановичем Сердюковым заняла больше часа, и хотя выбивалась из моей основной военной тематики, по качеству материала вполне могла претендовать на спецпередачу в рамках лучшего эфирного времени «Свободы». Посмотрим, что мне удастся сделать на встрече глав государств?

Утром к зданию Дворца молодежи, где собирались паханы «Совражества», с нами по одному ему известной причине увязался и муж сестры, Михаил Федорович.

— Ты что, решил по старой памяти поохотится на казахов? — шутя спросил я.

— Угу, поохотиться,— только и ответил тот с флегматичностью коренного азиата.

Поняв, что не выжму из него по утрянке больше ни одного слова, я оставил Мишу в покое, передав ему на «хранение» двухлитровую бутылку «Смирновской» водки. Не идти же с ней в зал заседания, еще не так поймут. В предбаннике, перед дверью зала, российская охранная служба уже установила «подкову» металлодетектора. Народу было мало. В углу работал буфет, около которого заметно разговлялся ранее представленный мне Новиковым диссидентствующий журналист-тезка из Литвы. Времени было еще предостаточно, и я решил составить ему компанию. Этот литовский Валера чем-то неуловимо напомнил мне другого моего тезку из Выборга — Валеру Марышева, может, габаритами, а может быть, манерой рассуждать.

— Вот поверь мне, этот свердловский боров ради сохранения собственной власти и кормушки для семейных блюдолизов (он употребил схожее по звучанию слово) не остановиться ни перед чем,— жестикулируя зажатым в руке стаканом, убеждал меня литовский коллега,— возникнет нужда, он пол-Москвы... да что там — пол-России зальет кровью, собственный парламент расстрелять прикажет!

— Ну это ты несколько перегнул палку,— скептически, вертя в руках собственный стакан, отозвался я,— а как же демократия?

— Какая к х...м собачьим демократия! — взвизгнул на высокой ноте мой застольный оппонент.— У кого демократия, у провинциального партийного секретаря-пьяницы?

Я рассчитался за выпитое и съеденное нами (литовский коллега явно был на мели) и двинулся к входу в зал заседания, оставив тезку допивать в одиночестве. Больше мы не виделись, а в октябре того же 93-го года я очень пожалел, что не взял его координат.

К тому времени толпа уже собралась изрядная, а пробиться в зал в первых десятках означало занять места поближе к трибуне. Я пропустил кейс с аппаратурой звукозаписи через «телевизор», прошел «подкову». Не гремит, не звенит. «Можете проходить»,— разрешила охрана. Качество работы у российских профессионалов было на высоте, я сразу заметил, что «подкова» дает круговой охват, работая от пола. Это вам, граждане хорошие, не аэропорт где-нибудь в Бостоне или в Чикаго — ножа или пистолета в обуви не пронесешь.

Вопрос из зала мне, к сожалению, задать не удалось. Как и положено в хорошем спектакле, все роли были рас-

писаны загодя. В конце заседания, намеренно чуть замешкавшись при сборе части своей аппаратуры в кейс и приметив наконец, что Ельцин покидает зал заседания, я с микрофоном наперевес ринулся на перехват. Тот, даже не обратив внимание на возникшее на его пути препятствие, как шёл, так и продолжал двигаться — подобно танку, прущему на бруствер вражеского окопа, а меня из-под ног главы Российского государства в последнюю секунду выдернула президентская охрана. Крепко сбитые ребятишки, под дорогими импортными костюмами которых ясно просматривались и даже прощупывались легкие бронежилеты типа «визит» и короткоствольные автоматы, буквально вынесли меня на руках, объяснив попутно, как опасно бывает «бросаться под колеса встречного грузового транспорта». Уже после «выноса тела и предания его земле», снова выбравшись к центральному входу во Дворец молодежи, я заметил Юрия Ивановича Сердюкова, которого российский президент широким жестом пригласил сесть в свою машину. «Мудак!» — дал я самому себе заслуженную высокую оценку. — Учил бы «правила уличного движения» — стоял бы сейчас рядом с Сердюковым. Глядишь, тот бы и представил президенту... А так — поезд ушел.

Делать нечего, я отправился разыскивать Михаила Федоровича. Тот проводил время у небольшой речушки-ручейка в обществе белорусского милиционера из внешнего кольца охраны, периодически прикладываясь к двухлитровой бутылке «Смирновской». Апрель в том году выдался холодный. Отобрав у Миши бутылку, я, на чем свет стоит матерясь между глотками, вкратце рассказал о моем приключении.

— Ну не убили — и ладно, — заметил Михаил Федорович, — скажи спасибо!

— Пошли искать Серегу, шутник! — огрызнулся я, передавая ему бутылку.

Недоумевающий белорусский милиционер во все глаза смотрел на разыгравшуюся перед ним сценку, прикидывая, к какой же российской или казахской спецслужбе принадлежат эти двое, но спросить не решался. А что до бутылки водки, то для маскировки, может, оно так и надо. Потом выяснилось, что Михаил Федорович продемонстрировал местному стражу порядка свою старую, советскую еще «ксиву» времен службы в Карагандинском УВД. Кроме слов «МВД СССР», тот в ней ни хрена, конечно, не понял, но на всякий случай принял к сведению.

Так безрезультатно закончилась моя единственная попытка взять интервью у президента России.

Через пару дней в Минск прибыл польский министр обороны, и его белорусский коллега Козловский давал по этому поводу совместную пресс-конференцию. Памятуя о моем недавнем фиаско, я вел себя осмотрительно, не бросаясь на министра обороны, как на амбразуру ДОТа с последней связкой гранат. Свой вопрос министру задал в общем журналистском потоке. По окончании мероприятия Козловский сам обратил на меня внимание, и я подошел к нему в сопровождении полковника Чекова. Справившись, как у меня успехи на журналистском поприще, он поинтересовался и тем, нравится ли мне в Минске. Я вежливо поблагодарил министра обороны Белоруссии, попутно передав ему привет от старого сослуживца по Афгану генерала Стефановского. Услышав знакомую фамилию, Козловский еще больше оттаял, распорядился оказать мне посильное содействие, но сам он интервью давать не готов, времена, знаете ли, не те. Я спросил, не будет ли он возражать против беседы с одним из его заместителей — начальником Управления кадров МО генерал-майором Иваном Зубковым. При упоминании «серого кардинала» военного ведомства РБ министр обороны чуть помедлил с ответом, потом согласно кивнул: «Ну не в этот, так в другой раз, но в принципе не возражаю». Ну что ж, и на том спасибо. По крайней мере в этот раз обошлось без намеков на военную разведку США. Бог с ним, что интервью не дает, главное — работать не мешает.

Пару дней спустя у меня состоялась беседа с заместителем начальника Оперативного управления Главштаба Вооруженных сил Белоруссии полковником Владимиром Воротынцевым и его коллегой полковником Виктором Новиковым. Беседа вышла полемической, что придавало ей хорошие шансы на эфирный рейтинг. Хотя от ответа на мой каверзный «шпионский» вопрос «считать или не считать десантно-штурмовые бригады наступательным родом войск?», а в случае утвердительного ответа «как быть с сугубо оборонительной военной доктриной республики, которая не предусматривает существования таких единиц в структуре национальных Вооруженных Сил?» — Воротынец предпочел уклониться. Уже кулуарно полковник сказал мне, что, признаться, не ожидал от журналиста такого уровня теоретической подготовки в военных вопросах. Я решил малость порисоваться и спросил его:

— Вы ведь заканчивали академию Генштаба?

Воротынцев утвердительно кивнул.

— Так вот, хотите верьте, хотите нет, но начальник академии ГШ генерал Родионов летом прошлого года произнес почти ту же самую фразу. А министр обороны Белоруссии до недавнего времени вообще считал, что на меня в американском Пентагоне работает целый отдел военного планирования.

Полковник понимающе улыбнулся, и на этом мы расстались.

Все остальное время из отпущенного мне на минскую командировку я отдал делам личным, можно сказать, семейным. Посетив в Речице мать, я неожиданно для себя снова пересекся со своей первой любовью Нинкой Богдан. Черт возьми, сколько раз я давал себе зарок не доверять ничего личного и интимного даже бумаге, но не могу до конца обойти молчанием эту сторону моей жизни.

Я был женат два раза — и оба неудачно. Наступать на грабли в третий раз, с учетом прошлого опыта, я не торопился, но нет ничего хуже, как, разменяв третий десяток (теперь уже четвертый) остаться одному. Не знаю. Был ли я тому виной, что вся моя личная жизнь в конце концов к долбанной матери обрушивалась в ничто или же противоположной стороне не хватало умения и терпения привыкнуть к моему более чем неординарному стилю жизни, но с Ниной все вышло до слез по-глупому. Кто знает, если бы я не потерял работу и не провалился бы на несколько лет в небытие, могло бы выйти и по-другому. Однако прошлого не воротишь. Плод нашей следующей встречи уже летом того же года в Москве — дочь Катя — появилась на свет 23 февраля 1994 года. Они там, в Бресте, — я здесь, в Мюнхене, и дело не только в тысяче разделяющих нас километров, но и в семи годах жизни, за которые я успел «пропасть без вести». Так что, говоря словами покойного ныне поэта Вадима Кувшинова: «А то, что не стали моею женою, простите солдата, мадам!»

КРАТКАЯ ОСТАНОВКА В МЮНХЕНЕ

Я как-то взял и посчитал. Оказалось, что с 92-го и по 95-й включительно я больше времени провел в России и в Белоруссии, чем в Мюнхене. Что ж, таковы неизменные атрибуты работы выездного корреспондента. Я настолько уже привык к России-матушке, что мне тяжелее было

расставаться с Москвой, чем покидать Мюнхен. По возвращении из Белоруссии 9 мая я отпраздновал свой день рождения в узком кругу немногочисленных знакомых, подготовил привезенные интервью к эфиру и вернулся к обычной рутинной работе с телефоном, магнитофоном и компьютером.

Юрий Львович Гендлер долго и пристально изучал интервью с однокашником Ельцина Сердюковым и наконец вынес вердикт: «Старик, это же гениально, как ты на него вышел?» Я объяснил, не особо вдаваясь в детали. Остальные материалы Гендлера интересовали мало, один раз он взялся было прочитать материал по сугубо военным вопросам, но так и не осилил его. Впредь эти материалы вменялось редактировать Жене Кушеву. Один раз Юрий Львович вообще удивил меня несказанно. Ознакомившись с текстами песен Игоря Морозова, включенными в один из выпусков «Сигнала», Гендлер вызвал меня к себе и произнес ставшую уже сакраментальной, фразу: «Старик, это гениально, это же русский Киплинг». Если бы Юрий Львович сидел тогда с нами в ЦДЛ, где из уст Виктора Верстакова в адрес Игоря прозвучали те же самые слова «русский Киплинг», я бы не удивился. Но его там не было, а я об этом тем более никому, ничего, никогда и нигде не рассказывал. Быстро заглотнув содержимое предложенной рюмки, я спустился к себе на этаж ниже, взял свою бутылку скотча... и магнитофонную кассету. В результате «афганская песня» стала полноправным жанром в передачах Русской службы РС, и платили за нее не как за жалкий «геммовский копирайт», а как за оригинальный авторский материал, по минутам эфирного времени.

Порой Юрий Львович был воистину непредсказуем. Видимо, сказывался все тот же американский «синдром нескоординированности действий правой и левой руки». Но вот стоило мне только заикнуться о командировке в Россию летом текущего года, как Гендлер снова стал «православным евреем», ответив категорическим «нет».

— Старик, ты с ума сошел, не успел вернуться, уже снова туда? У нас нет такого бюджета,— замахал руками Юрий Львович.

— Хорошо, решим полюбовно,— предложил я,— билет за счет радио, остальное мои проблемы.

— И все?

— Нет, не все, как на еврейском базаре, торговля только начинается...

— Старик...

— Не перебивай, Юра,— я старался говорить вежливо (после неоднократных выпивок мы давно уже были на «ты»),— два года я не был в отпуске — это два с половиной месяца. Так вот на это время я и исчезну, разумеется, с сохранением зарплаты.

— А кто будет делать твою программу? — лукаво улыбаясь, спросил Гендлер.— У тебя же два оригинальных выпуска в неделю.

— Никто! Оставлю выпуски «Сигнала» на все это время,— заверил я.

Получив через месяц 24 выпуска передачи на свой стол, на редакторскую подпись (Женя Кушев заблаговременно ушел в отпуск), Гендлер уже не улыбался, только охренело вертел глазами, не понимая, как этому чертову Коновалову удалось все это повернуть и сколько времени у него отнимет эта внеочередная редакторская работа. Но это был уже не мой геморрой. Командировка, чтобы не было лишних разговоров в коридорах Русской службы, оформлялась официально, билет я получил, зарплату за время отсутствия мне тоже будут исправно начислять. Я понял, что с нынешней администрацией РС в лице Гендлера и Клоза — это единственный способ «...и рыбку съесть» и пользовался им в дальнейшем. В конце концов, какая разница, где пропивать зарплату... в Москве оно и пьется лучше.

Упоминание о спиртном вывело Юрия Львовича из кратковременного ступора, и он полез в нижний ящик письменного стола за стаканами и бутылкой. Вернувшись к себе в кабинет, я набрал номер Главкомата ОВС СНГ и попросил прислать мне по факсу приглашение. Начальник пресс-центра полковник Серафим Юшков пообещал сделать это в ближайшие дни, попутно сообщив мне, что в Главкомате прошли реорганизации. Маршал Шапошников был назначен указом президента секретарем Совета безопасности (это я уже знал), генерал Валерий Манилов ушел к нему заместителем (этого я не знал), а на место начальника прочили Виктора Самсонова. Сам Главкомат, как предполагалось, должен быть реорганизован в Штаб по координации военного сотрудничества СНГ. Попросив Серафима по-новой проработать вопрос интервью с генералом Самсоновым, я отключился от линии. В Минобороны России я отправил факс на имя Елены Агаповой, которую Пал Сергеич Грачев назначил своим личным пресс-

секретарем вместо другой Лены, Чемодановой, а также на имя уже нового начальника Управления информации МО генерала Косарева. Еще двумя факсами я напомнил о себе Службе внешней разведки и Министерству безопасности России. Все! Можно было ехать или, точнее, лететь.

Я еще раз навесил Юрия Львовича и с издевкой спросил, как он смотрит на перспективу получить для РС интервью с секретарем Совета безопасности России? Гендлер оторвал взгляд от каких-то бумаг и в свою очередь уставился на меня.

— Старик, я даже выпишу тебе командировочные на две-три недели,— после некоторой паузы вымученно промолвил он,— если ты задашь Шапошникову вопрос о том, как он относится к радио «Свобода».

— Это еще, простите, за каким обрезанным хреном? — недоуменно спросил я.— Да и станет ли он на него отвечать? Задавать такие вопросы в сферу моей компетенции как-то не входит.

— Понимаешь,— как бы извиняясь проговорил Гендлер,— наше начальство в Вашингтоне готовит отчет по опросу общественного времени для Конгресса (тучи над РС уже ходили хмуро), а кроме тебя, я не знаю никого, кто бы мог обратиться к Шапошникову с таким вопросом. Поговаривают, что вы друзья...

— Ну, Юра, слухи о моей дружбе с маршалом сильно преувеличены, хотя и не без этого,— закончил я за Гендлера фразу,— хорошо, я постараюсь, но результат, сами понимаете, стопроцентно не гарантирую.

— Вот и договорились,— довольно потер руки Юрий Львович.

Я решил отвалить в Москву где-то в начале июня, забронировав на первые числа месяца место на борту американской «Дельты». Как мне тогда казалось, порешили мы действительно полюбовно: две-три недели я отрабатываю командировку, а остальные полтора-два месяца отдыхаю в свое удовольствие, хотя Гендлеру было прекрасно известно, что «отдыхать» я буду с микрофоном в руках. Куда ж я денусь-то с «подводной лодки» под названием «Свобода»?

Перед отлетом я созвонился с Пластуном и Елистратовым, поставив последнего в известность о времени моего прилета. Еще позвонил домой Александру Ивановичу Гурову, который сообщил мне о своем новом назначении начальником Института проблем безопасности МБ

РФ. Так что теперь к нему придется ездить уже не на Лубянку, а на Варшавское шоссе.

— А кто теперь главный в ЦОСе? — полюбопытствовал я на всякий случай.

— Генерал Кандауров, Алексей Петрович, придешь — познакомишься, хороший мужик, — отрекомендовал его Гуров.

Последним, кому я позвонил в тот весьма уже поздний вечер, был Игорь Морозов. Узнав о моем приезде, он сказал, что летом будет в Москве, может, только на пару недель отъедет к себе в деревню. Мы договорились о встрече.

И вот снова по переходам Франкфуртского аэропорта я тащусь, как навьюченный душманский ишак, к терминалу треклятой (это от усталости) и благословенной (ведь нальют немерено и всенепременно) американской авиакомпании «Дельта». После навязчивых стандартных вопросов службы безопасности типа «кто запаковывал ваши вещи и нет ли среди них какой-нибудь бомбочки?» я с явным сожалением в голосе ответив, что нет, прохожу наконец в салон на свое излюбленное место «для пьющих и курящих» в самом хвосте. А еще через три часа Миша Елистратов, улыбаясь во всю ширь круглой физиономии, на пару с Володей Пластуном тискает и обжимает меня со всех сторон, словно долгожданную заморскую тетушку откуда-нибудь из Бразилии. Пластун тут же плещет по сто грамм из неизвестно откуда появившейся на свет божий бутылки подозрительного цвета напиток под названием «коньяк». Все — до боли в глазах знакомая картина Репина «Приплыли...».

Я — дома. В этот раз я отхватил себе шикарную трехкомнатную хату в Марьиной Роще, кликнул секретаршу Юлю, попутно исполнявшую обязанности домохозяйки, ибо Миша Елистратов, сами понимаете, на эту роль подходил мало, и начал вырабатывать план действий. Не стану подробно описывать все детали этого визита, не связанные непосредственно с корреспондентской работой. Впечатлений от каждой моей поездки в Россию вполне хватило бы на отдельную книгу, мне же предстоит все их свести в одну, которая далеко не безразмерна. Посему остановлюсь только на некоторых деталях моих летних хождений по новоарбатским, кремлевским и прочим кабинетам.

Генерала Виктора Самсонова действительно назначили начальником Штаба по координации военного сотрудничества, в который был преобразован Главкомат ОВС СНГ. Он принял меня почти сразу, одарив беседой на час. Не знаю уж, чем я приглянулся пострадавшему в свое время от журналистской братии генералу (после тбилисских событий 9 апреля 1989 года и после августовского 91-го года «путча»), но он разрешил мне в любое время посещать территорию штаба и обращаться по любым возникшим вопросам. Пару раз встретив меня в лифте, или коридорах штаба, только что из буфета, обвешанного бутылками, как иной «исламский террорист» гранатами, он только просил, чтобы я, упаси бог, не угощал офицеров, они ведь на службе. Я заверял Виктора Николаевича, что все это только для меня, но он с сомнением качал головой. Уже значительно позже, с назначением министром обороны Игоря Родионова, Самсонов стал начальником Генерального штаба ВС России. Как и тогда, в конце 80-х в Закавказье, они снова составили тандем. После снятия Родионова с должности министра закатилась и «счастливая звезда» генерала Самсонова. Они были последними боевыми советскими генералами на самых высоких военных должностях Российской Федерации. Следующих за ними уже выдвигала 1-я чеченская война да сопутствовавшие ей финансово-политические интриги в кулуарах кремлевской власти.

Через пару дней в кабинете на Варварке принял меня и Евгений Иванович Шапошников. Обрадовавшись мне как старому знакомому, он довольно охотно рассказал о своей новой должности и поставленных перед ним задачах, чуть погодя отметив, что пока в этой своей новой должности не утвержден Верховным Советом России. Присутствовавший в кабинете генерал Манилов при этих словах многозначительно кашлянул. Получалась схожая с Главкоматом ОВС СНГ картина: должность есть, а властных полномочий нет, как и не было. Под завязку я задал секретарю СБ и навязанный мне дурацкий вопрос о его, маршала Шапошникова, отношении к радиостанции «Свобода», объяснив, кому и зачем это нужно. Евгений Иванович улыбнулся, ответив мне и на этот вопрос. Правда, забегаю вперед, скажу, что американское начальство на РС, а тем паче в Вашингтоне ответ Шапошникова не очень-то удовлетворил, ибо получалось так, что в лице

радио «Свобода» маршал выразил благодарность ее сотруднику Коновалову. Но я же не виноват.

После разговора с Шапошниковым Манилов забрал меня к себе, жестом показал, чтобы я включил магнитофон и подвел своеобразный итог моему интервью со своим шефом. С Валерием Леонидовичем я договорился, что к концу своего пребывания в Москве еще разок загляну к нему на Варварку, дабы освежить некоторые моменты этой части моей корреспондентской работы ввиду поступления более свежей информации. В отношениях между президентом и парламентом уже тогда ощущалась заметная нервозность, но кто мог бы предположить, что пьяные пророчества литовского диссидента-журналиста в апрельском Минске станут страшной явю в октябрьской Москве? Впрочем, на дворе был июнь, а до октября еще было... как до Луны.

Находясь по соседству со Старой площадью, где размещается администрации президента, я решил воспользоваться моментом и провести своего старого знакомого, военного советника президента генерала Дмитрия Волконогова. В прошлом году мы уже коротко беседовали, но сейчас я решил «разведать», чем дышит Главковерх. Я связался с его кабинетом по телефону, тот узнал меня сразу, попытался было уклониться от встречи, сославшись на занятость, но после проявленной мною настойчивости все же согласился меня принять.

Я подъехал и предъявил документы. Охрана сопроводила меня в крыло комплекса, где располагался кабинет военного советника. Один из этих сопровождавших, внимательно взглядевшись в мое лицо, очень тихо спросил: «Не было ли у вас случайно проблем в столице Белоруссии весной этого года?» Быстро смекнув, в чем дело, я так же тихо ответил, что с тех пор выучил наизусть и строго соблюдаю «правила уличного движения». Ответив легкой улыбкой, хранитель покоя верховной власти России незаметно отвалил на задний план.

Беседа с Волконоговым в достаточной мере прояснила картину; куда зашло противостояние Кремля и парламента и какие тучи сгущаются над головой вице-президента Александра Руцкого. Уже потом, во время октябрьских событий, генерал Волконогов настолько надоеет своими призывами уничтожить «парламентскую гадину» залпами ПТУРСов и НУРСов с боевых вертолетов, что

«подельники» сами задвинут его «с глаз подальше». А после «победы демократии» и сам Волкогонов, схлопотав очередной инфаркт, долго уже не протянет. О мертвых не говорят плохого, но больно уж злобным человеком был вчерашний «сталинист», а впоследствии — «рьяный борец за российскую демократию» генерал-полковник Дмитрий Волкогонов.

Следующий по очередности визит вежливости я нанес в пресс-бюро СВР полковнику Кобаладзе, который, пообщавшись со мной, с сожалением констатировал, что повторить пройденное мне, похоже, в этот раз не удастся, но я могу поприсутствовать на совместной пресс-конференции заместителя директора СВР Трубникова и депутата ВС Кожокина (комитет по безопасности). Я поблагодарил Юрия Георгиевича, допил остывший кофе и поехал в ЦОС Министерства безопасности РФ знакомиться с генералом Алексеем Кандауровым.

Алексей Петрович, кроме интервью с ним самим, ничего конкретного мне тоже пообещать не мог, а уж тем более интервью с самим министром Баранниковым, но велел связь не терять. Я, разумеется, не возражал, да и сам Кандауров оказался интересным собеседником. В отличие от пришедшего из МВД вместе с министром Гурова Алексей Петрович был кадровым чекистом. Служил в разных управлениях КГБ, включая известное Пятое. Почти в одиночку раскрутил нашумевшее в свое время дело о взрывах в московском метро, устроенных тергруппой Затикиана. Потом ушел в Семерку (наружка) и, наконец, уже при Горбачеве,— в Девятку (охрана), однако там служба не сложилась, ибо «первая леди», находясь в зарубежных разъездах, имела обыкновение посылать офицеров охраны за женскими трусами-«неделькой» или же еще за чем подобным. И вот теперь Центр общественных связей МБ РФ. После октябрьских событий и реорганизации МБ Кандауров окончательно был уволен со службы.

Обратную дорогу я, в который уже раз, был отягощен не только выпитым плюс к тому ворчанием Елистратова, но и мыслью о том, что с некоторыми офицерами того самого КГБ, который в советские времена «строгал» из меня диссидента, я теперь почему-то оказался по одну сторону баррикад. В Минобороны ко мне отнеслись, как и следовало ожидать, с прохладцей, и максимум, на который я опять мог надеяться,— штаб ВДВ и командующий

войсками генерал Подколзин. А так, милости просим на наши пресс-конференции. (Премного благодарен, но я всегда был слишком умным бараном, чтобы ходить в стаде.) Попутно, от офицеров Управления информации я узнал и печальную новость: Грачев снял с должности, а президент уволил в запас моего старого приятеля генерал-полковника Геннадия Стефановского. Зато полковник Валерий Чебан — теперь уже доктор философских наук и ученый секретарь Российской Академии военных наук — получил должность в одном из направлений ГОУ ГШ. Мне протянули написанный на клочке бумаги служебный телефон полковника Чебана, я поблагодарил и вышел из «гостеприимных» новоарбатских стен, попросив все же аккредитовать меня на пресс-конференцию единственного невоенного из заместителей министра обороны — Андрея Кокошина.

С полковником Валерием Чебаном я встретился на следующий день, в облюбованном мною ранее «Ирландском баре», расположенном совсем недалеко от старого здания ГлавПУ. Поздравив его с ученой степенью и новой должностью в ГШ, полюбопытствовал, как дела у Стефановского (в санатории) и предложил Валерию Всеволодовичу стать московским автором-корреспондентом программы «Сигнал». Если он сочтет нужным, то можно и под псевдонимом. Полковник Чебан улыбнулся и сказал, что имя и фамилию, конечно, поменять можно, но вот голос — вряд ли, да и прятание за чужим именем не делает чести русскому офицеру. Забегая вперед, скажу, что Павел Сергеевич Грачев, которому, конечно, впоследствии доложили о «подвизавшемся на «Свободе» генштабовском полковнике», как ни странно, препятствий тому не чинил. Нехорошим ветром задуло со стороны самого начальника Генштаба, генерала армии Михаила Колесникова. Вопрос этот, по моей просьбе, утряс Валерий Леонидович Манилов, после ухода Шапошникова оставшийся заместителем нового секретаря СБ — Олега Лобова. Впоследствии, после назначения генерала армии Андрея Николаева директором Департамента пограничной службы, Валерий Чебан ушел к нему помощником — начальником Управления оперативно-пограничных исследований. Получил генерал-майора. В настоящее время он помощник Андрея Ивановича уже в Государственной Думе, в комитете по обороне.

Потом я навестил Штаб ВДВ, повидался и побеседовал с командующим генералом Подколзиным и в принци-

пе, по командировочному реестру, мог считать свою работу почти что законченной. Повидались мы и с Александром Ивановичем Гуровым. Правда, пока я добрался к нему в самый конец Варшавки, елистратовская тачка несколько раз ломалась, а посему наши следующие встречи я попросил генерала проводить, если он не возражает, у него дома. К Рижскому вокзалу все же ехать было поближе. Гурова я попросил подготовить материалы по двум очень насущным темам — борьбе с организованной преступностью как угрозой общественной и экономической безопасности России, по вопросам противостояния терроризму, а также по истории терроризма в государстве российском.

В неотстрелянной обойме у меня оставались только различные ведомственные пресс-конференции. Расписание, включая и возможные погрешности, имелось в наличии, так что я мог смело теперь варьировать между корреспондентским долгом и долгожданным заслуженным отдыхом. Через неделю в Москву должна была прилететь Нина, а еще дней через пару я собирался наконец выбраться домой на Пролетарку к Игорю Морозову.

ИГОРЬ МОРОЗОВ — ОБРЕТЕНИЕ БРАТА

О моем знакомстве и дружбе с Игорем Николаевичем Морозовым, перешедшей в настоящие родственные отношения, тоже можно написать отдельную книгу, и подозреваю, что не одну. Очень трудно будет уложить даже в этой главе все то, чем Игорь стал для меня, а я, в свою очередь, для него. По его же словам, ему всегда недоставало младшего, а мне — старшего брата. Но начну я издалека, по порядку.

В моей маленькой белорусской Речице был у меня сосед по подъезду, близкий друг детства, на хороший десяток лет старше и мудрее меня, тогда еще совсем щенка. Звали его Игорь Морозов. День рождения у Игоря был 22 мая, а родился он в 51-м. Отца Игоря звали Николай и был он близким корешем и собутыльником моему папе Коле. В первой половине 70-х, когда я проводил несколько лет на «хозяйской даче», семья Морозовых поменяла местожительство куда-то в Россию. Куда конкретно — я так и не установил, узнав уже ближе к началу 82-го лишь только то, что Игорь закончил военное училище и

проходит службу где-то на Юге, может, и в Афганистане, про который тогда было принято говорить полушепотом-полунамеком. В начале 83-го я и сам оказался далеко от родных мест, только не на Юге, а на Западе. В 85-м в моих руках оказалась магнитофонная кассета — сборник афганских песен. Кто знает, каким ветром занесло ее в пешаварский дукан, может, «духи» где подобрали, а может, от пленных или перебежчиков? Не это главное. На кассете были афганские песни, а среди них — одна, в которой упоминался Игорь Морозов (Братан до сих пор не может простить своему куму Сергею Демешову эту песню про бадахшанскую ОБГ 4-го «Каскада», где все бойцы названы по именам и фамилиям. «Да он вскрыл нас всех тогда этой песней!» — каждый раз в сердцах восклицает Игорь, когда заходит речь о тех делах дней минувших.)

Я знаю только одно: если бы не эта песня Сереги Демешова, мы с Игорем Морозовым могли никогда бы не встретиться. За это я Демешову от всей души благодарен, хотя по просьбе Игоря никогда не давал эту песню в эфир, ибо один из упоминаемых в ней «каскадеров» продолжал службу в МБ, а затем в ФСБ России, когда вовсю уже шла 1-я чеченская. Сами понимаете, в 80-х годах мои шансы отыскать в Советском Союзе офицера Морозова были равны абсолютному нулю. После августа 91-го в мои руки попали сразу две заметки: одна из выходящей в Аргентине эмигрантской газетенки «Наша страна», вторая — из отечественных «Аргументов и фактов». Оба источника в той или иной степени содержали упоминание об Игоре Морозове. Аргентинская «Наша страна» привела даже плохонькое фото — усатый парень средних лет, в камуфлированной форме (тогда Игорь еще не носил бороды). Вроде внешне похож, но именно в этом источнике упоминался КГБ. Я несколько задумался: кто знает, может, это военное училище готовило командные кадры и для погранвойск? Надо ехать в Москву и искать ответ там.

Когда в декабре 92-го Володя Пластун наконец осчастливил меня долгожданным телефонным номером, был уже последний вечер моего пребывания в столице, и все, что я мог позволить себе в тех обстоятельствах, — это позвонить по телефону. Как я уже упоминал в предыдущей главе, Игорь не узнал меня, хотя сколько воды утекло с тех пор... Я все еще мучился мыслью, тот это или не тот Игорь, хотя подспудно больше склонялся к тому, что все таки он — не мой Морозов. Эти мысли одолевали мою

бедную голову и по дороге на Пролетарку. Путаясь в собственных умозаключениях, я настолько притих, что Елистратов даже стал на меня озабоченно поглядывать и попытался что-то спросить. Я раздраженно отмахнулся и стал думать дальше: как объяснить, с чего вообще начать? Уже потом, при нашей следующей встрече, Игорь рассказал мне о том, как в Кабуле столкнулся с офицером-старлеем. Они представились друг другу: «Игорь!» — «Игорь! А фамилия твоя как?» — «Морозов». — «Гм... и моя тоже. А отчество — Николаевич!» — «И мое... А ты какого года рождения?» — «Пятьдесят первого, двадцать второго мая». — «Так и я тоже». Редчайший случай полного совпадения имени, фамилии, отчества и даты рождения. Даже внешне они были чем-то похожи. Не знаю, да и братан тоже не знает, но вполне возможно, что этим старлеем, которого он встретил в Кабуле, и был мой близкий друг детства Игорь Морозов. Больше Игорь его никогда не встречал: и кто знает, вернулся ли тот живым «из-за речки».

Вот и искомая улица. Елистратов остается ждать в машине, а я, отыскав нужный подъезд, поднимаюсь в лифте наверх и нажимаю кнопку звонка. Дверь открыла жена Игоря — Ольга. Сыновей дома не было. Из соседней комнаты доносятся голоса, значит, Игорь не один, кто-то в гостях. Я прохожу в гостиную, последние сомнения развеялись: это не мой Морозов. Но с чего-то все же надо начинать наше знакомство. Я открываю кейс и достаю... не магнитофон, к черту его, а литровую бутылку водки и упаковку немецкого пива. Представляюсь и подсаживаюсь к столу. Человек в гостях у Игоря — Володя Мурзин, в недалеком прошлом боец соседнего с бадахшанским, кундузского «Каскада». Мы выпиваем по стакану, закусываем. Я намеренно не тороплю события, внимательно прислушиваясь к разговору двух боевых офицеров, вспоминающих Афганистан. Через некоторое время Игорь взял в руки гитару, спел несколько песен. Я заблаговременно включил магнитофон и, пододвинув посуду, расположил его на столе.

В тот раз я не записывал интервью, поняв одну особенность Игоря. Задавать ему казенные вопросы с листа бумаги было бы бесполезной тратой и его и моего времени. Морозову необходимо было самому разговориться, выплеснуть наболевшее, и тогда беседа потекла бы уже сама по себе. Так и случилось, когда я приехал к Игорю во второй раз В этот день в гостях у Морозова был поэт и

автор афганских песен полковник Виктор Верстаков. Я уже немного знал Витю как руководителя Студии военных писателей. Был неплохо знаком и с его литературным творчеством, включая «Афганский дневник». В этот раз мы записали с Игорем две полные часовые кассеты. Говорили в основном о войне и о ветеранских судьбах. Собственно о КГБ и об Отдельном учебном центре в Балашихе, иначе называемого КУОСом, а между своими — ДОРНИИ, Игорь рассказывал скупно и неохотно. Оно и понятно. О действиях специальных диверсионно-разведывательных подразделений КГБ СССР «Каскад» в Афганистане — больше и охотнее, время от времени прерывая рассказ одной из своих подходящих к повествованию песен. Несколько раз гитару в руки брал и Виктор Верстаков, исполнив по моей просьбе свою очень замечательную шуточную песню «Краткий курс новейшей истории Афганистана» и некоторые другие. К моему предложению стать участниками и авторами афганских выпусков «Сигнала» оба отнеслись с пониманием и дали согласие.

Было еще много других встреч и у Игоря дома, и в ЦДЛ, где я познакомился с еще двумя ветеранами — авторами афганских песен: Мишей Михайловым и Александром Минаевым. Постепенно я становился для них своим, что говорило о наивысшей степени доверия ко мне, перешедшего в настоящую мужскую дружбу. С Игорем Николаевичем Морозовым мы стали братьями. И именно этого совершенно нового осознания себя как частички того целого, что называется афганским братством, мне не могли бы дать и тем более заменить никакая «Свобода» и никакой Запад. Я никогда не был солдатом Ограниченного контингента, но, почти двадцать лет являясь специалистом по Афганистану и занимаясь афганской войной, я сросся и сжился с ней настолько, что тоже вправе теперь называть себя «шурави», и более того — считаю это за честь. Афганская война — это не только почти десять календарных лет, проведенных миллионом советских солдат и офицеров «за речкой». Это прежде всего духовная общность этого миллиона — истинное, по духу своему, воинское братство, которое испуганные продажные политики поспешили оплевать и уничтожить, почувствовав в нем явную угрозу своему мещанскому благополучию. «Я вас в Афганистан не посылал» стало не только нарицательной фразой, но и кульминацией отношения государства и общества к ветеранам той войны. И это в

России, где вернувшийся с поля боя солдат традиционно был почитаем и уважаем.

А уж в творческой плоскости афганскую войну нельзя сравнить ни с какой другой — даже с Великой Отечественной. Если, например, взять все афганские песни (а написаны они в основном бойцами — солдатами и офицерами, а не профессиональными литераторами, как в Великую Отечественную) и поставить в хронологический ряд, то вы получите самую правдивую историю войны за хребтом Гиндукуша. Все попытки повторить «песенный феномен Афгана» во время боевых действий в Чечне оказались заведомо обреченными на подражание — гражданская война не рождает героев, способных ее воспеть. Поэтому из Чечни, сменив «цевье АКС на гриф гитары», никогда не придут морозовы, верстаковы и кирсановы.

Я с большим уважением отношусь к песенному творчеству бывшего снайпера «Альфы» майора Василия Денисова и моего друга сержанта запаса Сереги Кузнецова, написавших несколько хороших песен о чеченской войне, но я также не забываю и о том, что первой войной в их судьбах была война афганская.

Где-то через неделю я пришел к Игорю еще раз, уже с приехавшей в Москву Ниной. Попросил его к осени подготовить хотя бы черновые наброски по Файзабаду, где «год коротаает 4-й «Каскад». Игорь улыбнулся, достал с нижней полки письменного стола папку с листами. Так я узнал, что он уже пишет книгу «Команда К». (Главы из нее в конце 90-х напечатала «Литературная Россия», а полностью книга брата должна выйти в том же издательстве, где и мои сумбурные «думы о былом».)

Об остальном же, что происходило во время моих летних «московских каникул», постараюсь рассказать вкратце.

С успехом решив вопрос, как совместить желаемое с возможным, мы с Ниной смотались в Минск, я забрал сестру и младшего племянника Артема (парень никогда не был в Питере), и далее уже всем табором мы взяли направление на Ленинград. В Москве к нам присоединился и Миша Елистратов.

В Питере, заехав к Николаю Николаевичу Сунцову, я попросил его поработать над материалом о советском термоядерном оружии третьего поколения — нейтронных зарядах и возможности их применения в случае агрессии извне в очагах локальных конфликтов, подобных таджик-

ско-афганскому. Тема профессору Сунцову показалась интересной, и он обещал над ней подумать.

Через пару-тройку дней сестра с племянником и Ниной возвращались в Белоруссию. Со мной толку им было мало (сестра даже несколько обиделась, не говоря уже о Нине), ибо я, простите, все эти дни просто не просыхал и происходившее в тот раз в Питере помню смутно. Я, правда, каким-то чудесным образом (не иначе как заботами подполковника Андрея Карганова) все же попал в Выборг и даже записал на ленту рассказ ветерана-морпеха Великой Отечественной Петра Карнаушко о боях на Малой Земле и Керченском плацдарме, но как — хоть убейте, не помню. Потом, словно из омота, в памяти обрывком всплывает попойка на квартире у Игоря Дорошенко, в компании братьев Зубковых, Андрюхи Карганова, Миши Елистратова и еще кого-то. Обнаружилась и фотография. На ней Елистратов запечатлен почему-то с газовым пистолетом в одной руке и с черепом в другой. Ну прямо «бедный Йорик». Мы что, там еще и Шекспира ставили?

Вернувшись в Москву, я дал себе зарок не пить (господи, в который уже раз! зарок этого хватило на два дня) и, позвонив на Варварку генералу Манилову, напросился еще на один визит в секретариат Совета безопасности. В этот раз я несколько озадачил Валерия Леонидовича вопросами по военной доктрине России, особенно в части такого закрытого ее раздела, как ядерное планирование. Собеседник после минутной паузы, в течение которой он внимательно рассматривал меня, словно видел первый раз в жизни, все же разъяснил мне и это положение — в той степени допустимости, которую в беседе с журналистом может себе позволить государственный деятель. Понимая, что этими своими вопросами, возможно, несколько «перегнул палку», я объяснил Валерию Леонидовичу, что работаю над спецпередачей по сравнительному анализу, как это есть в НАТО, было в Советском Союзе и что есть или будет теперь в его правопреемнице — Российской Федерации. Манилов пообещал, что в следующую мою командировку даст мне возможность обратиться к специалисту по этим вопросам в одном из управлений секретариата СБ. Я поблагодарил Валерия Леонидовича, попросив на прощание также передать привет и мои наилучшие пожелания маршалу Шапошникову.

В Минобороны меня снова ожидало фиаско. Пал Сергеич, по какой-то одному ему известной причине, про-

должал упрямо игнорировать «уважаемого журналиста», стоя в двух шагах от него, но в упор не видя, а его первый заместитель Андрей Кокосин, на пресс-конференцию которого я прибыл в означенный день в стены МО, прилюдно обозвал меня «цэрэушником». «Чья бы корова мычала»,— зло и довольно громко прошипел я в удаляющуюся по коридору спину, тем самым вызвав улыбки на лицах нескольких российских коллег. Для них, полагаю, не было секретом, интересы какого ведомства на деле представлял бывший замдиректора Института США и Канады.

Перед отлетом я забежал к брату, попрощался с ним до следующего моего визита в Москву и пообещал, что уж, даст бог, наконец выберусь к нему в деревню, расположенную в живописном заповедном месте на одном из притоков Оки. Потом — визит в ЦДЛ, в студию военных писателей, на посошок с Витей Верстаковым. Там я познакомился еще с одним русским военным писателем полковником Николаем Ивановым, подарившим мне свою книгу «Операцию «Шторм» начать раньше».

На следующее утро Миша Елистратов повез меня в «Шереметьево-2». Уже прощаясь со мной у «телевизоров» таможни, он вдруг неожиданно спросил, как я смотрю на то, чтобы он, Елистратов, в начале осени текущего года заглянул этак на недельку в Мюнхен на предмет покупки автомобиля. Я не возражал, напомнив только, что жду от него полновесных материалов по военной доктрине, строительству Вооруженных Сил, а также по тактике, стратегии и оперативному искусству. Мы обнялись на прощание, и я, под завязку нагруженный чемоданами книг, заторопился в направлении терминала американской «Дельты», благо в Москве этот путь был куда короче, чем во Франкфурте-на-Майне.

...А В МОСКВЕ, В ОКТЯБРЕ, РАССТРЕЛЯЛИ ДРУГ ДРУГА СКВОЗЬ ДЫМ...

Большая часть материалов, привезенных мною из летней командировки 93-го, в той или иной степени была об Афгане. Я начал готовить серию спецпередач в рамках «Сигнала», посвященных истории афганской войны, судьбам ее вернувшихся ветеранов и полыхающему в Таджикистане пожару межнационального конфликта, в котором

одной из заинтересованных сторон были вчерашние афганские моджахеды, обретшие новый театр военных действий во славу аллаха и доллара. Володя Пластун, взявший на себя обязанность не только автора программы, но и моего учителя по такому предмету, как востоковедение, снабдил меня достаточно обширной литературой, включая даже Коран по-русски.

Может, на том сказывалась и кварта текущей в моих жилах татарской крови, но интерес к исламу я питал и ранее, порой весьма озадачивая знанием предмета коллег из мусульманских редакций РС и в особенности с радио «Свободный Афганистан», не прекратившего свое вещание и с выводом 40-й армии. У них, кроме самого шефа редакции — племянника одного из лидеров «Альянса семи» Сабхатуллы Моджадедди, ко мне, «шурави», довольно хорошо относился еще один сотрудник, по национальности пуштун, а по политической ориентации талиб, выпускник пакистанского духовного училища в Карачи, мулла Насрулло. Мулла этот не пытался, как могли подумать читатели, силой обращать «неверного уруса» в ислам. Наоборот, узнав что я православный (мусульмане почитают Христа пророком, не считая его Богом), он, признав наличие у меня души (таковой не обладают, например, атеисты, а также некоторые католики польского происхождения), весьма охотно растолковывал мне значение сур Корана и уложений шариата, считая, что иноверец естественным путем должен постичь величие Аллаха и суть единственно верного учения пророка его Мухаммеда. Я же, со своей стороны, постарался показать себя смышленным «талибом» нашего импровизированного медресе. Это принесло ощутимую пользу, ибо более всего в своих радиопередачах я не хотел разочаровывать эрудированного слушателя собственным неумением «отличить суннита от шиита, а их обоих, в свою очередь, от бревна», если прибегнуть к образному выражению одной из шуточных афганских песен Виктора Верстакова.

В Москве тем временем подходила к концу «бабье лето» — лучшая пора осени, заканчивался месяц сентябрь, а в Мюнхен прилетел Миша Елистратов. Сводив «дорогого гостя» малость поглазеть на ежегодную свальную пьянку на открытом воздухе «Октоберфест» — осенний праздник любителей баварского пива, я определил Мишу еще к нескольким коллегам по Русской службе РС в их программы, дабы тот нарубил хоть малость «капусты», а сам за-

нялся с Женей Кушевым подготовкой к «круглому столу», темой которого был... военный переворот в России.

Сразу скажу, футуристические наши изыскания имели мало общего с тем, что в действительности произошло чуть позже, но сам по себе факт такого «круглого стола» на радио «Свобода» в те предоктябрьские дни показывал, насколько чутко и в этот раз «доброхотные американские дядюшки из Лэнгли» держали руку на дирижерском пульте.

Между тем противостояние президента и парламента достигло своего апогея. (Я внимательно следил за событиями, используя все имевшиеся в распоряжении РС, источники визуальной и вербальной информации.) Уже произошли стычки между стражами правопорядка и сторонниками Верховного Совета. Трудно было сказать, спонтанные ли это протесты или же за ними стоит очередной президентский Гапон. Не хватало всего одного толчка, чтобы развязать настоящую бойню, прикрываясь лозунгами «сохранения демократии и легитимности власти». И с той и с другой стороны находились выдвиженцы августа 91-го, либо прямо участвовавшие в развале Советского Союза и роспуске его легитимного органа — Верховного Совета, либо же приветствовавшие оный развал. Кто из них теперь легитимнее? Те, кто в Белом доме, или те, кто в Кремле?

Тогда это все разыграли как кровавый, не без этого, но все-таки фарс. Теперь актеры готовились к исполнению высокой трагедии. Когда же режиссеры выпустят на сцену «человека со спичками»? Такой «поджигатель рейхстага» нашелся в лице подполковника Терехова — соратника замполита Уражцева по Союзу офицеров. Оценку господину Уражцеву и его коллегам-политрукам я дал еще в августовский путч: «Нет ничего страшнее для страны в тяжкую для нее годину, чем пропагандоны-замполиты, которых в одночасье лишили их объекта паразитирования — офицерского корпуса и которые теперь должны приспособливаться — подыскивать другого носителя и кормильца». Теперь уже трудно сказать, как могли бы развернуться события, если бы Терехов со товарищи не открыл автоматный огонь по милиционерам, подъехавшим к автозаправке, расположенной по соседству с КПП Штаба по координации военного сотрудничества СНГ на Ленинградском проспекте, но в одном я уверен: дублеров у «человека со спичками» было несколько. Не Терехов, так другой замполит-гапон.

Следующим шагом оппозиции стал идиотский по замыслу и дилетантский по исполнению «штурм Останкино». А почему сразу не Кремля? С учетом всего вышеперечисленного уже нетрудно было окончательно убедиться в том, что «Сципиона Свердловского» устроит только один выход из создавшейся ситуации — разрушение «парламентского Карфагена». Последовал Указ о роспуске Верховного Совета. К сожалению, сами лидеры парламентской оппозиции не смогли или не захотели до конца защищать свои идеи и лозунги с оружием в руках, как это и подобает настоящим мужчинам и офицерам. Эту слабинку «российского парламентаризма» Ельцин и его сатрапы поняли сразу. Белый дом был обречен. Но погибли не сами лидеры. 3 октября на сцену «московского театра военных действий» вышли танки и БТРы Кантемировской и Таманской «придворных дивизий». Боекомплект «второго дня» обладал лишь один из добравшихся в столицу танков. Его и поставили на набережной, а экипажу приказали сыграть роль октябрьской «Авроры». А чтобы этот приказ звучал повесомей, его подкрепили энным количеством чужой, зеленого цвета твердой валюты.

Я не собираюсь подробно углубляться в перечисление фактов, известных и, надеюсь, памятных еще каждому русскому человеку, а заострю внимание на реакции «свободовских подпевал» на октябрьские события 93-го, равно как и на ряде вопросов, ответы на которые не даны и поныне, спустя почти десять лет. Помните восклицание, оброненное комментатором CNN: «Господи, русские опять стреляют в русских!» Кому-то в этих словах почудилось «сожаление и сопереживание». Полноте, товарищи-господа. Это в нашей «стране дураков» наивно сопереживали красочному шоу «11 сентября», когда «аль-каидовские дансисты», как пошутил мой старый мюнхенский друг Борис Мухаметшин, «вырвали два фронтальных клыка из «пасти мира». Нам, «русским, стрелявшим в русских», здесь, на Западе, никто не сопереживал, наоборот, жалели, что Москва не превратилась во второй Бейрут. Я не утрирую, один американский журналист, когда-то освещавший гражданскую войну в Ливане, будучи в октябре гостем РС, весьма сожалел, что для полноты картины отсутствуют действия фронтовой авиации. А пьяный то ли от виски, то ли от счастья директор Русской службы Юрий Львович Гендлер ходил по коридорам «Свободы» с блуждающей на губах улыбкой и время от времени многозначи-

тельно произносил, картавя больше обычного: «Господа, мы должны поддег'живать пг'езидента Ельцина!» Как мне хотелось тогда заехать Юрию Львовичу по его холеной нерусской морде... Больше я с ним не пил.

За исключением Жени Кушева, никто из моих коллег русским людям, которых в упор расстреливали из танковых орудий, простите, не сопереживал, повторю это еще раз. Миша Елистратов, похоже, тоже пребывал в определенной растерянности. Хрен его знает, куда повернется нож мясорубки, не в пору ли подумать и об убежище? В студиях РС он, как бывший офицер, волею случая оказавшийся на РС, был нарасхват. Я не интересовался особо, с кем он беседует и о чем. Один раз, правда, я и сам выступил в эфире, ответив на кретинский вопрос ведущего «круглого стола» Левы Ройтмана, которого за глаза звали Вротманом: «А что армия?» — «А ничего. Армия поддержала своего Главверха, а что бы вы, Лев Израилевич, от «прикормленной армии Кремля» хотели? Русской или, если угодно, Российской, все еще нет, а Советская больше не существует». (Позже я узнал, что материал этот подхватила московская газета «Иностранец», но процентов 90 от него были сняты военным цензором. Забавная верстка, я ее сохранил — сплошные «белые квадраты».) Больше меня беседовать не приглашали, и остаток дня я провел у себя в кабинете в мрачном подпитии, поминая третьим «и наши и ваши гробы». В глазах у меня застыли плохо высохшие слезы и бессильная злоба.

Таким меня и нашел Женя Кушев. Мы плеснули по стаканам, молча посмотрели друг на друга и выпили. Бывший диссидент Кушев тоже пребывал в явном шоке от очередного выверта ельцинской «дерьмократии». Мы налили еще. Молча выпили. Именно в тот день, 3 октября, я по-настоящему осознал себя «белой вороной» в числе прочих «пернатых» и «пархатых» «Свободы». Мне уже было ясно, что долго мне там не проработать, а поэтому и терять-то особенно нечего.

Потом, как вы помните, началась любимая забава победителей — «охота на ведьм». «Спасители российской демократии», отправив главных своих противников в «Матросскую тишину», методично начали подметать «стрелочников» помельче, попросту сводя счеты, как это уже имело место и в 91-м. До сих пор без ответа остаются вопросы: к какому ведомству принадлежали расстреливавшие толпу зевак снайперы-провокаторы, явно при-

везенные в Москву извне (уж не из Израиля ли)? кто потрудился вырвать страницы из регистрационного журнала в «Шереметьево-2» и какова судьбы милиционеров из охраны Верховного Совета, а также бойцов дивизии имени Дзержинского, оставшихся верными парламенту и пытавшихся сдержать на Кольцевой дороге продвижение бронетехники «Кантемировка»?

Вопросов таких много, в их числе и смерть от прицельного снайперского выстрела бойца группы «Вымпел», и «странное поведение» нарофоминских десантников в стенах Белого дома во время штурма, провоцировавшее еще большую кровь, и многое-многое другое. Как ни старались Ельцин и его окружение подчистить за собой «поле боя», и в прессу и помимо нее просачивались кое-какие нежелательные для них материалы, как, например, радиоперехват переговоров тех же «нарофоминцев». (Пленка с ними оказалась у меня в руках, но давать ее в эфир было запрещено.) Уже через год, к первой годовщине октябрьского расстрела, я подготовил спецвыпуск «Сигнала» с участием двух моих авторов — Виктора Верстакова и полковника Николая Иванова, который в те дни находился в Белом доме. В нем прозвучали и две песни Виктора, написанные по кровавым следам событий. Схожую по звучанию и смыслу песню написал для программы и мой автор в Германии, майор запаса Виталий Дегтярев.

Для меня в октябрьских событиях оставалась еще одна незакрытая страница — министр обороны генерал армии Павел Сергеевич Грачев. Я и раньше не относился однозначно плохо к Павлу Сергеевичу. Для меня он был «не лучшим министром обороны всех времен и народов», а наглядным примером того, что делает с прекрасным, по меркам Афганистана, воином-десантником — командиром 345-го Баграмского ОПДП и 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии — безмерная жажда власти и дух стяжательства. Однако валить всю вину за октябрь 93-го в основном на Грачева, как это делали отечественные средства массовой информации, было бы несправедливо. Заметно было, что вначале Грачев явно пытался противиться роли «главного застрельщика», то напиваясь в стельку (что с меня, мол, взять) и прячась в своем новорбатском кабинете, откуда его «выцарапывали» новый секретарь СБ Олег Лобов и генерал Валерий Манилов, то исчезая на дачу, а то еще куда...

Все помнят, как Руслан Аушев и Кирсан Илюмжинов привезли Пал Сергеича к стенам Белого дома, мягко говоря, не совсем трезвого, небритого и вдобавок одетого не по форме. В конце концов он поддался нажиму, отдав приказ, однако управлением огня по парламенту руководил не сам «лучший министр», а его заместитель Кондратьев и генерал из Генштаба Барынькин. Доброхотов выслужиться на русской крови хватало и помимо Грачева. Я попросил Витю Верстакова разрешить мне дать в эфир его поэму «Прощайте, генерал», как нельзя лучше характеризующую бывшего министра обороны, которую вместе с его октябрьскими песнями я и приведу в конце настоящей главы в приложении «По страницам программы «Сигнал».

Мало-помалу страсти вокруг трагедии улеглись. В Москве еще сохранялся комендантский час и армейско-ментовские блокпосты на Кольцевой, но Миша Елистратов все же засобирался до дому. Впору было подумать и над покупкой тачки. Мы порешили, что коль уж я плачу ему за извоз и бензин во время московских командировок, то не лучше ли будет приобрести «колеса», на которых он во время моих не таких уж частых, хотя и продолжительных визитов катает меня по Белокаменной, а в остальное время пользуется их по своему усмотрению.

Сказано — сделано! Я кликнул спеца — Леху Соловьева, в советском прошлом зампотеха роты внутренних войск в Прибалтике, — и поставил ему задачу найти приличный «фольксваген-гольф» «сэконд хэнд» с объемом движка не меньше 1600—1800 кубов по цене в пределах полторы штуки баксов. Леха скептически поглядел на меня, но уже на следующий день позвонил и сказал, что такая тачка есть. Мы оформили купчую, и Миша был готов наконец покинуть гостеприимный Мюнхен. Тут нам подвернулся и «поезд» — пара знакомых ребят перегоняла иномарки в Минск на продажу. Я тоже решил воспользоваться возможностью прокатиться к подруге в Брест и к сестре в Минск. Белорусская виза у меня была, а российскую я наивно рассчитывал получить уже на месте, по прибытии. Тогда как раз почему-то появилась полуформальная граница с КПП между государствами, и обладатель иностранного паспорта был обязан иметь разрешение на въезд в Россию, но в выдававшей его инстанции меня послали подальше, невзирая на все мои высокие российские связи. Видимо, здесь сказалось и то, что в

Белоруссию тогда откатилась часть защитников Белого дома, включая и бойцов РНЕ.

От границы до Минска с Божьей и Сереги Зуева помощью мы добрались вполне благополучно, без приключений и дорожного рэкета. Елистратов в одиночестве взял направление на Москву по Смоленке, а я несолоно хлебавши вместо России вернулся обратно в Мюнхен. Причину вы знаете. Но не надолго.

Ближе к зиме я опять засобирался в дорогу. Заготовив выпуски «Сигнала» этак на месяц вперед, я отправился в директорский кабинет поговорить. Гендлер хотел было что-то возразить, но, заглянув мне в глаза, отвел свои собственные и вяло махнул рукой: «Поезжай, мол, что с тебя взять...»

И вот снова 757-й борт «Дельты» несет меня над облаками в сторону Родины, лениво проплывая над Польшей. В этот раз я почему-то лечу трезвый как стеклышко и злой как чечен, даже не пригубив свои обычные «за отрыв носового колеса».

«В ДЕКАБРЕ ЗИМЫ НАЧАЛО»

По прилете в Москву Елистратов, забирая меня из «Шереметьева», сообщил мне «приятную» новость — по причине какого-то нездоровья возить в этот раз он меня не сможет. Купил, дурак, машину и будь здоров — ищи теперь себе колеса на стороне. Я, конечно, в полном восторге и уже начинаю кумекать: а может, прав был тогда, в 92-м, генерал Альберт Макашов по поводу своих «извинений обиженной нации» в лице Михаила Аркадьевича? Второй «финт ушами» показала мне секретарша Юля. Я остался без колес и без возможности поддерживать телефонную связь не только через разорительный немецкой регистрации «мобильник». Секретарша все же оказалась порасторопнее Елистратова — она подыскала замену в лице своей подруги Наташи Кундрюковой. Наталья была студенткой последнего курса журфака МГУ, что значительно облегчало процесс объяснения стиля моей работы выездного корреспондента РС, и оказывала мне посильную помощь, заодно занимаясь и домашним хозяйством.

Делать нечего — надо искать запасные «колеса». Я позвонил Игорю Морозову и объяснил создавшуюся ситуацию с Елистратовым. Братан приставил ко мне самого

надежного из своих ребят — Сергея Шаврова, в прошлом старшину-десантника, ставшего мне таким же близким человеком, как и сам Игорь, и, чего греха таить, взявшего на себя обязанности «терпеливой няньки при великовозрастном шаловливом дитяти» — охранника-водителя «в личке». Но была проблема — Серега временно остался без «тачки». В остальном, когда не был занят на охране коммерческого банка, был готов сопровождать меня день и ночь. Против хорошей компании я никогда не возражал, а тем более против общества просто очень уж огромного по размерам Шаврова, затянутого, как в броню, в десантной расцветки камуфляж. С ним ходить — кошелек из кармана тянуть навряд ли найдутся охотники.

С колесами выручил Володя Пластун. Выслушав мою тираду насчет Елистратова, Владимир Никитович протянул свое коронное: «Я тебя предупреждал! Эти люди из ГРУ, сам понимаешь, они не такие надежные, как мы, из КГБ, но лично я к этой организации никакого отношения не имею, я простой ученый». Через день-два «простой ученый» Пластун подыскал мне желающего подзаработать водителя-профи из преподавательского состава МАДИ по имени Александр. В этот раз Московское бюро РС неожиданно предоставило мне роскошную трехкомнатную квартиру на Тверской — мол, все равно пустует, — но, зная, как наивно «заглядывать в зубы дареному троянскому коню», я подстраховался и на всякий случай снял еще одну хазу на Мосфильмовской. Как оказалось, в своих предположениях я не ошибся.

Декабрь выдался холодным, а в казенной «радиосвободовской роскоши» были явные проблемы с отоплением. Пришлось из «дареных хором» перебраться в оплаченные в твердой валюте, ибо, простите, спать, «завернувшись в бушлат с головой», как когда-то в отрочестве, на зонвской шконке, я не собирался, и уж тем более в обществе дамы. (На Мосфильмовской же, наоборот, топили так, что жить можно было только с открытыми настезь окнами, иначе не квартира, а пустыня Регистан какая-то.)

Свой первый визит я нанес в Секретариат СБ, к тому времени поменявший прописку с Варварки на Старую площадь, заместителю Олега Лобова генералу Манилову. Мы записали часовое интервью, хотя я заметил, что от обсуждения недавних октябрьских событий Валерий Леонидович дипломатически уклоняется. Ладно, не буду настаивать, значит, еще не время. На беседу с самим Оле-

гом Лобовым тоже можно было не особенно надеяться. Секретарь очень занят. Что же еще я упустил? Второй заместитель секретаря СБ — пришедший из МБ РФ Владимир Рубанов. С этим — пожалуйста. И тут я вспомнил про обещание Манилова дать мне возможность побеседовать с одним из ответственных сотрудников управлений Секретариата СБ на тему ядерно-доктринальных и других «хитрых» вопросов. О господи! Напросился на свою голову, лучше бы я об этом Манилову не напоминал. Этим «специалистом» оказался бывший начальник Управления информации КГБ СССР генерал Константин Мацокин, взявшийся за меня так, что на пару минут я вновь почувствовал себя в своем собственном прошлом, в «уютных стенах» следственного отдела ленинградского Большого дома на Литейном проспекте, 4 — «альма-матер» некоторых президентов и их полномочных представителей.

— Кто такой Сунцов? — наседали на меня генерал.— Почему на волнах «Свободы» он на все лады расписывает ядерные секреты страны?

— Какие еще секреты? — Я попытался отбиться от «наезда».

Бац! На стол легла распечатка радиоперехвата спец-передачи по ядерному планированию и нейтронным зарядам. Тут уж набычился я, обратив внимание Константина Мацокина, что Николай Николаевич пишет только об истории создания ядерных зарядов третьего поколения и об общей, прекрасно известной из учебников физики технологии действия таких изделий. Уж простите, наверное, все образованные люди в России знают, чем отличается принцип действия нейтронного заряда, скажем, от того, в котором в качестве основного элемента, например, применяется изотоп кобальта или от заряда с повышенным выходом гамма-излучения...

— Оставим физику...

— А вот что касается возможности применения «чистых зарядов» в зоне боевых действий, например, в таджикско-афганском конфликте, в случае его разрастания на территорию уже непосредственно самой России (я же фантазировал) или, допустим, в случае агрессии со стороны блока НАТО (это я тоже фантазировал), то это уже мои собственные слова, а вот этот абзац, заметьте, принадлежит вашему непосредственному начальнику — В. Л.,— на одном дыхании я закончил фразу.

— Хорошо. Убедили. Пусть Сунцов продолжает с вами сотрудничать. А что вы, Валерий Николаевич, скажете вот об этом?

На стол плюхнулась еще одна распечатка радиоперехвата, в которой я узрел знакомую фамилию внезапно и тяжело занемогшего Миши Елистратова.

— Что скажу? Офицер запаса — подполковник. Закончил Военный институт иностранных языков и Военную академию имени Фрунзе. Служил по советнической линии в Африке и в разведуправлении ЛенВО. Вот и все, что я знаю. А в чем, собственно, дело?

— Валерий Николаевич, вы же умный человек... Или начальник Военной академии Генштаба (черт возьми, он и об этом знает, обложили со всех сторон) дал несколько завышенную оценку вашим способностям: военного аналитика? Это не уровень подполковника — выпускника Военной академии имени Фрунзе...

— Вы уж извините меня, господин, или лучше постарому, товарищ генерал,— перебил я Мацокина,— ни академии Генштаба, ни академии имени Фрунзе, ни даже общевойскового командного училища я сам все-таки не заканчивал. Откуда мне знать и как определить — уровень это или не уровень? Пишет Елистратов довольно интересно. Материалы сугубо профессиональные, никакой политики, только военная тематика: строительство ВС, тактика и стратегия, доктринальные вопросы, наконец, оперативное искусство. Что в этом плохого и какой вред в этом для Вооруженных Сил России, если я, простите за наивность, своей радиопрограммой пытаюсь хоть как-то противостоять тому, что еще с горбачевских времен стало «генеральной линией оплевывания армии» в отечественных средствах массовой информации? В конце концов недалек час, когда «американские начальнички» меня за это и попрут со «Свободы»...

— Вы никогда не доставляли себе труда сравнить стиль его ранних материалов и вот этих? — прервал мою тираду генерал Мацокин

Тут я начал прикидывать, что, может быть, вышла непонятка с Андреем Каргановым, материалы которого от своего имени Елистратов давал в эфир, однако после октября 93-го тот тоже уволился в запас. Я быстро пролистал распечатку, там были только скрипты лета — осени 93-го, о которых я имел предварительную договоренность

е их автором. Закончив просматривать дайджест, я спросил уже прямо:

— Что, Елистратова подозревают в утечке информации или в шпионаже? Помнится, министр обороны Белоруссии и первый заместитель российского министра обороны тоже как-то зачислили меня в разряд оных: Козловский — в разведслужбы Пентагона, а Кокошин — в ЦРУ. К кому причисляете меня вы? К немецкой БНД или, может, «Моссаду»?

— Не острите, Валерий Николаевич, к вам лично претензий у нас нет, особенно учитывая отношение к вам непосредственного начальства, которое хорошо и давно вас знает. Речь о вашем конкретном авторе. Он использует источники, выходящие за рамки его уровня образования и компетенции как военного профессионала. С этим мы и должны разобраться.

Примечательно, что ни полковник Генштаба Валерий Чебан, ни другие мои авторы в данном «черном списке» вообще не фигурировали, а недоразумение с профессором Сунцовым я благополучно уладил.

Закончив «разборку», генерал Мацокин поспешил было откланяться, но не тут-то было. Я уже заработал «кнут». Как теперь насчет «пряника»? Пришлось генералу на полчаса подзадержаться и как ответственному за информационную и прочую безопасность официальному лицу секретариата СБ ответить на задаваемые мною вопросы, в том числе и по ядерной доктрине. Расстались мы вполне довольные друг другом. Более того, Мацокин при нашей следующей встрече намеренно подсказал мне ряд тем по насущным для России вопросам в области безопасности и то, в каком ключе тематику эту нужно будет отобразить. Я, конечно, принял «казак».

В этот раз в Минобороны России я вообще не обращался ни с какими просьбами, ограничившись Штабом КВС СНГ, где меня всегда были рады видеть. Первым в коридорах штаба я перехватил почему-то высленного Грачевым с Нового Арбата на Ленинградский проспект генерала армии Константина Кобеца, напросился по старой памяти к нему в кабинет и подвел под интервью. Однако и здесь тема октября оказалась табу. Правда, полковник Серафим Юшков подробно рассказал мне о провокации, устроенной у КПП штаба Тереховым.

В следующий мой визит он предложил мне провести беседу с бывшим министром обороны Таджикистана ге-

нералом Фаррухом Ниязовым. Я немедля дал согласие, и вот мы уже в кабинете генерала, который оказался приятным человеком, в свою очередь обнаружившим, что и собеседник знает Восток и не путается в разнице между «юрчеками» и «вовчеками».

От генерала Ниязова я узнал, что неподалеку от штаба, на «Войковской», находится ресторан «Таджикистан» с прекрасной памирской кухней, и пообещал посетить это заведение, что и сделал на следующий же день. Ресторан действительно оказался выше всяких похвал, особенно после моей невзначай оброненной фразы о том, кто мне его порекомендовал. Иншалла! Воистину велика и неисчерпаема мудрость Востока, как и его щедрость.

В штабе КВС я взял еще два интервью — у генерала Леонида Ивашова и контр-адмирала Александра Мочайкина. С ними я мог позволить себе и выпить в располагающей к тому обстановке и в свободное от службы время. Начальник штаба Виктор Самсонов не возражал, если это происходило в неслужебное время, а я, если помните, дал ему твердое обещание не спаивать офицеров, находящихся на службе. Еще в те дни я познакомился и поговорил в неформальной обстановке с начальником разведуправления штаба генерал-майором Владимиром Козловым. Мой старый знакомый генерал-полковник Борис Пьянков в структурах штаба уже больше не числился, после командования миротворческими силами (201-я МСД ВС России) в Таджикистане его уволили в запас. Серафим Юшков, когда в очередной раз мы пришли к нему с полковником Чебаном, представил меня сидевшему у него в кабинете средних лет мужчине в гражданском. Так в мою жизнь вошел еще один очень близкий мне теперь человек — Валерий Викторович Борисенко, в прошлом выпускник «Рязанки», полковник Воздушно-десантных войск. Он тоже дал согласие писать для программы «Сигнал», и без его участия «чеченские выпуски» 95-го просто никогда не смогли бы выйти в эфир, а я сам никогда бы не познакомился с еще одним теперь тоже очень близким и дорогим мне человеком — одним из сыновей дяди Васи, Героем России, полковником Александром Маргеловым.

Когда в кабинете мы остались только вчетвером, я опрокинул в себя стакан и, собравшись с духом, коротко рассказал о моем недавнем «приключении» в секретариате СБ. Мужики понимающе кивнули. Валера Чебан пообещал прислушаться к материалам Елистратова и как

генштабовский специалист и военный ученый попытаться понять, в чем проблема. В Службе внешней разведки я мирно пообщался с полковником Кобаладзе, который в этот раз вручил мне распечатки двух открытых доктринальных документов, подготовленных пресс-бюро СВР. Тогда же я увидел в стенах особняка в Колпачном переулке (на сегодняшний день у пресс-бюро СВР уже другой адрес) легенду советской разведки, бывшего начальника Управления «С» (нелегальная разведка) генерала Вадима Кирпиченко, фактически спасшего дипломатическое лицо Советского Союза во время далеко не бархатного «развода» в 60-е годы с египетским президентом Камаль-Абдул «на всех Насером». К сожалению, пообщаться с генералом Кирпиченко мне не удалось.

В один из декабрьских дней мы с Игорем Морозовым выбрались «в люди», посетив уютный шалман в ЦДЛ и Студию военных писателей. Виктор Верстаков познакомил меня со своими коллегами и с зашедшим «на огонек» Иваном Фотиевичем Стаднюком. Почти весь вечер я не отходил от Ивана Стаднюка. Мы договорились, что в следующий приезд я сделаю с ним интервью для РС (меня особенно интересовали не только его разговоры со Сталиным, но и дружба с другим Иваном — Кожедубом). Стаднюк не возражал, но заметил, что на «Свободе» его считают «сталинистом».

— Знаете, Иван Фотиевич, я — не вся остальная «Свобода», да и в конце концов некоторым сионистам на РС не мешало бы вспомнить слова их любимого «папашки» Черчилля о том, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой.

— Да, я с вами согласен, вместо того чтобы разобрататься по-человечески, с ним после смерти поступили по-свински, как будто своей стране и народу он принес только зло. Я ведь разговаривал с Иосифом Виссарионовичем, вы, наверное, читали...

Я утвердительно кивнул, не забывая при этом наполнить стаканы. Звякнув посудой, мы выпили. К сожалению, моим надеждам провести интервью с одним из любимых и уважаемых мною русских писателей не суждено было сбыться. Иван Стаднюк скоропостижно скончался после распоряжения МО РФ о закрытии Студии военных писателей и отказа министра Грачева принять его. Витя Верстаков подготовил к кончине Ивана Фотиевича материал,

который у меня буквально «вырвала из рук» и дала в своей программе по национальным вопросам Елена Коломийченко — для нее он был уважаемым украинским писателем. Вот только для министра обороны Грачева Иван Стаднюк оказался «назойливым стариком», от которого тот попросту отмахнулся.

В МБ РФ после отставки и посадки на нары «Матросской тишины» бывшего министра безопасности Виктора Баранникова тоже произошли коренные изменения. Госбезопасность снова стала аббревиатурой из трех букв — ФСК. Александра Ивановича Гурова из органов окончательно уволили в запас, и теперь он мог спокойно садиться за машинку и писать свою «Красную мафию» и «Красную ртуть», равно как и материалы для «Сигнала», что и было нами официально оформлено. А я наконец мог решить и вопрос с его авторскими гонорарами, которых скопилось уже предостаточно. Генерал-майор Алексей Кандауров, которого я навестил на Лубянке, поведал мне, что, по всей видимости, скоро сдаст дела преемнику, которым будет полковник (впоследствии генерал) Александр Михайлов. Его я немного знал как бывшего коллегу Игоря. Однако пока он еще у дел и может организовать для меня интервью с заместителем командующего Пограничными войсками России полковником Федором Ламовым. После беседы я тепло попрощался с Алексеем Петровичем, пожелав ему удачи. Мне этот человек определенно нравился, в том числе и той позицией, которую он занял в памятном октябре. Я ведь звонил ему тогда из Мюнхена, и мы говорили по телефону.

Что ж, еще пара дней, мы с братом отпразднуем «день без отметки на календаре», и я возвращусь в Мюнхен. В вечер перед отлетом мы с Серегой Шавровым заглянули домой к Игорю, и я еще раз вернулся к вопросу о Мише Елистратове. Игорь тоже дал мне понять, что разговор этот со мной затеяли неспроста, обещал послушать пару материалов и прикинуть, что же в них могло насторожить генерала Мацокина, которого он хорошо знал еще по службе в органах госбезопасности СССР, заодно пообещав решить и вопрос с фактически подаренной Елистратову тачкой.

— Ты извини, братан, если бы ты привез в Москву иномарку, вышел на улицу и спросил: «Кто согласен пока-

тать меня на ней пару месяцев, тот ее потом навсегда и получит», — то очередь желающих была бы побольше, чем к Ильичу. Вот хотя бы Серега...

— Это-то я понимаю, — протянул я, впрочем, без особой надежды в голосе, — но кто ж знал, что все так обернется?

— Ладно, к следующему твоему прилету постараемся решить и этот вопрос. А так, в общем, мой тебе совет профессионала КГБ: от Елистратова пора избавляться. Дыма без огня не бывает. Но пока держись с ним как ни в чем не бывало, не подавай виду, что что-то знаешь, — напутствовал Игорь.

— Есть, брат!

— Удачи!

Мы попрощались, и утром следующего дня я в первый раз в одиночестве (провожающие отсутствовали — Серега был на дежурстве, а водила из МАДИ, Александр, выгрузив меня, тут же уехал) мерил шагами зал шереметьевского аэропорта, ожидая посадку на франкфуртский рейс. До Нового, 94-го года оставалась всего несколько дней, а я так ни разу почему-то и не смог встретить Новый год в России.

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

В приложении к настоящей главе, я приведу тексты пяти песен Игоря Морозова, которые, на мой взгляд, наиболее ярко отображают широту его поэтического таланта. Навевающий грусть рассказ о короткой встрече с когда-то в довоенном прошлом любимой женщиной. Пронзительный по своему душевному проникновению крик памяти — «Полуночный тост». Игорь Морозов — действительно русский Киплинг. У кого еще есть сомнения, пусть внимательно вчитается в строки песни «Ты по кромке ледника...». У Игоря есть и невоенные песни. Одна из них посвящена «малой родине» брата. А последняя из представленных в приложении песен относится уже к шуточному жанру. Она написана после Афганистана, в первые месяцы чеченской войны 95-го. Называется песня «Баллада о королевской блохе». Исполняется она на всем известный мотив, а посвящается Паше — человеку и «мерседесу».

Здравствуй, это я...

Здравствуй, это я. Прости, без приглашения,
Но сегодня пятое, февраль.
Я пришел тебя поздравить с днем рождения
Что? Давно не празднуешь? А жаль.

Постоим немного у дверей,
Я лишь на минуточку, прости.
Так бывает в жизни у людей —
Вновь пересекаются пути.

Дай я загляну в твои глаза.
Помнишь, я когда-то в них тонул?
Помнишь, как однажды нам разлуку нагадал
Авиабилет Москва — Кабул?

Сколько зим и сколько долгих лет,
Если год за три пересчитать.
Я не упрекаю. Что ты! Нет!
Не имею права упрекать.

Как живешь? Надеюсь, все в порядке?
Замужем! Писали мне друзья.
Помнишь, как однажды в нашем парке,
Прятались под кленом от дождя?

Я запомнил вкус того дождя
На губах испуганных твоих.
Не смотри тревожно на меня.
Я от этих губ почти отвык.

Очень изменился? Что же, может быть.
Старит нас чужая сторона.
Там живут, не прячась от судьбы,
Потому до срока седина.

Что тебе расскажешь о войне?
Да надо ли рассказывать сейчас?
В следующий раз я все скажу тебе,
Если будет следующий раз.

Счастлива ли ты? Вопрос из киноленты,
Где героев сводит «хэппи энд».
Так в кино, а в жизни — проездные документы.
Снова на Кабул через Ташкент.

Вон гудит таксист, не может больше ждать.
Видно, мало дал ему на чай.
Вот и все. Меня не надо провожать.
Я пошел. Будь счастлива! Прощай!

Полуночный тост

Я поднимаю тост за друга старого,
С которым вместе шел через войну.
Земля дымилась, плавилась пожарами,
А мы мечтали слушать тишину.

Я поднимаю тост за друга верного,
Сурового собрата моего,
Я б не вернулся с той войны, наверное,
Когда бы рядом не было его.

Последние патроны, сигареты ли
Мы поровну делили, пополам.
Одною плащ-палаткою согретые,
Мы спали — и Россия снилась нам.

И сколько бы мне жизни ни отпущено,
Куда бы ни забросила судьба, .
Я помню, как однажды друга лучшего,
Свела со мной афганская тропа.

На старой фотографии любительской,
Еще после атаки не остыв,
Стоим мы, два десантника из «витебской»,
Устало улыбаясь в объектив.

И я смотрю на эту память прошлую,
Свеча горит, и тает стеарин.
Мы в день последний верили с Алешкою.
Тот день пришел... Я праздную один.

А за окном ночная тьма колыхается,
Гляжу на фотографию, курю,
И мне охрипший голос друга слышится:
«Живи! А я прикрою, как в бою!»

Рассвет встает над городом пожарищем,
По улицам трамваями звеня.
Я пью вино за старого товарища,
А был бы жив, он выпил за меня.

Ты по кромке ледника...

Ты по кромке ледника шел, как по канату,
Рвали тело на куски скальные клыки.
Разглядеть старался мир в прорезь автомата
И Аллаха самого цапал за грудки.

Зло ты сравнивал с добром на весах Фемиды,
Запах крови раздувал ноздри, как меха.
От романтики дошел до слепой обиды
И у смерти побывал в роли жениха.

Воду пил из арыка пригоршнями полными
И в желтушечном бреду материл весь свет.
И накатывалась грусть ласковыми волнами,
Когда с почтой получал тоненький конверт.

Ты столетья отмерял тропами овечьими.
Ты в обойму загонял сразу тридцать судьб.
В умных книгах назовут буднями разведчика
Этот пройденный тобой невозможный путь.

Ты в миру старался жить, как тебе завещано,
На людскую суету не хотел смотреть.
Но тебя не излечить ни вину, ни женщинам,
Ни работе, ни друзьям боль не одолеть.

Ты по кромке ледника шел, как по канату,
Рвали тело на куски скальные клыки.
Разглядеть старался мир в прорезь автомата
И Аллаха самого цапал за грудки.

Вдоль Осетра-реки

Вдоль Осетра-реки
Камыши, камыши.
И куда ни смотри,
Ни души, ни души.

Поворот-поворот,
Пережат-пережат.
От ворот — до ворот,
Все река да река.

Все куда-то течет,
Сквозь года, сквозь века,

За собою зовет
В облака, в облака.

Поворот-поворот,
Пережат-пережат.
От ворот — до ворот,
Все река да река.

А на том берегу,
Где луга над рекой.
Я когда то в стогу
Целовался с тобой.

И кружил небосвод,
И шумела река.
Поворот-поворот,
Пережат-пережат.

Сколько минуло весен
С далекой поры,
Когда жгли мы на плесе
Ночные костры.

Так к кому же зовет
На свиданье река?
Поворот-поворот,
Пережат-пережат.

Вдоль Осетра-реки
Камыши, камыши.
И куда ни смотри,
Ни души, ни души.

Поворот-поворот,
Пережат-пережат.
От ворот — до ворот,
Все река да река.

Поворот-поворот,
Пережат-пережат.
А до милых ворот,
Все река да река.

Баллада о королевской Блохе

Жил-был король однажды,
Он славный был король,
Всегда страдал от жажды,
Но трезв бывал порой.

А средь его придворных,
При нем Блоха жила,
Министром обороны
И маршалом была.

Блоха была мужчиной,
А это значит «был»,
Король его как сына
Внебрачного любил.

Он был отцом прогресса
Вооруженных Сил,
Любил он «мерседесы»,
А танки не любил.

Еще любил он женщин
Не старше сорока,
Поскольку ствол без трещин
Имел еще пока.

И ставя спорт в начале
Всех воинских наук,
И в волейбольном зале
Один он стоил двух.

И лишь одно желанье
Блохе мешало жить —
Все обмундированье
У войска заменить.

Немедля ни минуты,
К работе привлекли
Двенадцать институтов
И двадцать шесть НИИ.

И вот готова форма
На вражеский манер:
Не то геноссе Борман,
А может, бундесвер.

Образчик формы новой
Напялила Блоха —
Убора головного
Недостаёт пока.

Тогда к себе портного,
Зовет Блоха скорей
И говорит сурово:
«Папаху мне пошей!

Такую, чтоб видали,
Меня издалека
И сразу узнавали
Народы и войска».

Но только дали маху,
Иль так уж довелось,
Баранов на папаху
В столице не нашлось.

Король Блоху, как сына,
Похлопал по плечу,
Мол, я твою кручину
В два счета излечу.

Собрал король министров,
И внутренних и вне,
И прочих организмов,
Что жили в той стране.

И, выпив пива кварту,
Прищурился левый глаз,
Он ткнул бутылкой в карту
И огласил Указ.

Мол, правит в регионе,
Что я вам указал,
Погрязший в беззаконье,
Мятежный генерал.

Ни нефти, ни баранов
Короне не дает,
И на мои карманы
Предательски плюет.

Мятежную столицу
Извольте разорить,
И моему любимцу
Каракуля добыть.

Взлетели самолеть,
И танки поползли,
И двинулась пехота
На краешек земли.

Долбили, как придется,
И с неба, и в упор,
Господь, мол, разберется,
Кто вор, а кто не вор.

И длится эта драка,
И дням потерян счет,
Но меха на папаху
Не добыто еще.

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

В приложении к настоящей главе я хочу предложить вниманию читателя поэму полковника Виктора Верстакова «Прощайте, генерал». Две октябрьские 93-го года песни Виктора Глебовича. Песню «Война становится привычкой», написанную на афганской войне, еще одну песню, написанную совсем недавно и посвященную живым и павшим бойцам 345-го Баграмского ОПДП, а также шуточную — «Краткий курс новейшей истории Афганистана».

Виктор Верстаков

Прощайте, генерал!

Прощайте, генерал, мы не были друзьями,
Однажды сведены давнишнею войной,
Среди афганских гор, в заснеженном Баграме,
Где громче дизелей выл ветер ледяной.

Я прилетел тогда издалека-далёка —
Вы помните второй несчастный батальон?
Я приходил в себя, я выходил из шока,
Еще не разобрав, где явь была, где сон.

Подбитый вертолет, пике на пулеметы,
Демидов, Маковей, фугасы, трассера,
Отчаянный десант родной девятой роты,
Посадка без колес, палатка, медсестра.

Но дело не во мне, я даже не был ранен,
Был просто потрясен и шоком свален с ног,
Ведь я же их любил, погибших в Бамиане,
Я видел, как их бьют,— и не помог, не смог.

Потом ночной полет сюда, в Баграм, на базу,
Где старые друзья, где новый командир,
Где не знавали мы ни сглаза, ни указа,
В молчании сходясь на поминальный пир.

Короткие тосты, проглоченные слезы,
Тушенка, хлеб, и спирт, и курица с «травой»,
Рисунок по стене — зеленые березы,
И память, и надрыв, и радость, что живой.

Вы, кажется, клялись врагам устроить «баню»,
Взять их укрепрайон и выжечь из пещер,
Вы были новичком тогда в Афганистане,
Еще не боевой, но русский офицер.

Я утром улетел в Кабул попутным «Илом»,
Оттуда — на Шиндант и по земле — в Союз,
И все же ни на миг душа не позабыла
Баграмское тепло товарищеских уз.

Вы прослужили там без малого два года,
И старые друзья рассказывали мне,
Вы были неплохой десантный воевода,
Уклончивый в штабах и резкий на войне.

Вы, правда, отомстить за павших не сумели,
В чем вас и не виню, вам было недосуг,
В те первые свои командные недели,
Когда под свистом пуль все валится из рук.

Потом опять Афган, на должности комдива,
Я видел вас тогда, но лишь издалека,
Вы были, может быть, немного суетливы,
Сажая в самолет комиссию ЦК.

Не насмехаюсь. Нет. Вы делали карьеру.
Вы сделали ее по праву, генерал,
Вы были боевым советским офицером,
И я гордился тем, что вас когда-то знал.

В 91-й год, в то проклятое лето,
Вы брали Белый дом — и не рискнули взять,
Присяге изменив, я еле верил в это,
Хотя и понимал — устали воевать.

Я знаю, что не вы задумали измену,
Что дело погубил ваш зам по боевой,
Что Болградский десант призвали вы на сцену,
Где нужно рисковать сраженьем под Москвой.

Не знаю ваших мук, душевного разлада,
А может быть, и слез о гибнущей стране,
Возможно, вы всерьез решили, что не надо
Оружье поднимать на внутренней войне.

Вам дали высший пост, и почести, и славу,
Отняв свободу рук и ограничив власть,
Вы запили в те дни, но пили за державу,
Готовы устоять с ней вместе или пасть.

Не доверяли вам ни справа и ни слева,
Печатные тайком то льстили, то кляли,
И вы уже порой не сдерживали гнева,
Сжигая за собой мосты и корабли.

В 93-й год, в ту проклятую осень,
Опять на Белый дом судьба швырнула вас,
И, не найдя моста, на роковом откосе
Сползая по крови, вы отдали приказ.

Стал черным Белый дом, и души почернели
У всех, кого приказ повел в неправый бой,
Я помню, как в тот день вы на огонь глядели,
Я вам желал, чтоб вы покончили с собой.

Прощайте, генерал, мне говорят — вы живы,
Прощайте, генерал, я с вами был знаком,
Когда в Баграме вы, по-воински красивый,
Служили во плоти, командуя полком.

Небольшое послесловие к поэме «Прощайте, генерал!»

7 мая 1995 года я был приглашен в Академию бронетанковых войск на празднование 50-летнего юбилея командира Баграмского 345-го отдельного парашютно-десантного полка генерал-майора запаса Николая Ивановича Сердюкова. Там находился и Виктор Верстаков, и многие его друзья по Баграму — сам Сердюков, Демидов, Маковей, Хромов, Ким. На банкете в честь юбиляра отсутствовали только двое бывших и на тот момент пребывавших в добром здравии офицеров 345-го — Павел Грачев и его бывший зам по боевой, теперь уже покойный Александр Лебедь. Естественно, что разговор у нас зашел и о Павле Сергеевиче. Я помню, как генерал Сердюков в сердцах воскликнул: «Но ведь он же русский мужик, русский офицер! Как он мог?» Что можно было бы ответить на этот вопрос? Думаю, что тот, кто в новогоднюю ночь 95-го в Моздокской баньке позволял некоторым из своих

холуев-генералов, присутствовавшим на праздновании дня рождения «лучшего министра обороны», поднимать тосты «за победу Сухопутных войск и за разгром ВДВ», когда в Грозном гибли целые полки и бригады, не был уже ни русским мужиком, ни тем более русским офицером. Прощайте, генерал! Я тоже когда-то был знаком с вами. Понять и простить октябрьский Белый дом я, может, еще и смог бы (все-таки политика), но гибель брошенных вами в Чечне русских парней — никогда.

Обнимись с друзьями боевыми

Обнимись с друзьями боевыми,
Фронтовик поймет фронтовика,
Мы с тобой остались рядовыми
345-го полка.

Как мы были молоды в Баграме,
Как свистели пули у виска,
Как сверкало пламя, словно знамя,
345-го полка.

От Саланга и до Бамиана,
Лезли мы по тропам в облака,
Сквозь рассветы, алые, как раны,
345-го полка.

Павшие поймут однополчане,
Мы сегодня выпили слегка,
Слишком много горя за плечами
345-го полка.

Ну а те, кто предали нас ныне,
Нас и все десантные войска,
Мы их не простим уже во имя
345-го полка.

Воевали в дальних заграницах,
И в Москву войдем наверняка
Как в освобожденную столицу
345-го полка.

В русскую, советскую столицу
345-го полка.

Свои своих из-под брони косили...

Свои своих из-под брони косили,
Не хочется ни верить, ни служить,
И все же без Москвы жила Россия,
Без Армии России не прожить.

Виновные ответят поименно
За пулеметно-пушечный расстрел,
Но наши офицерские погоны
Господь еще снимать нам не велел.

Грешны перед народом и державой,
Пред верой и пред совестью грешны,
И все-таки мы не имеем права
Уйти до окончания войны.

И пусть неувыдаемым позором
«Придворные» овеялись полки,
Есть в Армии законы, по которым,
Грехи смывают сами штрафники.

Отныне не кричать: «Москва за нами!»
Но, стиснув зубы, верить под огнем,
Что русское простреленное знамя
Мы все-таки поднимем над Кремлем.

Нас опять предадут...

Нас опять предадут и подставят под русские пули,
Вас опять предадут и заставят стрелять по своим,
Мы встречались как братья в Берлине, в Гаване, в Кабуле,
А недавно в Москве расстреляли друг друга сквозь дым.

Виноваты ли вы, виноваты ли мы — я не знаю,
Выполняли приказы, себя не жалели в бою,
Мы по жизни идем, как идут по переднему краю,
Мы стоим за Россию, и значит, стоим на краю.

Рвем погоны с плеча, поднимаем к виску пистолеты,
Но куда нам уйти от армейской несчастной судьбы?
Остаемся в строю, чтобы Русь отыскала ответы,
Примеря знамена на ваши и наши гробы.

Нас опять предадут и подставят под русские пули,
Вас опять предадут и заставят стрелять по своим,
Мы встречались как братья в Берлине, в Ханое, в Кабуле,
А в Москве, в октябре, расстреляли друг друга сквозь дым.

Война становится привычкой...

Война становится привычкой,
Опять по кружкам спирт разлит,
Опять хохочет медсестричка,
И режет сало замполит.

А над палаточным брезентом
Свистят то ветры, то свинец.
Жизнь, словно кадры киноленты,
Дала картинку наконец.

О чем задумался начштаба,
Какие въявь увидел сны?
Откуда спирт, откуда баба?
Спроси об этом у войны.

А хорошо сестра хохочет
От медицинского вина!
Она любви давно не хочет —
Ей в душу глянула война.

Эй, замполит, плесни по малой,
Теперь за Родину пора!
Нам не спуститься с перевала.
Который взяли мы вчера.

Война становится привычкой,
Опять по кружкам спирт разлит,
Опять хохочет медсестричка,
И режет сало замполит.

Краткий курс Новейшей истории Афганистана

Безусловно дали маху
Мы десяток лет назад,
Называя Захир-шаха,
И «высочество», и «брат».

Мы ему завод-плотину,
Мы даем ему угля,
Да, любили мы скотину
Захир-шаха, короля.

До зубов вооружили,
Утопи его Харон,
А вообще — неплохо жили
С этим самым Захером.

И, целуясь с господами,
Тот, кто нынче выше всех,
Заложил кирпич-фундамент
Под Кабульский политех.

Но история, как средство,
Повесомей кирпича,
Где Захир, где королевство?
Только камень Ильича.

Началась другая эра.
Там, конечно, а не тут,
Мы приветствуем премьера
По фамилии Дауд.

Сразу помощь предложили
И деньгами, и трудом,
Как с товарищем зажали
С этим самым Даудом.

Только снова дали маху,
Сей революционер,
Оказался братом шаха
И агентом ФБР.

Был он подлым и двуличным,
А его же, как на грех,
Целовал у трапа лично
Тот, кто нынче выше всех.

Но пришел конец Иуде —
Там, конечно, а не здесь,
Вышли танки при Дауде,
Нет Дауда — танки есть.

И хотя мы рановато
Взяли принца на штыки,
Но целуем, словно брата,
Нура Мура Тараки.

Правда, дружит с Пакистаном,
Книги пишет, грамотей,
Из казны, как из кармана,
Много хапнул на детей.

И партийные разлады
Непутево примирял,
Расстрелял, кого не надо,
Кого надо — не стрелял.

Мы идейно с ним дружили,
Но готовили полки,
А вообще — неплохо жили
С Нуром Муром Тараки.

Дали орден, дали займы,
И командовал сквозь смех:
«Вира, Нур, мол!» или «майна»!
Тот, кто нынче выше всех.

Но, кроме СССРа,
Был у Нура друг один,
Мы приветствуем премьера
По фамилии Амин.

Задушил подлец подушкой
Своего лучшего дружка,
И зарыл Тарачью тушку
Средь афганского песка.

Мы, конечно, телеграмму,
Мол, Амин Хафизулла,
Мы не знаем вашей драмы
И у вас свои дела.

Но, согласно узам дружбы,
Можем денег предложить,
И военного оружия,
Чтоб тебе спокойней жить.

В общем, жили мы неплохо
И с Амином до конца,
Расстреляв его со вздохом
Посередь его дворца.

Сразу радио врубили,
Мол, афганская земля,
Про тебя мы не забыли,
На Бабрака Кармаля!

Правда, он буржуй прожженный,
Парчамист и пустобрех,
Но ведь рукоположенный,
Тем, кто нынче выше всех.

Под надежную охраной
Посадили во дворце,
Где сидел он вечно пьяный,
С важной думой на лице.

Окрестили его Колей,
По фамилии Бобров,
Войск прислали, чтобы вволю.
Наломал в Афгане дров.

Но другой, кто был всех выше,
В нашей собственной стране,
Весь, как говорится, вышел,
И в Кремлевской лег стене.

Мы порадовались с виду,
Но задумались слегка,
Может быть, без Леонида,
Здесь не надо Бабрака?

Долго думали, однако,
Во все стороны паля,
За Боброва, за Бабрака,
За Колюху — Кармаля.

Да к тому же пересменка
Началась в родной земле,
То Андропов, то Черненко,
То «Пятно» сидит в Кремле.

Мы для каждой той заразы
Здесь ломали кучи дров,
Дождаясь приказа,
Он пришел. Прощай, Бобров!

Без подушки и без пули
Тихо сделали дела.
Глядь — уже сидит в Кабуле
Особист Наджибулла.

Правда, в университете
Он учился на врача,
И людей на белом свете,
Часто резал сгоряча.

Возглавляя орган ХАДа
(Это ихний Комитет),
Кого надо и не надо —
Всех отправил на тот свет.

В остальном нормальный малый.
Мы с ним многое смогли б,
Да в Кремле «Пятно» восстало:
До свидания, Наджиб!

Отоварили «чекушки»
И «афгашки», кто имел,
В Хайратоне или в Кушке
Очутившись не у дел.

В общем, вышли из Афгана,
Раз приказ дурацкий дан,
Мол, зачем другие страны,
Дома будет вам Афган.

И живем отлично, что ты,
Мы опять в родной стране,
И трещим из пулеметов
На гражданской на войне.

Веселятся демократы,
Президент кричит «ура!».
А по-моему, ребята,
«Шахануть» их всех пора.

Необходимое пояснение к «Краткому курсу»

Этот вариант песни — второй, написанный, а точнее, дописанный автором уже после вывода советских войск из Афганистана. Начальный же ее вариант фактически был создан по горячим следам 40-й армии, ибо полковник Виктор Верстаков оказался первым военным журналистом, спецкорреспондентом «Правды», прилетевшим в январский Кабул 80-го года. В первоначальном варианте «Краткого курса», после строфы «Правда, он буржуй прожженный», была такая концовка:

И живем отлично, что ты,
Мы с афганцами с тех пор,
Мы их лупим с вертолетов,
А они нас лупят с гор.

Не дадим отныне маху,
Только грустно, черт возьми,
Что какого-нибудь «Шаха»,
Нет меж нашими людьми.

Согласитесь, чтобы написать такие строки в начале 80-х, еще при жизни Леонида Ильича, нужно было обладать известной долей гражданского мужества. До сих пор удивляюсь, как Виктору Глебовичу удалось сохранить офицерское звание и партийный билет, а главное, не оказаться моим соседом по нарам. Он и сам удивляется этому не меньше меня. Я почти сразу выучил «Краткий курс» наизусть. И даже теперь, как и тогда, в начале 90-х, когда какой-нибудь запыленный от долгого хранения «бывший советский диссидент» либо же здешний, западный, так сказать, «борец за права человека» пытается рассказать мне о том, как он протестовал против советского вторжения в Афганистан, я быстро обрываю его фразой о том, что уже хорошо знаком с «Кратким курсом новейшей истории Афганистана». А что до протестов... Вы, кажется, протестовали против советского вторжения в эту страну? Ага, значит, любите протестовать! Так, черт побери, протестуйте теперь против американского вторжения! Мы Афганистан тогда потеряли, а вы его теперь, похоже, нашли. Как это там, поговаривают, было написано на воротах вашего любимого концлагеря Дахау? «Каждому — свое»?

Глава 9

ET CETERA...

ВЕРХНЯЯ ВОЛЬТА С ЯДЕРНОЙ ДУБИНКОЙ

«Верхняя Вольта с ядерной дубинкой» — помнится, однажды именно такими словами охарактеризовал Россию один из подвизавшихся в Исследовательском отделе РС американских вояк, полковник Кларк. Думаю, что сей отставной офицер ВВС выражал не только свое личное мнение, но и мнение военного истеблишмента США, к которому принадлежал. «Vox populi...», если прибегнуть к известному римскому афоризму.

Еще в бытность существования РС на территории Германии я задумался над одним интересным вопросом: почему США с такой настойчивостью предлагали и предлагают ядерное разоружение именно Советскому Союзу и России, а не Китаю, например, или Франции? Хорошо, пусть Франция на сегодняшний день — партнер США по блоку НАТО, но ведь и Россия с официальным окончанием холодной войны, по крайней мере на словах, больше не рассматривается США как «вероятный противник». В отношении же Китая такого политического потепления не наблюдалось, тем более что США подозревали и подозревают Китай в передаче ракетно-ядерных технологий Северной Корее. Однако Китаю никто не предлагал разоружаться, равно как администрация США не особенно выражала беспокойство и по поводу так называемых аутсайдеров «ядерного клуба», таких, как Пакистан, Индия, Израиль, Южная Африка — стран, в той или иной степени находящихся в сфере американского влияния. Зато в адрес Ирана и Северной Кореи, не имея стопроцентной информации о наличии у этих стран достаточного количества расщепляющихся материалов, необходимых для создания даже самого примитивного «изделия», США

развязали беспрецедентную пропагандистскую кампанию, а в отношении Ирака не гнушались подкреплять свою пропаганду и бомбово-штурмовыми ударами.

Если внимательно проанализировать всю писанину американских военных аналитиков за десятилетний период, то в редких из них источником угрозы расползания ядерных материалов не называлась Россия. Исполдволь подсказывался и выход — взятие ядерных арсеналов России под так называемый международный контроль (читай «под контроль США»). Если помните, российский парламент долгое время сопротивлялся ратификации подписанного еще Горбачевым и Рейганом очередного разоруженческого договора, который, правда, ратифицировали уже в бытность президентом господина Путина. Договор этот даже при самом беглом ознакомлении явно не в пользу России. Уже после моего знакомства с одним из разработчиков советского ядерного оружия Николаем Сунцовым я как-то поделился с ним этими вышеперечисленными соображениями.

К моему удивлению, оказалось, что интуитивно я был недалек от истины. Профессор Сунцов подготовил для программы «Сигнал» несколько материалов по ядерному разоружению и по политике США в отношении российского ядерного оружия.

Во-первых, утверждения американцев о ненадежности охраны мест складирования ядерных боеприпасов оказались чистой воды пропагандой. Получалось, что гораздо проще умыкнуть ядерный заряд в самих США, нежели в России.

Во-вторых, навязанная американцами еще СССР концепция ограничения и сокращения ядерных вооружений склоняла чашу весов паритета не в пользу Советского Союза, особенно в области тактических зарядов, попутно накладывая финансовое бремя по их хранению и утилизации. США и здесь предложили свое участие в виде финансовой помощи. Почему? Все очень просто, по словам Сунцова. США заинтересованы в доступе к дешевому источнику обогащенного урана и оружейного плутония. В некоторых публикациях называлась даже цифра в 20 миллиардов долларов, которые по частям ежегодно-де выделяют России на утилизацию сокращаемых ею ядерных арсеналов. Не знаю уж, в чьих карманах оседают эти деньги, но даже если США и выделяют вышеуказанную

сумму (при их-то собственном бюджетном дефиците), то, разумеется, небезвозмездно, забирая себе определенное количество российских расщепляющихся материалов. Ведь не секрет, что США, используя обогащенный уран в обычных типах вооружений, испытывают определенную нехватку данного вида сырья. Примечательно и то, что на «свободной» американской «Свободе» эти заметки Сунцова подверглись цензурным купюрам, а два материала — один по ядерному паритету России и США, а второй по использованию обогащенного урана в обычных типах вооружений — вообще не пошли в эфир по политическим соображениям.

Недавний визит «техасского ковбоя» в Москву, закончившийся подписанием «протокола о намерениях» по дальнейшему сокращению ядерных арсеналов России и США, вновь заставил призадуматься над вопросом: а почему бы это Микки-Маусу не отправиться с подобным предложением куда-нибудь подальше, например на собственную «фабрику грез», в Голливуд, а еще лучше в своем же «летающем домике», под названием «Airforce One» — да прямиком в «Страну Оз».

Из арсеналов холодной войны был извлечен и набор инсинуаций в адрес России в американских средствах массовой информации. Ну совсем как в «старые добрые времена»! Если судить по всему тому, что американская пропаганда выплеснула в печать, в теле- и радиоэфир, в напутствие и в сопутствие визиту своего президента, то получалось, что прибыл он не в дружественно настроенное государство (в отличие от союзнической Германии — в России против визита Буша-младшего никто на улицах не протестовал, с полицией не дрался и чучело президента огню не предавал), с которым собрался открыть «второй фронт» борьбы с «исламским терроризмом», а в совершенно враждебную страну, которая спит и видит, как бы этим самым «исламским террористам» подкинуть бомбочку-другую, чтобы грохнули они ее где-нибудь в США или еще лучше в Израиле.

Согласитесь, странная реакция на «дружественный визит», если те же комментаторы CNN называли Россию главным источником распространения «ядерной заразы», а многомудрые американские политические и военные аналитики (почему-то все как один с еврейскими фамилиями) перечисляли ее «ядерных клиентов», начиная от Ира-

на и Северной Кореи и заканчивая чуть ли не ливанской «Хезболлой» и филиппинскими исламистами «Абу Сайафа».

Просто паранойя какая-то — или хорошо разыгранная паранойя, как это ранее уже имело место со спорами сибирской язвы, когда средства массовой информации США тут же обнаружили «источник заразы» — Россию. Потом, правда, выяснилось, что продукт сей — сугубо отечественный и появился на свет в биологических лабораториях Пентагона.

К слову сказать, во время войны в Афганистане спецслужбы США даже щедро поделились спорами сибирской язвы с афганскими душманами как средством ведения бактериологической партизанской войны против «советских оккупантов».

Одним словом, недавний визит президента Соединенных Штатов Диснейленда (это не я придумал, это из обращения Буша-младшего к американскому народу: «Мы все живем в Диснейленде!») в Россию и пропагандистская шумиха вокруг него разбередили память, заставив вновь обратиться к временам, когда автор этих строк и сам был «винтиком» в пропагандистской машине США. Прошли годы, поменялись президенты и в США, и в России, неизменным осталось только одно — американская пропаганда и стиль ее мышления в отношении России.

Вот уж кто действительно заслуживает переходящего звания «Верхней Вольты», будь то с ядерной дубинкой или без таковой, так это сами США и их идеологический аппарат. Может, кого-то громкие слова о дружбе и «единых фронтах борьбы» и могут ввести в заблуждение, но я на собственной шкуре испытал, как американцы любят русских, и, простите, что-то мало верю в искренность «заверений людоеда о пользе вегетарианства» еще с тех самых 90-х годов теперь уже прошлого столетия.

В моих, с позволения сказать, «ядерных исследованиях» был еще один «момент истины», а именно: решение о выводе стратегических ядерных средств с территории военного союзника России — Белоруссии. Если вопрос о перемещении ядерных зарядов с территорий двух других бывших советских республик — Казахстана и Украины — вопросов не вызывал, то в отношении Белоруссии такой шаг был не совсем понятен как с точки зрения военной стратегии, так и здравого смысла. Ведь те же США, например, до сих пор продолжают складировать свое ядер-

ное оружие на территории союзника по НАТО, имеющего безъядерный статус,— Германии. База ВВС США — город Рамштадт. Ну а кроме того, к государству, имеющему даже ограниченный ядерный статус, в мировой политике принято относиться по-иному. С таким государством считаются.

Весной текущего (на тот момент 94-го) года я намеревался поговорить на эту тему с новым председателем Верховного Совета Белоруссии Мечиславом Грибом.

«ДРАНХ НАХ ОСТЕН» ПО-АМЕРИКАНСКИ

В самом начале 94-го года появилась первая, уже достаточно достоверная информация о том, что продвижение «Свободы» на Восток — дело решенное. В какую из отвоеванных у «мирового коммунизма» восточноевропейских столиц переведут флагман американской пропаганды, было еще не ясно. Назывались три точки на карте: Будапешт, Варшава и Прага. Некоторые горячие головы прикидывали возможность и более далекого путешествия — в Анкару, но это казалось нереальным. Скорее всего переселят в Восточную Европу, но мне-то что, в списках кандидатов на этап фамилия Коновалов отсутствует. Было ясно, что я никуда не еду, дожидаясь «конца света» по месту прежнего жительства. Определились и сроки переезда — где то на переломе следующего, 95-го года. Ну что ж, год-полтора еще в запасе, а там видно будет.

Мало-помалу в Баварии наступила очередная весна. Правда, и зима здесь за редким исключением мало чем отличается от весны, но по календарю пора было собираться в дорогу. Прикинув, что со сдвигом на два часовых пояса от Гринвича еще не так тепло, как хотелось бы, я запланировал отвалить на недельку-другую в Белоруссию где-то в конце апреля, в том числе и по своим личным делам, не выпрашивая командировочных благ у директора Гендлера, а за счет собственных средств. Правда, до конца апреля оставалось еще хороших полтора месяца, и надо было работать.

На РС/РСЕ сложилась ситуация, как на тонущем корабле — с одной только разницей, что ручным «свободовским» крысам бежать было некуда, однако и работать они, чувствуя свою обреченность, больше уже не хотели. Прошли сокращения некоторых отделов и перетасовка

кадров. Одним из первых под сокращение попал «Красный архив» Исследовательского отдела РС, в котором я когда-то начинал свою карьеру. Со мною еще оставался работать продюсер программы «Сигнал» Борис Бурштейн (в эфире — Архипов), но с техниками звукозаписи и другим вспомогательным персоналом начались серьезные проблемы: либо их просто не было на рабочем месте, либо они прибегали к тактике «сидячих забастовок». Борьба с этим было бесполезно, разве что расстрелять одного-другого — остальным в назидание. Волей-неволей пришлось самому осваивать технику звукозаписи в студии. В конце концов я превратился в этакого «человека-программу»: сам себе редактор, продюсер, диктор и звукооператор. Оставался еще вопрос распечатки магнитофонных лент, ибо на всю службу этим занималась только взятая сверх штата Маша Карпова. Однако где мытьем, где битьем я решил и эту проблему.

Из Москвы, от Миши Елистратова, я продолжал получать профессионально подготовленные материалы по военному строительству, но, памятуя о проведенной со мною беседе в секретариате СБ, сократил количество его материалов до одного-двух в месяц, сославшись на бюджетные проблемы. Елистратов к этому объяснению отнесся скептически, однако особенно не спорил. Как говорится, «не веришь — прими за сказку».

Постепенно в календарном пасьянсе верхней картой выпало первое апреля. За пару дней до этой знаменательной даты ко мне домой вечером заглянул с бутылкой виски Женя Кушев и предложил пошутить. План шутки был достаточно прост: взять факс с выходными данными военного ведомства России, убрать оригинальный текст и заменить его ультиматумом администрации РС/РСЕ, Совету по международному радиовещанию и Конгрессу США (Кушев вытащил из кармана смятый листок с набросками текста).

Выходка наша, конечно, была хулиганской. На своем «макинтоше» я без особых проблем сварганил требуемую «ксиву», а Женя умудрился пропустить ее через факсимильную связь таким образом, чтобы ни у кого даже сомнения не закралось, что документ сей пришел не из Москвы. В коридорах Русской службы царило смятение. Почему-то никто не смеялся.

— «...и если прекратят выходить в эфир военно-политическое обозрение «Сигнал», «Судьбы Сибири», а также некоторые другие передачи радио «Свобода»,— медленно, почти по слогам, вслух читал Юрий Львович Гендлер, время от времени отрывая мутный взор от листа бумаги и оглядывая свою паству, как бы ища у нее поддержки,— то по некоторым объектам столицы Соединенных Штатов Америки — города Вашингтона — будут нанесены ограниченные ядерные удары...»

— Если они думают, что языком подобных угроз могут чего-то добиться...— перебивая Гендлера, встрял свободовский «пикейный жилет» Сема Мирский.— Откуда это вообще у вас, Юрий Львович?

— Господа, это пришло из Москвы по факсу на официальном бланке Министерства обороны,— промямлил Гендлер,— и я не знаю, кто за этим стоит...

При этих словах мы с Женей Кушевым отвернулись, чтобы скрыть улыбки.

— Старик, это надо немедленно отнести в службу безопасности,— подал идею Мирский,— они нам угрожают ядерным ударом.

Шепнув Кушеву, что, кажется, пора начинать колотиться, я оставил «поле боя» за ним и подошел поближе к Гендлеру.

— Юрий Львович, дайте взглянуть. Говорите, из Министерства обороны? Гм, очень интересно. А вы не обратили внимание на дату, указанную в документе и вообще на то, какой сегодня день в календаре. Это же первоапрельская шутка.

— Шутка?

Казалось, Гендер силится осмыслить нечто, выходящее за пределы его понимания.

— Ты хочешь сказать, что кто-то пошутил...

— Не кто-то, а я,— вставил Кушев,— это я отправил факс.

— Ну, Евгений,— это уже Мирский,— от Коновалова-то понятно, но от вас я этого не ожидал! Вы же гражданин Великобритании!

— А это еще тут при чем?

— Они набрались наглости угрожать Соединенным Штатам ядерным ударом!

— Сема, кто они? Это я отправил факс. Сегодня первое апреля.

— А бланк Министерства обороны у вас откуда? Он настоящий!

Я отошел в сторону, ибо «пикейный» кагал» мог продолжаться до вечера. Да, с юмором у некоторых сотрудников Русской службы РС были явные проблемы. Случай, что ни говори, клинический.

Этак часа через три в коридорах Русской службы снова шум, гам и всемирный потоп, перехлестывающий через Стену плача. Ко мне в кабинет почти что в предынфарктном состоянии вваливается Гендлер:

— Валерий, в Московское бюро на имя Савика Шустера пришел факс... из Министерства обороны (я пользовался бланком Управления информации МО РФ, но бланка канцелярии министра обороны, тем более за его личной подписью, в моем распоряжении не было), и там утверждается, что тебя назначили пресс-секретарем Грачева.

— Ну и что Шустер? — как бы между прочим спросил я.

— Савик вне себя от гнева. Он уже звонил президенту радиостанции Клозу и потребовал, чтобы тебя уволили без выходного пособия, так как ты получаешь зарплату в другом ведомстве, а здесь живешь на американские деньги...

— Юрий Львович, у вас, что, у всех проблемы с юмором? — взорвался я.— Это что — национальная черта? Какой, к черту, пресс-секретарь Грачева? Какая позорная сука гонит это фуфло? Да я этого козла Шустера маму, говоря по-грузински, «могидхан дэгистрах»!

(А про себя я прикидывал, кто в Минобороны России из тех, кого я мог лично знать, решил отмочить такую убийственную шутку над «Шустриком». Не знаю и до сих пор.)

— То есть ты хочешь сказать, что ты к этому непричастен?

— Разумеется, Юра, к этой вашей «хохме» я действительно не имею никакого отношения, но если твой любимый Шустер кого-то так достал в Москве, что его «поздравили» с первым апреля, то, извини, это уже не моя проблема.

Остаток дня Гендлер успокаивал по телефону «разгневанного» Шустера, попутно разбираясь и с президентом РС/РСЕ Клозом, который хоть и не принадлежал к «избранному народу», но юмора тоже был лишен начисто. Я же дал себе зарок: больше ни с кем на радио «Свобода» не шутить. С дураками лучше потерять, чем найти.

Первое апреля подходило к концу, и я порядком уже устал от «шутки», в особенности после нелегкого телефонного разговора с Елистратовым, который опять начал «плакаться в жилетку» и жаловаться на бедность. Посоветовав новоявленному Паниковскому обратиться в Лигу сексуально-финансовых реформ за бесплатным билетом в публичный дом, я отлучился из кабинета буквально на минутку, чтобы взять в «питейном» автомате пластиковый стаканчик с кофе. Вернувшись назад, я застал «идиллическую» картину: мой автор-внештатник Саша Николаев, в прошлом старший и впоследствии беглый офицер ЗГВ, а теперь один из ведущих программистов филиала компании «Майкрософт» в Сиэтле, изображал по телефону особиста. Тоже первоапрельская шутка. И с кем он, думаете, шутил? Конечно же, с Мишей Елистратовым! И самое интересное (селектор был включен, и я мог это слышать) — Елистратов верил, что ему звонят из «конторы», что-то путано объяснял, и было заметно, что ему совсем не до смеха. Почти пинком отогнав Николаева от стола, я взял трубку и как только мог объяснил Мише, что его разыграли. Елистратов сдавлено промывчал что-то по поводу «дураков и их любимого праздника» и бросил трубку. Я же хлобыстнул со зла полный стакан виски и переключился на следующую цель — уже на самого Николаева.

— Ну, товарищ замполит, клубный работник, откуда у тебя такие познания из области контрразведывательной деятельности? Может, ты все-таки чего-то про себя не рассказал?

— Да нет,— Николаев на секунду замялся,— просто самому приходилось иметь с ними дело. Но разговор не об этом. Есть куда более интересные для тебя вещи...

— Что ты имеешь в виду?

— Этот твой Елистратов явно использует закрытые источники информации, и похоже, что контора уже взяла его за «теплое место»,— поведал свои умозаключения Николаев.

— Это я и без тебя знаю. Другой вопрос: а не послать ли мне вас обоих куда подальше, граждане «бывшие защитники Отечества»?

— Меня-то за что? — сразу как-то сник Николаев.

— Например, за то, что многое о себе недоговариваешь, за несанкционированную твоим непосредственным

начальником, то есть мною, самодеятельность с телефонными звонками в Россию, а также чтобы и Елистратову обидно не было. Ну так как? Устраивает такая формулировка? Свободны, товарищ Николаев! Разойдись!

Сразу сникший Николаев бочком выполз из кабинета, а я задумался над тем, что делать дальше. Чертов придурок-замполит своей идиотской шуткой сломал всю мою игру с Елистратовым. Но, видимо, братан Игорь прав: в «карьере» Елистратова на РС пора ставить жирный крест, пока такой же крест мне не поставили в паспорт вместо въездной визы в Россию.

Апрель пролетел незаметно. Билет на самолет уже лежал в кармане, и я зашел к Гендлеру лишь соблюдения формальности ради. Отказавшись от предложенной выпивки, я сообщил начальнику, что завтра отчаливаю на пару недель в Минск — за счет отпуска, если он, конечно, не возражает. Гендлер не только не возражал, но и попросил, чтобы я привез что-нибудь интересное, не хуже памятной беседы с однокашником Ельцина Юрием Сердюковым. Я сообщил, что уже имею предварительную договоренность на интервью с новым председателем Верховного Совета Белоруссии.

— Очень хорошо, старик, я распоряжусь о командировочных и билете...

— Поздно Юра, билет в кармане, улетаю завтра.

— Старик, получишь все задним числом,— заверил Гендлер.— А в Москву ты тоже собираешься?

— Ну не сейчас, летом, наверное, а что?

— Старик, ты можешь всегда рассчитывать на билет, командировочные и даже на служебную квартиру. Поезжай и работай.

Поблагодарив почему-то не в меру щедрого директора, я призадумался. С чего бы это вдруг? Никак поступила команда держать меня подальше от Мюнхена, а может, и провокацию какую готовят? При том бюджете, какой был у РС на 94-й год, такие льготы не полагались даже любимчикам начальства типа Левы «Вротмана» и «людей маленького роста» в лице специалиста «по оральному сексу в русской литературе» Сережи Юрьенена — а тут Коновалову и то, и это, и даже служебную квартиру без всякого на то намека с моей стороны. Да, достало-таки их мое «первое апреля».

ДЕЖА ВЮ: СНОВА В МИНСКЕ...

В эту поездку все было так, если бы кто-то взял и прокрутил киноленту годовой давности: долетели, сели, непродолжительное путешествие на «ласточке» Сереги Зуева от аэропорта к сестричкиной квартире. Стакан-другой за встречу и под ворчание Михаила Федоровича, и я наконец доползаю до спального места.

Тут-то старая «кинолента» и закончилась, дальше — сплошной экспромт.

Звонок в дверь. Открываем. На пороге — моя секретарша Наташа. Немая сцена, — этакий гибрид уже упоминавшейся известной картины Репина с бессмертной комедией Гоголя. Признаться, я совсем забыл, что договорился с Натахой о ее приезде в Минск, когда я и сам буду гостем белорусской столицы. Сестра, понятно, в «восторге» от моей амнезии — «хоть бы предупредил!» — но в конце концов все утрясается.

— Ага, теперь, значит, это называется «секретарша», — многозначительно протягивает Раиса. — А девочка ничего, женился бы ты, дурень.

Пропускаю сказанное мимо ушей. Снова стакан-другой за встречу, за знакомство. Опять звонок в дверь. Кого в этот раз принесли рогатые?

Теперь сцена, как из любимого анекдота Юрия Львовича Гендлера: на пороге стоит еврей! Вася Фрейдкин — мой коллега с радио «Свобода».

— А ты что здесь делаешь?

Оказывается, его услали на месяц в недавно открывшийся корпункт Белорусской редакции. Вася не один. Из-за его плеча выглядывает работающая для РС внештатно минская журналистка Марина Бабкина.

Все, я, кажется, крепко достал сестричку. Пора снимать левую хату и там устраивать приемы, посиделки, полежалки, попойки и прочие «брифинги». Еще по стакану за встречу, за знакомство. Мы договариваемся так, чтобы Вася взял на себя организацию встречи с Мечиславом Грибом, что существенно развязало бы мне руки в работе с военным ведомством Белоруссии.

Михаил Федорович отводит меня в сторону и негромко спрашивает:

— Это что, твой любимый еврей?

— Он мой друг, — так же негромко отвечаю я.

Миша как-то уж очень странно посмотрел на меня, но больше вопросов не задавал.

Вася же, напрочь забыв про Бабкину, пожирает глазами Наталью. Только-только отогнал старшего племянника, теперь и этот кобель туда же! Я на всякий случай наклоняюсь к Васе и тихо, чтобы не слышали другие, предупреждаю:

— Если девушка пожалуется хоть на что-то, я тебя окончательно обрежу, так что уже ни один раввин больше не нарастит.

Пробурчав себе под нос что-то про «проклятых антисемитов», Фрейдкин хватанул под руку Бабкину и слинял «по-английски», не утруждаясь прощанием. Внизу завелась машина — значит, Серега его отвезет.

На следующий день с присоединившимся к нашей пестрой компании депутатом ВС РБ Женей Новиковым мы культурно завтракали в ресторане парламентской гостиницы — точной, только очень маленькой, копии московского «Президент-отеля». Вася Фрейдкин, заметив достаточно свежее действующее лицо — Серегу Зуева (видел его второй раз в жизни, а первый раз был вчера),— решил повыпендриваться. В его прошлый приезд в столицу Белоруссии выпендрож этот закончился знакомством с нравами местного ОМОНа, а потом и КГБ, но ничему не научил дурака с американским паспортом в кармане. В этот раз, вытянув руку со швейцарскими часами «Тиссо», Вася, жмурясь от удовольствия, сообщил Сереге, что они «стоят пять тысяч баксов, а браслет имеет хитрый замок, который не так-то просто открыть». Зуев аккуратно, чтобы не видели посторонние, выкинул «перышко» и, простодушно улыбаясь, спросил: «А если с рукой отрезать?» Вытянув физиономию так, что стал еще больше похож на наглядное пособие по гражданской обороне (раздел «Газы»), Вася спрятал руку с часами, собрал свое имущество и заторопился в корпункт.

— Да угомонись ты, Фрейдкин,— кинул я вдогонку.— Напугал бедного еврея,— это уже обращаясь к Сереге Зуеву,— теперь до конца командировки спокойно спать не будет.

— Знал бы ты, как он меня вчера достал своими базами, пока я его домой отвозил, а вот насчет бедности... он такую горку баксов из своего кейса на стол вывалил,

мне на новую тачку аккурат бы хватило,— заключил Серега,— грабанут же дурака.

— Ну это уже не твои проблемы,— заметил я,— бабки эти казенные, грабанут — пусть сам и расхлебывает.

— Так, может, лучше я этого «марамоя»...

— Не надо, Серый, мне еще год там работать, да и лично мне этот «бедный еврей» ничего плохого не сделал, скорее даже наоборот.

С Минобороны Белоруссии мне в этот раз повезло. Через два дня подполковник Александр Мушта сопровождал меня на беседу к заместителю министра обороны по кадрам генералу Ивану Зубкову. Беседа получилась неплохой, я получил ответы на все интересующие меня вопросы — за вычетом лишь вопроса о российско-белорусском сотрудничестве в области ракетно-ядерных вооружений. Генерал сразу дал понять, что данный вопрос не по адресу.

— А кто в военном ведомстве РБ достаточно компетентен, чтобы на него ответить? — спросил я.

— Этот вопрос лучше адресовать российской стороне, а так... Попробуйте спросить наших политиков,— напутствовал начальник Управления кадров МО РБ.

В начале следующей недели позвонил Вася Фрейдкин и сообщил:

— Председатель Верховного Совета Белоруссии Мечислав Гриб примет нас завтра в первой половине дня, но время у него ограничено, то есть беседа будет короткой и общей.

— Я правильно понимаю,— спросил я Фрейдкина,— что ты собрался брать интервью для Белорусской редакции? И, простите, на каком языке?

— Конечно же, на белорусском,— не раздумывая ответил Вася.— Если он на нем разговаривает...

— Если... Так вот, Вася, меня интересует задать два-три вопроса по-русски и в плоскости моих интересов. Так что давай договоримся так: первым вопросы задаю я, а дальше ты гони свое фуфло на белорусской мове. Заметано или попросить Серегу, чтобы он тебе не только руку с часами, но и язык отрезал?

Вася попробовал было возразить, но, поняв, что спорить бесполезно, уступил.

Как тщательно я ни готовил свою «соньку» для записи, но что-то в ней не сработало, и мой первый вопрос, а

также начало ответа Мечислава Гриба при прослушивании пленки оказались срезанными. Вся же запись моей части беседы не дублировал, сэкономил, гад, пленку. Впрочем, потеря была несущественная. Интервью, вопреки моим ожиданиям, получилось не то что бледным, а вообще никаким. Вопрос же о сотрудничестве двух союзных государств в области ядерных вооружений вызвал лишь поток бредовых излияний бывшего пожарного по поводу Чернобыля. Я не давал это интервью с Грибом в своей программе (если не считать небольшого фрагмента о бытоустройстве белорусских офицеров), подарив его в программу Лены Коломийченко по национальным вопросам.

Уже значительно позже, в конце 1999 года, мой приятель майор-ракетчик Вячеслав (по понятным соображениям фамилию я опускаю), в прошлом командир дивизиона мобильных «СС-25» с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, поведал мне, как проходил вывод стратегического ядерного оружия с территории Белоруссии и как потом, когда натовцы бомбили сербскую территорию, кое-кто из достаточно умных местных политиков пожалел о собственном теперь уже безъядерном статусе. Части РВСН из Белоруссии передислоцировали под Бологое и в Козельск, заменив «25-е» РГЧ на моноблочные «Тополя-М». Спрашивается, откуда я это знаю? Все просто. Не надо быть «вражеским разведчиком», чтобы отследить маршрут командировок осевших в Белоруссии по семейным обстоятельствам российских офицеров к новым местам дислокации их «изделий». А в прошлом, прожив двадцать с лишним лет в Речице, я только уже на Западе узнал, что жил по соседству с частью РВСН; да и то даже американская военная разведка достоверно знала только места расположения штаба ракетной дивизии и базы хранения боеголовок.

Так кто же в конце концов получил выгоду от передислокации частей РВСН? Россия? Белоруссия? А может, НАТО? Мне могут возразить, опять приводя в пример аварию на Чернобыльской АЭС или протесты в той же Европе против мирного атома. Например, Германия готова позакрывать чуть ли не все свои АЭС. Ну а оттого, что под колесами автомобилей ежегодно гибнут десятки тысяч людей, никто не собирается сворачивать автомобильную промышленность в той же Германии. А что касается Чернобыля, то никому не приходила в голову мысль, что

авария на ЧАЭС могла быть и хорошо спланированной диверсией с далеко идущими политическими последствиями. Деморализованный случившимся, Горбачев фактически приказал тогда нашим кораблям ВМФ уйти с траверса Ливии, тем самым открыв дорогу американским самолетам, летевшим бомбить Триполи. Еще через пять лет настал черед Багдада. Какого-либо противодействия с советской стороны американцы могли уже не опасаться. На «внутреннем фронте» началась газетная кампания по борьбе как с мирным, так и с военным атомом, целью которой было посеять как можно больше паники и недоверия среди населения. Вот и задайтесь теперь вопросом: кому это было выгодно? И что за ядерная держава Россия, если теперь по велению каких-то там «чубайсов» можно запросто отключить подачу электроэнергии к пультам запусков «изделий». За неуплату!

К матери в Речицу в этот раз я так и не вырвался. Проводил почему-то грустную Наташу на поезд в Москву и подумывал было над сворачиванием своих дел в Минске, как вдруг неожиданно получил «добро» на беседу с одним из сотрудников КГБ республики. Заявки на имя председателя Эдуарда Ширковского я давал уже несколько раз — и все безрезультатно. В 94-м Ширковского уволили с должности председателя Белорусского КГБ, и он вернулся в Россию на должность заместителя директора СВР.

Не знаю, может, здесь сыграла свою роль и моя недавняя встреча с «первым лицом» государства, но побеседовать со мной для радио «Свобода» вызвался старший офицер КГБ Белоруссии Петр Снопок. Почти сразу я как-то интуитивно понял, что он был в Афганистане и, перехватывая инициативу, спросил:

— «Каскад», «Омега» или «20-й контракт»?

— Вы, Валерий Николаевич, я вижу, неплохо разбираетесь в наших делах.

— Не без этого. Профессия такая, знаете ли, журналист.

— Я был советником по «20-му контракту». Кабул. Середина 80-х.

Называю несколько фамилий возможных общих знакомых. Одна — в яблочко. Разговор заметно потеплел. По смыслу и содержанию беседа мало отличалась от тех, что я уже проводил и в СВР, и в МБ России. Правда, под конец нашей беседы Петр Снопок позволил себе некий экспромт, неожиданно «наехав» на своего бывшего предсе-

дателя. Дескать, где это видано, чтобы человек, занимавший должность в органах безопасности одного государства, после увольнения тут же пришелся ко двору в разведке другого? Почувствовав явную провокационность в постановке вопроса, я осторожно возразил, что, во-первых, Ширковский числился в действующем резерве СВР, даже будучи председателем КГБ Белоруссии, и тогда ни у кого это не вызвало нареканий, а во-вторых, разве Белоруссия и Россия не союзные государства. Ваш вопрос был бы понятен, если Ширковскому предложили бы, например, должность где-нибудь в ЦРУ или в БНД, но, простите, СВР России и КГБ Белоруссии играют на «одном разведполе». Поняв, что пущенная им стрела не достигла цели, белорусский чекист поторопился свернуть беседу, как это обычно бывает в таких случаях, сославшись на «многие неотложные дела». Напоследок он, правда, поинтересовался, что связывает меня с господином Фрейдкиным. Я спокойно ответил: «Общее место работы».

История с Эдуардом Ширковским, из-за интриг определенных политических сил в республике (бывший премьер Кебич и бывший председатель Верховного Совета РБ Шушкевич) уволенного с поста председателя КГБ, на этом не закончилась. Я задавал вопрос о нем и начальнику пресс-бюро СВР России Юрию Кобаладзе (Примаков не разрешил интервью со своим заместителем, несмотря на все мои ухищрения.) Новый президент Белоруссии Александр Лукашенко в телефонном разговоре со мной в начале июля 94-го обещал даже восстановить Ширковского в должности, но этого тоже не случилось. Правда, кое-что, видимо, все же было учтено. При Лукашенко произошла кардинальная перетряска кадров госбезопасности, МВД и Министерства обороны. В определенном плане реформы эти сказались и на моей программе «Сигнал».

Как-то, уже осенью того же 94-го, позвонив в Минск подполковнику Александру Муште с просьбой подготовить очередной комментарий, в ответ я услышал, что к военным структурам он больше отношения не имеет:

— Вас, что, уволили? — растерявшись, спросил я.

— Из Минобороны — да! Назначен начальником Управления информации КГБ Белоруссии,— после некоторой паузы добавил Мушта.

Мне оставалось только пожелать успехов уже полковнику Муште на новом для него поприще. В личном плане мы продолжали общение. Впоследствии Александр Мушта получил еще одно назначение — советником президента Лукашенко.

Я распрощался с Минском, дав себе зарок этим летом специально приехать в республику уже из России и проведать наконец мать. Причем приехать не одному, а с Игорем Морозовым.

...И ОПЯТЬ — В МОСКВУ

Я вернулся в Мюнхен. «Свобода» жила прежней предпoxоронной жизнью, с одной только разницей, что теперь точно стал известен и адрес кладбища — Прага. Гендлер в пол-уха выслушал мой отчет о беседе с Мечиславом Грибом. Куда больше его интересовали предстоящие в июле выборы президента Белоруссии. Я поделился соображениями, что лучшие шансы стать им у Александра Лукашенко, а не у Кебича, и тем более не у Позняка. Как я понял по реакции Гендлера, наше американское начальство эта кандидатура мало устраивала, а посему «Свобода» получила «вашингтонский наказ» поддерживать так называемых народофронтовцев во главе с Зеноном Позняком, которых щедро оплачивал американский еврейский фонд Сороса, или же Кебича, но только не Лукашенко. Весьма интересный расклад получался, если учесть, что за вычетом самого Позняка весь остальной «Народный фронт» Белоруссии сплошь состоял из представителей «народа избранного» — белорусами или русским там, простите, и не пахло. А Кебич был хорошо известен своей коррумпированностью. (Примечательно, что когда Александр Лукашенко избирался президентом во второй раз, американцы применили тот же самый трюк с так называемой оппозицией и теми же самыми пропагандистскими ухищрениями. Видимо, не зря говорят, что «старую собаку новым фокусам не обучишь».) До Гендлера быстро дошло, что мои личные симпатии на стороне Александра Лукашенко и убеждать меня примкнуть к общей кампании травли — бесполезная трата времени и сил. Он только многозначительно заметил, сопровождая каждое слово глубокими придыханиями:

— Говорят, он не любит евреев...

— А вы их любите, Юрий Львович?

— Старик, опять твои хохмочки, что за вопрос, я сам...

— Ах да, конечно, забыл! Вы же «православный»...

— Старик, умоляю...

— Ну, если вы, Юрий Львович, их, евреев, так сильно любите, то ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос: почему вы отказали еврею Боре Бурштейну в праве занять кабинет в одном с вами коридоре?

От такой наглой постановки вопроса Гендлер схватился сразу за сердце и за стакан с виски, а потом, отдышавшись, спросил; когда я снова наконец куда-нибудь собираюсь уехать. Я ответил, что в июне, в Москву.

— Старик, поезжай быстрее,— напутственно пожелал Юрий Львович.

— И за что вы, господин директор, так сильно меня не любите, я-то ведь не еврей?

— Старик...

Я вышел из кабинета, чуть насмерть не зашибив дверью нескольких своих коллег, спешно отклеивавших уши от замочной скважины директорских апартаментов. Ну и сплетни теперь пойдут! «Русский фашист Коновалов уличил американского еврея Гендлера в латентном антисемитизме».

Ничего особенно интересного на «Свободе» в те дни не происходило. В любой организации, будь то творческой или бюрократической, работа складывается из каждодневной рутины. Единственным отличием для меня лично, если сравнивать конец карьеры на «Свободе» с ее началом, стала моя практическая независимость от кого-либо и чего-либо. Я работал в основном по вечерам и ночам, не попадая в поле зрения американского начальства, не видя и не слыша коллег, многим из которых ввиду их душевного расстройства, вызванного предстоящим переездом в Прагу, явно требовался свой лечащий «доктор Менгеле».

С наступлением лета в Мюнхене объявился и Савик Шустер. «Герой дня» прибыл в сопровождении Володи Кулистикова, который у нас в гостях, в штаб-квартире РС, был впервые, и Андриюши Бабицкого, который у нас уже неоднократно бывал. Как ни в чем не бывало Шустер подлетел ко мне, поздоровался, тут же перевел разговор на Лукашенко и на мою возможность на него выйти. (Вот

уж точно, как говорится, «без мыла — да в задницу», словно и не было той первоапрельской «шустерии»). В свою очередь я спросил: а что, сам он или кто-то еще из московского бюро на Лукашенко выйти не могут? Ответ гласил: «Нас там не любят». Я уже не стал уточнять, кого это «вас». Это и так было ясно.

— Знаешь, Савик, я не совсем пока понимаю всю подоплеку истории с первым апреля, моим-де назначением пресс-секретарем министра обороны Грачева и твоей ролью во всем этом. Поэтому, хочешь поговорить — бери с собой Кулистикова, ну и этого...— Кивок головы в сторону Бабицкого (понятно, что Шустер без своего «миньона» никуда).— Пару бутылок водки или там виски... И подходи вечерком ко мне, как в старые добрые времена. «Литл пьянка» намечается.

— А кто еще там будет? — спросил Шустер

— Все свои, тебе известные.

На устроенной мною вечеринке попутно выяснилось, что с «первоапрельской историей», конечно же, намудрил лично Гендлер. С него и спрос. А он, Шустер, здесь вообще ни при чем — мы же, мол, «старые друзья».

Ну ладно, с этим проехали. Господин Шустер сдал господина Гендлера, как говорится, «с потрохами». Интересно, а что будет, если я завтра этими словами Шустера припру Гендлера к стенке? Бой быков, коррида?

— Так как насчет Лукашенко?

Насчет Лукашенко я пообещал, что попробую на него выйти, хотя результат не гарантирую. Одно дело, когда человек был депутатом парламента и в оппозиции бывшему режиму, а другое, когда он сам становится или уже стал президентом государства. Я прекрасно помнил мои фиаско и с Руцким, и с Ельциным, да и Руслан Аушев, став президентом Ингушетии, тоже как-то сразу перешел в разряд «недосягаемых». Видимо, это оборотная сторона медали всех господ политиков: как только дорвался до власти, просто человеком быть перестал. Услышав упоминание о Руцком, Володя Кулистиков предложил мне помочь решить эту проблему; он когда-то неплохо знал Александра Владимировича. Я ответил ему, что лучше он ко мне еще разок уже один заглянет, и мы за стаканом виски обговорим этот вопрос без лишних ушей, а что до людей, когда-то знавших Руцкого, то среди моих друзей и знакомых таких тоже немало, а толку-то...

Шустер в это время переключился на разговор с директором Армянской редакции РС Эдуардом Оганесяном, к ним номинально присоединился Кушев, а я пока что решил заняться приглашенными на пьянку дамами. Кроме Витмайера и Фрейдкина, представительницам прекрасного пола никто не оказывал внимания, и в силу этого ряды их грозили заметно поредеть. Правда, краем уха, я все же дослушал душещипательную историю о том, почему он, Савик Шустер, теперь так сочувствует гомосексуалистам.

— Понимаешь, Эдуард,— наезжал наш «герой» на совершенно ошарашенного Оганесяна,— их надо понимать и даже по-своему где-то как-то любить. Вот когда я тайно пробирался к никарагуанским «контрас» по одному из каналов ЦРУ, мы плыли на моторной лодке и подо мной сломалась деревянная доска сиденья. Лодка маленькая — ни встать, ни повернуться, а обломок этой доски попал мне... Ну, сам понимаешь куда...

Оганесян, похоже, плохо понимал куда, поэтому переспросил. Савик Шустер не только повторил сказанное, но для наглядности еще и показал, куда именно попал этот обломок.

— И вот почти шесть часов, пока мы плыли, лодка качалась на волнах, и этот обломок доски, понимаешь, он туда-сюда, туда-сюда... и так шесть часов! Я теперь им очень сочувствую!

Когда почти все уже разошлись, оставались Кушев, я и еще несколько дам, не имевших никакого отношения к радио «Свобода». Эдуард подошел ко мне и сказал (от раздражения с чуть более, чем обычно, заметным акцентом):

— Послушай, дорогой, спасибо, конечно, за приглашение, но этот Шустер... Он что, совсем больной на голову? Он что, не мог встать и вытащить этот обломок доски из своей поганой задницы? И зачем он мне рассказывает эти грязные вещи? Почему мне, армянину? Готферрана! (Оганесян употребил турецкое ругательство, которым в армянском языке обозначают приверженцев однополый любви.) Пожалуйста, больше никогда не приглашай меня, когда этот Шустер сидит в твоей квартире.

Да, всем не угодишь... Эдуард, забрав свою даму, отбыл домой (он жил напротив), домой со своей потянулся и Кушев, а мне, слава богу, идти никуда не надо. Я и так уже с дамой и дома. От себя добавлю, что до сего памят-

ного вечера я как-то не подозревал за Савиком Шустером подобных наклонностей, все-таки жена, двое детей... Может, Эдуард Оганесян все же ошибся? Все может быть, но лично я не рекомендовал бы «герою дня» проводить летний отпуск в Армении на озере Севан.

В этот раз я полетел в Москву «Британскими авиалиниями» через Берлин. Аэропорт Тегель — маленький. Завернул за угол и вот он — терминал на Москву. Обслуживание поскупее, чем на американской «Дельте», но выпить дают, курить тоже можно. Самолет, правда, небольшой, типа наших «тушек», с одним проходом между сиденьями; пассажиров же на удивление, как килек в известной банке. Ну да и хрен с ними, долетим! Обычные сто «за отрыв», и дальше три часа познавательного чтения. Я впервые лечу без всяких планов, подготовленных вопросов и прочей дребедени. Магнитофон «Сони» со мной, микрофоны и запас пустых кассет тоже, если подвернется что — запишем. Виза у меня многократная, на год. Сварганена Лешкой Мананниковым. Согласно оной, я — гость Комитета по международным делам Совета Федерации. От гендлеровских услуг в этот раз я отказался. Не надо мне казенной квартиры, билета и командировочных. Вот если проведу интервью с Лукашенко, тогда и заплатите, Юрий Львович, как вы любите выражаться, задним числом. Хорошо, хоть не «задним...». После откровений вашего любимого Савика Шустера я бы уже ничему не удивился.

В таком вот радужном настроении, подкрепленном собственной поллитрой и немереным количеством, чужих «сопливчиков», я и приземлился в родных «Петушках», то есть, простите, хотел сказать в «Шереметьеве-2». Из аэропорта забирал меня Елистратов. Было видно, что он не в своей тарелке, хотя и пытается держать «хорошую мину». Порасспрашивав меня о жизни на «Свободе», он как бы между прочим заметил, что шутка, отмоченная Николаевым, несколько выбила его из колеи, так что он извиняется, что обозвал меня дураком.

Я принял извинение к сведению и объяснил, что Николаев с программой «Сигнал» больше не сотрудничает, в Америку жить подался, а поэтому вопрос можно считать закрытым. Меня же лично на текущий момент куда больше интересует вопрос обеспечения «колесами», тем более если они еще и куплены на мои кровные. Миша тут

же начал что-то путано объяснять про нехватку времени и работу переводчиком с французского у какого-то то ли грузинского, то ли чеченского бизнесмена. Потом спросил: куда ехать-то (когда мы уже почти что добрались до Белорусского)? К Пластуну? «Держи курс на Пролетарку, к Морозову,— дал я вводную,— там разберемся». Чертыхаясь, почему я не сказал этого загодя, Елистратов начал выруливать на Садовое кольцо. Я врубил мобильник и позвонил Игорю. Слава богу, братан был дома и не один.

Когда мы подъехали и поднялись наверх, я обнялся с Игорем и уже знакомым мне Сергеем Шавровым, а также поздоровался еще с двумя парнями — братьями Юрой и Сергеем Беспаловыми из Балашихи. Услышав про место обитания братьев Беспаловых, Елистратов заерзал и заторопился было по делам. К чему бы это? И вот тут-то Игорь и начал его колотить по всем правилам оперативно-розыскной деятельности. Припертый к стенке Миша даже не пытался оправдываться. Вкратце вся история сводилась к следующему:

Источником информации, выходящей за рамки компетенции выпускника Военной академии имени Фрунзе, оказался НИИ ГРУ, более известный как 6-е управление Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил России. Что и говорить, организация достаточно серьезная, чтобы с нею «шутить плохо». Кто-то из старых знакомых Елистратова еще по Военному институту иностранных языков, служивших в означенной структуре, делился с ним информацией, а он, в свою очередь, делился с этим «кем-то» своими «свободовскими» гонорами. Так сказать, «подрядчик и субподрядчик». Вот теперь-то мне стала понятной подоплека «наезда» на меня в секретариате СБ.

На сегодняшний день, по словам Елистратова, компетентные органы «лавочку прикрыли», но сам он от этого дела оказался как бы в стороне. (Игорь позже объяснил мне, что тот, видимо, дал подписку регулярно поставлять информацию о всех моих московских передвижениях и контактах.) Ну, это пожалуйста! В официальной части мне скрывать от компетентных органов нечего, я к ним и сам в гости езжу, а вот чем я занимаюсь дома, под одеялом,— это уже, простите, мое «собачье дело».

Лады, с «утечкой военной информации» мы разобрались. Я поставил Елистратова в известность, что впредь

он дает материалы только своего уровня компетентности. Особенной радости Елистратов при этих моих словах не проявил. Оно и понятно: одно дело передавать в эфир чужие ситуационные анализы, а другое — пытаться самому что-то на эту тему писать. Тут уж нужны либо источники, либо соответствующее образование. Было ясно, что как автор «Сигнала» Михаил Елистратов вышел в тираж.

Теперь вопрос с машиной. Тут уж Миша начал юлить и приводить массу аргументов; почему он не может меня возить, не ссылаясь при этом разве что на геморройные шишки в заднице. В это время внизу что-то грохнуло. Мы выглянули в окно. Где-то наверху в соседнем подъезде происходил пьяный скандал. И надо же было такому случиться, что выброшенный из окна тяжелый предмет прямоком угодил в край капота нашего «фольксвагена», пробив в нем небольшую сквозную дыру, но так ювелирно, что при этом даже не затронул ходовую часть. Елистратов не поверил в случайность, с большим подозрением поглядывая в сторону братьев Беспаловых. Серега перехватил один из таких брошенных взглядов и хриплым голосом завсегдадая «хозяйской дачи» объяснил Мише, как быстро его тачка может поменять владельца, тем более если за нее еще и не рассчитались сполна. Под завязку нашей «разборки» в гостиную заглянул здоровенный черный русский терьер Игоря — Нокс. Внимательно осмотрел присутствующих и задержал тяжелый взгляд на Мише, по всей видимости признав в нем «шпиона», а то и «врага народа».

Елистратов тоже заметил пристальное внимание Нокса к своей персоне и окончательно осознал, что если он хочет сохранить машину, то ему придется меня возить, пока я сам не скажу: «Стоп, тачка выплачена!» Единственное, что он попросил, сославшись на «объективные причины», так это чтобы на неделю его кто-нибудь подменил. Ему надо-де отвалить из Москвы по работе у грузиночеченского бизнесмена.

— Нет проблем,— отозвался Юрка — неделю на «Москвиче» Николаевича покатаю тебя я.

Миша ушел. Я позвонил Володе Пластуну, взял адрес подготовленной для меня в районе гостиницы «Молодежная» двухкомнатной квартиры, где уже хозяйничала Наталья, и вкратце рассказал про «допрос» Елистратова. В ответ Володя протянул свое обычное:

— Старик, я тебя предупреждал, эти «грушники»... Да они за баксы родную маму... В общем, мой тебе совет...

Не став дослушивать «совет», я поблагодарил дядю Вову и положил трубку. Мы накатили по сто грамм, выпили, и я не спеша посвятил Игоря в свои планы на нынешнее лето, включая и мое намерение вытащить его, Морозова, в Белоруссию. К моему удивлению, тяжелый на подъем братан согласился сразу; в Минске он бывал по делам прежней службы в КГБ, и Белоруссия ему нравилась.

— Но уговор,— добавил Игорь,— сначала махнем ко мне на «малую родину»:

Вышло, однако, так, что по-первой через неделю мы махнули все же на «малую родину» ко мне. В братской республике надвигались выборы президента.

В первую неделю пребывания в Москве я порядком загнал бывшего «вымпеловца» Юрку Беспалова, но исхитрился нанести «визиты вежливости» во все силовые структуры России, включая МО, в секретариат СБ — Манилову и Мацокину и лично маршалу Шапошникову — в администрацию президента. Таким образом, я получил приблизительную развертку по интересным для меня мероприятиям на месяц-полтора вперед. В России тоже с интересом ожидали результатов предвыборной кампании в соседнем союзном государстве. Людей в погонах этот вопрос, как я понял из разговоров в Штабе по координации военного сотрудничества стран СНГ, тоже интересовал не в последнюю очередь.

Нарисовался я и в Московском бюро РС, напомнив Володе Кулистикovu о его словах по поводу контакта с Руцким. Кулистикov пообещал недели через две дать мне знать, когда Руцкой будет готов со мной встретиться. В бюро РС я повстречал и давнего знакомого из американской корпорации «РЭНД» Сергея Замашикова. С моей программой он теперь сотрудничал крайне редко, просто передавая материалы через Вашингтон. «РЭНД корпорэйшн», как и радио «Свобода», переживала далеко не лучшие финансовые времена, так что Замашиков, как я слышал, подвизался и в частном бизнесе. В каком конкретно, я не поинтересовался. А зря! Вокруг Замашикова ужом увивался будущий «придворный биограф российских президентов» Сашенька Пар, в «девичестве» Юдин. Глядя на них, меня так и подмывало спросить: «Господа, а вы случайно не любовники?» Но я почему-то сдержался. Я также не стал

спрашивать Рара и о том, как у него продвигается «дружба» с российской внешней разведкой. К тому времени Саша Рар уже числился в кадрах не Исследовательского отдела радио «Свобода», а «хитрого» института в Берлине, который прикармливался от внешнеполитического ведомства Германии и от немецкой же разведки. Если «дружба» у Рара продвигается, значит, и я старался не зря, год назад представляя его «друзьям».

Я взял у Замашикова номер его московского телефона, оставил свой, раскланялся с публикой в бюро и спустился вниз к тачке, где в ожидании кемарил Юра, с предложением где-нибудь чем-нибудь перекусить. Нынешнее московское лето обещало быть интересным.

В Белоруссию мы поехали поездом. Мое предложение полететь самолетом Игорь счел нерентабельным. Не успеешь взлететь, как уже пора садиться. Ни выпить как следует, ни поговорить. Утром Серега Зуев забрал нас с вокзала, и вот мы уже у сестры Раиски — сидим за столом, хватаем, какие есть, напитки, не забывая при этом и закусывать. Михаил Федорович время от времени намекает: не принести ли гитару? Я вежливо даю понять, что человек с дороги, устал, не «гони вороных» — будут тебе и песни. Серега Зуев готовит тачку к поездке в Речицу. То есть сегодня мы отдыхаем.

Я, оставив Игоря наедине с Мишей и узревшим наконец «живую легенду» племянником Вадимом, по этому случаю держащим рот шире обычного, расспрашиваю сестру об отце. Ответ гласит: пьет, когда есть на что, и чудит, как обычно. По ее мнению, пора стариков перевозить поближе к себе, в Минск. Я соглашаюсь. Раиса и Вадим едут с нами. Михаил Федорович добирается в Речицу «на перекладных». Серегина тачка, к сожалению, не безразмерна, а меня еще и очередная мюнхенская подруга попросила заглянуть к ее родне в Гомель.

Не стану утомлять читателя подробным описанием нашего пребывания в Речице. Я повидал мать, пообщался с батей, на которого Морозов произвел впечатление, впрочем, как и папа Коля на самого Игоря. «Не простой человек твой батя», — сказал мне потом братан. Это уж точно. Хотя лучше бы и ему, да и мне тоже, быть чуточку попроще, легче бы, наверное, жилось на белом свете.

Через пару дней мы вернулись в Минск, погуляли по городу, съездили на Остров слез к монументу погибшим в

Афганистане и засобирались обратно в Москву. Находясь в Минске, я выяснил, что предвыборной кампанией Лукашенко руководит Виктор Нестюк, впоследствии глава администрации белорусского президента. Когда-то они вместе служили в политотделе Брестской погранзаставы. Я вышел через свои каналы на полковника запаса Нестюка, и тот попросил меня позвонить по телефону в начале июля, дав понять, что со мной Александр Григорьевич будет беседовать, хотя «Свобода» в целом, по их мнению, занимает негативную и даже, как он сказал, «провокационную» позицию по отношению к кандидату в президенты Белоруссии Александру Лукашенко. Поблагодарив Виктора Нестюка, я попросил его передать мои искренние пожелания Александру Григорьевичу одержать убедительную победу на президентских выборах. Мы попрощались до июля.

Зуев отвез нас с Игорем к поезду и ранним утром на Белорусском вокзале нас встретил Шавров.

В Белокаменной снова нарисовался Елистратов. Грузинский, а может, и чеченский бизнесмен дал ему отпуск, дескать, надобность в специалисте по романским языкам временно отпала, так что он честно-де готов отработать свои «трудодни» в качестве «извозчика».

— Иншалла! Бисмалла, аль Рахман, аль Рахим... Вот тебе, Мишаня, и первый маршрут. Вчера я говорил по телефону с Руцким. Александр Владимирович примет меня послезавтра во второй половине дня в собственных апартаментах. Улица Остоженка тебе, полагаю, известна? Руцкой живет рядом — за углом. И давай без опозданий, от моих, простите, «апартаментов», путь к нему не близкий. А сегодня и завтра — экспромт. Катаемся по городу, книжечек почитать закупим, покушаем и, конечно, выпьем. Ах, простите, вы за рулем? Вам нельзя? Ну тогда я один за всех. А взбрдет чего в голову, заедем и с кем-нибудь побеседуем.

— А к Руцкому ты...

— К Руцкому, Мишаня, я иду савсэм адын!

В означенный день мы подъехали в район улицы Остоженка, и Миша начал выискивать место для парковки, внимательно оглядывая окрестности.

— Ты знаешь, кажется, будущего участника твоей программы здорово обложили «наружкой». Тут как минимум четыре разных точки наблюдения, не считая пешех филеров,— заметил с явной тревогой Елистратов.

— Тебе-то что, ты остаешься в машине.

— Знаешь, лучше я в другом месте запаркуюсь, во дворе дома Пластуна, да заодно и в гости к нему загляну.

— Как знаешь, только не говори Пластуну, где я. Закончу работу — сам поставлю его в известность.

Высадив меня, Елистратов развернулся в сторону Остоженки, а я подошел к ограде уютного особнячка, архитектурно схожего с «Президент-отелем». Охрана проводила меня к лифту, поднялась со мной на самый верхний этаж и подвела к квартире Руцкого.

Дверь открыл сам Александр Владимирович, по-домашнему одетый в спортивный костюм. Я поздоровался, пожал протянутую мне руку и прошел через прихожую в кабинет. Сразу скажу, ходившие по Москве досужие сплетни о «царском убранстве» апартаментов бывшего вице-президента не подтвердились. Квартира хотя и крупнее по метражу, но по убранству — не богаче моей мюнхенской, а я, по западным меркам, живу весьма скромно. Да и компьютер на рабочем столе Руцкого — не самый крутой. Единственным украшением квартиры генерал-майора авиации служили модели боевых самолетов. Их было так много, что у меня разбежались глаза, и на некоторое время я позабыл о хозяине: «Вот бы сюда Сергею,— подумал я про себя, зная страсть Шаврова к авиамоделированию,— за уши бы не оттянули».

— Интересуетесь?

— В детстве мечтал стать летчиком, как и каждый нормальный русский ребенок.

Руцкой улыбнулся, взгляд до этого напряженных глаз потеплел. Мы говорили долго, более трех часов. Поначалу, на меня опять накатило (не успел как следует «принять на грудь»), и я заикался больше обычного. Рукцой остановил меня, жестом показав, чтобы я выключил магнитофон.

— Давно это у вас?

— Давно, но так — волнами, то подкатит, то уйдет. Не успел принять сто грамм для «храбрости».

— Не стесняйтесь.

— А вы?

— Мне нельзя.

Я опрокидываю рюмку, водка приятным теплом растекается по желудку. На лбу сразу выступает испарина, но это нормальная реакция. В целом я успокаиваюсь.

Александр Владимирович продолжает:

— В детстве я тоже заикался. Сами понимаете, с этим в летное училище дорога мне была заказана. Но переборол себя — как только, как вы говорите, «подкатывало», научился делать паузы, говорил медленно, чуть протягивая гласные, и проблема эта ушла. На вступительных экзаменах никто ничего не заметил.

Я принял еще рюмочку, снова включил магнитофон и последовал совету собеседника. Как ни странно, у меня получилось почти сразу, правда, время от времени заикание все же проскакивало, если я забывал о самоконтроле и торопился говорить.

Основным лейтмотивом беседы, конечно, были события августа 91-го, октября 93-го и роль Александра Владимировича в этих событиях. Я понимал, что генералу тяжело вспоминать об этом, а вопросы у меня были отнюдь не прилизанные. Но Руцкой реагировал на них нормально и отвечал спокойно, без излишних эмоций. А на мой вопрос, если бы историю можно было повернуть вспять, ответил, что повторил бы пройденное, может быть, уже с учетом прошлого опыта, но историю вспять не повернешь, в этом-то все и дело. Потом у нас была тема Афганистана: Герой Советского Союза Александр Руцкой вспомнил авиабазу Баграм, сослуживцев, последний вылет его «грача» — 25-й «сушки», катапультирование и плен. Почти в самом конце разговора, уж не знаю по какому наитию, я коснулся вопроса Чечни и личности другого заслуженного летчика — Джохара Мусаевича Дудаева. Войны в Чечне тогда еще не было, но закулисные приготовления к ней уже велись. Если помните, уважаемый читатель, еще в самом конце 91-го в кремлевских кулуарах шел разговор о том, чтобы хорошо спланированной военной акцией поставить Чечню под российский контроль и навсегда задавить ростки какого-либо сепаратизма, пока не поздно. Разговоры эти так и остались разговорами, а потом уже было поздно.

Я напомнил Руцкому о тех не таких уж далеких временах. Чуть помедлив с ответом, Александр Владимирович сказал, что поначалу и сам был сторонником силового решения чеченской проблемы, однако позже понял, что военной силой там ничего не решишь, только развратишь тлеющие угли и начнется пожар. Чечню надо было брать в кольцо экономической и политической блокады,

продолжал Руцкой, а где нужно — наносить хирургически точные удары силами спецподразделений. Однако такая «мирная» концепция многих в окружении президента не устраивала, в первую очередь министров обороны и внутренних дел, а теперь уже поздно проводить даже крупномасштабную силовую акцию. Чечня вооружена до зубов, и любое вторжение будет означать затяжную кровавую войну на своей, российской территории. Это будет страшнее Афганистана.

(В самом конце декабря 94-го то же самое, почти слово в слово, повторил в интервью радио «Свобода» и бывший командующий ВДВ, соратник Руцкого по октябрьским событиям 93-го года генерал Владислав Ачалов.)

В заключение беседы я спросил Александра Владимировича о его планах на будущее.

— Какие там планы? Честно тебе скажу, Валера, у меня давние проблемы с позвоночником, еще с Афганистана, после двух вынужденных катапультирований. Так вот мне мелко отомстили, лишив квалифицированной медицинской помощи. А так... Есть общественное движение «Держава». Мы собираемся в будущем заявить о себе как о политической силе. Ну и я собираюсь вот в будущем баллотироваться на пост губернатора Курска, если доживу, бог даст.

Мы попрощались. Руцкой подарил мне свою книгу и сам проводил к выходу. Было заметно, что передвигается он с трудом. По дороге к Пластуну я думал, что не порусски как-то так вот мелко мстить своим противникам, пусть даже и проигравшим. Но у президента Ельцина на сей счет было свое особое мнение. Руцкой выразил сомнение: все ли из наговоренного нами на пленку мне разрешат запустить в эфир? Я заверил его, что проблем быть не должно и, как только подготовлю материал, сразу дам знать по факсимильной связи или по телефону, когда передачу можно будет послушать.

Господи, как я ошибался! Такой «войны», как за интервью Руцкого, не было даже с излияниями генерала Альберта Макашова в адрес «проклятых жидовсионистов». В конце концов пришлось прибегнуть к прямому шантажу и передать Гендлеру привет от его бывшего следователя из Ленинградского КГБ полковника в отставке Волошенюка. Услышав очень уж знакомую и даже, можно сказать, незабываемую фамилию, Юрий Львович

взял и «перекрестился». То есть попеременно хватанул за лоб, за сердце, проверил наличие портмоне в правом кармане пиджака, а под конец и наличие того, что у homo erectus — «человека прямоходящего» — анатомически расположено гораздо ниже диафрагмы. Чуть успокоившись, «православный» заглотнул очередную порцию виски и пошел на попятную. Беседа с Руцким прошла в эфир без каких-либо цензурных купюр. И кто бы мог подумать, что нынешний благообразный директор Русской службы РС Юрий Львович Гендлер когда-то в советские времена был... стукачом. Спасибо старому чекисту Волошенюку — просветил.

Лифт сломался? Я только что из буфета и стою с охалкой стеклопосуды, пытаюсь чуть ли не носом нажимать кнопку 4-го этажа. За этим странным занятием меня и застаёт начальник Штаба по координации военного сотрудничества генерал Виктор Самсонов.

— Валерий Николаевич, надеюсь, это...

— Виктор Николаевич, только для меня. Для офицеров вот — кофе, лимонад и безалкогольное пиво, немецкое, — упреждаю я вопрос генерала.

Он с сомнением качает головой. Лифт наконец поехал. Самсонов выходит на втором, я еду дальше — в «Петушки», то есть, простите, снова перепутал, — на четвертый этаж. Опять чертово «дежа вю». Кажется, год назад эта сцена уже была. В кабинете начальника пресс-центра Штаба КВС СНГ полковника Серафима Юшкова собрались офицеры. Среди уже знакомых мне новое лицо — полковник Семен Багдасаров, неспешно перебирающий роскошные лазуритовые четки с золотой вязью нанесенных на камень сур Корана. Мои собственные, зеленого цвета, совсем простые, но зато из рук самого духовного лидера Ирана аятоллы Хоменеи (конфисковал по случаю у Володи Пластуна после его возвращения из Тегерана).

Багдасаров — мой новый автор по таджикско-афганскому «узлу», но я этого пока еще не знаю. Воевал в Афганистане, теперь воюет в Таджикистане. Есть и подходящая замена Елистратову — адъютант Военной академии Генштаба полковник Николай Плотников. Я рассказываю товарищам офицерам о своем недавнем визите к Александру Руцкому и о беседе с ним. Тезки — Валера Чебан и Валера Борисенко — интересуются, чем закончилась история с Елистратовым. Борисенко спрашивает, не

хочу ли я 2 августа мотнуться в Нарафоминск по случаю празднования Дня ВДВ. Конечно, хочу, но до означенной даты еще целый месяц. Под вечер я неохотно покидаю Штаб КВС. Я чувствовал себя там как дома, и порой, когда бываю в Москве, проезжая мимо по Ленинградке, с какой-то болью в душе грустно оглядываюсь на КПП и резную решетку ограды. Да! Прошлого вспять не повернешь

В пятницу, 8 июля, под вечер, я приехал в Московское бюро РС уже с братом Юрки, Серегой Беспаловым. Он поднялся со мной наверх, каким-то нехорошим взглядом повел вокруг, оглядев присутствующую публику, и сказал, что от греха подальше лучше подождет меня внизу, в машине. Я же направился в студию. Кивнув технику звукозаписи, набираю телефонный номер и жду гудка. (Первый тур выборов уже прошел. Второй же казуистически назначили на воскресенье, прикинув, что наш в недалеком прошлом советский избиратель в свой выходной день скорее отправится на дачу копать в грядках, чем пойдет голосовать к избирательным урнам.)

После двух-трех протяжных сигналов знакомый голос Виктора Нестюка произнес:

— Слушаю! А, это вы, Валерий, одну секундочку... Александр Григорьевич, это Коновалов...

Трубку взял Лукашенко. Я начал было представляться, как положено, по форме, но Александр Григорьевич прекратил мои словоизлияния:

— Валера, я тебя хорошо знаю, так что давай сразу к делу. Какие у тебя ко мне вопросы?

И тут в нарушение канонов журналистской этики я обратился к Лукашенко, как обращаются к состоявшемуся главе государства: «Господин президент!»

Мы говорили почти пятнадцать минут. В основном мои вопросы касались борьбы с коррупцией и организованной преступностью в республике, реорганизации силовых структур и армии, экономического, политического и военного союза с Россией, а также отношений Белоруссии с Европейским сообществом, и в частности с Германией. Отношения с США я «злонамеренно» не упоминал. В конце интервью я еще раз произнес:

— Благодарю вас, господин президент!

— Спасибо и тебе, Валера, приедешь в республику — буду рад видеть,— поблагодарил Александр Григорьевич.

Трубку взял Нестюк:

— Когда интервью может пойти в эфир?

Я прикинул в уме время выхода программы Лены Коломийченко по национальным вопросам. Первый раз — завтра вечером, второй — в полночь, плюс к тому повтор на все воскресенье (я назвал точные часы, когда программа выходит в эфир). Интервью перегнали в Мюнхен. Коломийченко сразу же поставила его в программу. Как-никак, а сенсация, самое первое интервью Александра Лукашенко западным средствам массовой информации — и в ее передаче! В субботу вечером, поймав на коротких волнах «Свободу», я внимательно прослушал свой «шедевр». Все путем. На следующий день Лукашенко стал президентом Белоруссии, набрав 80% процентов голосов избирателей.

Звоню Раиске — та в полном «отпаде»: оказывается, какой замечательный мужик Лукашенко, если верить радио «Свобода». (А этому радио тогда верили многие, и слушали его тоже многие.)

Следующий звонок Виктору Нестюку. Тот благодарит; интервью всем понравилось. Еще раз напоминает о приглашении президента посетить Белоруссию. Я говорю «спасибо» и отключаюсь от линии.

В понедельник с самого раннего утра в квартире надрывно зазвонил телефон. Похоже, межгород? Наталья дотягивается до трубки и передает ее мне. Я не ошибся — на проводе Мюнхен. Связь поддерживается через бюро РС и разговор наверняка пишут на ленту:

— Старик, ты что там, с ума сошел, что ты себе позволяешь? — чуть ли не хныкающим голосом начинает «наигрывать барыню» Гендлер

— Юрий Львович, в чем дело? Что с вами? У вас что, снова ограбили квартиру? Вы какой-то такой расстроенный... — Я на всякий случай прикидываюсь «снегурочкой».

— Почему в своем интервью ты назвал Лукашенко «господином президентом»?

— А как я должен был его назвать? — продолжаю я валять ваныку.— Шеф-поваром, что ли?

— Валерий, хватит хохмочек, дело серьезное, начальство уже ставит вопрос о твоей профпригодности.

— Юрий Львович, я что-то не понял, чем это они так недовольны? Передача пошла в эфир в воскресенье, в воскресенье же Лукашенко и был избран президентом.

О чем базар-вокзал, в натуре? В конце концов, вы-то сами на что? Вы же директор Русской службы! Или вас уже уволили за профнепригодность?

На том конце провода раздаются короткие гудки — Юрий Львович в сердцах швырнул трубку. Наталья вопросительно поглядывает на меня. Улыбаясь во всю ширь, я объясняю ей, что, кажется, здорово насолил американской пропаганде, хотя юридически, если они сунутся с этим делом в суд, любой немецкий адвокат тут же восстановит меня на службе без лишних на то проблем. С Коломийченко тоже взятки гладки. А вот Гендлеру, по американскому, да и по немецкому трудовому законодательству, — ответственному администратору, придется «подтираться» за всех. И поделом. Я слишком хорошо запомнил его октябрьские 93-го года призывы «поддерживать Ельцина». Если вопреки этическим нормам, которые приняты в международной журналистике, американское радио «Свобода» в открытую делает ставки на тех или иных политических деятелей (например, Явлинского), а некоторые сотрудники РС типа Савика Шустера и Марка Дейча не гнушаются брать за это и денежную мзду, то, простите, военный редактор Коновалов тоже имеет право выразить личную симпатию своему земляку — президенту Белоруссии. В конце концов я ведь прямо никого не призывал голосовать за него. Закурив, я лукаво подмигиваю Наталье и вношу предложение:

— А что, девочка, от трудов праведных не прокатиться ли нам денька на три-четыре в Питер? Погуляем, старых друзей моих навестим. Мне опять же деду Карнаушко в Выборг гонорар отвезти надо.

Наташа не против — хоть на край света.

— Тогда занимайся билетами на фирменный ночной поезд.

Снова звонок. Это уже Елистратов. На его вопрос о моих планах на ближайшие дни я коротко отвечаю, что собрался в Ленинград.

— Тогда и я с вами, — оживляется Миша.

— А тебе-то зачем, не на тачке же ты туда собрался ехать?

— Да нет, поездом, у меня там кое-какие дела с братьями Зубковыми, — нашелся Елистратов.

— Ладно. Наташ, заказывай на послезавтра четыре билета, полный купе, чтобы без подсадных.

Я встал, прыгнул под душ, наспех позавтракал чем бог послал, дождался Елистратова и дал команду отвезти меня к брату. Игорь был уже посвящен в детали моего интервью с Лукашенко, поэтому только подвел короткий итог:

— Вот теперь, братан, они тебя точно уволят!

— Брат, рано или поздно они меня все равно уволят. Я тебе уже говорил, что в предварительных списках на «пражский этап» моей фамилии нет. Тут вот что. Мы с Натахой собрались на пару-тройку дней в Ленинград. С нами увязался и Елистратов...

— А я вот в деревню собираюсь, надо дом достраивать, отец уже там.

— Братан, давай по моему возвращению. Берем Сергею Шаврова за руль и махнем вместе. А пока посиди, подумай над главами из «Команды «К». Надо хоть что-то дать в программу, пока меня действительно не турнули со «Свободы».

— Да надо. Но садиться писать все нет времени. Дел невпроворот. Дом надо достраивать. Строителей оставишь одних, приезжаешь — пьют, опять же доски разворованы.

— А ты Шаврова с «дурой» поставь, сразу воровать отвадятся.

— Да это кто-то из своих, деревенских, на пропой тащит...

— Да, Николаевич, дай-ка мне телефонный номерок Володьки Мурзина, буду в Питере — позвоню. Он в прошлом году, когда здесь у тебя был, обронил вроде, что есть у него видеозапись с Юрой Кирсановым. Хотелось бы посмотреть.

Игорь покопался в лохматой записной книжке, нашел домашний и рабочий телефоны Мурзина.

— Жену зовут Наталья. Есть собака. Сука той же породы, что и Нокс.

— Понял. Спасибо, брат.

Мы выпили по рюмочке башкирского бальзама, обнялись на прощание, и я поехал колесить по Москве дальше. Вечером, перед отъездом на Ленинградский вокзал, я позвонил Мурзину. Тот обрадовался мне как старому знакомому, предложил встретиться.

— Да нет, Володя, спасибо. С Московского меня заберут, так что вечером я у тебя. Только я не один — с подругой.

— Есть! Ждем!

С Московского вокзала нас забрал Андрей Карганов, то и дело постреливавший глазами в сторону Наташи.

— Следи за дорогой, кобель,— дружески подначил я Андрюху.

— Ну почему сразу «кобель», уж и посмотреть нельзя!

— Смотреть-то смотри, но, как в музее, руками не трогай.

— Ладно-ладно, не заводись. Елистратова я ссаживаю у братьев Зубковых. А тебя куда?

— Пока туда же, потом на хату, а вечером — вот по этому адресу.

Мы облобызались возле «Астро-банка» на Невском. Я облобызался с Серегой и Сашкой Зубковыми, упреждая их намерение поочередно лобызаться с Натальей. Потом старший Зубков, Серега, внес конструктивное предложение коллективно полакомиться чем-нибудь «экзотическим». Я не возражал, ибо, кроме стакана теплой водки, в желудке с самого утра ничего не плескалось. А с таким завтраком «по-пластунски» (это производное от давней и нехорошей привычки Володи Пластуна, а не от ползания на животе) недолго и язву заработать. Братья Зубковы, прихватив собственных секретарш (у «новых русских» свои причуды), потащили нас в «настоящий корейский ресторан». Стульев и столов там не было — сиди на полу в позе лотоса, совсем как в чайхане. Нам-то что, а вот как быть с дамами? Но дамы, слава богу, все были в брюках.

Готовили прямо на наших глазах. Персонал — сплошь корейцы. Я поманил одного пальцем и спросил: «А собачка у вас есть?» Тот, секунду помедлив, ответил на ломаном русском: «Нилза! Балсой нацалник с такой фамилий запритил!» Младший Зубков показал корейцу кулак, и тот моментально слинял. Жаль, так я и не попробовал «собчака по-корейски».

Вечером мы с Натальей приехали к Мурзиным. Володя еще с порога предупредил, чтобы не гладили собаку. Она с характером, может и цапнуть. Мы прошли, поздоровались с его супругой Наташей. Чуть погодя нас пригласили к столу. После двух рюмок я напрочь забыл о предостережении и уже не только гладил Ноксову

«сестричку», но даже и покормил ее с рук. К неподдельному удивлению хозяев, собака вела себя вполне мирно и цапнуть меня не пыталась. Потом, оставив наших дам за чаем и разговорами, я попросил Володю показать мне видеозапись с Юрием Кирсановым. Попутно выяснилось, что я ошибался тогда в Москве, принимая Володю Мурзина за кадрового чекиста. Он военный строитель, служил на Дальнем Востоке, звание и форма одежды — военноморские. В Афганистане же его как специалиста по фортификационным и другим сооружениям (бани, которые строил Мурзин, буквально воспеты бойцами «Каскада») фактически приписали к ОБГ 4-го «Каскада», дислоцированному в Кундузе. Так он познакомился и сжился с многими бойцами этого легендарного спецподразделения КГБ.

Что же касается «каскадера» Кирсанова, то Юрий Иванович был жив-здоров и служил в те годы начальником отдела украинской службы безопасности в Мариуполе. С ним, правда, случилась почти невероятная история. Юрия Кирсанова — автора и одного из родоначальников афганской песни — объявили погибшим. И только уже после вывода наших войск из Афганистана полковник Виктор Верстаков разыскал живого Кирсанова на Украине в бывшем городе Жданове. У меня не было возможности лично встретиться с Юрием Ивановичем. В Москве он бывал крайне редко, а на Украину меня самого не пускали. Нам оставалось только одно средство общения — телефон. И так уж получилось, что за вычетом старой, еще афганских времен фотографии я не имел представления о том, как выглядит живой Юрий Кирсанов с гитарой в руках.

Здравствуй дорогая, из Афганистана,
Я пишу, как прежде, жив я и здоров,
Что в часы свободные, бродим по дуканам,
Базарнее Кабула я не видел городов.

С видеоленты уже далеко не молодой старший лейтенант тех далеких афганских годов пел одну из известных своих песен. Мы с Володей налили по полной, встали и молча выпили «третий».

Мой последний день в Питере ознаменовался походом в ресторан все с теми же братьями Зубковыми. На сей раз они выбрали «китайскую экзотику». Старший из

братьев, Сергей, владел китайским не хуже, а может, и лучше, чем русским. Как-никак, а добрый десяток лет прослужил в ОСНАЗе ГРУ в Чите, разбивая коды и шифры к запускам китайских межконтинентальных ракет.

Мы подошли к невысокому росточком, улыбающемуся человеку — администратору ресторана «Шанхай», и Серега Зубков, поздоровавшись по-китайски, что-то быстро-быстро затараторил. Я, будучи уже навеселе, тоже решил блеснуть знанием китайского, но, вместо традиционного приветствия «ни хао» («добрый день»), сам не знаю почему выпалил: «хо ни ма». По-китайски это означает то же самое, что по-русски послать к едреной матери. Китаец изменился в лице, улыбка стерлась, но в ответ он ничего не сказал. Зато поинтересовался Зубков: откуда это у меня такие «познания»? Я несколько смущенно ответил, что, пока был пессимистом, пытался учить китайский. Потом стал оптимистом и выучил английский. Зато теперь я реалист и изучаю устройство автомата Калашникова.

Гульба в китайском ресторане была еще та. Китайцы просто «заплакали от счастья», когда Серега Зубков, разогнав что-то мычащий на эстраде оркестрик, взял микрофон и громко на весь зал запел песню о «Великом кормчем Мао, переплывающем реку Янцзы». Запел, разумеется, по-китайски. Правда, уж не знаю зачем, администрация ресторана пригласила послушать пение еще и местный ОМОН, но бойцы оказались свои ребята, знакомые еще одного из братьев Зубковых, Аркаши, в прошлом советника при Гардезском полку афганских командос. Им налили по полному стакану водки и тоже усадили за стол.

В себя я пришел уже в «ночном фирменном», уносившим меня все дальше в сторону Москвы-матушки. Голова от китайской рисовой водки болела нещадно. И только бы одна голова! В купе мы были вдвоем с Натахой, Елистратов подзадержался в Питере.

К брату в деревню поехали через несколько дней, когда я настолько отошел от «китайской экзотики», чтобы твердо уже стоять на своих двоих. (Не таскать же меня Сереге Шаврову, закинув на плечо, как в старые добрые времена службы в Псковской ВДД — зенитно-ракетный комплекс «Стрела-2».) С утра загрузились в «Москвич», Серега сел за руль, и мы не спеша вырулили на Рязанское шоссе. В деревне мне понравилось. Заповедные

места, почти не испоганенная цивилизацией природа. Вот только с непривычки, не иначе как от чистого деревенского воздуха, снова разболелась голова. Мужики дали дельный совет: подышать выхлопными газами. Как ни странно, помогло — боль словно рукой сняло.

Сергея Шавров — «огромный двуногий кот» — ловил в речке рыбку, Игорь занимался домом, а я — безуспешными попытками засадить Игоря за работу с «Командой К» или соблазнить Шаврова выпивкой. Один раз, только сели в горнице и я приготовил магнитофон к записи, как через улицу кто-то во всю мощь динамиков врубил долбанного Шуфутинского. Мне это «чмо» живьем надоело еще в «русских» ресторанах Лос-Анджелеса, но чтобы здесь, в самой что ни на есть российской глубинке, слушать его подвывания... Это было уже слишком! Выход из положения нашел Серега — посадил нас с братом в тачку и отвез в глухой лес.

— Уж тут-то вас никакой еврейский шансонье не достанет,— улыбаясь, пробасил Шавров.

Так в конце концов в полной тишине, если не считать стрекотания в траве редких кузнечиков да писка мелких лесных пичуг, мы и записали с Игорем первые две главы его воспоминаний. Сделали перерыв. На заднем сиденье нашлась поллитра первача, изготовленного двоюродным братом Игоря Валентином (по качеству — не хуже марочного британского виски, но куда как крепче по градусам), пара свежих огурцов только что с грядки — и, как назло, никакой посуды. Первач — не магазинная водка, с горла тянуть не с руки. Выход из положения опять нашел «непьющий» десантник Шавров — вытряхнул фотопленки из пластмассовых футляров и протянув нам по два импровизированных стаканчика: «Грамм по пятьдесят войдет». (Ох, прав был Венедикт Ерофеев: наш русский народ, касательно «этого дела» — самый изобретательный народ в мире.) Мы выпили, загрызли самогон огурцом и с божьей помощью записали следующую по счету кассету — еще две главы «Команды К». Нам бы так и продолжать творческий процесс, но... сперва закончился «первач», а потом начало смеркаться и пора уже было возвращаться в деревню. А завтра — в обратный путь на Москву.

Валеру Борисенко мы подобрали в городе, в районе Тверской. Елистратов хорошо знал дорогу в Нарафоминск еще со времен своей учебы в Военной академии имени

Фрунзе. Второе августа — День десантника. Приехали, запарковали тачку. Огромное поле, на котором уже выставлена трибуна для командования ВДВ и отведены места для гостей. Народу много. Я пробираюсь поближе к трибуне, глазами выискивая знакомые лица. Жарко. Но голова от жары почему-то не распухла, а съежилась. Солнцезащитные очки то и дело грозят свалиться с носа. Елистратов плетется где-то сзади, а Борисенко совсем куда-то исчез. Наконец он появляется — и не один.

— Полковник Александр Маргелов,— представляется его попутчик.

Я называю себя, пытаюсь спросить что-то еще. Опять никого вокруг. Что за наваждение, однако, я ведь вроде трезвый еще! Подхожу еще ближе к трибуне. С группой офицеров и генералов штаба чуть поодаль стоит командующий ВДВ — генерал Подколзин. Подхожу к нему, здороваюсь, поздравляю Евгения Николаевича с праздником. Тот сразу узнает меня, спрашивает, как дела, успехи. Командующего отвлекают, его помощник полковник Геннадий Яценюк тихо шепчет мне на ухо, чтобы я не приставал сегодня с вопросами об интервью — не то время. Обещаю вести себя хорошо и возвращаюсь на прежнее место дислокации. После торжественной части и показательных выступлений 119-го парашютно-десантного полка Тульской ВДД нас приглашают за стол: водка и гречневая каша с тушенкой — обычный рацион русского десантника. Александр Маргелов сам находит меня. Договариваемся об интервью. (Уже значительно позже, осенью прошлого, 2001 года, Саша наконец признался, что услышав слова «радио «Свобода», по первой мысли решил ретироваться куда подальше от представителя «вражьего голоса», но, узрев, что я близко знаком с командующим Воздушно-десантными войсками, все же переменял свое решение. И правильно сделал!)

Праздник ВДВ закончился, пора было собираться в обратную дорогу. Валера Борисенко окончательно затерялся, хотя загодя еще предупреждал нас: если что, то не ждите, назад сам доберусь. Александр Маргелов предложил до того, как выдвигаться к нему в Сивцев Вражек, захватить на Новодевичье, к Бате. Возражений не было. Но тут, правда, выяснилось, что Александр Васильевич не один, с ним еще брат Анатолий с племянником. Ладно, как-нибудь разместимся. До Новодевичьего кладбища доеха-

ли без приключений, хотя гаишников в городе было на каждом углу. Взяли цветы и пошли к могиле Василия Филипповича Маргелова. Возле надгробного памятника уже стояла группа ребят в тельняшках и камуфлированной форме — ветераны ВДВ, по десантной традиции каждый год приходящие почтить память командующего — своего десантного Бати. Многие из них воевали в Афганистане. Крепкие мужики — ящик водки на одиннадцать пьющих душ и только одно кольцо колбасы да краюха хлеба.

Я уж не знаю, что подумала супруга Александра Васильевича Лидия, когда ей представили «некоего господина», едва держащегося на ногах, выдавая этого «господина» за собственного корреспондента известной зарубежной радиостанции. Но потом я малость оклемался, вновь обрел дар членораздельной речи, ознакомился с экспозицией домашнего музея Маргеловых и оказался вполне способным записать рассказ Александра Маргелова о его отце — десантнике номер один, Герое Советского Союза, генерале армии Василии Филипповиче Маргелове. То был самый первый материал, открывший еще одну, новую страницу программы «Сигнал». После выхода передачи в эфир мне позвонил осевший в Германии бард, в прошлом майор ВВС Виталий Дегтярев, и сообщил, что написал песню о Маргелове-отце. Как раз в это время я готовил второй материал Александра Васильевича к эфиру, и песня пришлась как нельзя кстати. Саше она тоже очень понравилась. А еще я отправил к нему моего автора — ныне покойного русского писателя Петра Паламарчука — с просьбой подготовить материал о домашнем музее легендарного десантника. Нужно было пробивать стену умолчания, искусственно созданную вокруг имени Бати в бытность одного (далеко не самого выдающегося) выпускника Рязанского воздушно-десантного училища «лучшим министром обороны всех времен и народов».

Мои «московские каникулы» подходили к концу. Одно из августовских воскресений я провел на даче у старого знакомого — Вадима Бакатина, а в понедельник, буквально за несколько дней до отлета обратно в Германию, навестил еще и Александра Ивановича Гурова, работавшего тогда начальником службы безопасности в одном из коммерческих банков Москвы. Домой к нему мы приехали уже с Серегой Шавровым. Как только я сообщил Елистра-

тову, что тачка теперь в его полном распоряжении, Мишаня был таков, напоследок, правда, успев мне крикнуть, что «Свободу» он теперь в гробу видал. Ну, как говорится, «баба с возу»...

Александр Иванович порасспрашивал меня о моем «мытарстве» на просторах бывшего СССР, рассказал о своей работе над книгами «Красная мафия» и «Тайна красной ртути», а под занавес мы сели записывать его материал по истории терроризма в России, который я и приведу в приложении к настоящей главе в рубрике «По страницам программы «Сигнал». (Материал этот по не зависящим от меня обстоятельствам я смог дать в эфир только в декабре.)

Буквально в последний день мне позвонил Сергей Замашиков и предложил встретиться, как он выразился, «на предмет нетелефонного разговора». Мы забурились в какой-то шалман недалеко от Бюро РС, где-то на Новослободской, и мой «американский знакомец», не бродя долго вокруг да около, спросил: не знаю ли я какого-нибудь офицера запаса, который согласился бы ему, Замашикову, время от времени поставлять информацию военно-экономического характера (его интересовали российские оборонные предприятия), разумеется, за определенное вознаграждение в «грингах»? «Вопрос, господин Замашиков,— подумал я про себя,— очень интересный. Ко всему вы, оказывается, еще и шпион! Вот, значит, каков ваш новый бизнес». Вслух же сказал:

— Есть такой человек.— И недолго думая сунул ему домашний телефонный номер Миши Елистратова (когда-то, в 92-м, они уже пересекались).

Я человек добрый и незлопамятный. Надо же Мишане как-то отчитаться перед «компетентными органами», раз он лишился такого «ценного» субъекта, как я, а тут — «целый американский шпион». Не знаю уж, чем закончилась эта история. Но ни с товарищем Елистратовым, ни с господином Замашиковым я больше уже никогда не встречался ни в Москве, ни где-либо еще.

БЕРЛИНСКАЯ «КАЛИНКА-МАЛИНКА»

Я вернулся в Мюнхен, еще раз поимел разговор с Юрием Львовичем по поводу «вольностей в эфире», пообещал впредь не «резвиться» и занялся подготовкой со-

бранных в Москве материалов к эфиру. Август подходил к концу, а в Берлине намечались торжества по случаю выдворения «последних русских оккупантов» с участием «пьяного медведя», как окрестили господина российского президента некоторые не лишённые юмора немецкие бюргеры. Было заметно, что Гендлеру менее всего хотелось бы посылать в Берлин именно меня, но больше послать было некого, а событие освещать надо. В конце концов Юрий Львович нашел компромисс, совсем как в гражданскую войну 18-го года, когда к какому-нибудь переметнувшемуся на сторону красных «лихому рубака» типа Семена Буденного или Григория Котовского приставляли для острастки комиссара-еврея. Так и ко мне, как и три года тому назад, снова приставили гнусную личность и стукача по фамилии Манхайм, в прошлом несостоявшегося израильского гражданина, выпертого из «земли обетованной» за несоответствие облику и высокому званию представителя «избранного народа». Что ж, делать нечего — придется ехать на «торжества» в Берлин с собственным «комиссаром».

В восточной, некогда «коммунистической», части германской столицы мы поселились в уютном отельчике с названием «Унтер дер Линден» («Под липами»), известному по сериалу о Штирлице и фильму «Мертвый сезон». Отель этот и в самом деле был излюбленным местом для разведчиков и шпионов всех мастей и народов в 50—60-е годы, но в 90-х стал просто отелем, каких в Берлине десятки. (Место это было выбрано мной еще и потому, что сам ЕБН остановился в отеле, расположенном рядом, через дорогу.)

В Министерстве иностранных дел Федеративной Германии нас снабдили спецпропусками, дававшими право на беспрепятственный проход через все полицейские посты и кордоны. Можно было приступить и к освещению визита российского президента. Крылатый «членовоз» с надписью по борту «Россия» с довольно заметным опозданием тяжело плюхнулся на бывшей французской авиабазе. Пока ожидали «виновника торжества», я, завидев окруженного свитой из генералов Пал Сергеича, подошел и, напомнив о его очень давнем московском обещании, попросил сказать пару слов в микрофон. Грачев, однако, предложил поговорить завтра на его совместном утреннем брифинге с немецким коллегой, господином

Рюэ, а пока пару слов я могу получить от Матвея Прокопьевича. Он, Грачев, разрешает. Пожелание министра обороны равнозначно его приказу. Пришлось Главнокомандующему ЗГВ генерал-полковнику Бурлакову давать импровизированное интервью, а так как ничего лучшего, как почти слово в слово повторить свой завтрашний рапорт президенту России, он не нашел в собственном словарном запасе, то не моя вина, что на волнах радио «Свобода» рапорт этот прозвучал на сутки раньше, чем в торжественной обстановке на Жандармен-плац, и принимал его не Ельцин, а ваш покорный слуга.

На утреннем брифинге министров обороны Грачева и Рюэ, кроме нас с Манхаймом, оказались всего несколько немецких журналистов. Но это и к лучшему — не люблю толчеи. Я предупредил Манхайма, чтобы к Грачеву он и близко не подходил, еще раз напомнив о субординации: кто здесь редактор, а кто — хрен с бугра. Со своими немцами базлай сколько влезет, это не моя сфера интересов. Я по-армейски коротко и четко «отбарабанил» свои вопросы российскому министру. Пал Сергеич отвечал довольно охотно, видимо, с утра уже пребывая в хорошем расположении духа. Настроение ему подпортил все тот же Манхайм, до самой «матки» доставший немецкого министра обороны Рюэ вопросом о пропаже с территории Германии чуть ли не тридцати тысяч тонн российских боеприпасов из арсеналов ЗГВ, которые оказались черт-те где, у каких-то там боснийских сербов. (Обычный бред немецких бульварных газетенок того времени. В Германии существуют только два вида прессы — желтая и очень желтая. Газетенка, опубликовавшая сии откровения, относилась к последнему типу.) Германский министр обороны, выпучив свои водянистые глаза больше обычного, начал что-то сбивчиво объяснять. Переводчик не успел даже рта раскрыть, как в разговор вмешался Грачев. На хорошем немецком языке, хотя и с сильным акцентом, он разъяснил собравшимся, что никакие боеприпасы из ЗГВ никуда не пропадали и что все это досужий вымысел, если не провокация.

Опять известная сцена из гоголевского «Ревизора»: немцы стоят, широко пооткрывав рты. Я тогда про себя подумал, что они могли в присутствии Грачева в силу своей обычной тупой чванливости наговорить в его адрес, даже не задумываясь над тем, что русский министр

обороны прилично владеет немецким. Он же дипломированный переводчик-референт с немецкого. В бытность Бати командующим ВДВ все курсанты «Рязанки» обязаны были изучать иностранные языки и сдавать по ним экзамены на выпуске из училища. Впечатления интеллектуала, Грачев на здешнюю публику никогда не производил, особенно после его давнего «показательного выступления» в Германии с разбиванием кирпича о голову. Да, господа фрицы, хреново у вас теперь разведка поставлена. Читали бы внимательнее биографию Павла Сергеевича — меньше было бы проблем.

Не буду подробно пересказывать берлинское «шоу» конца августа 94-го, включая и знаменитую президентскую «калинку-малинку». Все это в те дни достаточно транслировали и комментировали по телевидению и в печати. Мои собственные впечатления были тягостными. Праздник вышвыривания последних русских оккупантов с немецкой земли — иначе это и назвать было нельзя. Противно было смотреть, как тот, кому, по логике вещей, вменялось в обязанность быть представителем Великой России — державы-победительницы, не только потакает общему настрою, но и с радостью к нему присоединяется. И за что же тогда мой дед отдал свою жизнь в подмосковном лесу зимой 42-го? За что свои жизни отдали миллионы других солдат и офицеров Великой Отечественной? Неужели за это? То, что было сделано, начиная от 3 октября 1990 года, — исторически свершившийся факт. Другое дело, как это было сделано.

И никакие визиты и лобызания господина Путина с господином Шредером уже ничего в том не поправят. Тот же Шредер во время своего визита в Грузию зачем-то начал каяться перед грузинами в преступлениях «третьего рейха», хотя общеизвестно, что на землю этой закавказской республики сапог германского «вермахта» никогда не ступал и Тбилиси никогда под немецкой оккупацией не был. Немецкие захватчики были рядом — на Северном Кавказе. Но простим малообразованному политику его плохое еще со школьных времен знание истории и географии. Немцы и сами признают низкое качество образования в своих начальных и средних школах. Но я что-то не припомню, чтобы во время визита в Москву господин немецкий канцлер хоть в какой-то форме извинился за те же самые преступления рейха перед русским народом,

заплатившим за свою Победу 20 миллионами жизней. (Куда уж нам, с такими «жалкими» цифрами, до якобы шести миллионов жертв так называемого «Холокоста», за который и поныне исправно выплачивают Израилю мзду из немецкой казны. Но мы — русские, у нас не принято менять кровь на деньги.)

А зачем? Если, опять же, начиная от 90-го года — времени объединения обеих частей Германии в одно государство, взять и суммировать хотя бы то, что в исторических рубриках транслируют некоторые немецкие телеканалы, то получится: жертва — они, а мы — агрессор. Это мы-де развязали войну с гитлеровским рейхом и первыми напали на них — «дикие варвары» с Востока, насилующие немецких «фройляйн» во все дырки, в одиночку и толпами. В объединенной уже Германии подрастает очередное молодое поколение, щедро вскормленное на американских и сионистских харчах (то-то некоторые из них пытаются взять реванш, воюя на стороне чеченских боевиков; подзабыли, видать, уроки прошлого, пора бы напомнить), а нормальных старых немцев, еще помнящих правду той войны, остается все меньше и меньше. Я не знаю, сколько еще простоит в Трептов-парке памятник Солдату-освободителю. Он как бельмо на глазу — напоминание о прошлом, которое здесь хотят поскорее переписать и забыть.

«Торжества» закончились — последняя рота «оккупантов» отбыла поездом с восточноберлинского вокзала Лихтенберг. Завтра немецкие бюргеры с почетом будут провожать своих «истинных освободителей» — американцев, англичан, французов. А сегодня вечером президент Похмельцин закатывает банкет в российском посольстве. Я не пошел туда, а жаль. Говорят, там было на что посмотреть — Борис Нелокаевич прилюдно огрел по лбу пивной бутылкой своего пресс-секретаря Вячеслава Костикова. Так сказать, заключительный аккорд «берлинской калинки».

«НА ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЕ ТОЛЬКО БАКСЫ В ЦЕНЕ»

Вот уж осень пришла незаметно... и так же незаметно прошла. В коридорах радио «Свобода» тишина, как на осеннем кладбище, только шорох падающей листвы за

окнами. Английский парк — красивейшая из достопримечательностей Мюнхена,— изуродованный неуклюжим «шедевром» американской масс-медийной архитектуры. Немцы тоже ждут передислокации «монстра». Кому достанется опустевшая коробка здания?

В середине ноября я снова «наострил лыжи». На юге России, в Чечне и окрестностях, наблюдались «странные» приготовления к чему-то большому и нехорошему. Потом это назовут «штурмом Грозного силами чеченской оппозиции». Юрий Львович Гендлер, едва я только зашел к нему в кабинет и завел разговор о командировке, с радостью прокартавил:

— Поезжай, старик. Как с жильем? Можешь рассчитывать на служебную квартиру.

Я не успел еще решить вопрос с хатой в Москве и поэтому согласился. Знал бы на что. Уговорив кое-как Бориса Бурштейна (сам Гендлер обходил его «десятой дорогой», ибо знал — Боря мог и в морду заехать, попробуй потом назови его за это «антисемитом») присмотреть за моей программой, я уже с билетом в кармане зашел напоследок в кабинет к Женьке Кушеву. Тот попросил передать привет Игорю Морозову (с братом они как-то общались в Москве), но было видно, что сам он какой-то нервный и явно не в духе.

День близился к концу. А, черт с ним, отосплюсь в самолете, а за ночь запакую в чемодан свое барахло! И я предложил Кушеву пойти посидеть за стаканчиком в Венском буфете на Арабелла-парк. За пивом, кофе и виски (каких только «коктейлей» не вливал я в свой бедный желудок) выяснилось, что у Жени трения с Гендлером и Шустером, в том числе и из-за моего «Сигнала». Ладно, вернусь — придется еще раз напомнить Юрию Львовичу о существовании «славного, сталинской еще закалки, следователя КГБ по фамилии Волошенюк» (он у братьев Зубковых в коммерческом банке в охране теперь служит). Один раз это уже помогло. Случайно в кафе заглянул еще один человек — не из радиостанционной «братии», но очень хорошо нам обоим знакомый. Поздоровались, пригласили подсесть к столу. Подозвав официанта, он заказал кофе — алкогольных напитков не пил. Заговорили о Чечне (сам он недавно оттуда), но сказать что-нибудь конкретное было сложно, мало информации. (Информации о Чечне на тот период времени было крайне мало и на РС.)

К слову же сказать, в Мюнхене в те времена спокойно проживал и учился на переводчика с немецкого сын Джохара Дудаева Лорик. Присматривать за отпрыском президентской фамилии пристроили известного вам по ранним главам моих воспоминаний казахского немца Витмайера, которого к тому времени на радио «Свобода» сократили за ненадобностью, и он подвизался в какой-то «левой» казахско-чеченской фирме. Как-то в Мюнхене нарисовался и сам «папа», с размахом поселившийся в отеле «Шератон» на Арабелла-штрассе, в той же самой «сюите», которую два с лишним года назад, во время летней встречи в баварской столице «большой семерки» плюс Ельцин, снимал другой «папа» — Буш-старший.

Джохар ибн Муса прилетел на собственном самолете «Ту-134» из Иордании, с промежуточной остановкой в Триполи, где пообщался с Муамаром Каддафи. Небезынтересно, что американцы тогда просто «глаза закрыли» на яхшание своего «подопечного» с «террористом номер один», ныне уступившем «пальму первенства» бывшему агенту ЦРУ Осаме бен Ладену. Среди сопровождавших президента Ичкерии лиц находился и министр пропаганды Мовлади Удугов, ранее уже побывавший у нас в гостях на «Свободе». (Но это еще «цветочки». Известному россиянам террористу Салману Радуеву выбитый глазик лечили в частной клинике в Гармиш-Партенкирхене, от которой рукой подать до американской шпионской школы. В Германию Радуев прибыл по фальшивому паспорту, а обычно «бдительные» немцы почему-то ничего не заметили, хотя вышеозначенный господин уже в то время числился в розыске. Вот такие, мать их, борцы с «исламским терроризмом».)

Президент Ичкерии принимал гостей, сидя на низком столе, скрестив по-турецки ноги. На вопрос, чем «отец нации» собирается заняться после своего президентства, так сказать, уйдя на заслуженный отдых, тот, ничтоже сумняшеся, ответил: «Поворотом земной оси на пару градусов, чтобы малость потеплело». (Как давать такое в эфир?) А еще он продемонстрировал желающим некий «камешек под толстым стеклом» и ксиву, гласившую, что «камешек» сей содержит не «хрен собачий», а уран. Бери, значит, и обогащай. Да и золотишко в горах Южной Чечни попадается тоже. (Надо же, еще и геолог-самоучка! И как такое давать в эфир?) Прости, уважаемый читатель, если

отнесешься к этим моим словам с известной долей скептицизма. За что я товар купил, за то и продаю.

На Дудаева-младшего «наехали» в 95-м, когда война была уже в полном разгаре. (Я примерно догадывался кто: одни — из-за денег, другие — чтобы «вину перед Родиной искупить».) Я с самого начала знал, кто Лорик. Но парнишка мне нравился, поэтому я держал язык за зубами. В конце концов «сын за отца не отвечает». А вот Витмаер по пьянке чесал языком где ни попадя, так что пришлось бедному Лорику рвать когти во Францию, оттуда — в Турцию, а потом уже в Чечню, где его и зацепило осколком гранаты.

А еще у меня был хороший знакомый Тимур (именно он и подсел в тот вечер к нашему столику в Венском кафе) — сын известного на Западе, да и в России, ученого-политолога Абдурахмана Авторханова. Авторханов-старший, ныне уже покойный, был настолько известен среди своего народа, что стоял вне тейпов и над тейпами, да и по уму равных ему было мало не только среди чеченцев. Я хорошо знал старика, ибо помогал ему собирать материалы для нескольких последних книг, включая «Мемуары» и книгу «Ленин в судьбах России». В силу этого я неоднозначно тогда отнесся и к развязанной Ельциным и Грачевым войне. Не все чечены — «звери», равно как и не все русские, включая и вышеуказанных по фамилиям господ, имеют право русскими называться. Что же касается джихада — по Корану, священной для каждого мусульманина войны с неверными, — то, как и в Афганистане, очень часто это служило лишь идеологическим прикрытием тривиальному бандитизму. Другое дело, что и в Афганистане, и в Чечне, когда по-крупному уже заварилась «кровавая каша», на сопротивление вторгшимся войскам поднялись все, включая стариков, подростков и даже женщин, но и это не джихад, а борьба народа за выживание.

Мы, русские, и сами ведь прошли ту же «школу выживания». Настоящий джихад существует в одном-единственном месте. И место это называется Палестина. Нынешний «исламский террорист номер один» Осам бен Ладен, как и некоторые другие его «коллеги по бизнесу», исправно служил не Аллаху, а своему истинному хозяину — ЦРУ США. Бравший мзду из рук сатаны, согласно Корану, не имеет права назвать себя «воином Аллаха». (В одной из сур Корана, правда, содержится упоминание о воз-

возможности временного союза с врагом, но только не с тем, руки которого по плечевой сустав обагрены кровью правоверных.) Так и с чеченами. Когда за доллары режут головы пленным русским парням и снимают все это на видеопленку — это не джихад, а просто убийство, за которое, по закону шариата (заповедь «не убий» есть и в Коране) им самим придется отвечать перед Господом и Пророком его.

Мы говорили еще долго, порой соглашались, порой спорили, пока хозяин кафе, потеряв всякое терпение, наконец не намекнул, что на дворе уже ночь, он закрывается и нам пора расходиться по домам. Ладно, со всеми возникшими вопросами попробую разобраться уже на месте, в Москве.

В Штабе по координации военного сотрудничества меня поставили в известность, что первого декабря Грачев дает пресс-конференцию на встрече министров обороны стран СНГ. Ага, обязательно приду, если не ради министров, то уж точно ради буфета. Но пока что у меня другие планы — мы с Игорем и Сергеем Шавровым собрались на несколько дней слетать в Сочи. У брата там живет еще с Афгана близкий ему человек — полковник Олег Брылев, обладатель самой большой и самой уникальной коллекции кассет с афганскими песнями.

Служебная квартира, предоставленная мне Московским бюро РС, оказалась с выведенной из строя сантехникой. А, черт, как-нибудь перебыюсь, пока освободится жилье по старому летнему адресу. Наталья тоже куда-то запропастилась. А чего я, собственно, хотел? До бесконечности вешать ей лапшу на уши? Каждому нужно устраивать свою жизнь. Хотя жалко, девочка мне действительно нравилась. Ничего, в России еще много красивых и симпатичных женщин, водки тоже хватает, авось и на мой век достанет. Ежели нет, то, по Корану, меня все это ожидает в жизни загробной. Вот возьму и стану «шахидом», но сначала брошу пить. А как быть с обрезанием? Вдруг лишнего отхватят... тогда на хрена мне этот ислам и эта «загробная жизнь»?

Мысли в тот вечер, перед отлетом на юг, в голову лезли совсем какие-то все невеселые. Даже водка не помогала.

В аэропорту Адлера нас встретил сам полковник Брылев. В Сочи я, как и Серега Шавров, был впервые. Конец

ноября — мертвый сезон. Город мне понравился, хотя, если бы не близость Черного моря, он мало чем отличался бы от многих провинциальных городков сонного российского юга.

Олег Брылев переписал мне несколько кассет из своей коллекции, и мы договорились, что к самому концу декабря он подготовит материал «История афганской войны в песнях ее участников». Еще (посредством некоторых знакомств) у меня наметились и планы по бизнесу, которым я решил заняться после того, как меня попрут со «Свободы». (Лучше бы я этим «бизнесом» вообще не занимался. Каждому свое, а мне — потерянные бабки и время.)

Через пару дней мы вернулись в Москву, договорившись на следующий год еще раз махнуть втроем в Сочи — в более подходящее для купания время.

По возвращении с юга я попал, как говорится, с корабля на бал. Пал Сергеич в своей «новоарбатской вотчине» принимал датского министра обороны, и меня в числе немногих прочих «доверенных» пригласили на «пятый этаж», где был расположен рабочий кабинет Грачева. В этой части здания Министерства обороны, куда вел специальный лифт, почему-то обслуживаемый не прапорщиками, а двумя представительницами женского пола в весьма цветастой «гражданке», я был впервые. Пресс-секретарь министра обороны Елена Агапова уточнила диспозицию на первое декабря, попутно заметив, что она постарается помочь мне взять короткое интервью у «шефа», но не в этот раз, не сегодня.

Мы едем в гости к Маргелову. За рулем уже изрядно раздолбанной «пластуновской» тачки азербайджанец Зейнал Курбан-оглы (по-русски Женя Курбанов). Хороший малый. Воевал в Афганистане. Служил в УПС азербайджанского КГБ. Родом он из Нахичевани. Теперь вот живет в Москве, в политической диаспоре. С протурецки настроенным президентом Эльчибеем ему не по дороге.

— Сдался мне этот «известный азербайджанский поэт»! — улыбаясь, говорит Зейнал.— Мой прадед был «кази», шариатский судья, всей Нахичевани и прилегающих районов.

Внешне сам он заметно тяготеет к аристократическому, иранскому этническому типу, а не к тюркскому. В ма-

шине стоит тяжелый спиртовой дух, за версту привлекающий московских гаишников. Конец осени выдался морозный, и вместо антифриза, которого не достать, равнодушный к алкоголю Зейнал заливает в радиатор почти чистый спирт.

— Да не пью я, начальник, мусульманину запрещено употреблять алкоголь,— увещевает Зейнал очередного «мастера машинного доения». — Не веришь — склонись к радиатору, хлебни глоток-другой, сам убедишься.

Гаишник поднимает капот, принохивается.

— Вот чурки проклятые, какой продукт переводят,— бурчит он себе под нос.

Витя Верстаков всю дорогу молчит, перебирая какие-то бумаги. В доме на Сивцевом Вражке он бывал и раньше, еще при жизни Бати. Третий мой попутчик, Серега Шавров, всегда рад возможности встречи с тем единственным человеком, который дорог сердцу каждого русского парня, отдавшего два года службе в ВДВ — Войсках Дяди Васи. А для меня лично дом Маргеловых стал уже родным домом. Александр Васильевич пишет книгу об отце, несколько глав из нее я и собираюсь сегодня записать для «Сигнала».

Наконец первое декабря. Мы с Сергеем Шавровым проходим через КПП на территорию штаба. Серега в камуфлированной форме, так что мало бросается в глаза, а я уже примелькался. Я сразу было беру направление к буфету, но тут замечаю знакомое мне лицо — генерала армии Махмута Гареева. «Дед» тоже узнает меня. Как положено на Востоке, мы обмениваемся вежливыми приветствиями и пожеланиями здоровья.

С Махмутом Ахметовичем, ныне президентом Российской академии военных наук, я познакомился еще в 92-м в Мюнхене, когда он, будучи гостем американского военно-исследовательского центра в Гармиш-Партенкирхене, заглянул и к нам на «Свободу». Прошу генерала армии Гареева дать короткое интервью о состоянии военной науки на постсоветском пространстве. Генерал обстоятельно рассказывает. Попрощавшись с Махмутом Ахметовичем, мы с Серегой «короткими перебежками, умело маскируясь в складках местности», наконец добираемся и до буфета. Там, быстро рассовав «боезапас» по его и моим карманам (дабы не вызывать лишних вопросов у на-

чальника штаба генерала Самсонова, если встретим его по дороге, или у кого-то еще), мы поднимаемся вверх к Серафиму Юшкову.

Полковник Юшков ожидает «приговора». Не знаю уж, чем он так достал Пашу в одном из своих телеинтервью, но «лучший министр обороны» поставил на повестку дня вопрос о его «служебном несоответствии». Хорошо зная норы Пал Сергеича, я прикидываю, что дело нешуточное и может грозить увольнением с должности и из рядов Вооруженных Сил. Юшков — российский офицер. На заседании министров обороны объявлен перерыв. Несмотря на изрядную уже заправленность «горючим», беру себя в руки и двигаюсь прямо, как посаженный на кол.

С мадам Агаповой я — сама галантность. Пал Сергеич тоже заметно навеселе и оттого, наверное, в хорошем расположении духа. В ответ на мою слегка скабрзную шутку отпускает несколько своих. Идиллическая картинка: я окончательно перешел в разряд «человеков доверенных и уважаемых». Полковника Юшкова Паша уже объявил уволенным с должности и со службы. Все, Серафим Алексеевич, с этой минуты можете считать себя гражданским лицом. По внутренней связи объявляется о пресс-конференции российского министра обороны. Шавров остается за дверью, а я занимаю место за массивной спиной знакомого мне еще по Берлину начальника охраны министра, подвинув свой микрофон как можно ближе к Грачеву.

Я не торопился задавать вопросы, окончательно протрезвев и с интересом оглядывая остальную публику. Я жду, когда разговор переведут на Чечню. Но не ждать же вечно, поэтому, подловив «окно», я спросил у Павла Сергеевича о «дружбе» с НАТО и о том, как в Северо-Атлантическом союзе реагируют на наращивание группировки российских войск на южном (северо-кавказском) направлении. Вопрос аккуратный, но наводящий на определенные размышления. На радио «Свобода» я все-таки прошел хорошую школу спецпропаганды, то есть, простите, журналистики.

И тут-то началось. Как из рога изобилия посыпались вопросы по «странным» действиям некой «оппозиции» дудаевскому режиму в Чечне. Откуда у нее, у этой «оппозиции», например, танки «Т-80М», лобовая броня которых не

пробивается из гранатомета, и другая новая бронетехника (на вооружении дудаевской армии было всего несколько старых «Т-62» и «Т-72»)? Масла в огонь подлил и сам Грачев, обративший внимание журналистов на наличие у режима Дудаева аэродромов и учебных самолетов чехословацкого производства «L-29» и «L-39», которые легко-де переоснастить в боевые.

И тут-то я и выпалил:

— Павел Сергеевич, вы скажите лучше, чьи «грачи» вчера ночью бомбили Грозный, когда на весь чеченский народ — единственный боевой летчик сам президент Дудаев?

Кое-кто из присутствующих журналистов сдавленно хихикнул над моим «каламбуром». Телекамеры продолжали снимать. Пал Сергеич побагровел:

— Я разберусь, чьи «грачи».

Пресс-конференцию министра обороны объявили законченной. А мне вежливо намекнули, что теперь дорога в здание на Новом Арбате, как и дорога в Штаб КВС СНГ, навсегда заказана. Заказана так заказана. Я пошел делиться «радостной» вестью с полковником Юшковым, раздумывая на досуге, дойдет ли до телеэфира пресс-конференция министра обороны в полном объеме или же ее порежут до неузнаваемости.

Про поддержку российской авиацией чеченской «оппозиции», штурмовавшей Грозный, я узнал из очень надежного и доверенного источника, который не имею права называть и поныне. Чуть позже, уже в 95-м, этот же источник предоставил в мое распоряжение полную информацию о вооружении, структурах и боеспособности дудаевской армии. Серафим Алексеевич уже был поставлен в известность по поводу моей совсем не саврасовской картины «Грачи прилетели» и смеялся до слез. Мы выпили за удачу, и я действительно навсегда распрощался с гостеприимными стенами Штаба по координации военного сотрудничества стран СНГ.

Несмотря на запрет министра обороны, я при содействии Валерия Борисенко и попустительстве комендантской роты «тайно» проник в Главный штаб Сухопутных войск России и провел беседу с главнокомандующим, генерал-полковником Владимиром Магомедовичем Семеновым (ныне президентом Карачаево-Черкесии.) Кто бы

мог тогда подумать, что генерал Семенов и его заместитель генерал Эдуард Воробьев найдут в себе «смелость» отказаться возглавить чеченскую кампанию, а Семенов позднее вообще ударится в политику?

История, как и природа, не терпит пустоты. На место отказавшихся выдвинулись другие генералы — Шевцов, Рохлин, Квашнин. Одни и поныне здравствуют и ходят в «героях» гражданской войны, других же, как покойного Льва Рохлина, наоборот, сделали «стрелочниками». Раз есть война и вина, надо же на кого-то ее и взвалить.

С Валерой Борисенко мы съездили побеседовать к одному из лидеров правой российской оппозиции генералу Владиславу Ачалову, а кроме того, я попросил Борисенко провести интервью с непосредственными участниками операции «Шторм 333» — взятию под контроль афганской столицы нашими войсками в конце декабря 79-го. Договорились мы и о том, что он берет на себя освещение хода чеченской войны в рамках программы «Сигнал».

Саму военную кампанию официально еще не объявили, но чувствовалось, что ждать уже осталось недолго. Я бы подольше остался еще в декабрьской Москве 94-го, и, кто знает, может, и сам подался бы на «юга» в ту новогоднюю ночь. Но мне не повезло или же, наоборот, повезло: мюнхенское начальство срочно затребовало меня в штаб-квартиру РС, намекая, что вопрос моего увольнения может состояться и ранее намеченного срока — середины 95-го года, но совсем уже при других обстоятельствах и по другой причине. Говоря юридическим языком, меня обвинили в умышленной порче радиостанционного имущества.

Я вернулся в Мюнхен. По прибытии в «родной гадюшник» мне тут же с ходу предъявили иск — порчу казенной квартиры. Оказывается, это я, если верить Савику Шустеру, привел там в полную негодность всю имевшуюся в наличии сантехнику. Вот тебе и дареная гендлеровская «лошадка»! Но как мелко копают, сучье, не по-русски, однако! Пришлось обратиться к крючкотвору-адвокату, который доходчиво объяснил администрации РС, что по такому «пустяковому» поводу судебное дело против меня им лучше не возбуждать. Вот если бы я утопил в оном унитаза самого Шустера — тогда другое дело. Что ж, я пообещал, что в следующий раз так и поступлю, то есть, следуя

любимому изречению нынешнего президента России Владимира Путина, буду топить Шустера в сортире.

А потом наступила новогодняя ночь. Я сидел в своем кабинете на радио «Свобода», смотрел CNN и, как и в октябре 93-го, безудержно напивался, пребывая в состоянии бессильной злобы, которую не на кого и не на что было излить. В Грозном бессмысленно и, простите меня за это слово, бесславно гибли русские парни, а «лучший министр обороны», развалившись на полатах моздокской баньки в окружении себе же подобных нелюдей праздновал очередные свои именины.

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

Предлагаемый вниманию материал Александра Ивановича Гурова прозвучал по радио «Свобода» в начале декабря 94-го года — с одной-единственной цензурной купюрой. Вмешательство «цензора», а им был не кто иной, как Юрий Гендлер, коснулось всего одного слова «еврейских». В оригинале у Гурова это звучало так: «От еврейских американских организаций, социалистических партий и рабочих союзов получено двадцать пять тысяч рублей. Я не антисемит, я читаю документ, который передо мной лежит». Гендлер выбросил слово «еврейских», но то, что оставалось, не только не «смягчило» фразу, а скорее, даже наоборот, сделало ее весьма и весьма двусмысленной. Позже это дошло и до Юрия Львовича, но было уже поздно — передача ушла в эфир. Вот так-то, господин Гендлер, оказывается, плохо вы изучали русские пословицы! «Из песни слово не выкинешь».

Александр Гуров

«История терроризма в России»

Вопрос терроризма сегодня, как никогда, актуален для России. Что же касается распространенности терроризма, то он и в прошлом периодически имел всплески в тех или иных странах, а то и охватывал всю Европу, как мы далее убедимся, и зависел от разных причин экономического и политического характера, от тех процессов,

которые проходили в тех или иных странах. Что касается современной России, то, несомненно, нынешний терроризм, замешанный на политической и уголовной основе, имеет глубокие исторические корни. Мы порой не задумываемся об этом и ищем что-то новое. Давайте поставим вопрос так: если в советские времена Софью Перовскую, Желябова и других террористов считали героями, ставили в пример пионерам, если мы их именами называли улицы, то не вдалбливали ли мы тем самым в подкорку, в подсознание еще окончательно не сформированного человека вот эту террористическую направленность, которая проснулась уже сегодня? Вопрос ведь очень интересный.

Ну а теперь перейдем к более существенному изложению материала. Россия девятнадцатого и начала двадцатого веков была, по существу, полигоном терроризма. Достаточно напомнить, что народовольцы, например, говорили: «Иду работать в террор». «Работать!» Так говорили Дмитрий Каракозов, Александр Ульянов, брат Ленина, и другие. Что самое интересное, терроризм имел под собой научные, философские обоснования. И это тоже в какой-то мере сказалось на его развитии. Например, основоположник теории терроризма немецкий философ Карл Гейнцен еще в 1848 году доказывал, что моральный и религиозный запреты на убийство неприменимы в политической борьбе и физическая ликвидация сотен и тысяч людей может быть оправдана исходя из «высших интересов человечества».

Эта концепция получила свое дальнейшее развитие у русских теоретиков терроризма, анархистов Бакунина и Кропоткина, которые выдвинули уже свою доктрину, так сказать, подогнав ее под тогдашнюю российскую действительность, обосновывая теорию своих действий. Суть ее, в общем-то, проста и сводится к тому, что террористические действия могут и должны побудить массы к давлению на правительство. Однако террористические акции анархистов имели стихийный характер и были сравнительно малочисленны в то время. Спиридович, долгое время возглавлявший борьбу с революционным движением в царской России, так писал о деятельности одной из террористических организаций: «Выработав программу, известную под именем «Программа исполнительного комитета», и всесторонне разработав вопросы о

задачах деятельности и о принципах самой организации, «Народная воля» широко развила свои революционные предприятия. Она охватила пропагандой как интеллигенцию, так и рабочие кружки по всем городам России».

То есть из этих фактов можно сделать вывод о том, что теоретики подводили идеологическую основу под терроризм в оправдание своих, может быть, даже корыстных целей, таким образом вовлекая в это целые слои населения.

В 1878 году русский терроризм поднялся на следующую ступень. Это случилось после того, как осудили сто девяносто три народника, и после этого совсем еще юная девушка Вера Засулич стреляет, как мы знаем, в генерала Трепова. В том же году член «Народной воли» Кравчинский выпускает памфлет «Смерть за смерть», в котором содержится апологетика террору, то есть его восхваление. И, конечно же, последствия не заставили себя долго ждать — терроризм начинает расползаться по Европейскому континенту. Например, жертвами покушений в Европе стали немецкий канцлер, король Италии и король Испании. Опасаясь дальнейшей эскалации террора уже в России, в 1881 году император Александр II распоряжается о создании в Департаменте полиции Охранного отделения.

Далее — снова серия террористических актов по всему миру. Приведем только несколько примеров, чтобы не утомлять радиослушателя перечислением. Только в 1892 году происходит более тысячи покушений «динамитчиков», то есть с помощью динамита, в Европе и около пятисот в Америке. В 1898 году от рук террористов гибнет австрийская императрица Елизавета, в 1901-м — Мак-Кинли, президент Соединенных Штатов. В России, где покушения на жизнь второстепенных представителей власти вообще не прекращались, в 1903 году возникает еще одна боевая организация — «партия эсеров», группа самых поразительных личностей в истории русского терроризма. Убийства Плеве Созоновым и великого князя Сергея Каляевым знаменуют собой апогей «тридцатилетнего кровавого апостольства мучеников революционной религии», отмечает тогда Альбер Камю. Слово «террор», как, очевидно, знают многие радиослушатели, означает «страх» или «ужас», испытываемый кем-либо. В данном же случае террор являлся средством управления, средством давле-

ния на определенных лиц, на определенные слои населения ради достижения политических целей.

Экстремистские революционные организации в России конца XIX века постепенно приобрели те очертания, которые свойственны для современных террористических группировок. Назовем лишь некоторые из этих характеристик, в качестве примера взяв боевые группы народо-вольцев, отличавшихся особой организованностью. Наличие устава и программы, четкое организационное построение самих боевых групп, строгая конспирация, осуществление мероприятий по планированию и организации проведения террористических актов, создание и содержание центров по подготовке боевиков, связь с зарубежными террористическими организациями. Членами именно этой организации, «Народной воли», был проведен целый ряд, можно даже сказать, «выдающихся» террористических актов, включая и цареубийство.

Как мы знаем, вышеперечисленные признаки свойственны и организованным преступным группировкам, таким, как неополитанская «Коммора» в Италии или итало-американская «Коза ностра» в США. Или же некоторым уголовным группировкам, действующим на территории современной России. Поэтому, когда говорят, что в старой России не было мафии, то есть организации, занимающейся незаконным бизнесом, это правда, но зато были террористические организации, которые однозначно можно на место такой мафии поставить.

Рассмотрим теперь социальный состав, например, такой организации, как «Народная воля». Он показывает, что основными организаторами и исполнителями террористических акций являлись главным образом представители интеллигенции, учащаяся молодежь, военные — и уже в последнюю очередь рабочие. Можете представить себе парадоксальность ситуации в тогдашней России, когда именно интеллигенция, которая, в общем-то, не в худших условиях жила при царизме, относясь к имущему сословию, фактически убивала либо же призывала убивать царедворцев. Это явный парадокс, который требует своего, мне кажется, дальнейшего изучения с точки зрения социальной психологии.

В качестве субъектов покушения террористами обычно избирались государственные чиновники, высшие военные чины, представители жандармского корпуса, а так-

же предатели и провокаторы уже из числа самих революционеров. Какие же методы использовались террористами в то время? В ходу были такие известные и ныне способы, как убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, организация взрывов и поджогов правительственных зданий и жандармских управлений. Сюда бы я еще добавил и террор против коммерческих структур царской России — предприятий, банков. Ведь деятельность террористов требовала средств для финансирования, причем особого финансирования.

Для финансирования своей террористической деятельности члены «Народной воли» использовали следующие источники (их тоже нужно перечислить, они весьма и весьма интересны). Это сборы денежных средств по листкам, по подписке среди членов организации и так называемых сочувствующих делу лиц, организация платных театральных представлений, организация творческих вечеров для сбора средств на якобы благотворительные цели, проведение лотерей, грабежи или так называемая конфискации казенного имущества. Кстати, потом к этой практике прибегли и большевики — знаменитые «эксы», экспроприация экспроприаторов. Интересный факт. Ведь этими «эксами» занялись тогда не только большевики, но и эсеры. Например, мой знаменитый земляк тамбовский эсер Антонов, который в двадцатых годах возглавил восстание против большевиков, в 1907 году организовал на Усть-Каменке (или Екатериновке, я уже сейчас не помню, как эта железнодорожная станция на Тамбовщине тогда называлась) грабеж царского поезда, который шел с грузом золота. Их взяли тогда. Троиш повесили, а вот Антонов почему-то вышел сухим из воды, что до сих пор не совсем понятно. Вполне возможно, что он в какой-то форме сотрудничал с Охранным отделением. По царским законам за такое преступление (они же перестреляли охрану поезда) полагалась смертная казнь через повешение.

В работе «Революционное движение в России» Спиридович охарактеризовал террористическую деятельность эсеров как самую значительную «работу» партии в описываемый период времени — «работу», на которую тратились и самые большие денежные средства, в которой участвовали выдающиеся революционные деятели из числа эсеров и которая дала партии известность во всех кругах российского населения. То есть в данном случае

террор послужил еще и как бы своего рода партийной рекламой. Такой же рекламой служили и судебные процессы над террористами-революционерами, на которых они открыто брали на себя ответственность за совершенный теракт. Позднее после совершения каждого очередного акта террора эти, с позволения сказать, «революционеры» выпускали листовки, в которых опять же провозглашали суть своей борьбы, правда, подписываясь не единолично, а, как правило, всей боевой группой. Первая такая листовка была выпущена после убийства Сипягина третьего апреля 1902 года. Уже четвертого апреля появились прокламации, разъясняющие причины этого убийства, и подпись: «Боевая организации партии социал-революционеров». Тут также можно провести параллели с уголовным миром. Итальянская мафия тоже действовала схожим почерком, а знаменитые уголовники прошлого на грудь убитому клали пикового туза или, скажем, еще что-то.

Все вышеперечисленное можно суммировать как подготовительный период к профессионализации терроризма в России, который ясно обозначился уже к концу 1902 года.

В отдельные структурные единицы стали выделяться отряды эсеров, которые занимались не политическими терактами, а чисто уголовными деяниями — добытием путем грабежей и разбоя средств на ведение все той же террористической деятельности. Согласно уставу партии социал-революционеров, ее боевые подразделения специализировались лишь на совершении террористических акций, имели техническую и организационную самостоятельность и свою отдельную кассу.

Вот что было написано в уставе боевых организаций эсеров.

Первое: боевая организация ставит себе задачей борьбу с самодержавием путем совершения террористических актов.

Второе: боевая организация пользуется полной технической и организационной самостоятельностью, имеет свою отдельную кассу и связана с партией эсеров через посредство ЦК. То есть если раньше это была общая для всех организация, то теперь каждая группа имела свою самостоятельность и завязывалась на ЦК партии. Таким образом, создавались отдельные партийные ячейки — звенья мощной террористической цепи.

Третье: боевая организация имеет обязанности соотноситься с общими указаниями ЦК, касающимися круга лиц, против которых должна направляться деятельность боевых организаций и момента полного или временного (по политическим соображениям) прекращения террористической борьбы. Верховным органом боевой организации является комитет, избираемый через кооптацию из числа ее членов.

Я уже говорил, что на организацию террора тратились огромные деньги. Я рассказал о том, как они добывались насильственным путем. А вот теперь интересно посмотреть, от кого исходили добровольные пожертвования террористам. В одном из документов, датированном 1906 годом, мы находим следующие цифры: приход: от членов партии — шестьдесят две тысячи рублей. (По тем-то временам, если заключенных в тюрьме кормили на ноль рубля три копейки, можете себе представить, какие это были огромные деньги.) От еврейских американских организаций, социалистических партий и рабочих союзов получено — двадцать пять тысяч рублей (я не антисемит — я читаю документ, который передо мной лежит). Пожертвования, сборы, доход от пропагандистской литературы и от предприятий — восемнадцать тысяч. Итого — сто пять тысяч рублей. От частных лиц и учреждений, сочувствующих партии эсеров, получено сто двадцать тысяч. Всего — двести двадцать пять тысяч рублей. Расход: боевое дело — шестьдесят пять тысяч рублей, литература — шестьдесят тысяч рублей. Вот смотрите, боевое дело и пропаганда финансируются практически почти одинаково. То есть современные террористы тоже недалеко ушли в этом от своих исторических предшественников.

Надо сказать, что боевые организации террористов располагали и значительным по тем временам вооружением и взрывчатыми веществами. Причем доставкой оружия и этих взрывчатых веществ занимались специально обученные люди, и это наглядно иллюстрирует следующий пример.

Осенью 1905 года ЦК партии эсеров организовал отправку в Россию парохода «Джон Крафтон», который должен был доставить вооружение для боевых подразделений партии. Однако к северу от Якобштадта пароход сел на мель, после чего часть оружия была закопана на ост-

ровах, а остаток груза взорван вместе с пароходом. В результате проведенных жандармерией поисков как на островах, так и в затопленном пароходе было обнаружено: швейцарских винтовок «Фетфлей» — девять тысяч шестьсот семьдесят, штыков «Клин» — четыре тысячи, револьверов «Вебли» — семьсот двадцать, патронов для винтовок — четыреста тысяч, детонаторов — две тысячи штук, бикфордова шнура — тринадцать фунтов, взрывчатого желатина — сто девяносто пудов. Ну, этим можно было тогда вообще весь Петербург взорвать.

Как я уже говорил, большое внимание уделялось подготовке специалистов по организации взрывов. Кстати, не то же ли самое мы наблюдаем и сегодня? Нового ничего здесь нет. Все новое — хорошо забытое старое. Эсерами, в их повседневной деятельности использовалась следующая оперативная методика. Тщательная проверка лиц, вступающих в ряды боевых отрядов, включая и специальные мероприятия. То есть это агентурное отслеживание сигналов об утечках информации, обеспечение безопасности собственно террористических операций, контрнаблюдение, подстраховка, дублеры-исполнители, внедрение агентов в жандармские и охранные отделения, вербовка агентуры из числа полицейских чинов и перевербовка их агентуры. Можете себе представить? Фактически это деятельность целого разведуправления, сходного, скажем, с ПГУ бывшего КГБ или с СВР. Охрана боевых и иных объектов организации социал-революционеров и ее высших руководителей, использование собственного трибунала для суда над предателями и группы экзекуторов, приводивших в исполнение приговоры. Просто «государство в государстве». Так вот, это все уже было в России.

Наряду с политическим и уголовным в рассматриваемый период в России широко стал распространяться и так называемый аграрный террор. То есть к террору стали привлекать и крестьян, которым внушали мысль травить посевы, вырубать лес, насильственно захватывать земли, совершать поджоги, убийства помещиков и их управляющих и так далее. Я могу сказать, что до девятисот пятого года в России этих «аграрных» преступлений почти что и не было, потому что российская крестьянская община всегда справлялась с подобными правонарушениями сама. Только пятнадцать процентов населения жи-

ло тогда в городах, а все остальные — в сельской местности. Усилия партии социалистов-революционеров привели к тому, что в 1905—1907 годах в России не только созрел профессиональный террор, но он стал просто массовым. Статистический анализ, проведенных одними лишь эсерами террористических актов показывает, что в девятьсот пятом году совершено пятьдесят терактов, в девятьсот шестом — восемьдесят два, в девятьсот седьмом — семьдесят. И это только теракты против высокопоставленных лиц. Что касается террористической деятельности в целом как эсеров, так и всех прочих террористических организаций тогдашней России, то теракты эти исчислялись тысячами, а число жертв — десятками тысяч.

Но, как это ни странно, покончить с массовым террором в России удалось уже в 1908 году. С одной стороны, здесь сказалось то, что Россия вышла проигравшей стороной из русско-японской войны, и была усилена карательная политика властей по отношению к террористам. А с другой — был принят закон против террора, что вывело борьбу с ним на совершенно иной качественный уровень.

Какими методами боролись с терроризмом на первом этапе? Мы их перечислим, это традиционные методы: наружное наблюдение, то есть слежка в пограничных зонах и на вокзалах, в притонах, опросы полицией доверенных лиц — дворников и владельцев предприятий общественного питания, облавы, обыски, аресты, высылка. Как это все похоже на день сегодняшней! Но царская полиция постепенно поняла, что одними лишь этими методами с террористическими организациями, которые фактически по организованности стояли выше самой полиции, бороться уже невозможно. Царское правительство усилило финансирование полиции, она была лучше организована и экипирована. И, кроме того, вопросы борьбы с терроризмом в большей степени возложили на политическую полицию, а не на уголовную. Под действия политической полиции была подведена и теоретическая база. Речь шла не о том, чтобы заниматься тотальной политической слежкой за всем населением Российской империи, как это вдалбливали в головы при большевиках. Политическая полиция в царской России занималась отслеживанием в среде экстремистски настроенных политических партий и орга-

низаций. Это как раз именно то, чего нам не хватает сегодня с нашей безграничной «многопартийностью».

Так что же использовала политическая полиция в борьбе против террора? Это и широкая вербовка агенты среди членов боевых групп (видите, тот же самый метод), оперативные игры, провокации. Разрабатывался научный подход к проблемам противодействия терроризму. Проводилась тщательная аналитическая работа, изучение оперативных материалов, агентурных сообщений, публикаций в открытой печати, сопоставление научно обоснованных фактов по теории и практике терроризма. Заводились картотеки на всех деятелей революционного движения, и в первую очередь на организаторов и непосредственных исполнителей террористических акций, составлялись схемы, воссоздававшие структуру организаций террористического толка. Полиция усилила контроль за каналами поставки оружия и взрывчатых веществ. В противостоянии террору применялись и адекватно жесткие меры пресечения, например физическое уничтожение членов террористических групп при их захвате и арестах, что деморализующе сказывалось на остававшихся на свободе боевиках. Да, не спорю, это жестокий метод, но члены террористических групп сами поставили себя вне рамок законов человеческого общества и вне рамок человеческого милосердия. России удалось тогда стряхнуть ярмо террора и провести законодательные меры против терроризма и террористических организаций и партий.

Подводя итог, я хотел бы еще сказать, что связь современного с прошлым просматривается как в причинах, так и в условиях возникновения и распространения терроризма. Она просматривается в организационных построениях боевых групп террористов и в методах их действий.

Только сегодня у террористов есть возможность, которые и не снилась их предтечам. Это ядерный терроризм. На сегодняшний день эта угроза существует реально и изучается во всем мире. К сожалению, только в нашем Совете безопасности все по-прежнему занимаются проблемами терминологии: что такое государственная, а что такое национальная безопасность?

Александр Маргелов

Рассказ об отце, Василии Филипповиче Маргелове

Подробный рассказ о фронтовом пути моего отца занял бы очень много времени. Сам он считал себя участником пяти войн. Это польская кампания, когда согласно пакту Молотова — Риббентропа происходил раздел Польши. Он в качестве дивизионного разведчика участвовал в этой акции. Дальше была советско-финская война, когда отец командовал лыжным батальоном. Великая Отечественная война, с сорок первого года, с самого ее начала, и до конца — до двенадцатого мая сорок пятого года. Отец прошел ее полностью от командира полка до командира дивизии. Закончил войну Героем Советского Союза. Был одиннадцать раз ранен. Имеет боевые награды и благодарности Верховного Главнокомандующего. Дальше сам он считал еще и конфликт в Венгрии в пятьдесят шестом году, тоже принимал в нем участие. И наконец, шестьдесят восьмой год, Чехословакия. Отец всегда был честным солдатом как по отношению к своим подчиненным, о которых он всегда заботился, не допуская лишней крови, так и перед вышестоящим командованием. То есть как человек военный он всегда следовал приказам, политическая сторона дела его не интересовала. Его цель как полководца была выполнить с наименьшими потерями поставленную перед ним задачу. Бойцы отца очень любили, командиры всегда поручали ему самые ответственные задания, которые он с честью выполнял.

После Великой Отечественной войны, с пятьдесят четвертого года по январь восьмидесятого, он командовал воздушно-десантными войсками Советского Союза. Он справедливо считается создателем именно современных воздушно-десантных войск. Если раньше кто-то из вышестоящих и не понимающих ничего партийных работников считал воздушно-десантные войска «потешными», то отец доказал, что эти войска под его руководством станут войсками готовности номер один — главным стра-

тегическим резервом Верховного Главного Командования. Таковыми они и остались по сей день. Никакие передряги и перестройки нашего времени не смогли убить ни десантный дух, ни боевую готовность и отвагу парней в тельняшках и голубых беретках, которые и сегодня добрым словом вспоминают своего легендарного командующего генерала армии Василия Филипповича Маргелова, Батю.

С именем Василия Филипповича связана и такая веха в истории ВДВ, как их оснащение надежными средствами десантирования. Начну все же по порядку.

В семьдесят первом году, закончив Московский авиационный институт и некоторое время поработав в Подлипках, я, разочаровавшись той программой, которая там проводилась, добровольно вступил в Советскую Армию. Отец «устроил» меня, как порой говорят некоторые «товарищи», в научно-технический комитет воздушно-десантных войск, где я занимался созданием современных средств десантирования. Командующим была поставлена задача: десантировать часть экипажа внутри боевой машины десанта на парашютно-платформенных средствах, когда БМД ставилась на тяжелую платформу весом в одну тонну и над ней раскрывались пять парашютных куполов, в общей сложности три с половиной тысячи квадратных метров. Система очень тяжелая, более двух тонн общего веса, и своим ходом она загружаться в самолет не могла — требовала дополнительных автомобильных и погрузочных средств. Тем не менее она стала первым этапом десантирования экипажа внутри боевой машины десанта и получила название «Кентавр».

При подготовке к выполнению поставленной нам задачи была проделана огромная инженерная и научно-техническая работа как предприятиями, так и институтами, в том числе Институтом авиационной и космической медицины. Правда, НИИ ВВС, который давал «путевку в жизнь» средствам десантирования, наложил запрет на испытание, и только с разрешения министра обороны Гречко, который пошел навстречу просьбе отца ввиду его авторитета и огромных знаний, десантирование все же разрешили.

Первое испытание «Кентавра» было проведено нашим научно-техническим комитетом ВДВ. Мне и моему товарищу майору Зуеву командующим была оказана честь

первыми десантироваться внутри этой системы пятого января семьдесят третьего года. Десантирование прошло удачно. После этого по приказу командующего воздушно-десантными войсками мной были проведены такие же десантирования во всех наших десантных дивизиях, которые носили показательный характер. Они также все прошли великолепно.

Одновременно с этим решалась и задача десантирования расчетов внутри боевой техники на парашютно-реактивной системе. Сама система была еще недоработана, и мне как сотруднику НТК ВДВ пришлось немало со своими товарищами поколесить по всему Советскому Союзу, участвуя в испытаниях этой техники в разных климатических условиях на разных высотах, в горной местности и в низинах. Тем не менее вместе с представителями оборонной промышленности мы эту систему, как говорится, довели до ума и доложили командующему, что готовы выполнить десантирование экипажа внутри боевой машины на парашютно-реактивной системе. Парашютно-реактивная система в отличие от парашютно-платформенных средств весила в два раза меньше и могла своим ходом загружаться в самолет. Эта система не требовала дополнительного автопарка и средств загрузки, а поэтому, конечно, была более мобильной системой для ведения боевых действий десантом.

Путь к тому, чтобы десантироваться внутри этой системы, также был очень нелегок. Тоже были запреты. Надежность «Реактавра» (так мы называли новую систему десантирования) была даже ниже, чем парашютно-платформенных средств. Но тем не менее офицерам научно-технического комитета ВДВ удалось доказать, что система надежная и в ней можно десантироваться. Командующий наложил резолюцию: «Применять как средство десантирования только в условиях боевых действий». То есть в мирное время ее использование не допускалось. Система была отработана, проверена нами, но, повторяю, учитывая ее невысокую надежность в сравнении с парашютно-платформенными средствами, она была заготовлена только на боевое применение.

И двадцать третьего января семьдесят шестого года мне и полковнику Виктору Щербакову, в то время тоже сотруднику НТК ВДВ, довелось принять участие в десан-

тировании на парашютно-реактивной системе. Прямо скажу, что добровольцев на десантирование как в первом, так и во втором случае было очень немного. Они появились потом, когда все прошло нормально. Задача с честью была выполнена. Была доказана принципиальная возможность десантирования на ПРС, и системы были поставлены в воздушно-десантные войска на боевое применение в режим длительного хранения. После удачного завершения эксперимента десантирования на парашютно-реактивной системе были проведены всего несколько раз. На парашютно-платформенных средствах десантирования проводились чаще.

Со временем системы десантирования совершенствовались. Сейчас уже есть другие системы десантирования, например «Шельф», более надежные, более легкие. То есть десантная наука не стоит на одном месте, и техника ВДВ совершенствуется постоянно. Тем самым я могу подтвердить, что командующий Маргелов заложил крепкий камень в основу наших воздушно-десантных войск.

Но войска — это не только техника, а главным образом люди. Я могу сказать, что десантники с самого зарождения воздушно-десантных войск, со второго августа девятьсот тридцатого года, были людьми необыкновенной силы характера. В то время, с его ненадежными парашютными средствами, не каждый пошел бы в десантные войска. В годы Великой Отечественной войны они не всегда могли выполнять свою роль воздушных десантников, а в основном принимали участие в боевых действиях в составе мотострелковых соединений. Более двухсот Героев Советского Союза вышло из десанта. Естественно, что уже тогда можно было говорить, что десантники — люди особой закваски, особой породы, особой стойкости. Тем не менее не только я отмечал, отмечали и другие люди, в том числе и выдающиеся военачальники, что именно с приходом в войска командующего Маргелова индивидуальная подготовка десантника была поднята на совершенно новую высоту.

Мой отец, пройдя все эти войны, о которых я упоминал выше, особенно войну с Финляндией и Великую Отечественную, изучив богатый опыт противника и придавая особое значение индивидуальной подготовке солдат как финской армии, так и германских войск, в особенности

элитных частей СС, собрал все лучшее, что видел в своих противниках, у которых не считал зазорным поучиться, и внес в боевую и индивидуальную подготовку воинов-десантников.

Командующий ВДВ Маргелов как человек передового мышления, естественно, не остановился на том, что знал, что видел, а продвинул эту работу, эти знания дальше. Он сам был кандидатом военных наук. Именно он разработал теорию применения воздушно-десантных войск в различных видах боевых операций. Отец стал лауреатом Государственной премии за создание комплекса воздушно-десантной подготовки, по которому воин-десантник готовился, начиная от единоборства и заканчивая действиями в составе целого соединения, в том числе и на боевых машинах десанта, благодаря чему боеготовность воздушно-десантных войск поднялась до невиданной высоты. Могу сказать, что комплекс, который сейчас, к сожалению, оказался на территории Литвы, позволял десанникам вступать в бой через десять минут после получения боевой задачи. Уже через десять минут они могли своим ходом грузиться в самолеты «Ил-76МД» и отправляться на выполнение боевого задания. Такой мобилизационной готовностью не обладал в Вооруженных Силах Советского Союза ни один другой род войск. И в этом тоже была заслуга отца.

Еще можно рассказать и о том, что при командующем Маргелове были созданы и комплексы психологической подготовки десантников, которых раньше никогда не было в наших войсках. Когда десантник попадал в совершенно экстремальную ситуацию и должен был, используя свое личное оружие, автомат, пистолет, нож, гранату, пробиться через все преграды и выйти живым и здоровым. Применялась и обкатка десантников танками, когда десантник смело бросался под танк, танк проходил над ним, а он потом вставал и, выполняя боевую задачу, закидывал танк гранатами. При командующем Маргелове в воздушно-десантных войсках были введены такие новшества, которые помогали поднять уровень и психологической, и физической, и технической подготовки десантника на высоту требований современной войны. Могу добавить и то, что карате впервые было введено именно в воздушно-десантных войсках. Генерал армии Василий Филиппович

Маргелов стал председателем Федерации каратэ Советского Союза. Был он и президентом Федерации самбо. В воздушно-десантных войсках культивируются все существующие виды борьбы и рукопашного боя, и именно среди десантников появились первые мастера по этим спортивным дисциплинам. Сегодня все это в войсках развито еще в большей степени, и десантники на всех показательных выступлениях по боевой подготовке удивляют зрителей своим умением владеть приемами рукопашного боя и не страшиться буквально ни бога, ни черта.

От автора

Только в 1997 году полковнику Александру Маргелову и генерал-лейтенанту Виктору Щербакову были вручены Золотые Звезды Героев за испытание парашютно-реактивной системы десантирования, получившей название «Реактавр». Развитие техники десантирования, конечно же, не стояло на месте все эти годы. Совсем недавно, в прошлом году, уже при новом командующем ВДВ Григории Шпаке впервые в мировой практике было проведено десантирование новой боевой машины десанта с полным расчетом на борту. А тогда, двадцать с лишним лет назад, Маргелов и Щербаков были первыми. Их подвиг тоже не имеет аналогов в мировой практике, как не имеют таких аналогов ни боевые машины десанта (БМД), которые Батя запретил выпускать по лицензии даже в «братских странах», ни системы их десантирования. Не зря же в ВДВ существовала и существует поговорка: «Мы — щит Родины, а все остальное — заклепки».

Виталий Дегтярев

«Войска Дяди Васи»

Тяжелый бой, лежит пехота под огнем,
И головы не приподнять,
Не встать, хоть плачь.
Тогда вперед идет десант,
А он в бою не дилетант,
И для него невыполнимых нет задач.

Ну а когда — секунда дорога,
И в тыл врагу ударить надо срочно.
Десант — на взлет и с неба — в бой,
И на врага — стальной стеной,
Все, как по нотам,
Будет выполнено точно.

А знаешь, кто создатель ВДВ?
Кто в этом деле слово главное сказал?
Он сам в десанте воевал,
Войны дороги прошагал,
Василь Филиппович
Маргелов, генерал.

Он — по крупицам
Опыт собирал,
Слил воедино знание и умение.
Необходимость доказал,
Войска десантные создал,
И разработал боевое применение.

Да жаль, стирает время даты, имена,
И к сожаленью,
Старость жизни пламя гасит.
Но кто-то вспомнит иногда,
Как в те далекие года,
Десант прозвали «Войсками Дяди Васи»!

Глава 10

СО «СВОБОДЫ» С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

О ПОЛЬЗЕ СЛУХОВ

Этак с полгода тому назад по Мюнхену прокатилась волна слухов: радио «Свобода» переводят обратно в Германию, на старое место дислокации. Одним из источников, распространяющим «несбыточные мечты», оказалась американская шпионская школа имени Джорджа Маршалла, расположенная в Гармиш-Партенкирхене, за которую в качестве преподавателей «русского» языка зацепились некоторые из числа «избранных» насельников допражской еще «Свободы». Второй источник — само бывшее здание РС/РСЕ, в котором теперь обретается кафедра политологии местного университета. Немецкие преподаватели и студенты закономерно опасаются, что «американский барин» потребует обратно свои хоромы, а их попросту выставит на улицу. С нетерпением и вожделением надеется на возвращение «Свободы» и так называемая русская диаспора Мюнхена, уже готовая становится в длинную очередь по найму. Слушая некоторых из этих господ, я только криво ухмылялся: «Мне-то что? Как поется в старой блатной песне: «Меня не купишь за калач, я не какой-нибудь стукач, а значит, мне «Свободы» не видать». Но где же та почва, которая питает подобные слухи? Она в самой Праге. Если взглянуть, во что благодаря присутствию РС превратился центр чешской столицы, то все сразу станет на свои места. Здание бывшего парламента «братской Чехословакии», в котором разместили «Свободу», и весь прилегающий к нему жилой квартал столичного центра, окружен бронетранспортерами и усиленными нарядами антитеррористических подразделений местной полиции. Заезжие туристы там больше не бродят, а жители проби-

раются к себе домой, как в блокадном Ленинграде или в Грозном во время действия комендантского часа. Радио «Свобода» объявили целью возможного теракта «мусульманских экстремистов». Оказывается, Мохаммед Атта, который из рук вон плохо учился в американской летной школе, а потому не совладал с управлением гражданским самолетом, совершавшим рейс «Бостон — Нью-Йорк», за несколько дней до «полетных разборок» в США прилетал в Прагу, где встречался и о чем-то беседовал с сотрудниками посольства Ирака. Как поведал «городу и миру» чешский премьер Клаус, «арабские заговорщики» планировали теракт против «Свободы». Согласно этим планам, террористы собирались нагрузить взрывчаткой тяжелый грузовик и таранить им здание бывшего «оплота социалистической демократии», которое так и не было подвергнуто капитальному ремонту со времени вселения в него «Свободы».

Надо же, какая «страшная» сказка! Единственный реальный теракт, который радио «Свобода» пережила еще в Германии, произошел весной 1981 года. Небольшим по мощности взрывом направленного действия повывивало оконные стекла, их осколками сильно поранило нескольких сотрудников, пришедших на службу в выходной день, да уничтожило часть фонотечного архива. Акцию эту приписали Ильичу Рамиресу Санчесу, террористу с мировым именем, более известному по кличкам Карлос и Шакал, а также его коллегам из немецкой RAF Вайнрихту и Магдалене Капп, действовавшим, как утверждалось, по заданию румынской разведки. (Почему, например, не по заданию разведки Папуа — Новая Гвинея?) В официальное объяснение немецких и американских властей по поводу того теракта против «Свободы» поверили не все. Некоторые, в их числе возвратившийся назад в СССР ныне покойный главный редактор Русской службы Олег Туманов, считали, что взрыв этот в канун визита в Западную Германию Леонида Ильича Брежнева устроило само ЦРУ США, дабы «насолить» советской политике разрядки, да и самим себе «поднять ставки» в глазах Вашингтона. Такое предположение не лишено основания, если принять во внимание, что, по утверждениям тех же средств западной пропаганды, «левые» террористы, контролируемые и направляемые-де КГБ, вряд ли ослушались бы прямого приказа своих

«хозяев» и занялись бы такими «терэкспромтами» накануне визита в Бонн главы советского государства.

Но это все — «дела минувших дней» и «тайна, покрытая мраком». Чего же так опасается «Свобода» дней нынешних в Праге? Исламских террористов? Так ведь это те же самые афганские, албанские, чеченские и прочие «борцы за свободу и независимость», которых она опекала и пропагандировала годами и десятилетиями. А что касается «подручного средства» — грузовичка со взрывчаткой, — так разве не теми же методами действовали и действуют сегодняшние подопечные радио «Свобода», чеченские боевики, против воинских частей и жилых объектов на российской территории?

Еще летом прошлого, 2001 года я, как-то встретив в городе бывшего «коллегу» из мусульманских редакций РС, зашел с ним в один из близлежащих турецких кабаков. Там за ракией, пивом да кебабами мы и разговорились. Связь с Прагой он не терял, и мало-помалу разговор наш перешел на тему чеченских терактов в России. Помню, я довольно язвительно прошелся по его восторгам «борцами за ислам», заметив, что недалек тот день и час, когда оные «борцы» нагрузят какое-нибудь автосредство тротилом либо пластитом под самую завязку уже не в Дагестане или в Ставропольском крае, а в Праге и впечатают его на полной скорости в цоколь хорошо известного ему здания. (Я даже более подробно описал ему, как это все будет выглядеть — зря, что ли, учил «взрывное дело» в одной из частных мюнхенских школ безопасности.) Что, тогда он тоже будет продолжать восторгаться своими «чеченскими братьями»? Уверен, этими моими соображениями бывший «колега» не преминул поделиться с «кем надо» в Праге. Так что не мифический Мохаммед Атта, а ваш покорный слуга случайно оказался «автором» теракта против «Свободы».

Уверенности в этом мне добавляет и то, что, возвращаясь из России осенью того же года, я был задержан полицией в Мюнхенском аэропорту, и у меня были конфискованы все приобретенные в Москве книги — «как литература террористического содержания». Абсурд, конечно, но книга Сергея Алексеева «Кольцо принцессы» была изъята только потому, что там на обложке летчик в гермошлеме нарисован. Схожая судьба постигла и «Мою последнюю войну» генерала армии Махмута Гареева. (Имя и

фамилия звучат подозрительно — чем не «бен Ладен»? Подарок автора — небольшой сборник стихов Виктора Верстакова «Зеленая тетрадь» — тоже подвергся конфискации. Зеленый — это цвет ислама (Прямо убийственная логика у этих немецких «околоточных» — что же они собственную партию «зеленых» тогда не запретят?) А новую книгу Александра Солженицына «Двести лет вместе» (она единственная была без картинок) вообще сочли гитлеровской «Майн кампф» по-русски, а то и «писаниной одноглазого талиба Омара». Не иначе как пальцем деланный, полицейский «грамотей», приглашенный переводить с русского, смог разобрать в ней только одно знакомое ему слово «евреи».

Но на этом история с «русским необрезанным талибом» не закончилась. Через пару недель на хвост мне сел сотрудник германской контрразведки, выразивший желание «побеседовать». По старой диссидентской привычке, я тут же послал его подальше, но он был уж очень назойлив.

Во-первых, его интересовало, что я могу сказать о некоторых сотрудниках радио «Свобода»? Извините, но в этой организации я давно уже не служу и контактов ни с кем не поддерживаю, так что с этим проехали, уважаемый!

Во-вторых, кого из бывших сотрудников КГБ я помню по советским еще временам моей жизни в Ленинграде? Назвал одну теперь очень известную фамилию.

С той поры немецкие «органы» больше пока меня не тревожили. Видимо, очень заняты разработкой планов по агентурной вербовке данного лица. Смех смехом, но книги мне вернули только через год, даже толком не извинившись,— долго же переводили с русского. Мол, поймите правильно, у нас «борьба с терроризмом», а вы прилетели из России. Так не из Афганистана же? А это одно и то же. Вот вам и известная «коалиция». Россия-то, оказывается, тоже рассадник «исламского терроризма».

Но обратимся снова к оказавшейся в тисках «исламского терроризма» пражской «Свободе». Куда же ее все-таки намереваются перевести? Я не поленился и навел справки через собственные источники информации. Оказалось, что следующий «этап» будет не «обратно в Мюнхен» и не к «Макару с телятами», а значительно ближе — в один из пригородов чешской столицы, почитай «на деревню к дедушке». Бедные жители этого пригорода Праги!

Я могу представить их состояние, когда на головы им свалится радио «Свобода» со всеми бронетранспортерами и охранными спецподразделениями полиции. Теперь они точно будут жить как «на войне».

Московское бюро РС тоже по-своему отреагировало на борьбу Вашингтона с «мусульманским катом» — со здания на улице Чехова, где еще с 91-го приютился сей недоразвитый «придаток материнского древа», исчезла табличка с изображением колокольчика и надписью по-русски «Радио «Свобода». Да, нелегка жизнь в условиях «подполья» и «полной конспирации». Москва-то к «фронтам борьбы с терроризмом» поближе будет, чем Прага.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА «СВОБОДЕ» И ПОСЛЕДНЯЯ КОМАНДИРОВКА

Остаток зимы и начало весны 95-го текли однообразно и вяло, однако торопить события тоже не хотелось. Авторских материалов для программы «Сигнал» у меня было достаточно, времени — мало, а в эфир нужно было дать еще и привезенные из Москвы интервью. «Свободовское» начальство пока что больше не «наезжало» на мой «Сигнал», видимо, решив, что «лето увольнений» не за горой Арарат и не надо напоследок портить себе нервы.

Однажды ко мне в кабинет заглянул мой звукооператор и продюсер Боря Бурштейн.

— По коридорам Русской службы ходит шутка: «Свободу» переводят в Прагу, чтобы избавиться от Коновалова, — сообщил он.

— Ну, со мной и так все ясно, — улыбнулся я, — как ты?

— Тоже никуда не еду, но вот морду Гендлеру набью точно.

В шутке, поведенной мне Бурштейном, крылась и своя доля истины. По немецкому трудовому законодательству уволить кого-либо с радио «Свобода» можно было разве что за совершение тяжкого уголовного преступления, да и то некоторые из таких уволенных после недолгих слушаний в судах все равно приходили обратно. (Например, сотрудник казахской редакции Кульмагомбетов, с топором в руках гонявшийся по коридорам РС за коллегой-киргизом.) В Праге же должно было действовать трудовое законодательство США, а согласно «самому демокра-

тическому закону о труде самого свободного государства в мире» человека могли выбросить на улицу в 24 часа без всяких на то объяснений и выходного пособия. Думаете, я преувеличиваю? Отнюдь. В прошлом такая участь постигла даже президента РС/РСЕ Кевина Клоза, выставленного за двери редакции воскресного приложения к газете «Вашингтон пост». И если бы не его связи с семейством Клинтонов... Впрочем, в конце 90-х со «Свободы» в Праге Клоза тоже турнули, переводя, если не ошибаюсь, на антикубинское «Радио Марти». Причина весьма тривиальна: господин Клоз, будучи скупым по натуре, экономил на оконных шторах, а некоторые из подчиненных подловили его на совсем неподходящем для высокопоставленного американского администратора занятии онанизмом. И не только подловили, но и засняли все это видеокамерой. Пришлось Вашингтону срочно заминать разгоревшийся было скандал.

Но, вернемся снова в год 95-й. Я, похоже, поторопился с выводами, что мою программу начальство оставило в покое. На «Сигнал» опять «покатила бочку» Гендлер. В тот день я как раз подготовил к эфиру интервью Валерия Борисенко с Виктором Илюхиным — председателем думского комитета по безопасности.

— Это что, тот самый Илюхин, который хотел засадить Михаила Сергеевича Горбачева на скамью подсудимых? — вопрошал Юрий Львович, нервно размахивая распечаткой программы.

— Тот самый.

— Старик, это не может пойти в эфир. Ты же знаешь, что Савик в дружеских отношениях с Михаилом Сергеевичем.

— Юра, мне двухметровый болт забить на твоего Савика и его «дружбу» с Горбатым, но если беседа Борисенко с Илюхиным не пойдет в эфир, обещаю: следующее интервью я сам лично проведу с известным тебе отставным полковником КГБ Волошенкоком.

— Старик, это опять удар ниже пояса...

— Выше пояса, Юра, пусть тебя ударяет Боря Бурштейн,— перебил я «возмущенного» директора,— я, конечно, не столь наивен, чтобы думать, что беседа с Волошенкоком тоже дойдет до эфира, но зато все сотрудники Русской службы, прочитав распечатку интервью, познакомятся с тщательно скрываемым «фактиком» из биографии

своего «горячо любимого» директора. Устраивает тебя такой расклад, или вместо «славы стукача» имеешь желание дожить до переезда в Прагу «без инфаркта и паралича»?

— Валерий,— задыхаясь от гнева и потому переходя с обычного «старик» на более официальный тон, почти позмеиному прошипел Юрий Львович.— Ты — страшный человек!

— Какой есть. Научился за десяток лет у таких, как ты.

Гендлер поохал, поерзал в кресле, зачем-то свинтил и снова завинтил пробку на бутылке и в конце концов подписал выпуск программы к эфиру. Вид у него при этом был такой, словно он только что расписался в собственном смертном приговоре. На прощание, снова перейдя на вежливое «вы», я заметил:

— Так то оно лучше, Юрий Львович, а то ведь, не ровен час, и американское начальство, подробнее ознакомившись с вашим прошлым, может засомневаться в целесообразности оставить вас директором в Праге. То-то Боря Бурштейн порадуетя! Да и остальные, Пирогов например. Вы же знаете, диссиденты — народ мстительный, такой шум поднимут — аж на всю Америку.

Ответа я не услышал. Юрий Львович словно забралом прикрыл лицо донышком широкого стакана для виски.

Кроме великолепного по своей фактуре интервью с Виктором Ильяхиным, я получил от Валеры Борисенко и ряд бесед с участниками штурма афганской столицы нашими войсками в далеком уже декабре 79-го — руководителем операции «Шторм 333», бывшим заместителем командующего воздушно-десантными войсками генералом Николаем Гуськовым, командиром 345-го отдельного парашютно-десантного полка Николаем Сердюковым и комбатом-3 Василием Хромовым, лично эскортировавшим приснопамятного Бабрака Кармаля в отвоеванный у Хафизуллы Амина Кабул.

От Борисенко регулярно приходили и материалы по военным действиям в Чечне. Исподволь, а то и прямо я сравнивал эти два события — взятие под контроль афганской столицы (войсковая операция, которую до сих пор те же американцы прилежно изучают в своем Вест-Пойнте) и новогодний штурм Грозного, не переставая порой удивляться: куда же подевался накопленный в боях в Афганистане опыт? Российская армия, что, разучилась воевать? А горы оружия, в том числе и иностранного производст-

ва? Куда же все эти годы смотрели ГРУ и другие спецслужбы? После некоторых присланных Валерой заметок я понял причину и перестал удивляться. Немало внимания старался я уделять и чеченской стороне, где только можно собирая информацию о боеспособности дудаевской армии и ее оснащенности вооружением. Выходило так, что по тактике и оперативному искусству они мало чем уступают регулярным российским войскам (здесь сказывалась и их служба в Советской Армии), а применяют эти знания порой лучше своих противников. Чечены буквально до традиционного кинжала «в зубах» вооружены новейшими образцами стрелкового оружия, имеют тяжелое вооружение, хорошо обучены тактике партизанской и минной войны (в том числе и иностранными инструкторами).

Становилось ясно, что процесс боевой подготовки Чечни растягивался на годы, и «одним парашютно-десантным полком», по хвастливому выражению «лучшего министра обороны», там никого не задавишь. Военный конфликт в Чечне (учитывая и интерес к нему зарубежных спонсоров) примет затяжной и кровавый характер. Особенно сильное впечатление произвела на меня информация о том, что «абхазский батальон» Шамиля Басаева, принимавший участие в грузино-абхазском конфликте на стороне «братьев-мусульман», обучили тактике боевых действий спецподразделений мы же сами и себе же на голову, старательно копируя в этом американцев.

Довольно интересной информацией поделился со мной и мой мюнхенский автор, в прошлом майор ЗГВ Михаил Емуранов. Я-то поначалу, признаться, считал его заурядным «комсомольцем» — «лучшим другом и помощником замполита». Оказалось, что майор закончил Казанское танковое и служил на командных должностях, уже только в ЗГВ перейдя на «идеологическую работу». По его словам, где-то во второй половине 80-х, когда он проходил службу в танковом полку имени Брежнева в Забайкалье, новобранцы из Чечни, которых раньше-то и силком нельзя было заставить управиться с техникой более сложной, чем «ведро и швабра», вдруг словно как по команде взялись на изучение «науки побеждать» самым серьезным образом, показывая на полковых и дивизионных учениях довольно высокие результаты в подготовке механиков-водителей танков, стрелков и наводчиков ору-

дий. Материал мне показался интересным, и я попросил Емуранова изложить свой рассказ на бумаге. Оказалось, что «литературные» способности Миши значительно уступают его способностям рассказчика. За пишущую машинку пришлось садиться его более образованной супруге Светлане.

Вторую свою заметку Емуранов подготовил уже по тактике действий танковых подразделений в условиях пересеченной местности и города, довольно грамотно разбирая «ошибки и просчеты» федеральных войск. Я также связался по телефону с писателем-фронтовиком Богомоловым, автором известной книги «В августе 44-го», и попросил Владимира Осиповича подготовить материал по действиям войсковых подразделений в городе, основанный на опыте Великой Отечественной войны.

По «Свободе» тем временем прошел слухок: тем, кто не догулял прошлогодний отпуск, придется с ним навсегда расстаться, эквивалентом денежного довольствия его возмещать не будут. Делать нечего — ехать надо. Я решил сначала прокатиться только в Белоруссию — провести мать с отцом и сестру. Но как-то вечером, позвонив Игорю Морозову, вспомнил: мы же договаривались — в следующем году в Сочи открываем «купальный сезон». Братан пообещал обязательно подъехать в Минск с Серегой Шавровым, а оттуда мы уже все вместе рванем в Москву и дальше — на юг. Я также решил наконец отпраздновать в России в кругу друзей и свой день рождения, совпадавший со знаменательной датой — 50-летием Великой Победы.

Позвонив еще раз в Москву, я озадачил зампреда комитета по международным делам Совета Федерации Алексея Мананникова вопросом о новой въездной визе сроком на год. Имея многократную российскую, о белорусской можно было не беспокоиться — территорию Белоруссии я проезжал как бы транзитом.

На следующий день, заказав авиабилет, я поднялся наверх к Гендлеру, дабы поставить директора в известность о моем неистраченном отпуске, к которому присовокуплялись еще и дни, отработанные сверхурочно.

— Валерий, а в Санкт-Петербург вы тоже собираетесь? — как бы между прочим спросил Юрий Львович.

— Нет, навряд ли. А что?

— Да мне вот просто нужно было передать знакомым небольшую посылочку,— зачем-то отводя глаза, промолвил Гендлер.

— Юрий Львович, для этого существует Московское бюро, почта и собственный питерский корреспондент Резунков,— напомнил я, уже догадываясь, чего это Гендлер спрашивает меня о возможном вояже в Ленинград,— а в Питер я действительно не собираюсь. Вот на юг, в Сочи, полечу. Надеюсь, у вас там нет «знакомых отставных чекистов»?

Юрий Львович замахал руками, потом явно довольный тем, что поездка в Ленинград не входит в мои планы, продолжил:

— Старик, ты же знаешь, что в Москве надвигаются торжества. Если будет интересный собеседник, не сочти за труд — дай интервью с ним для программы прямого эфира.

— Без проблем. Но следует ли мне понимать ваши слова как утверждение моей командировки? А как же быть с отпуском?

— Возместим стоимость билета,— нашелся Юрий Львович.

— Вот блин, знал бы заранее — взял бы билет на «Люфтганзу».

— Что ты, что ты, это же очень дорого! — опять замахал руками Юрий Гендлер.— Да, твое присутствие в Москве — это командировка, только, пожалуйста, в этот раз без эксцессов.

— Юрий Львович, вы, кажется, исправляетесь и действительно хотите мирно дожить до переезда в Прагу? Рад это слышать! — Я театрально щелкнул каблуками, развернулся и вышел из кабинета, опять чуть не зашибив дверью очередного коллегу-«слухача».

Вечером, уже перед самым отлетом, ко мне домой заглянул Женька Кушев, принесший небольшой сверток с лекарствами и деньги, которые он попросил передать для больной матери.

— Ну что, командир,— спросил я, плеснув по стаканам отдающий торфяным запахом мутноватого цвета дорогой скотч-молт,— ты-то в Прагу едешь?

— Не знаю, вроде как еду, только вот в качестве кого? — Женья явно не имел желания углубляться в подробности.

— То есть, может статься, уже и не в качестве главного редактора службы?

— Может и так, если первую скрипку в Праге собирается играть известный тебе Шустер.

Женя ушел уже за полночь, а я, забываясь беспокойным сном прямо в широком кресле. Рейс до Франкfurта, откуда летали «Белорусские авиалинии», был ранноутренний, не проспать бы. Но обратный билет, уже из Москвы, памятуя обещание Гендлера, я все же «переиграл» на немецкую «Люфтганзу».

В этот раз от аэропорта к сестре я добирался сам. Серега Зуев возился с ремонтом тачки. Через выходные мы с Раиской собирались поехать в Речицу проведать наших стариков. Зуев все же исхитрился как-то и привел «Москвич» в порядок, но, по его же словам, «ласточке» уже недолго бегать осталось. Пообщавшись с отцом и с матерью, я оставил сестру еще на пару дней с родителями, а сам подбил Серегу прокатиться в Брест к Нине. Если бы я знал тогда, что вижу мать живой последний раз в жизни, может быть, и задержался бы еще в Речице. Мать умерла весной 97-го, и только осенью 98-го я снова оказался в родных краях, уже на ее могиле.

В Бресте, как и следовало того ожидать, меня приняли довольно прохладно. Свою дочь Катю я подержал на руках в первый и, возможно, в последний раз, ибо с предложением о совместной жизни меня послали на несколько хорошо известных букв русского алфавита. Так повторилось и в 98-м, когда мне снова достаточно ясно дали понять, что для дочери я считаюсь «пропавшим без вести». А чего я, собственно, ожидал — любви, сочувствия? Вот и повторяй путь, пройденный твоим же родным отцом, которого ты сам увидел первый раз в жизни уже далеко не грудным младенцем.

В Минск я возвращался совсем не в радужном настроении. Что за бабы на Руси пошли? Сначала бывшая женушка не пожелала делить тяготы совместной жизни с «нищим и безработным». Теперь и эта «мать моего ребенка» туда же. Тоска, хоть удавись! Раз «бешеных денег» больше нет, значит, «пропал без вести». Серега пытался было анекдотами да прибаутками развеять мое мрачное настроение, но безуспешно.

В ожидании приезда Игоря и Сереги я немного пообщался с депутатом парламента Женей Новиковым, предложившим мне помочь встретиться с Лукашенко. Подумав, я отказался. Честно говоря, не хотелось мне посвя-

щать свои последние несколько дней в Белоруссии беготне по высоким начальственным кабинетам. Как-нибудь в другой раз. В качестве демонстрации доброго ко мне отношения со стороны президента достаточно и того, что некоего «международного бомжа» Коновалова беспрепятственно пускают в Белоруссию, да и в компьютер на Брестском КПП занесли как «очень важную персону».

Приезд Игоря Морозова и Сергея Шаврова мы решили как следует отпраздновать. Выдался и повод — на квартиру к сестре позвонил мой старый товарищ Сергей Шпортов и пригласил на «свежину», забил кабанчика. Шпортов — потомственный русский казак (не удивляйтесь несколько по-немецки звучащей фамилии, Миллер и фон Панвиц тоже были русскими казаками), чьи предки еще на заре XX века переселились в Белоруссию, жил в частном секторе и держал домашнее хозяйство. А самогон варил такой, что меня от него было за уши не оттянуть. (До сих пор я с некоторым ужасом рассматриваю фотографию, на которой запечатлен прикладывающимся — добро бы хоть к бутылке или, там, к трехлитровой банке — к ведру. Стакана в доме не нашлось, что ли?)

Вечером с примкнувшим к нам Михаилом Федоровичем, никогда не пропускавшим подобные мероприятия, мы приехали к Шпортовым. Туда же с Сергеем Зуевым подошел и совсем юный парень Кирилл Слука, по молодости лет никогда не воевавший «за речкой», но написавший несколько песен об афганской войне и виртуозно игравший на гитаре. Игорь предложил Кириллу принять участие в фестивале афганской и солдатской песни, который, по традиции, ежегодно проводится 15 февраля в Башкирии, в городе Стерлитамак. Когда на следующий день мы достаточно уже отошли от самогонной «свежатины», Серега Шавров, ни разу до этого не бывавший в Минске, заторопился на прогулку — город посмотреть, да и себя показать. После осмотра достопримечательностей, проводив Игоря домой к сестре, гулять ему быстро надоело, и уже вдвоем мы решили продолжить знакомство с вечерним и ночным Минском.

— А девочки здесь ничего, красивые,— мечтательно протянул Шавров,— давай с кем-нибудь познакомимся.

— Давай. После лошадиных физиономий немецких фройляйн я чувствую себя словно правоверный в райском саду, где полным-полно гурий.

— А у тебя подружки-немки были? — вдруг спросил Серега.

— Серый, я, кажется, уже заметил, что не имею склонности к скотоложеству. Американка, впрочем, была и одно время даже ходила в невестах. Но, видишь ли, я ко двору не пришелся. Дядя у нее — сенатор от штата Техас.

— Ладно, с твоим гнилым Западом все и так ясно. Смотри вон лучше — симпатичная блондинка, да и вообще их тут как-то очень много!

— Наверное, перекисью красятся. Но «котик» и вправду ничего...

Мы вошли в городской парк. Странное дело — обитатели сумеречных аллей и парковых скамеек при нашем приближении сигали в близлежащие кусты, словно зайцы. С чего бы это вдруг? Так ни с кем как следует и не познакомившись, мы притопали обратно на квартиру к Раиске. Узрев в дверном проеме наши «постные» физиономии, аккурат с монастырской обедни, Игорь покатился со смеху и тут же выдал экспромт: «Хулиган — забейся в щель, мы выходим на панель!» Я оглянулся на висевшее в коридоре большое зеркало. Оба коротко стриженные, в темных двубортных костюмах и в длинных плащах, явно не производства швейной фабрики «Большевичка». У обоих из карманов торчат «мобильники». Оба в дорогих солнцезащитных очках «Карерра» (это ночью-то). У Шаврова под пиджаком просматривается наплечная кобура, а к поясу еще и наручники пристегнуты. Мы, похоже, здорово, а главное совершенно бесплатно поработали за местные органы охраны правопорядка, повыгоняв из городского парка всю наркоту и «ночных бабочек».

— Знаешь, на кого ты похож? — спросил я Шаврова.

— Ну? — насторожился Серега.

— На минского «чикатило»!

— Пошел ты...

Через день Зуев отвез нас к поезду, и мы, одолжив у проводницы стаканы, дружной и шумной ватагой взяли направление на Москву.

В столице на этот раз ввиду краткосрочности пребывания я не стал докучать дяде Вове Пластуну квартирным вопросом, а «бросил кости» у Игоря.. На следующий день мы с Серегой подъехали к авиакассам на Петровке и взяли билеты. А еще через день уже сидели втроем в аэропорту «Домодедово», потягивая «грузинский» коньяк и ожидая

объявления на посадку, которое уже довольно сильно запоздывало.

— Наверное, из Чкаловского опять массированный вылет авиасредств маршрутом Москва — Моздок,— предположил Серега.

— Не исключено

— Ребята, вы что, «новые русские»? — В разговор вмешалась буфетчица, которой мы заказали уже третью бутылку коньячного пойла.

Наши с Серегой руки (особенно мои) были увешаны энным количеством дорогих побрякушек, да и бабками мы тоже заметно сорили.

— Нет, они старые, но русские! — резко ответил за нас Игорь, тем самым давая понять, что игра в вопросы закончена

Наконец объявили посадку. Мы пошли грузится на борт 86-го «Ила», выискивая наши места в хвостовой части. Братан, по своему самолетному обыкновению, тут же предался сну, Шавров, надев наушники, слушал музыку с моей «соньки», а я доставал бортпроводницу вопросами о наличии и количестве спиртного на борту этого «летающего шалмана». В конце концов, я ее таки «достал», и она принесла «надоедливому алкашу» бутылку водки «Смирнофф» с какой-то яркой и малознакомой мне этикеткой. Коньяк и виски в самолете почему-то не держали. Шавров пить не хотел. Игорь проснулся, выпил стакан и заснул опять. Остаток мне пришлось добивать уже одному. Не пропадать же добру! Часика через два самолет заложил круг над акваторией Черного моря и мягко сел в Адлере. Как и в прошлый раз, от борта нас забирал сочинский военком полковник Олег Брылев, сообщивший, что нам на неделю заказаны номера в санатории имени Мориса Тореза. Мы забрались в «Ниву» и поехали в Сочи.

По дороге «грузинский» коньяк и «смирновская» водка попросились наружу. Я знаком показал, чтобы остановили машину, и побежал в направлении пальм, произраставших у входа в какой-то санаторий. Следом за мной рефлексорно рванул и Серега. «Коктейль» выбирался наружу с каким-то прямо-таки утробным ревом. Создавалось впечатление, будто в пальмовых зарослях обитает сбежавший из зоопарка тигр. Наконец «зеленый змий» обрел долгожданную волю, а я, отдышавшись, поплелся к машине.

— Знаешь, на кого ты был похож? — язвительно спросил ожидавший чуть поодаль Шавров.

— Ну и на кого?

— На сочинского «кинг-конга»!

— Сам ты «чикатило», — вялым голосом огрызнулся я. — Когда пойдем знакомится с сочинскими девочками, не забудь прихватить ствол, а главное — наручники.

— Да пошел ты...

Весь остаток дня я пластом пролежал в номере, кляня «грузинские» коньяки и «смирновские» водки оптом и в розницу. Сняли акцизные ограничения, теперь каждый, кому не лень, продает непонятно где произведенное пойло. «Понятно где», — отозвался с соседней койки Игорь. Помню, в Минске, в ресторане, он наотрез отказался пить предложенную официанткой израильскую водку «Когелевич», потребовав, чтобы ему, русскому мужику, принесли нашу, русскую водку хоть из соседнего магазина.

Назавтра я, как это ни было странно, все же встал с постели, и встал без головной боли. Серега отправился к морю открывать «купальный сезон», а мы с Игорем решили не то поздно позавтракать, не то рано поужинать. Обед мы проспали. Поиски подходящей забегаловки привели нас к торцу центральной сочинской гостиницы «Москва». Название питейно-кормежного заведения я прочел, как «Хаш».

— Армяне, что ли? — высказал я предложение. — Хотя какая разница, лишь бы кормили.

— И поили тоже, — откликнулся Игорь

— Ага. А то в моем измученном вчерашними боевыми действиями желудке уже изрядно урчит.

Поднимаемся на эстакаду и садимся за столик. К нам присоединяется и успевший уже искупаться Серега. С этой стороны название заведения наконец читается правильно: «Шах». Опять наваждение какое-то! Хозяин шалмана, по внешнему виду и акценту грузин, спрашивает, что мы собираемся есть и пить. На закуску заказываем несколько килограммов шашлыка из корейки. А вот насчет пить?

— Есть хороший грузинский коньяк, — заверяет он нас.

— Дорогой, не надо грузинского! Чача у тебя есть? — спрашиваю я, усилием воли унимая снова взбунтовавшийся было желудок.

— Есть. Только она — «очэн крэпки».

— Неси, дорогой, это хорошо, что «очэн крэпки», мне после ваших «грузинских» коньяков срочно кишки промыть надо.

Чача и в самом деле оказалась отменной и очень крепкой. А корейкой мы просто объелись до отвала, не иначе как сделав хозяину-грузину половину его дневной выручки. До санатория мы добрались настолько уже отягченные съеденным и выпитым, что остаток дня опять прошел влужку.

На следующее утро нас навел бывший афганец Валера Довгаль, с которым я и вел переговоры по бизнесу (речь шла о поставках в Германию ценных пород древесины — кавказского дуба, бука и, возможно, ореха. В молодости, на «хозяйской даче», я два с лишним года изучал столярное дело и малость разбирался в материаловедении), а еще дня через два нас разыскал и товарищ Игоря по Абхазии подполковник Юрий Шлапунов — командир сочинского ОДОНа Внутренних войск России. Бойцы этого спецподразделения МВД воевали в Абхазии, прошли «обкатку» Чечней, а в основном перекрывали границу и горные перевалы. Юрий пригласил нас на уху к себе на стрельбище, расположенное в горах за Адлером, на самой границе с Абхазией.

Видимо, не очень то надеясь на богатый улов в озерце на самом стрельбище, мужики загодя прихватили хвост какой-то здоровенной рыбины явно осетровых «кровей» и пол-ящика водки. Оказалось, что в озерце водились только мелкие ерши да головастики, так что моя догадка оказалась верна — будем варить хвост. Пока уха готовилась, мы перекинулись в картишки, а потом мужики решили посостязаться в стрельбе из табельного шлапуновского «макарова». Игорь не участвовал в нашей «детской забаве». Поставили на поваленное бревно пустые бутылки, которых почему-то уже набралось изрядно, но тут кто-то заметил, что стрелять мы собрались в сторону чужой территории, абхазской. Как бы не сочли за провокацию! «Цели» тут же развернули в сторону родной российской земли. Каждому стрелку, исходя из количества патронов, определили по три выстрела. Я с утра уже был далеко не «ворошиловским стрелком», так что ни во что не попал, хорошо хоть себе же не в ногу. Но что с меня-то, со штатского, взять? Общий смех вызвал Валера Довгаль, по его же собственным словам, в прошлом советник афганских командос в Рухе (правда, у Вити Верстакова в афганских дневниках, он значился замполитом), также не поразивший ни одной цели.

— Пистолет плохо пристрелян,— попытался оправдать Довгаль свою неудачу.

— Меньше пить надо,— проходя мимо, бросил Шавров и навскидку, почти не целясь перебил из «плохо пристрелянного» «макарова» все еще остававшиеся целыми бутылки.

«Во дает, блин,— подумал я,— с ним не по девочкам, на войну ходить надо!»

Только вечером уже я заметил, что выгляжу, как кабан, побывавший с экскурсией на живодерне. Ни хрена себе загорел! Скоро моя собственная шкура начнет зудеть и ползет лохмотьями. Загораю я почему-то плохо. Как-то в Калифорнии битый месяц провалялся на песочке у Тихого океана — и хоть бы хны, даже не покраснел, но стоило только залезть повыше в Кордильеры, как меня тут же увезли оказывать первую помощь от радиационного поражения. В горах Северного Кавказа до такой экстремы, слава богу, не дошло, но намучился я изрядно. Серега тоже страдал от загара, но куда меньше меня. Шкура у него, что ли, толще? Тут-то я понял, почему более опытный в таких делах Морозов не снимал с плеч рубашку.

В Сочи становилось уже заметно жарко. От жары кожа зудела невыносимо, не помогал даже «местный наркоз». Глянув как-то на себя в зеркало, ко всему я еще обнаружил, что наел себе такой «мозоль», которого у меня в жизни никогда не было. Шавров тоже прищелкивал языком, глядя на показатель электронных весов, заметно зашкаливавший за сто двадцать. Пора было возвращаться в более холодные и голодные края средней полосы России.

Из Сочи мы улетели 2 мая, а уже 3-го я трясся от холода (в Москве подморозило) и от голода (не успел позавтракать), стоя на крылечке у входа в Штаб воздушно-десантных войск в ожидании машины на Чкаловский военный аэродром.

С полковником Александром Маргеловым, его братом-близнецом Василием и Валерием Борисенко я лечу в Омск на самолете начальника штаба ВДВ генерала Валерия Беляева. В Омске, в поселке Светлый, где расположен 242-й учебный центр ВДВ (в советском прошлом эта учебная дивизия дислоцировалась в Литве), должны состояться торжества по случаю присвоения центральной

улице поселка имени Василия Филипповича Маргелова. Автобус наконец за нами пришел. Вскорости подъехали мы и к Чкаловскому. Самолет начальника штаба ВДВ — «Ан-22Б» (арктический вариант) — уже наготове, экипаж прогоняет турбины на малых оборотах. Еще успеваем перекурить, стоя под брюхом, и спешно идем грузиться. Особенно тороплюсь я. Как-то Борисенко рассказал мне историю о том, как бывший командующий ВДВ Ачалов улетел, оставив за бортом недокурившего Александра Лебеда, и тому на учение в Белоруссию пришлось добираться попутным транспортом. (Я — не Лебедь, до Омска я вряд ли так доберусь, а попасть туда мне очень хочется.) Говорят, что генерал Беляев имеет ту же привычку, что и Ачалов.

На борту наша группа размещается в хвосте самолета, у самой аппарели. К «коллективу» поближе перебирается и замначальника управления кадров ВДВ полковник Михаил Никифоров. Команда на взлет. Отрыв. Мы в воздухе — до Омска более четырех часов лету. «Аннушка» несколько тихоходна, зато надежна. Из всех наших «сидоров» на свет Божий сразу извлекаются спирт, водка, свиная и говяжья тушенка, хлеб, чеснок и какой-то фруктовый компот — есть чем скоротать время. Перекурив, я справляюсь у мужиков, что делать, если захочется «помалой». Самолет не пассажирский, а начальник штаба в свой персональный сортир меня уж точно не пустит. Валера Борисенко открывает дверцу, ведущую на аппарель, и молча показывает на стоящее в дальнем углу жестяное ведро.

В самом хвосте заметно болтает, сквозь пазы аппарели видны проплывающие внизу облака. «Не, мужики, что-то десантник из меня сегодня совсем хреновый, наверное, еще столько не выпил, лучше я потерплю пока», — говорю я, забираясь обратно в кресло. Этак через полчаса терпеть становится уже невмоготу (пусть лучше лопнет моя совесть), и, проклиная всё на свете, я подбираюсь-таки к треклятому ведру. Наконец внизу появляется уже хорошо заметная сетка взлетно-посадочных полос. Военный аэродром, тоже Чкаловский. Сели мягко, если не считать того, что сверху грохнулся мой кейс с аппаратурой. Я полез проверять сохранность магнитофона и фотоаппарата (свой «Никон» я грохну в другой раз, уже в Рязани), а Валера Борисенко со смешком в голосе заметил:

— Тебя же предупреждали: не падают только с пола — старая десантная мудрость.

— Поздно, батенька, на зеркало пенять, рожа уже покривела,— огрызаюсь я,— но, слава аллаху, вроде все цело.

Борттехник откидывает трап. Мы спускаемся. Начальник штаба ВДВ укатывает в поданной к трапу «Волге», а за нами пришлют старенький «ПАЗ». В ожидании я с интересом разглядываю стоящие чуть поодаль 29-е «МиГи».

Южная Сибирь встретила нас двадцатипятиградусной жарой. Пришлось раздеться до рубашки, и сгоревшая в Сочи кожа снова стала противно зудеть. Правда, на мое персональное счастье, генералы Беляев и Сериков, командир 242-го УЦ, почему-то отказались от натопленной для них традиционной баньки, так что в баню отправили нас — не остывать же добру. Там я наконец окончательно «поинял», новая кожа еще немножко чесалась, но уже не болела на сгибах. А пить? Так я за всю свою жизнь никогда не пил, да и стол для гостей был накрыт по-царски, на генералов же рассчитывали. (Потом я прикинул, что в среднем каждые семь-десять минут принимал «на грудь» по стакану.)

В жарко натопленной бане и пилося как-то по особенному, но наутро я действительно пожалел, что вчера не умер,— десантники начали опохмеляться. Кто-то из офицеров принес гитару, я попробовал было чего-то напеть, но пальцы цепляли струны совсем не там, где надо, и я оставил безнадежные музыкальные упражнения, снова взяв в руки более привычный для них инструмент — стакан. Мужики разговорились о январских боях за Грозный. Вот тогда-то я и услышал фамилию генерала-сухопутчика Шевцова, поднимавшего в Моздоке новогодние тосты за поражение ВДВ. Замелькали другие фамилии: Рохлин, Квашнин...

Последняя мне показалась знакомой. Еще в 92-м на Всеармейском собрании в ШОВС кто-то из офицеров бывшей 40-й армии, впоследствии ставшей вооруженными силами Казахстана, рассказал мне историю о командире танковой дивизии с такой же фамилией. Дивизия дислоцировалась в Сарыозеке, это километров 90 от Талды-Кургана и примерно столько же от Алма-Аты. Министр обороны СССР Дмитрий Язов прибыл в эту дивизию КСАВО с инспекцией, обнаружил там черт-те что и потре-

бывал «на ковер» комдива. Того искали полдня и наконец обнаружили... в кинотеатре. Результат не замедлил сказаться — за несоответствие занимаемой должности снять с командования дивизией и вывести в распоряжение министра обороны. После такого оставалось только в госпиталь ложиться, на увольнение. Я справился, тот ли это Квашнин. Он не из Уфы ли случайно родом и вроде как даже военного училища не заканчивал? Оказалось, тот самый.. Поди ж ты, а теперь группировкой «федералов» командует. Ну, имея дело с такими «корифеями» военных наук, Дудаев, Басаев, Радуев, Хаттаб и прочие еще долго могут спокойно спать!

На следующий день состоялось торжественное присвоение центральной улице поселка Светлый имени командующего Маргелова, с открытием мемориальной доски. Чуть позже там был установлен и бюст Василия Филипповича. (Настоящий памятник легендарному десантнику, в полный рост, высотой в несколько метров, был установлен в 2000-м году, но, к сожалению, пока что не в России, а на Украине, в городе Днепропетровске.) Потом состоялись показательные выступления воинов-десантников 242-го УЦ, включая и боевую стрельбу из автоматического станкового гранатомета «Пламя». Я со своим фотоаппаратом полез было поближе, но меня тут же убрали из-под обстрела. Разлет осколков у АГС еще тот, недаром его называют «смерть пехоты».

В 242-м учебном центре мне понравилось, как, впрочем, понравился и сам город Омск. Чувствовалось, что солдатам и офицерам трудно по нынешним временам поддерживать на достойном уровне моральный и боевой дух, но того, сказать словами Бати Маргелова, «румынского бардака», который в 90-е годы стал характерной приметой многих частей и соединений Сухопутных войск, у десантников не было.

Торжества в 242-м учебном центре ВДВ закончились, и 5 мая мы благополучно приземлились в подмосковном Чкаловском. Почти три дня моих потуг «перепить десантников» не прошли бесследно. Я, едва живой (хорошо хоть Валерий Борисенко был рядом), на «четырёх опорах» выполз из метро «Таганская», но дальше уже идти, простите, не мог. Заморозки кончились, в Москве наступила жаркая погода. Пот с меня — градом, во рту — сушняк, ноги как ватные. Вот-вот свалюсь — полный упадок сил.

Валера решил серьезно заняться моим лечением и запихнул в какое-то оказавшееся поблизости кафе на открытом воздухе. Там он заказал пиво «Балтика» различных нумераций и коротко приказал: пей, должно помочь! Пиво оказалось хорошим, не хуже немецкого. К нему принесли чего-то еще зажевать, и я постепенно пошел на поправку. Тут Валерий Викторович и сообщил мне, что послезавтра меня ждут в Академии бронетанковых войск. Генерал Николай Сердюков лично пригласил меня на празднование своего 50-летнего юбилея, а посему содержание должно соответствовать форме. Я вяло кивнул и снова налег на пиво. Валера тем временем продолжал:

— Я же говорил тебе, когда пьешь, надо не забывать и закусывать.

Я с набитым ртом промычал было «виноват, исправлюсь», но тут в разговор вмешались:

— Уважаемы, тай нимнога тенга на хлэп.

Поднял голову. По виду — явные беженцы из Таджикистана. Я уже полез было в карман за мелочью, как вдруг Борисенко резко послал просящего к известной матери:

— На хлеб, говоришь, не хватает...

Все многочисленное семейство таджика жевало «сникерсы».

— Вот, мать твою, беженцы пошли, на хлеб не хватает, а на «сникерсы», значит, хватает. Душманье...

От греха подальше таджик с домочадцами тут же растворился в толпе. Мы допили пиво и пошли по направлению к дому Игоря. Бросив непослушное тело на диван, я справился у брата, где Серега Шавров. Оказалось, что на дежурстве, освободится только послезавтра.

— Жаль, вот и в Омск без него слетал,— уже почти отрубаясь протянул я.

— Что это с ним? — спросил Игорь у Борисенко.

— Как что? Уже синдром. В который раз пытался перепить десантников.

— Все ясно.

Всю субботу я проспал как убитый, а наутро, в воскресенье, все же нашел достаточно сил, чтобы встать, залезть под душ, побриться и почистить зубы (какие еще остались). Игорь подозрительно смотрел на эти мои приготовления.

— Куда это ты с утра-то пораньше? К девочкам, что ли? Так к ним под вечер ходить положено.

— В бронетанковую академию! — бодро отрапортовал я.— Командир десантников из 345-го пригласили на день рождения. Витька Верстаков там тоже будет.

— Смотри, братан, не загнишь с такими темпами, а то ведь еще и опохмеляться придется. Знаешь анекдот?

— Знаю. Посему опохмеляться не буду.

У входа в академию стояла небольшая группа людей. Я встал в сторонке, ожидая, пока подойдут Виктор Верстаков и его супруга Ольга. Наконец появился Виктор и представил меня генералу Сердюкову. Честно скажу, я до сих пор искренне благодарен Николаю Ивановичу и его боевым товарищам за оказанную мне честь. А ведь все началось с передачи в рамках моего «Сигнала», и я даже мечтать не мог, что воочию увижу легендарных бойцов Баграмского ОПДП — Сердюкова, Демидова, Маковея, Хромова, Кима. С Пашей Кимом мы разговорились, как-то быстро нашли общий язык, и я пригласил бывшего начмеда 345-го к себе на день рождения, попросив его с утра 9 мая подъехать на Новодевичье, ибо также собирался познакомить Павла и с Александром Васильевичем Маргеловым.

За столом я больше налегал на закуску, чем на выпивку. Володя Маковей и Вася Хромов поинтересовались причиной. Пришлось рассказать о своих омских «злключениях». Мужики посмеялись: «Жаль, Валерки Востротина нет! Вот бы с кем тебе посостязаться!» (Как в воду глядели! В 97-м на банкете в честь Героя России Александра Маргелова я последовал их совету — и снова безуспешно. Конечно же, победителем вышел Востротин.)

Домой я добрался уже под вечер и попытался было принять горизонтальное положение. Но не тут то было! Звонок. Услышав на автоответчике голос Володи Пластуна, Игорь передал мне трубку. Дядя Вова сообщил, что завтра, 8 мая, в 18.00 на Красной площади под руководством Бориса Громова состоится торжественное возложение венков к могиле Неизвестного солдата. Он просит меня быть там вовремя и обещает лично представить бывшему командарму 40-й. Я знал, что Игорь немножко недолюбливает Пластуна за его привычку к месту и не к месту титуловать себя «генерал-лейтенантом КГБ». Уж кто-кто, а реальный полковник КГБ Игорь Морозов хорошо знал, что столь высокое воинское звание мог носить разве только начальник Краснознаменного института КГБ,

но никак не «простой ученый», в прошлом рядовой преподаватель языка фарси.

— Опять «генерал-лейтенант» хренов тебе лапшу на уши вешает. Громову он представит! Как же! Жди! Борис его, поди, и в глаза-то никогда не видел,— констатировал Игорь.

Сам Игорь знал Бориса Всеволодовича еще по Афганистану, по своей третьей командировке «за речку» в начале 89-го года

— Братан, а ты-то сам не хочешь поехать?

— Да нет, брат, тяжело мне теперь смотреть на все это... Поезжай с Серегой.

Поздним вечером, почти уже ночью, я наконец дозвонился и до Шаврова.

— Старшина, Омск ты пропустил, бронетанковую академию тоже. Завтра хоть свободен?

— После обеда.

— Прекрасно, будь в 16.00 у Игоря.

— А что намечается? — недоумевающие спросил Серега.— День рождения у тебя ведь только девятого.

— Как что? Поедем на Красную площадь венки к Вечному огню возлагать и с Громовым знакомиться. Фирма «Пластун» гарантирует,— сообщил я уже под хорошо слышные и Шаврову смешки Игоря.

— Ну, если Пластун гарантирует, тогда жди, только будь готов, как юный пионер.

Серега прибыл прямо с дежурства ровно в шестнадцать. Я ждал уже внизу, на улице, и сходу запрыгнул в подрулившее к обочине белый «вольво».

— Хорошее тебе «точило» на фирме выдали,— заметил я.

— Ничего. Вот блин!

— Чего ты?

— Да «дуру» сдать забыл. А в машине оставлять нельзя.

— Бери с собой, что-нибудь придумаем. У тебя же разрешение есть.

Мы запарковали тачку напротив гостиницы «Москва» и пешком пошли в сторону Красной площади к видневшимся вдаль ограждениям и милицейским постам. Толпа зевак собралась непомерная — еле протиснулись. По ту сторону ограждений я стал глазами выискивать знакомую фигуру дяди Вовы и наконец нашел. Однако, заметив мои махания рукой, Пластун почему-то не спешил подходить и

вступать в объяснения со стражем порядка. Милиционер же втолковывал нам, что вход разрешен только по приглашениям, служебным удостоверениям и спецпропускам. Моя журналистская ксива его не убедила. Тут к ограждению протолкались двое в одинаковых темных костюмах, предъявив в раскрытом виде одинаковые же «книжечки», и я решил на этом сыграть. Обращаясь больше к «джентльменам из конторы», нежели к постовому, я объяснил: что мы, дескать, приглашены. Вот там, поодаль, нас ждет «генерал-лейтенант КГБ» Пластун, а нас, извините, почему-то не пропускают. Один из «джентльменов» что-то сказал милиционеру и тот сразу разрешил нам пройти. «Уловка-22» сработала. Хоть какая-то польза от пластуновского «генеральства».

— Оружие есть? — спросил постовой, обращаясь больше к Сереге, чем ко мне.

— Есть,— по-военному коротко ответил Шавров, предъявляя лицензию охранника.

— А патроны?

— Тоже есть, как и положено, хранятся отдельно.

— Какие, газовые?

— Никак нет. Боевые.

— Проходите. А то, если газовые, то не положено.

Мы прошли за ограждения, и я спросил у Сереги:

— А если бы ты с гранатометом заявился? С газовыми гранатами — не положено, а с осколочными — пожалуйста, проходите.

— Похоже, что и не мент он вовсе, а переодетый срочнослужащий кремлевского полка.

— Может и так, кто их теперь разберет.

Мы подошли к Володе Пластуну, который на мой вопрос о «непонятке» на милицейском КПП тут же сослался на какие-то «объективные обстоятельства», которые помешали-де ему к нам подойти. Пока я разбирался с Пластуном, нас окликнули. Подполковник Ренат Шафиков — ветеран войны в Афганистане, а до недавнего прошлого командир разведроты 201-й дивизии, дислоцированной в Таджикистане. Теперь под Рязанью служит, в Чучково. Вчетвером мы приблизились к небольшой группе людей, окружавшей Бориса Громова. До возложения венков оставалось еще минут тридцать. Пластун подошел было к Громову и попытался что-то сказать, но командарм его не замечал. Да, сдается, прав был Игорь насчет их «тесного

знакомства». Тут кто-то со всего размаху огрел меня по спине. Я обернулся. Гена! Генерал-полковник Геннадий Стефановский, которого я не видел уже, почитай, целый год! Мы обнялись. Устроенный нами шум привлек и внимание Громова. Он подошел, поздоровался со Стефановским, и тот, представив меня бывшему командарму, попросил Бориса Всеволодовича сказать несколько слов в микрофон. Громов согласился, на интервью мне отводилось пять минут — ровно столько оставалось до начала церемонии возложения венков.

Пока я задавал вопросы Борису Всеволодовичу, Серега управился с фотоаппаратом, запечатлев для истории этот торжественный момент. Потом нам тоже вручили венок, и мы с Володей Пластуном возложили его к Вечному огню.

— Ну что, дядя Вова? — спросил я. — Может, в следующий раз лучше мне представить тебя Борису Громову?

— Да понимаешь, Валер, он меня, наверное, не признал. Столько времени прошло.

— Надо же, тебя не признал, а Стефановского сразу узнал, хотя столько времени прошло. Ладно, с этим проехали. Завтра вечером приходи к Игорю Морозову. Состояние — трезвое, форма одежды — парадная. И поскромнее, пожалуйста. Это день рождения, не свадьба, так что «генералы» мне там без надобности.

От Красной площади мы завернули на Тверскую, с нее мимо кинотеатра «Россия» — на Новослободскую, потом на Чехова, где и притулилось Московское бюро РС. Я быстренько поднялся наверх, подлетел к Кулистикову и Шустеру, вывалив перед ними кассету: «Вот вам, в ваш «Кривой эфир».

В свое время Шустер и сам был не прочь взять интервью у Бориса Громова, так что особых «восторгов» чужими успехами, конечно, не выказал. Но делать нечего, событие надо было освещать, дабы не отставать в этом от «конкурентов» — российских средств массовой информации, а собственного «шустриковского мальчика» не пропустили за ограждения. Я еще упросил Серегу коротко заглянуть на Рублевское, домой к Серафиму Юшкову — поздравить его с наступающим праздником, а потом меня, уже порядком «нагруженного», «броня» доставила обратно на «базу», напоследок предупредив, чтобы завтра с утра я как «стеклышко» ждал его внизу.

— А ты что, завтра разве без «колес»? — спросил я.

— Вот наглый человек! — возмутился Шавров.— Имею я право хоть Девятого мая стакан-другой выпить?

Дома, завалившись на родной диван, я начал рассказывать Игорю о наших с Шавровым похождениях на Красной площади (особенно позабавил его случай с шавровской «дурой»), но был перебит звонком. Я подумал было, что это Александр Васильевич, еще раз решивший уточнить нашу диспозицию на завтра. Нет, голос женский. Черт возьми, сразу и не узнал! Наталья, которую я, признаться, тоже уже счел «пропавшей без вести». Она и вправду отъезжала из Москвы к себе в Новочеркасск.

— Ну, привет, красавица, подъезжай завтра по известному тебе адресу, а там разберемся!

Я повесил трубку и плеснул себе немного в стакан «на сон грядущий». Забегая вперед, скажу, что к концу 95-го Наталья снова «пропала», и, к сожалению, больше мы с ней уже не встречались.

У входа на Новодевичье нас с Серегой Шавровым уже ожидали Валера Борисенко и Павел Ким. Мы взяли букеты цветов и прошли в глубь кладбищенского комплекса, к надгробному памятнику Василию Филипповичу. Там уже находились сыновья Александр, Василий и Виталий, их жены, внуки Александр и Михаил Маргеловы, близкие и друзья семьи. Разлив по стаканам принесенную водку, мы добрым словом поминаем генерала-фронтовика, Героя Советского Союза, участника парада Победы 1945-го года, прошедшего всю Великую Отечественную войну от первого и до последнего ее дня. Девятое мая — не только День Победы, но и день памяти о тех, благодаря кому мы все получили право на рождение и на эту жизнь.

С Новодевичьего кладбища мы поехали домой к Александру Васильевичу, где был накрыт праздничный стол, а уже ближе к вечеру вернулись на Пролетарку, к Игорю. Там я застал и первых гостей — немного знакомую мне, в основном по ее творчеству, Марианну Захарову и совсем незнакомого старлея-пограничника со звездой Героя России на кителе.

— Андрей Мерзликин,— представился он.

В памяти всплыли события лета 93-го в Таджикистане: 12-я застава Московского погранотряда. Неравный бой с просочившимися из-за Пянджа духами. Всего несколько оставшихся в живых бойцов. В их числе получив-

шие тяжелые ранения офицеры — Разумовский и Мерзликин. «Стрелочников» искали недолго. Командующий погранвойсками России был снят с должности, но мертвых-то этим не оживишь.

Марианна и Игорь оживленно спорили. Я прислушался. Оказывается, Маша, ефрейтор Внутренних войск России (полк дислоцирован в Дзержинске, Нижегородской области), засобиралась в Чечню. Игорь к ее настроениям повоевать отнесся отнюдь не благосклонно, потому и возник спор. Отношение брата, воевавшего в Афганистане и знающего цену крови, к войне в Чечне я знал хорошо и полностью разделял его. Одно время еще бывший сержант-афганец Серега Кузнецов серьезно достал Морозова своими поисками «героизма» на чеченской войне, и Игорь доходчиво объяснил тому прописную истину: «на гражданских войнах не бывает героев». Теперь вот еще и Марианна. У самого Игоря подрастали близнецы-сыновья Алексей и Михаил, обучавшиеся в МАДИ, но меньше всего он хотел бы видеть их обреченными на заклятие «молоху» чеченской войны. Хватит и того, что отец навоевался за всех, а афганская война, к сожалению, никого и ничему не научила.

Марианна не соглашалась с тем, что женское дело не в Чечне воевать, а растить дочь, и продолжала спорить. Заметив, что Игорь завелся уже не на шутку, я решил разрядить обстановку и попросил Марианну спеть. Она отвлеклась, мы выпили. Маша взяла в руки гитару. Я спросил Марианну, не против ли она, если в нескольких выпусках «Сигнала» я дам ее песни. Нет. Не против. И тут-то из нашего дальнейшего разговора выяснилось, что Захарова она по первому мужу, а в девичестве — Коновалова. Предки — родом из Костромы. Надо же? Моя покойница-бабушка говаривала, что ее корни тоже из этого старинного русского города. Вдруг дальняя родственница? Я как-то сразу поохладел мыслью приударить за Марианной и вовремя вспомнил о присутствии Натальи.

Постепенно стали подходить и другие гости. Последним пришел Алексей Мананников. Он рассказал мне, что решил бойкотировать официоз на Поклонной и вместо этого прошел с колонной ветеранов от Белорусского к Вечному огню. Городские власти поначалу не разрешили было пройти «красным» на Красную площадь, но, узрев в рядах демонстрантов нескольких высокопоставленных

законодателей, решили все же не омрачать праздник ни себе, ни другим.

За окнами уже заметно стемнело. Со стороны Кремля грянули первые залпы праздничного салюта. Народ ответил дружными залпами из всех имевшихся в наличии разнокалиберных стволов. К народному салюту свой голос присоединили и мы.

Из Москвы я улетел 12 мая, решив больше никогда не праздновать свой день рождения в Германии.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ НА «ВОЛЕ»

Я вернулся в Мюнхен и занялся подготовкой последних выпусков «Сигнала» к эфиру, стараясь не обращать внимание на бушевавшие вокруг «страсти-мордасти». Многим сотрудникам уже разослали уведомления с указанием причины, почему их не берут в Прагу. Я такого письма пока еще не получил, но примерно догадывался, чего в нем напишут. Почти одновременно с этим был обнародован и коэффициент, по которому собирались начислять отступные. У меня за почти 12 лет набралась бы кругленькая сумма в 40 с лишним тысяч баксов, но с учетом моих долгов и кредитов не видать мне ее «кругленькую». Дай бог, если хоть половина останется. Вдобавок ко всему еще предстояла и беготня по различным немецким учреждениям для оформления пособия по безработице да «выбивания» приличных курсов по переквалификации или дальнейшему обучению. Я выбрал компьютерное образование в области масс-медиа. Но до курсов этих оставалась еще чертова уйма времени, а пока что надо спокойно досидеть на «свободовских» нарах свои последние полмесяца.

Наконец долгожданным письмецом ошастливили и меня. Действительность превзошла ожидаемое. Формулировка увольнения содержала в себе прямое указание на мой дефект речи — заикание. Дескать, именно по этой причине я и не гоюсь к «пражскому двору». Надо же, мать твою, более десяти лет проработал на РС/РСЕ в Германии, занимал высокую редакторскую должность, выступал в прямом эфире, был выездным спецкорреспондентом в России — и никого мое заикание, простите, не трогало. Интересно, а Шустер, который двух слов на

чужом для него русском языке, как, впрочем, и на всех остальных, правильно связать не может, или картавый Гендлер, они что — «звезды» радиоэфира? Написали бы уж лучше, что я национальной принадлежностью для Праги не вышел. Так нет ведь, евреев тоже не всех туда берут. Правда, в отличие от «гендлеров, шустров и вротманов» Вася Фрейдкин, Бурштейн и Урбанская — люди приличные.

Я уже ни хрена не понимал в логике отбора на «пражский этап», но на всякий случай на утренней летучке прилюдно справился у Гендлера:

— Чем, с точки зрения доктора-логопеда, ваша долбанная картавость отличается от моего заикания?

Лицо Юрия Львовича тут же приобрело цвет известного места у макаки-резуса, и он начал сбивчиво объяснять, что дело, дескать, совсем не в заикании.

— Ну тогда, мать твою, и пиши прямо, в чем дело, волчина ты позорная! — Я уже не выбирал дипломатических выражений, перейдя на хорошо знакомую некоторым «диссидентам» неформальную лексику зоны.

Женьку Кушева я не видел почти неделю и, придя как-то на службу во вторник, уже после обеда и с сильного похмелья, узнал страшную новость: Женя умер. До сих пор сложно сказать, что послужило причиной смерти. Я упоминал уже, что у Женьки было слабое сердце, волноваться и попадать в стрессовые ситуации ему было противопоказано, пить тоже, а плюс к тому — еще и варикоз. Достоверно известно только то, что, будучи на службе в воскресенье, он поимел очень неприятный разговор с Шустером и поддакивавшим тому Гендлером. И Шустер вроде как намекнул, что в Праге можно обойтись и без Кушева, дав понять, что он-де знает «диссидентскую подноготную» Жени как «стукача». Это была хорошо рассчитанная на удар «под дых» ложь. Кушев никогда не был тем, что ему приписывал Шустер, но к подобным «наскокам», как и многие вчерашние диссиденты, относился весьма болезненно. (К слову сказать, уже после описываемых событий Шустер как-то цинично намекнул и Васе Фрейдкину, что, если тот будет «качать права», то отправится вслед за Кушевым. Как после этого относиться к подонку? У меня теперь есть все основания считать Шустера косвенным виновником смерти моего близкого друга.) В понедельник Жени не стало. Гендлер и осталь-

ные администраторы радио «Свобода» решили спешно организовать похороны, а потом уже сообщить об этом родственникам в России. Я смог дозвониться до Москвы и Ленинграда, хотя говорить с матерью Жени мне было совсем нелегко. Мать Евгения была тяжело больна, не вставала с постели и поэтому не смогла прилететь на похороны сына. В Мюнхен прибыли только сестра и двоюродный брат Жени из Питера, Влад. Администрация РС наотрез отказалась оплачивать транспортировку тела в Москву, хотя близкие родственники и настаивали на этом, почему-то более прислушавшись к мнению бывшей супруги Кушева.

Владу Кушеву, которого Юрий Львович когда-то застучал в КГБ (по словам отставного полковника Волошенюка, Гендлер сдал органам человек двести из числа своих друзей и знакомых), тем самым испортив его карьеру ученого-генетика, я рассказал все, что знал о роли Гендлера и Шустера в этих трагических обстоятельствах. Пришлось «господину диг'ектог'у» поваляться в ногах у близкого родственника покойного. Через два дня мы схоронили Женю Кушева на мюнхенском кладбище. Последнюю неделю пребывания РС в Мюнхене Гендлер обходил меня стороной, стараясь не попадаться на глаза. Морду ему собирался бить уже не только один лишь Боря Бурштейн.

Наконец наступила и пора прощаться. На прощание я заготовил последний, 1383-й выпуск «Сигнала» (порядка 360 выпусков программы были созданы мною), ушедший в эфир 2 июня 1995 года. В нем я дал только свой авторский текст, почти наполовину состоявший из перечисления имен и фамилий офицеров и генералов, которых я поблагодарил за сотрудничество с программой, а также песни Игоря Морозова, Юрия Кирсанова и группы «Контингент». Передача ушла в эфир из пражской студии, куда ее перегнали из Мюнхена, и прозвучала уже после того, когда меня на «Свободе» больше не было. Ниже я приведу отрывок из этого последнего выпуска «Сигнала»:

«Этот прощальный выпуск по времени подходит к концу. В заключение я хотел бы поименно поблагодарить, как постоянных авторов программы «Сигнал», так и официальных лиц, за их участие в циклах «Коллективная безопасность СНГ» и «Оборона и безопасность России».

Прежде всего хочу поблагодарить «лучшего министра обороны» России генерала армии Павла Грачева, причем не только за его короткие интервью программе, но и за обилие подсказанных им «тем и сюжетов». Ну а переходя на серьезный тон, выражаю сердечную благодарность за участие в программе «Сигнал» маршалу авиации Евгению Шапошникову, заместителям секретаря Совета безопасности Валерию Манилову и Владимиру Рубанову, начальнику Управления секретариата СБ РФ Константину Мацкину, офицерам пресс-службы и центра общественных связей СВР и ФСБ Юрию Кобаладзе, Алексею Кандаурову и Александру Михайлову, заместителю директора СВР генерал-майору Владимиру Рожкову, полковнику СВР Леониду Бирюкову, президенту Ингушетии Герою Советского Союза Руслану Аушеву, директору департамента налоговой полиции России генералу Сергею Алмазову, Главнокомандующему Сухопутными войсками России генерал-полковнику Владимиру Семенову и командующему Воздушно-десантными войсками генерал-полковнику Евгению Подколзину, заместителю командующего ВДВ по Миротворческим силам генерал-майору Николаю Стаськову, начальнику пресс-службы ВДВ Евгению Коротаеву, адмиралу флота Владимиру Чернавину, бывшему начальнику пресс-центра ВМФ Валерию Новикову и нынешнему — Александру Веледееву, генералам армии Махмуду Гарееву, Константину Кобецу и Михаилу Моисееву, начальнику Штаба по координации военного сотрудничества СНГ генерал-полковнику Виктору Самсонову, его заместителям генералам Борису Пьянкову и Виктору Селуянову, секретарю Совета министров обороны СНГ генералу Леониду Ивашову, начальнику ВОКУ имени Верховного Совета России генерал-лейтенанту Александру Носкову, контр-адмиралу Александру Мочайкину, генералам Эдуарду Островскому и Василию Волкову, бывшему министру обороны Таджикистана генералу Фарруху Ниязову, полковникам Серафиму Юшкову и Анатолию Ковалю, другим офицерам и генералам Штаба по координации военного сотрудничества, бывшим заместителям министра обороны России генерал-полковникам Борису Громову и Валерию Миронову, бывшему Главкому ЗГВ генерал-полковнику Матвеем Бурлакову, начальнику Военной академии Генштаба генерал-полковнику Игорю Родионову, заместителю командующего погранвойсками России полковнику

Федору Ламову, бывшему командующему Внутренними войсками МВД России генералу Василию Саввину, генералам Василию Гнездилову и Владимиру Нестеренко, полковнику авиации Николаю Столярову, сотрудникам пресс-службы Министерства обороны России полковникам Владимиру Уватенко и Владимиру Никанорову, депутату Госдумы РФ полковнику Сергею Юшенкову, Главному военному прокурору генерал-майору юстиции Валентину Паничеву и старшему следователю Главвоенпрокуратуры Алексею Смертину, главному редактору журнала «Военный парад» Евгению Шашкову, генералам Николаю Сердюкову и Николаю Гуськову, бывшему заместителю министра обороны СССР по чрезвычайным ситуациям генерал-полковнику Владиславу Ачалову, полковнику Олегу Брылеву, писателю Владимиру Богомолу, бывшему министру внутренних дел СССР и последнему председателю КГБ Вадиму Бакатину, бывшему председателю Конституционного суда России Валерию Зорькину, бывшему вице-президенту России генерал-майору авиации Герою Советского Союза Александру Руцкому, генералам Альберту Макашову и Виктору Филатову, писателю, главному редактору газеты «Завтра» Александру Проханову.

На Украине хочу поблагодарить начальника Генерального штаба Вооруженных Сил республики генерал-полковника Анатолия Лопату и старшего офицера пресс-службы Минобороны Украины полковника Анатолия Мураховского. В Белоруссии — генералов Николая Чуркина и Ивана Зубкова, полковников Владимира Чекова, Федора Левшу, Виктора Новикова, Владимира Воротынцева и подполковника Александра Мушту, сотрудника КГБ Белоруссии Петра Снопка, депутатов Верховного Совета Евгения Новикова и Игоря Пырха.

И, конечно, от всего сердца благодарю постоянных авторов программы «Сигнал». В Москве это генерал-майор запаса Александр Гуров, полковник запаса Игорь Морозов, полковник Александр Маргелов, генерал-полковник запаса Геннадий Стефановский, полковники запаса Валерий Борисенко и Виктор Верстаков, ученый-востоковед Владимир Пластун, полковники Валерий Чебан, Николай Иванов, Николай Плотников и Семен Багдасаров, писатель Петр Паламарчук, капитан 1-го ранга в отставке Николай Спасский, журналист-международник Андрей Шарый, подполковник Станислав Бабаев и под-

полковник запаса Михаил Елистратов. В Петербурге — капитан 1-го ранга в отставке Николай Сунцов, капитан 3-го ранга запаса Александр Зубков и подполковник запаса Андрей Карганов. В Мюнхене — бывший майор Западной группы войск Михаил Емуранов, Алексей Соловьев, подполковник из бывшей ЗГВ Александр Николаев и капитан Сергей Суслин.

Отдельно хочу сказать большое спасибо авторам и исполнителям афганских и солдатских песен, не раз звучавших в выпусках программы «Сигнал»: Юрию Кирсанову, Михаилу Михайлову, Александру Минаеву, Геннадию Каюмову, Марианне Захаровой, Сергею Шаврову, Сергею Кузнецову, Виталию Дегтяреву, ансамблю ВДВ «Голубые береты», оренбургской группе «Контингент» и многим другим.

Теперь уже бывший редактор Военно-политического обозрения «Сигнал», все эти годы выходившего в Мюнхене на волнах радио «Свобода», Валерий Коновалов прощается с вами. Честь имею, товарищи офицеры, и всего вам доброго, уважаемые радиослушатели».

Итак, прощай «Свобода», да здравствует воля! На прощание всем творческим работникам РС/РСЕ выдали грамоту «от благодарного американского народа» за подписью самого президента Клинтона. Скрепя сердце эту заморскую ксиву начальство дало и мне. Любопытный документик. Если верить всему, что там написано, так меня не увольнять надо было, а как минимум назначить директором Русской службы радио «Свобода» вместо Гендлера.

С собой я забрал только личные архивы. Служебный компьютер (его можно было выкупить за копейки) украли из кабинета, еще когда я находился в Москве, как украли и многое другое. Образно говоря, «Свободу» растащили по кирпичикам. От сотрудников-несунов не отставала и сама администрация. Мне рассказывали, что когда немцы вселились в покинутое здание, то, к удивлению своему, обнаружили даже вырванную с корнем электропроводку и оторванный от бетона линолеум. Словом, все как на холодной войне — не оставлять «врагу-супостату» ничего: ни пяди электропроводки, ни погонного метра линолеума. Интересная психология. Дать бы тогда американцам волю, они, наверное, и само здание РС/РСЕ за собой взорвали бы.

ОПЯТЬ В РОССИЮ

Я не надолго задержался в Мюнхене и, решив вначале полететь в сторону Питера, приобрел билет на «Аэрофлот», попутно узнав, что хорошо знакомого мне маршала Шапошникова теперь назначили командовать этой государственной авиакомпанией. Со «Свободой» меня ничего уже больше не связывало, летел я по делам «деревянного бизнеса», а мой горе-компаньон с немецкой стороны уже к тому времени пребывал в Ленинграде. Дальше — полет в Сочи, а потом и в Москву, брата и старых друзей проведать. Я-то теперь — птица вольная, да и денегат немного в запасе есть. Не буду вдаваться слишком уж в большие подробности моего летнего вояжа по делам бизнеса.

Я прилетел в Ленинград. Из Пулково меня забрал Андруха Карганов и отвез к Мурзиным. Пообщавшись с Володей и Натальей, которых не видел уже больше года, я по старой памяти подался было еще и к Ленке Петровой, но там мне дали от ворот поворот: «Три года не показывался, даже не звонил, так что не мешай, мол, устраивать людям личную жизнь». Вот так вот. А я по наивности всего лишь хотел предложить даме полететь со мной в Сочи. (Хорошо хоть, потом все образовалось и мы не рассорились окончательно — нас все-таки связывали двадцать лет не только близких отношений, но и проверенной мим диссидентским прошлым дружбы.)

Дней через несколько, сидя на балконе шикарного даже по западным меркам отеля в Дагомысе и потягивая прохладительные напитки, я поглядывал на стайки скользящих внизу девочек и весьма сожалел об отсутствии Сереги Шаврова. Одному здесь отдыхать — скука смертная. Через четыре дня «компаньон» с немецкой стороны улетел обратно Питер, а потом и в Мюнхен за какими-то бумагами, а я подался в Москву. Снова в Сочи мы с ним должны были пересечься недели этак через две.

Как я уже отметил выше, воспоминания о радио «Свобода» не занимали мою бедную голову. «Свобода» сама напомнила о себе, и напомнила весьма своеобразно. То один, то другой из авторов «Сигнала» начали жаловаться: им не заплатили последние гонорары. С Валерой Борисенко и Серегой Шавровым мы подъехали к Московскому

бюро РС. Британский жулик Мэтью Фрост, назначенный временным администратором бюро в отсутствие Шустера, здраво, с его точки зрения, рассудив, что раз Коновалов уволен, так и деньги можно зажать, решил гонораров никому не платить, на все вопросы отвечая примерно так: компьютер сломался, и все платежные ведомости пропали.

Потом в Праге это описывали и расписывали на все лады как «вооруженный налет Коновалова на Московское бюро РС». Не было никакого «вооруженного налета». Ну, был у Шаврова пистолет в наплечной кобуре, так он всегда с ним ходит. Может, они имели в виду мой второй заход со старшим сыном Володи Пластуна, Андреем, который тогда служил в одном из отделов МУРа и заявился в бюро РС хоть и в штатском, но с табельным «укороченным» под курткой. Мне помнится, Фрост что-то пискнул «про милицию», а Андрюха, тут же предъявив ему служебное удостоверение, спросил: когда его отцу наконец выплатят честно заработанные четыре сотни баксов? Но в тот раз мы разошлись полюбовно. Фрост засадил мальчика-воришку по имени Максим («главный казначей» Московского бюро) за компьютер, я, по собственным записям, диктовал, кому и сколько платить, потом тот же Фрост подписывал платежную ведомость, а я набирал телефонный номер автора и просил того подъехать в бюро для получения гонорара. Если автор находился не в Москве, платеж осуществлялся почтовым отправлением с вручением одного лично в руки получателя. Таким вот «конвейерным» способом в течении нескольких часов и были осуществлены почти все задержанные платежи авторам программы «Сигнал», общая сумма которых переваливала за две с половиной тысячи долларов. В чем же здесь, простите, криминал? Все, как в «цивилизованной» Америке.

Потом, уже где-то еще через месяц, в Москву из Минска приехала Марина Бабкина, которой Фрост тоже спел «старую песню» про сломанный компьютер. Хоть она и не была автором моей программы, я посоветовал Марине сослаться на меня в ее следующем разговоре с Фростом. Результат не замедлил сказаться — гонорар незамедлительно выплатили и даже на большую сумму, чем рассчитывал автор. Чудеса в решетке, да и только!

Второй раз в Сочи я полетел уже с Серегой Шавровым, остановившись недалеко от городского цирка в отремонтированной к тому времени гостинице «Кавказ».

Там-то меня и нашел Леша Мананников. День жаркий. Сидим мы с Серегой в баре, он старательно опустошает очередной стакан с джином, а я обставился сразу тремя стаканами виски, как вдруг за спиной раздается зычное:

— А это виски для меня, что ли, поставлено?

Оглядываюсь в поисках наглеца.

— Бог ты мой, Мананников, ты-то что здесь забыл? Согласно «табели о рангах», лично глава администрации края в собственные хоромы твою персону вселить должен был бы, а не в этот клоповник.

— Я тут как бы инкогнито,— смеясь, отвечает Леха,— хочу отдохнуть от депутатской суеты.

— Понятно. Значит, присоединяйся. Почти весь запас джина в баре истребил Шавров, но виски еще осталось.

Вторая забавная встреча произошла уже в городе. Мы шли с Серегой в центр, как вдруг, проходя мимо одного из магазинов, я услышал очень уж знакомый говорок с грузинским акцентом. Быть того не может! Рома Шаламберидзе из Мюнхена! Увлеченно занят тем, что втюрирует какому-то фраеру партию солнцезащитных очков.

— Серый,— говорю я,— пошли его арестуем, он мне уже два года долги не отдает, все прячется. Очки липовые продал. Выдавал их за «Порше», а выяснилось, что это фуфло сварганили где-то в Югославии.

— Сумма то хоть большая? — поинтересовался Шавров

— Баксов триста будет.

— Тогда пошли арестовывать твоего Рому. Мне как раз для тещи хороший подарок нужен,— сказал Серега, поигрывая наручниками.

Бедный Рома, мне его даже жалко стало. И так оставивший желать лучшего дар речи потерян совершенно, глаза грозят вывалиться из орбит. В голове хитрого «кинто» никак не укладывается, как это я смог зацепить его здесь, в Сочи. На мощную фигуру Серегу Шаврова он вообще смотрит как на свою скорую смерть. Наконец дар речи медленно возвращается, и Рома спрашивает, спотыкаясь на каждой букве:

— Чэго вам ат мэня нада?

— Посидеть, поговорить. Поехали с нами в Адлер.

— Зачэм в Адлэр?

— Так надо, Рома.

Серый вызывает тачку (чтобы каждый раз не ловить частников, мы договорились с таксистом-армянином на

постоянку во время нашего пребывания в Сочи), мы садимся — Серега на заднее, поближе к Роме — и начинаем раскрутку:

— Ромик-джан,— протягиваю я, скалясь во всю ширь лица,— помнишь, ты мне «Порше» продал?

— Я машинами нэ таргую.

— Не лепи горбатого, батано, я про очки говорю. Шесть сотен в немецких фантиках ты получил? Получил. А очки оказались липой, как и твой сраный «Роллекс», произведенный где-то на Брайтон-Бич. Так что, извини, генацвале, мы тебя сейчас слегка раскулачим на пару хороших солнцезащитных очков. Не возражаешь?

Еще раз, окинув взглядом кубатуру Шаврова, Рома тяжело вздохнул и выложил товар лицом. Я взял себе «Кристиан Диор», оказавшийся настоящим, а Серега — дорогой американский «Рейбан». Потом Серега накинулся на оправы для женских диоптрических очков. Одна ему очень понравилась, теща точно будет довольна.

— Сколько? — спросил он у Ромы.

— Она двэсти доллар стоит,— ответил грузин,— эта тожа «Дыор».

— Ну-ка дай посмотреть,— вмешался я,— опять пока-тил телегу! Какой это «Диор»?

— Нэт, «Дыор», мамай кланус

— Вах, могидхан дэгистрах! Ты лучше папой поклянись, которого у тебя никогда не было. Серый, дай ему двадцать баксов за это фуфло — как подарок для тещи оправа вполне сойдет.

Серега въехал в мою игру. «Диор» был настоящий, но мелкого жулика следовало проучить. Рома хотел возразить было, но только вяло махнул рукой, пряча в карман мятую зеленую ассигнацию.

В Адлере мы зашли в ресторан, откушали шашлычка и выпили водочки. Рома куда-то снова заторопился, но я осадил его, сказав, что в гостинице, где мы остановились, его ждет сюрприз. Тот опять «сбледнул с лица», но вопросов не задавал. На обратной дороге в Сочи мы с Серегой поприветствовали знакомых бойцов подполковника Шлапунова, охранявших один из дорожных разъездов. Рома еще больше занервничал.

— Эй, Ромик-джан, ты случайно не из Кутаиси сюда пожаловал? Нелегально, наверное? — поинтересовался я.

— Нэт, у мэна тожа руски виза,— настороженно ответил тот.

— Жаль, а то бойцы, наверное, захотели бы поиметь очки от солнца. У тебя еще осталось что-нибудь приличное в запасе?

— Ест нэмного. А какой суприз? — вдруг оживился Рома.

— Сейчас увидишь.

Войдя в холл гостиницы и увидев там по Мюнхену еще знакомого ему Мананникова, которому он тоже когда-то навесил липовый товар, Рома снова лишился дара членораздельной речи и, наученный уже «горьким рэкетом», полез за очками. Окончательно Рому добило появление на сцене моего «жулика-компаньона» по бизнесу, также очень хорошо ему знакомого. Как говорится, «рыбак рыбака...»

— Вы зачэм здэсь всэ? — непонимающе уставился на нас Рома, видимо, считая, что присутствует на сходке каких-то международных «заговорщиков».

— По делу, Ромик-джан. Хочешь, и тебя в дело возьмем? Дадим тебе «калашников», будешь прикрывать отход основной группы в горы.

— Можна я лутшэ дамой пайду?..

— Иди, дорогой, иди, только две-три пары женских очков оставь еще, пожалуйста. Понимаешь, подарки для девочек нужны. Это что? «Трусарди» и «Нино Риччи»? Опять заливаешь, батоно. Вот тебе еще двадцать баксов. Устроит? — Глядя на вконец охреневшего «кинто», я едва сдерживал приступы хохота.

Что поделаешь, с детства не люблю «кидал». Потом уже, в Мюнхене, года так через четыре, когда я подрабатывал в охране «русского» ночного клуба-дискотеки, кто-то из посетителей рассказал, как вернувшийся из «теплых краев» Рома Шаламберидзе плел жуткие истории про то, как его ограбил и чуть не убил в Сочи КГБ во главе с «этым Канааалам».

Через неделю, проведенную в уже не менее жаркой Москве, мне снова пришлось мотнуться в Сочи, а заодно и в Туапсе — проплатить отобранный для отправки в Германию товар. Серега Шавров наотрез отказался лететь, сказав, что его уже тошнит от «южных курортов». Я полетел один, уже в Сочи пересекся с бухгалтершей немецкого «компаньона», а в Туапсе меня арестовали за «нарушение паспортного режима».

— Где ваша прописка? — наседали на меня сотрудник местного отдела ФСБ, официально представившийся «паспортистом».

— Согласно отметкам в моей визе, я гость Совета Федерации. Если нужна еще и отметка о прописке, то в Сочи сейчас отдыхает пригласившее меня лицо — депутат Мананников. Вот телефон, позвоните, объясните, в чем дело, он меня прямо у себя в кабинете и пропишет,— набрался я наглости.

Времени и так мало, а тут еще эти советских времен гримасы с «ловлей шпионов через прописку». «Паспортист» куда-то вышел, потом вернулся и, вручая мне назад мой «тугамент», спросил:

— На сколько дней вы собираетесь задержаться в городе?

— Два-три максимум.

— Идите в гостиницу, вас временно там пропишут, и поймите нас правильно. Все-таки погранзона, террористы опять же чеченские...

— Я, что, похож на Радуева?

— Понимаете, у нас бдительность...

Ох уж мне этот «призрак» чешского еврея Фучика с его «люди, будьте бдительны!» И тут достал.

Из Сочи я опять вернулся в Москву, прикидывал было смотаться в Минск, но вовремя вспомнил, что пора возвращаться обратно в Мюнхен оформлять ворох бумаг и впредь, как в бородатом анекдоте про разведчиков, согласно своей новой «легенде» вести жизнь «безработного и нищего». Я не планировал в 95-м году еще раз совершать путешествие в Россию. Тем более что и бизнес мой вскорости накрылся «известным местом», да и денег уже оставалось не так-то много, но его величество случай поменял мои планы.

В конце октября появилась первая достоверная информация о том, что упоминавшийся мною в предыдущих главах книги сын Абдурахмана Авторханова Тимур задержан за незаконный переход российской границы и уже несколько месяцев содержится в следственном изоляторе МВД Дагестана, в Махачкале. Я прекрасно понимал состояние тяжело больного отца, который мог умереть и так и не увидеть сына. Я очень уважал старика Авторханова и не мог отказать ему в помощи, хотя дело это касалось Чечни. Вместе с бывшей супругой Тимура Ларисой (законная

жена-немка и слышать о муженьке ничего не хотела, такие вот у них «брачные узы») мы обратились в Генпрократуру России. Откуда пришел ответ, что немецкий гражданин Георгий Кунта (Тимур по паспорту носил эту фамилию) за ними не числится. В недоумении «разводило руками» и германское посольство в Москве. Лариса, как и я сам, раньше тоже работала на «Свободе». Мы позвонили в Прагу. Удивительное дело! Не мы от радио «Свобода» получили нужную нам информацию, совсем наоборот — радио «Свобода» впервые от нас узнало, что сын Авторханова находится под следствием в Махачкале. Надо же, каких «зияющих высот» после тотальной «шустеризации» достигла их хваленая журналистская оперативность в Праге!

Посоветовавшись с Ларисой и семьей Авторханова, я решил обратиться за помощью к Мананникову. Когда-то я познакомил Тимура с Алексеем. Леша, выслушав меня, отдал помощнику распоряжение связаться с директором ФСБ Барсуковым и непосредственно с МВД Дагестана, попросив перезвонить через неделю. В следующем разговоре он дал понять, что меру пресечения Тимур могут изменить, переиграв статью УК о «нарушении госграницы» на «нарушение паспортного режима», а это в лучшем случае не срок, а крупный денежный штраф. Более того, свое поручительство в деле готов дать и известный дагестанский поэт Расул Гамзатов. В общем, мне необходимо прилететь и привезти деньги для уплаты требуемого штрафа, а сам он, Алексей, займется подготовкой соответствующих документов для консульского отдела посольства ФРГ. Лариса собрала деньги, попросив передать их лично в руки ее брату Володе, я заказал билет и снова очутился в морозной Москве — к самому концу предвыборной кампании.

Из «Шереметьева» я сразу поехал домой к Игорю, попутно застолбив для себя квартиру в районе Сущевки, которую снимал летом. Братан предупредил меня, чтобы на встрече с московским чеченом Адамом, троюродным братом Тимура, я вел себя осмотрительно. Я объяснил, что мне от того нужны всего лишь кое-какие документы для Мананникова и домашний телефон Хазбулатова, да и в «гости» я пойду не один, а с сыном Володи Пластуна, раз Шавров на дежурстве. Если что, он по «оперативке» муровскую ГНР вызовет.

Моя собственная куртка почему-то в самолете подмокла (бутылку, что ли, я на нее опрокинул?), и идти в ней на мороз означало обречь себя как минимум на воспаление легких. Игорь предложил мне свою, камуфлированную. Я натянул ее и чуть не упал — куртка оказалась тяжелой. Но грела она не хуже «буржуйки».

Адам, завидев меня в такой экипировке да еще на пару с ментом, решил было, что его пришли брать, но недоразумение быстро уладилось. Разговор, правда, получился несколько натянутым. Он знал, что я привез деньги, однако, памятуя о просьбе Ларисы, я резко отменил всякие предложения о передаче их ему, взял требуемые документы, телефонный номер Руслана Имрановича и с достоинством отклонялся. На хвост нам чечены никого не сажали, прекрасно отдавая себе отчет в том, что с МУРОм «шутки на полхрена в желудке».

Передав деньги брату Ларисы, который должен был отнести их в посольство ФРГ (сам я туда не собирался), я вдруг обнаружил, что практически нахожусь рядом с «избирательным штабом» Скокова — Лебедя и подбил Андриюху зайти туда и провести моих старых приятелей Валеру Борисенко и Серафима Юшкова. Там я узнал, что хотя возглавляемая ими партия в Думу и не прошла, лично Александр Лебедь все же стал депутатом. (Позже Борисенко и Юшков рассказали мне, что отблагодарил он своих помощников прямо-таки по-генеральски. Дескать, мужики, депутатом я стал, а вы мне больше и на хрен не сдались.)

На следующий день я был разбужен звонком из посольства Германии. Сотрудник консульского отдела посольства ФРГ по имени Конрад (все «дипломаты» почему-то страдают одной и той же формой амнезии — забывают называть еще и свои фамилии) попросил меня привезти в посольство документы из комитета по международным делам Совета Федерации от господина Мананникова. (Я что, теперь еще и за посольскую фельдъегерскую службу пахать обязан?) Чуть помедлив, я согласился. Потом спросил сам:

— Конрад, неужели вы столько времени не имели понятия, что гражданин ФРГ Кунта-Авторханов содержится в российской тюрьме?

— Господин Коновалов, мы вам очень благодарны за помощь, но, вы знаете, у нас по спискам еще несколько

десятков таких лиц,— доверительно сообщил немецкий дипломат.

— Следует ли это понимать как предложение о совместной работе? — спросил я с легким оттенком юмора в голосе.

Утвердительного ответа с той стороны не последовало. Не понимают они нашего русского юмора. Однако немцы! «Ну и хрен с вами, научите лучше ваших граждан правильно оформлять въездные визы в Россию, не лезть в Чечню и меньше жульничать в бизнесе, тогда и нары обтирать им будет без надобности»,— подумал я, положив телефонную трубку на место.

Под вечер я позвонил еще и Хазбулатову, но Руслан Имранович что-то не проявил большой заботы о своем дальнем родственнике, согласившись только переговорить с хорошо знакомым ему Алексеем Мананниковым.

На следующий день после визита в Совет Федерации РФ мы, не особенно разбирая дорогу, понеслись с Андрюхой по Ленинскому проспекту к посольству Германии. Я вылез из машины, взял документы и поднялся наверх в сопровождении сотрудника службы безопасности посольства. Господина вице-консула пришлось ожидать битых два часа, от нечего делать развлекая себя телефонными «базарами» консульской секретарши, нанятой из числа российской obsługi, о ее новой норковой шубке. Говорила она по-немецки, видимо, считая, что этот развалившийся в кресле «визитер в армейской дерюжке» слышать-то, может, и слышит, но ни черта не понимает. За кого же она меня тут держит? Я недоумевал. Помощник Мананникова в телефонном разговоре с консулом вроде бы все объяснил. Ждать мне уже порядком надоело, и я начал заметно нервничать. «Ну и коррупция здесь,— подумал я,— неувидительно, что их «бедные граждане» сидят по российским тюрьмам годами. Любой секретарше в Германии года два надо в поте лица вкалывать, чтобы разжиться норковой шубой, а эта, поди ж ты, за месяц управилась».

Наконец, щурясь от яркого света, из полутемного коридора выполз и сам господин консул. Страшно извиняясь, что заставил так долго ждать, (оказывается, его секретарша решила, что я какой-то «казахский переселенец, приехавший выпрашивать визу»), он взял документы и снова начал рассыпаться в извинениях. Попутно выясни-

лось, что лично он в Дагестан не полетит, там рядом идет война, понимаете ли, опасно, кругом стреляют, а пошлет туда уже известного мне Конрада. Ну, мне это до фени, кто полетит в Махачкалу, важен сам результат. В разговоре с консулом, не совсем понимая его «русский», я перешел на немецкий язык, чем вызвал определенное замешательство у «норковой» секретарши. Не став выслушивать ее запоздалые извинения, я быстро покинул «гостеприимные» стены посольства Германии.

В Московское бюро РС, как не зазывали, я все же не пошел. Ограничился передачей информации по телефону. Вот уж не предполагал, что и после откидки со «свободовской шарашки» придется пахнуть на нее уже в качестве «свободного художника»! Недели две я еще покрутился в заснеженной декабрьской Москве, съездил в Рязань, где меня уже однажды не пустили в десантное училище. Смотался с Андрюхой Пластуном по гололедной Смоленке в Минск (из органов за утрату табельного оружия по пьянке его потом уволили), так и не доехав в тот раз до родной Речицы. Через два дня вернулся опять в Москву, отметил с братом Игорем 26 декабря в ЦДЛ и, как назло, опять под самый Новый год улетел обратно в Германию.

В столицу я теперь снова попаду только уже летом 97-го, да еще осенью 98-го, уже вместе со старым приятелем и коллегой по службе на РС Хервигом Краусом, корпящим над своей бесконечной историей «Землеустройства государства Российского от Распутина и до Путина». А потом снова выпадут на два года в «осадак». Так теперь и живу. Да, совсем забыл упомянуть. Тимура из предварительного заключения в следственном изоляторе МВД Дагестана освободили уже после Нового года. Прилетел он, правда, почему-то недовольный своим освобождением и моей ролью в нем. Что, нохч, хотел умереть героем? Так попросил бы российских пограничников, они б тебя сразу на месте и пристрелили. Не для тебя я старался — для отца твоего. А что вообще касается вашего якобы «многострадального народа», то думаю, что товарищ Сталин поступил с вами еще весьма и весьма гуманно. Какие вы, к черту, мусульмане? Вы даже между собой грызетесь как звери. Скажи лучше, за сколько сотен баксов твой братчечен тебя при переходе азербайджанской границы «зеленым фуражкам» продал?

«БАЛКАНИЗАЦИЯ» РОССИИ

От некоторых моих российских друзей-офицеров мне не раз уже приходилось слышать фразу: «Валера, мы теперь живем в оккупированной стране. Оккупированной еврейскими банкирами-олигархами, продажными чиновниками всех мастей и рангов, столь же продажными прессой и телевидением и чеченскими бандитами. Нашему народу уже десять с лишним лет весьма успешно прививают чувство страха и рабско-потребительскую психологию». С этими словами нельзя не согласиться. Что это, один из разработанных ЦРУ США способов «балканизации» России с учетом ее ядерного статуса? Не исключено. Недавние события у Театрального центра на Дубровке (место мне известное, брат ведь живет почти что рядом) вновь вернули меня к размышлениям над этим вопросом. Я достаточно долго занимаюсь локальными конфликтами, начиная от Афганистана. Чечня во многом повторяет Афганистан, отличаясь в главном — это конфликт на своей, русской земле, а не на чужой территории. В Афганистане мы методом проб и ошибок наконец нащупали решение проблемы. Таким решением стал Наджибулла — харизматический лидер, способный привести свою страну если не к окончательному миру, то хотя бы к военному равновесию, но преданный и покинутый нами по воле генсека Горбачева и его заокеанских хозяев.

Психология Востока не терпит и не прощает слабых. Чечня в том тоже мало чем отличается от Афгана, имея схожий родоплеменной уклад жизни и схожее национальное самосознание. Там так же, как и за хребтом Гиндукуша, лучше всего понимают язык силы — не нынешние жалкие потуги «федералов», а реальной военной силы тех прошлых, советских еще времен. Приручите сильный тейп с сильным лидером, и он подомнет под себя все остальные. Вопрос только в том, где их теперь взять, такой тейп и такого лидера. Даже Джохар никогда не обладал полной властью в собственной «стае». Значит, остается второе. Я сказал уже, что Восток не понимает и не прощает слабых, а в качестве веского аргумента лучше всего понимает грубую силу оружия — «последний довод королей». К Иосифу Сталину можно относиться по-разному, но одно доброе дело он сделал: проблема Чечни умерла на 50 лет. А по-

том волки снова выползли из своих нор, пользуясь плодами развала империи. Они прекрасно чувствуют чужой страх и живут за счет этого страха.

Это психологическая подоплека проблемы, а политическая кроется в том, что карту Чечни сегодня разыгрывают отнюдь не только лишь сами чечены. Устраните заграничные центры «нохчей», тесно повязанные с чужими разведслужбами (их в одной лишь Европе как грязи, не говоря уже о мусульманских странах и США), ликвидируйте финансовых спонсоров и подпевал из числа западных политиков — и половина работы сделана. Но есть еще один фактор — масс-медиа, сознательно и целенаправленно формирующие определенное мировоззрение у обывателя. Речь идет не о журналистике как таковой, а о методах и формах спецпропаганды, выдаваемой за журналистику.

Во время захвата заложников в ТЦ западные средства массовой информации (в частности германские телеканалы и CNN) из кожи вон лезли, на все лады рекламируя «чеченских борцов за свободу», которые хотят от Кремля только лишь одного — убрать русские войска с их земли (вообще-то исторически их земля находится где-то на Иранском нагорье), а теракт — это не что иное, как форма гражданского протеста (почему-то про недавний теракт в Бали они такого не говорили). По-настоящему Запад был озабочен лишь судьбами своих семидесяти с лишним граждан из числа взятых заложников, судьбы россиян их не особо интересовали. Когда ТЦ взяли штурмом, средства массовой информации Запада сочувствовали убитым «чехам» в большей степени, чем погибшим российским гражданам, настойчиво вбивая в мозги обывателя версию о том, что если бы президент Путин согласился-де вывести войска из Чечни, то ничего бы этого не было.

Если бы Путин согласился, с Россией можно было бы потом поступать как заблагорассудится, например, как с Сербией в 1999-м или с Афганистаном в 2001-м. Достаточно уже было и того, что в политической плоскости чеченские террористы достигли намеченной цели — без особого труда захватили объект в центре российской столицы и вдосталь покрасовались на российских и западных телеканалах. Результат не замедлил сказаться. Граждане с достаточно уже развитым рабским сознанием рванули устраивать демонстрации протеста и агитировать

за незамедлительный вывод российских войск из Чечни. Те, кто стоял за планированием данного теракта, делали расчет именно на страх обывателя перед силой оружия и на рабскую психологию — это хорошо зарекомендовало себя как на исламском Востоке, так и на «цивилизованном» Западе.

Но неожиданно именно это и дало сбой в России — рабская психология привилась далеко не ко всем. История Ольги Романовой — красноречивое тому свидетельство. У этой русской девушки не оказалось страха перед чеченскими волками, как не оказалось и страха смерти. Земля ей пухом! В старые добрые времена ее поступок сочли бы подвигом, достойным высокой награды, но старые добрые времена безвозвратно ушли. Нынешняя потребительская психология обывателя не понимает и не приемлет критериев самопожертвования.

У меня лично нет сомнения, что бараевские «барышни-шахидки» рванули бы себя за милую душу заодно со всеми зрителями «Норд-Оста», не отрубись они под воздействием «PChG». На Западе с большим нетерпением ждали именно этого заключительного аккорда трагедии — фейерверка в ознаменование «Всемирного чеченского конгресса» в столице Дании Копенгагене, щедро спонсированного европейским сообществом. Навряд ли и у Путина были какие-либо иллюзии на этот счет. Несмотря на мое ленинградское «диссидентское прошлое», я отношусь к нему сегодня с известной долей уважения — уже хотя бы только за это. Штурм ТЦ был единственным выходом из сложившейся ситуации, и провели его в достаточной мере профессионально и жестко. В действиях спецгрупп, будь то «Альфа», «Вега», «Витязь», или грушный «Кондор», проявилась именно та сила, язык которой так хорошо понимают на Востоке. Я не кровожадный по натуре человек, но честно скажу: как и некоторые мои друзья-офицеры (до кого я смог дозвониться в то утро), прошедшие не одну «горячую точку», я с большим моральным удовлетворением смотрел на показываемые по телевидению трупы чеченских волков и волчиц. «Поднявший меч...»

Погибших людей, несомненно, жаль, но войн без жертв не бывает, а эта война обошлась еще «малой кровью». У России сегодня нет особого выбора: либо она страшнет с себя это ярмо «внутренней оккупации», либо же окончательно «балканизируется».

ЭПИЛОГ?

Что ж, уважаемый читатель, вот и подошли к концу мои скороспелые мемуары. Почему после слова «эпилог» я поставил знак вопроса? Кто знает, глядишь, со временем и продолжу марафет бумагу. Когда опять наболит. Примерять «деревянный клифт» мне вроде бы еще рановато, хотя все мы под Богом ходим. Что такое, в сущности, «эпилог»? Перефразируя чужую библейскую «мудрость» — это время собирать камни и этими же камнями бросаться (когда есть в кого). Прошу не обижаться на меня за, может быть, несколько излишнее внимание к поглощаемым спиртным напиткам на страницах автобиографического повествования. Все это было, и, как в милицейском протоколе, я сам себе дал твердое обещание писать «только правду и ничего, кроме правды». Я очень люблю и уважаю творчество покойного русского писателя Венедикта Ерофеева, автора незабвенной и непревзойденной по части выпитого повести «Москва — Петушки». Что же касается радио «Свобода», то не оно стало лейтмотивом моего произведения, а Россия и обретенные мною на российской земле друзья, остающиеся таковыми и поныне, — ценность, величину которой не измерить «длинным заморским баксом». В чем-то я действительно благодарен «Свободе». Она, по сути дела, явилась моим «единственным университетом». Даже мои недруги не отрицали того, что я практически сотворил себя сам, за неполных семь лет поднявшись от мальчишки — разносчика газет в «Красном архиве» до военного редактора Русской службы. (Какой лейтенант — выпускник военного училища после семи лет службы не мечтает получить погоны полковника? Хотя во времена «лучшего министра обороны» генералами становились даже сержанты.)

Та «Свобода», которую я застал еще в начале 80-х годов в Германии, все же в чем-то отличалась от «серой унылости», обитающей ныне на чешских задворках. Последние семь лет я периодически «хоронил» радио «Свобода», но вопреки неумолимой логике развития событий и здравому смыслу «старушку» так и не предали земле. Я давно уже заметил, что американцы имеют какую-то странную склонность к «идеологической некрофилии». С пражской «Свободы» ушли даже «гендлеры» и

«шустеры». Что же там, прости господи, теперь-то осталось? Кто-то из бывших моих коллег заметил однажды, что если бы я чуть-чуть прогнулся тогда, то, глядишь, и пришелся бы ко двору. Как там гласит еще одна библейская мудрость: «Единожды солгав...»

Нет, господа из числа «избранного народа», имя которому «легион», премного вам благодарен, но прогибайтесь сами! Для вас это обычная устойчивая поза. Порусски она называется «раком». Не забыли еще? Ну, как говорится, каждому — свое. (Опять ваше любимое изречение.) Та «Свобода» — в прошлом. А в настоящем что? Жизнь «безработного и нищего». Как-то «избранные» меня спросили, почему это я не вернусь обратно в Россию. Что ж, как любил приговаривать «незабвенный» Павел Сергеевич Грачев, «вопрос, однако, интересный». В какую Россию? В свою? Так где она? Или в Россию «чубайсов», «немцовых», «ельциных», «абрамовичей» и иже с ними? Так, может, лучше сразу подаваться в Израиль? И, прости, в качестве кого вернуться — «сторожа в родном колхозе»? Наблюдать, как какой-нибудь «абрамович-рабинович» с жиру бесится, а русский офицер, кровью своей плативший на алтарь Отечества, прозябает на пенсию в 65 «условных единиц». Я не уезжал из России — меня вынудили ее покинуть, но моя Россия осталась со мной и во мне. Мне уже за сорок. Большая половина пути пройдена. Всё, что у меня осталось для будущего, — мои друзья и мой брат — русские офицеры, мое самое большое и самое ценное приобретение за почти тринадцать лет жизни, проведенной в «застенках «Свободы». Им, русским офицерам, моим боевым соратникам по перу — этому своеобразному оружию холодной войны, я и посвятил эту книгу. Пусть нас рассудит Россия!

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

Генерал-майор запаса, доктор философских наук, ученый секретарь Академии военных наук России Валерий Чебан в настоящее время является помощником председателя Комитета по обороне Госдумы РФ генерала армии Андрея Николаева. Предлагаемый материал — часть более фундаментального труда о военном мировоззрении.

Вооруженные конфликты и опыт военного миротворчества

Трагический опыт вооруженных конфликтов последних лет показывает, что на их самозатухание часто рассчитывать не приходится. Политические вампиры, вкусив чужой крови, ради собственного благополучия и упоения властью ищут новые жертвы. И как мифические чудовища избегают солнечных лучей, так реальные монстры боятся признаться в собственной неспособности решать спорные проблемы, не прибегая к кровопролитию. И чем ниже нравственно-интеллектуальный потенциал политиков, тем чаще они обращаются к аргументам под названием «страх», «оружие», «смерть». И чем больше работает кровавый молох распри, тем больше цепная реакция мести и безнаказанности за убийства порождает новых вампиров. Суровая практика показывает, что одного креста и проповеди, как это демонстрируется в фильмах о вампирах, в реальной жизни крайне недостаточно, чтобы остановить размножение кровожадной популяции. Здесь необходимо активное противодействие по всем каналам общественной жизни, которая прямо или опосредованно выходит на вооруженный конфликт. Словом, нужно миротворчество как особый вид общественной практики и политической деятельности, который направлен на предотвращение и ликвидацию вооруженных конфликтов.

Все элементы в нем предполагается субординировать и скоординировать. Одни тушат разбушевавшееся пламя конфликта, другие разгребают тлеющие угли, третьи убирают горючий материал в безопасное место, а четвертые постоянно следят за изменением температуры общественных, этнических и межгосударственных отношений.

К сожалению, сегодня все чаще и чаще на экранах телевизоров в репортажах из зоны конфликтов мелькают пожарные, то есть военные миротворцы. Получается так, что военному компоненту миротворчества уделяется если не ведущее, то, во всяком случае, очень важное значение. Невольно закрадывается мысль о том, что политики и дипломаты всякий раз опаздывают с адекватной комплексной реакцией на повышение социально-политической

температуры. Энергично они реагируют только на явное возгорание, и особенно тогда, когда пламя конфликта готово подпалить их собственную репутацию. Все надежды возлагаются в данный момент исключительно на военных. Разумеется, и ответственность за миротворчество тоже возлагается на них же.

Далеко за примерами ходить не следует. Чуть повысилась температура российско-украинских отношений — появилось искрение во взаимодействии Крыма и Украины, участились террористические акты по отношению к гражданам Крыма и военнослужащим, жди возможного возгорания по приднестровскому сценарию 1992 года. Там началось с войны законов. Закон о языке в Молдавии положил начало конфликту между Кишиневом и Тирасполем — и здесь то же самое. Там одиночно-террористические акты не вызывали бурных протестов в стране и особенно за рубежом — и здесь тоже. Там Четырнадцатая армия — кость в горле Кишинева, а здесь Черноморский флот — головная боль Киева. Там расчет строился на неуживчивости трёх основных этнических групп (Приднестровья, молдаван, русских и украинцев) — и здесь тоже, украинцев, русских и крымских татар. Там волеизъявление населения о суверенитете встречено было в штыки — и здесь выборы президента Крыма вызвали волну ревности и нервозности, за которыми последовали административные шаги.

Между тем мировая общественность хладнокровно ожидает новое представление политической корриды на развалинах бывшего Союза. Особенно тот ее период, когда на арену выйдут главные действующие лица — военные. И это при том, что повсеместно на слуху возгласы: военного решения нет, путь вооруженного насилия бесперспективен и так далее.

Действительно, кровавый опыт вооруженных конфликтов в Югославии и на территории бывшего Советского Союза красноречиво свидетельствует о том, что нельзя абсолютизировать роль военного фактора в миротворческом процессе. По ряду причин.

Во-первых, военной силой нельзя устранить сами причины конфликта, скрытые в толще экономических, социально-политических и этнических противоречий. В данной связи наивно полагать, что обещанная реабилитация некогда репрессированных и изгнанных со своей терри-

тории народов автоматически приведет к расчистке «места под солнцем» для бывших изгоев, обеспечит их жильем, укрепит дружбу с другими народами, живущими на земле их предков. Нельзя же снова на старое место пересаживать выкорчеванное когда-то политическим ураганом дерево жизни многих людей, зная, что на той земле уже растет сад. Хороший ли, плохой, но он растет.

Во-вторых, военная сила даже при квалифицированном и уместном применении, чего добиться не так-то уж и легко, способна выполнить грубую работу по расчистке завалов, остановке огненного вала вооруженного конфликта, по ликвидации бандформирований. Но тонко организованную и созидательную деятельность призваны осуществить другие инструменты, основанные на иных принципах, нежели устрашение, подавление, ликвидация, блокада, стрельба на поражение. Поэтому и продуктивность миротворчества следует оценивать комплексно, а не по эффективной работе только одного ее компонента — военного. Впрочем, когда крайним становится военный, очень трудно узнать, качественно ли сработали другие элементы миротворческой системы. При успехе срабатывает формула «мы тоже пахали», а если постигает неудача, то виноваты «стрелочники» — военные. Они заварили дело, что с них возьмешь?

В-третьих, в эпоху, когда военно-силовой способ решения спорных проблем все еще в моде, всякое применение вооруженного насилия под любым предлогом воспринимается с известной мерой подозрительности, и чем чаще слово «мир» употребляется в категориальной паре с понятием «военный», тем больше подозрений. Эти сомнения имеют под собой благодатную историческую почву, ибо вместе с цивилизацией развивался и милитаризм. Высшей формой его развития явилась способность под флагом мира развязывать агрессивные войны. Не секретом является также стремление под предлогом растаскивания драчунов попробовать свои кулаки или проверить, есть ли они у государства.

Так, немногочисленная по составу канадская армия так организовала дело, что подавляющая часть офицерского состава, если мне не изменяет память, прошла через разные формы миротворчества и получила соответствующую профессиональную и психологическую подготовку.

О военных США и говорить не приходится. Почти везде, во всех «горячих точках» они тем или иным обра-

зом пытаются проверить свои кулаки. Причем удар наносится не только по огневым позициям, но и по политическим амбициям и даже авторитету государств, которые в данной области обогнали любителей силового решения проблемы. Я имею в виду события в Югославии и, естественно, соответствующие процессы вокруг Боснии.

Этим, видимо, объясняется та волна подозрений, которая обрушена сегодня на Россию, особенно после некоторых ее успехов в улаживании конфликтов в бывшей Югославии. Когда посыпались заявки на миротворческое посредничество России, а неоднократные обращения СНГ в ООН СБСЕ за поддержкой, в частности по конфликтам в Абхазии и Таджикистане, не встречали должной реакции, появилось обвинение в том, что под прикрытием миротворческих усилий Россия оказывает давление на соседей. В конце марта 94-го года МИД и Министерство обороны России вынуждены были выступить с совместным заявлением, в котором опровергались появившиеся в ряде зарубежных средств массовой информации утверждения о том, что Россия наращивает давление на страны СНГ, требуя для себя права вмешательства в их внутренние дела. Оказывается, миротворчество, как и многие другие явления в международной жизни, еще остается объектом соперничества. Для желающих не допустить влияния России на соседей это представляется куда более важным делом, чем предотвращение многочисленных жертв среди местного населения. Так, только по данным на 4 апреля 1994 года, за два года войны Абхазии и Грузии с обеих сторон убито более тысячи человек, и волна беженцев достигла уже трехсот тысяч. Наверняка согласованные миротворческие акции, в том числе и с участием России, спасли бы многие жизни, но враждующие стороны с завидной настойчивостью обвиняли ее в пособничестве противнику.

Говоря о международно-правовой и технической сфере применения военного компонента в миротворческом процессе с участием России, необходимо будет подчеркнуть следующее.

Первое — Россия является постоянным членом Совета безопасности и по уставу ООН несет ответственность за поддержание международного мира и безопасности. С 1973 года она принимает участие в операциях по поддержанию мира по линии ООН. На сегодняшний день участвуют пять групп российских военных наблюдателей ООН.

На Ближнем Востоке — шестнадцать человек (в Египте — восемь, в Израиле — четыре, в Сирии — три и один в Ливане), пятнадцать человек на иракско-кувейтской границе, в Западной Сахаре тридцать, в Камбодже — два, в Югославии — двадцать три человека. Что касается воинских контингентов России, то они выполняют миротворческие задачи в Боснии в составе миротворческих сил ООН, в республике Таджикистан в составе коллективных миротворческих сил СНГ, в Приднестровье и в Южной Осетии. В состав коллективных миротворческих сил входит российская 201-я мотострелковая дивизия со средствами усиления, дислоцирующаяся в Таджикистане. В Боснии с апреля 1992 года находится отдельный парашютно-десантный батальон, сформированный на базе Рязанского полка Тульской воздушно-десантной дивизии. Основанием для его присутствия является постановление Верховного Совета Российской Федерации №2462 от 6 марта 1992 года. В январе 94-го состав батальона был увеличен до 1200 человек на основании распоряжения Совета министров. С целью организации контроля за прекращением огня в Сараеве часть российского батальона численностью около 400 человек совершила двухсуточный пятисоткилометровый марш-бросок по горным дорогам и заняла позицию по линии разъединения. Как мы видим, инициативы России по международному миротворчеству имеют четкую правовую основу.

Следует также отметить, что и миротворчество в рамках Содружества на территории бывшего Советского Союза не является российской самодеятельностью, хотя, как говорится, сам бог велел проявить инициативу в миротворческом процессе в непосредственной близости от границ России, а не только в бывшей Югославии, где-то в Азии или, допустим, в Африке. Причем во всех без исключения случаях эти действия проводятся по просьбе и с согласия соответствующих государств и конфликтующих сторон.

Миротворческие контингенты в те или иные зоны конфликтов направляются на основе двусторонних и многосторонних соглашений, которые отвечают нормам международного права и положениям Устава ООН. О ходе этих операций регулярно информируется ООН и СБСЕ. Так, в Южную Осетию силы по поддержанию мира России в составе одного парашютно-десантного полка были введены в июле 92-го года на основании распоряжения пра-

вительства. Из числа российских военнослужащих составлялись наблюдательные посты в Абхазии, которые выполняли миротворческие функции. Статус российских военнослужащих, находящихся в Абхазии, определен документом московской встречи трехсторонней российско-абхазско-грузинской контрольной исполнительской комиссии от 3 сентября 1992 года. В Приднестровье российские силы поддержания мира представлены четырьмя мотострелковыми батальонами общей численностью около 1800 человек, которые находятся в ведении также трехсторонней российско-молдавско-приднестровской комиссии на основании соглашения между Россией и Молдовой о принципах мирного урегулирования вооруженных конфликтов в Приднестровском регионе республики Молдова от 21 июля 1992 года.

Общая задача российских сил поддержания мира сводится к урегулированию экстремальных ситуаций в зонах межнациональных конфликтов на территории СНГ. Содержание миротворческой деятельности представляет собой комплекс мероприятий по разъединению конфликтующих сторон, сопровождению грузов гуманитарной помощи, эвакуации населения из зон боевых действий и угрожающих районов, охране и обороне военных объектов, транспортных магистралей, предотвращению притока оружия в зону конфликтов и так далее. Как явствует из сказанного, не захват административных и политических центров, не демонстрация силы накануне выборов или иных политических акций в стране пребывания, не давление на противоборствующие стороны с целью получения исключительной выгоды для России, а самая что ни на есть черновая работа, которую уже не в силах выполнить сами конфликтующие стороны. Ее и берут на себя российские миротворцы в военной форме, зачастую становясь живой стеной между конфликтующими сторонами.

Эта миротворческая работа требует и немалых материальных затрат. Только за 1992 год на финансирование операций по поддержании мира на территории бывшего Союза из бюджета Министерства обороны России израсходовано более двух с половиной миллиардов рублей в ценах 1992 года. А за 1993-й — свыше двадцати шести миллиардов рублей, и это при запущенности наших многих проблем, в том числе и военного строительства.

Непросто складывается ситуация с финансированием и в ООН. Если раньше эта международная организация

финансировала две-три миротворческие операции в год, то сейчас нужно финансировать уже семнадцать таких операций. Как видим, заказ на финансирование постоянно растет, поскольку и количество «горячих точек» на планете не уменьшается. На алтарь миротворчества уже положили свои головы более ста российских военнослужащих. По два человека погибли в Южной Осетии и в бывшей Югославии, Абхазия вырвала еще шесть человеческих жизней, Приднестровье унесло шестнадцать, Северная Осетия и Ингушетия — около тридцати, в Таджикистане нашли свою смерть более полусотни российских военнослужащих. И список этот, к сожалению, продолжается. Это самая дорогая для российских граждан плата за миротворчество убедительно доказывает, что за просчеты политиков, ведущие за собой вооруженные конфликты, равно как и за трудный путь к миру и согласию, вынуждены расплачиваться военные. И переложив ответственность исключительно на них, военных, не подключив к синхронной работе другие компоненты миротворчества, рассчитывать на полный успех не приходится.

Итак, запаздывание с созданием и запуском в работу разветвленной системы миротворчества, перекаldывание основной тяжести на плечи военных, конкуренция на мировой арене по части получения «лавров» миротворчества, использование флага миротворчества для военно-силового решения международных проблем, амбициозность политиков, готовых ради собственных корыстных целей обречь на смерть десятки тысяч людей,— вот главные препятствия на пути эффективной миротворческой деятельности вообще и на территории бывшего Советского Союза в частности.

ПО СТРАНИЦАМ ПРОГРАММЫ «СИГНАЛ»

Валерий Борисенко

Война в Чечне: в чем причина столь высоких потерь?

Боевой Устав Российской Армии требует: командир любого уровня после получения боевой задачи обязан уяснить ее, оценить обстановку, возможности свои и про-

тивника и лишь после этого принять решение и отдать приказ.

Задача на силовое решение чеченской проблемы была поставлена политическим руководством России. Наверное, так и останется государственной тайной, на основании какой информации оценивал обстановку в районе предстоящих боевых действий, по мнению президента, «лучший министр обороны России», но свои возможности он мог бы оценить более объективно. Как министр обороны он должен был знать, что подчиненные ему войска укомплектованы в среднем на тридцать процентов, и даже так называемые старослужащие занимаются в основном несением караульной службы да хозяйственными работами. О боевой подготовке в войсках просто забыли. На обслуживание техники и поддержание ее в исправном состоянии просто нет денег. О настроениях основной массы морально опустошенных офицеров, месяцами не получающих заработной платы и ютящихся с семьями в наскоро переоборудованных солдатских казармах и бараках, министр тоже должен был знать.

Сам замысел операции не отличается творчеством. Действия войск организуются по шаблону: мощный огневой налет, прочесывание пехотой, утюжка броней — и отход. Первые неудачи ничему не научили и не внесли изменений в действия войск. Как асфальтовый каток, упершийся в преграду, военная группировка, несмотря на всю свою мощь, оказалась беспомощной. Не могу сказать, чем руководствовался министр обороны, но он был полностью уверен в успехе новогоднего штурма Грозного. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в одну из боевых машин, участвующих в наступлении, были взяты — случай беспрецедентный! — двое особо доверенных журналистов. Чем закончилось наступление — известно. Удар был нанесен не кулаком, а растопыренными пальцами.

По мнению офицеров, как говорится, собственной шкурой прочувствовавших бестолковость происходящего в Чечне, с самого начала не был создан единый штаб руководства операцией под единым командованием. У каждого силового ведомства — Минобороны, МВД и ФСК — было свое видение происходящего, свои подходы и, видимо, свои интересы. Внутри самой войсковой группировки также не было единого подчинения. У десантников, у пехоты, у артиллеристов, у авиации — своя цепочка

подчиненности. По свидетельству офицеров, типична следующая ситуация: наступая, десантники выявляют огневые точки противника, которые, кстати сказать, располагались, как правило, в непосредственной близости либо же в самих жилых домах, в больницах, в детских садах или нефтехранилищах. Посылается запрос артиллерии, которая подчинена военному округу. После долгого обсуждения артиллеристами принимается решение: артналет провести, но по площадям и, что самое удивительное, совсем не в тех районах, где находятся цели. Десантники получают доклад: цели поражены, вперед! И тут же нарываюся на огонь тех самых огневых точек. Остановка, жертвы. Десантники своими силами подавляют огневые точки противника и тут же начинают держать ответ перед многочисленными комиссиями о правомерности своих действий. Поэтому любой командир, получив приказ, в первую очередь озабочен не его выполнением, а просчетом вариантов, чем это может для него самого закончиться.

В условиях неразберихи, противоречивости приказов, неточности нанесения огневых ударов и, самое главное, желания высшего военного руководства воевать любой ценой, «не умением, так числом», чтобы побыстрее доложить об окончании операции, все это приводит к ничем не оправданным жертвам не только среди российских военнослужащих, но и среди мирного населения. Сведения о потерях в Министерстве обороны возведены в ранг особо секретных. И этому, на мой взгляд, есть причины. Первоначально, не готовясь к ведению серьезных боевых действий, в Генеральном штабе учет потерь просто не вели. Когда же операция приняла затяжной и серьезный характер, потери явно превысили достигнутый ею результат. Тем не менее, как говорится в пословице, «на каждый роток не накинешь платок», и сведения о потерях, достоверность которых проверить трудно, а порой и невозможно, обсуждаются в военных городках.

Так, например, говорят, что в 131-й Майкопской мотострелковой бригаде, по штату насчитывающей восемьсот человек, в строю осталось всего сто двадцать. Батальон 234-го парашютно-десантного полка Псковской дивизии потерял тринадцать человек убитыми. В батальоне 237-го полка той же дивизии убиты пять человек. Всего же, по состоянию на 5 января 1995 года, в воздушно-десантных войсках России погибли сто шесть солдат и офицеров.

Высокие потери явно не способствуют поднятию боевого духа российских военнослужащих, участвующих в войсковой операции. И, очевидно, для того чтобы поднять боевой дух, подчеркнуть государственную значимость ратного труда на «чеченской ниве», принято решение о награждении правительственными наградами тех, кто с оружием в руках претворяет в жизнь решения политического руководства. Не могу ручаться за всех, но у тех офицеров, с которыми мне пришлось разговаривать, это решение вызвало лишь глухое раздражение. Их довод: воюем мы, а награждаются в основном представители Министерства внутренних дел, части которых в отличие от армейских укомплектованы на сто процентов, гораздо лучше обучены и обеспечены, но участия в боевых действиях практически не принимают, неся службу на блокпостах. Очевидно, резюмируют армейские офицеры, войска МВД приберегаются для каких-то иных целей. Обескровленные армейские части необходимо заменять свежими. А резервы сокращенных и реформируемых Вооруженных Сил, похоже, подходят к концу. И вот уже на флоты летят шифротелеграммы с приказом министра обороны: сформировать по одному батальону морской пехоты для участия в боях за Грозный.

Валерий Борисенко

Рассказ офицера Генштаба

Если раньше приходилось самому искать встречи с военными и уговаривать их поделиться информацией о Чечне, то сегодня полковник, закончивший Академию Генерального штаба, сотрудник Главного оперативного управления Генштаба Российской Армии сам позвонил мне и попросил о встрече, чтобы, как он сказал, поделиться наболевшим. Единственное условие — не называть в эфире его фамилию. А наболевшее — это существование в недрах Министерства обороны России планов по ликвидации ВДВ как рода войск. Именно поэтому, утверждает полковник, основная задача на данный момент — как можно больше дискредитировать воздушно-десантные войска в ходе запланированной на затяжной характер войны в Чечне. Привожу изложение его рассказа.

В канун Нового года в Моздоке генерал Шевцов провозгласил тост: «За разгром и поражение воздушно-десантных войск, за победу сухопутных войск!» Чем же так не угодили генералу воздушно-десантные войска, если даже зарубежные эксперты, в том числе и американские, едины во мнении, что если Российская Армия и имеет какие-то достижения в Грозном, то в основном это заслуга десантников, которые с самого начала продемонстрировали достаточно высокую подготовку и умение ориентироваться в сложной боевой обстановке, несмотря на то, что находились в таких же трудных условиях, как и все Вооруженные Силы в целом.

События в Чечне показали, что в России нет единой армии, штабы и управления в Москве и в военных округах за последние годы заполнены генералами и старшими офицерами с полным отсутствием понятий об офицерской службе. Немного среди них настоящих профессионалов, как говорится, с «военной косточкой». Поэтому плана чеченской войны как такового не было. Это был наспех составленный набор приказов, распоряжений и указаний, подготовленных в короткие сроки. Участники, привлекаемые силы обеспечения и все другие составляющие совершенно не были взаимосвязаны друг с другом. По частицам собирались войска, из которых наспех потом создавались направления. И в этих условиях всю работу выполняла небольшая группа генералов и офицеров, в том числе координирующая действия между войсками и штабом в Моздоке,— оперативная группа под командованием генералов из ВДВ Сигуткина и Чандарова, действительно военных профессионалов.

Первые же бои в Чечне показали, что предстоит не разоружение малочисленных и плохо организованных банд, не сопротивление отдельных незаконных вооруженных формирований, а серьезные боевые действия против хорошо подготовленной армии. В свойственной им манере десантные генералы и офицеры предложили варианты и этапность поставленной задачи, состав сил для ее выполнения, тактические решения, обеспечивающие успех с минимальными потерями для российских войск и мирного населения, но максимальным поражением противника. Но реакция Москвы, нашедшая отражение в действиях оперативного штаба в Моздоке, была совершенно неожиданная — десантных генералов отстраняют от участия в руко-

водстве войсками, а части ВДВ дробят и практически используют их для «латания дыр».

В основу замысла новогоднего штурма Грозного была заложена идея взятия города силами лишь частей сухопутных войск, и только в случае неудачи предусматривалось подключение десантников, причем такое, при котором они понесли бы наибольшие потери в живой силе и технике. При бесталанной организации штурма чеченской столицы помощь десантников очень скоро понадобилась, и заместителю командующего ВДВ генерал-майору Стаськову после катастрофического провала новогоднего штурма Грозного приказали немедленно атаковать и оказать помощь уничтожаемым в городе войскам, несмотря на то, что десантники и сами были связаны боями. На перегруппировку сил для выполнения спешно поставленной задачи Стаськову отводилось всего два часа. В момент отдачи приказа генерал Шевцов и его окружение находились в состоянии самой настоящей паники. Несмотря на сжатые сроки, десантники самостоятельно провели разведку, грамотно ввели противника в заблуждение и спасли положение. Уступая в численности противнику, десантники не только дали возможность выйти из боя остаткам войск и вынести раненых, но и захватили ряд важных объектов в Грозном, то есть выполнили при минимальных в этих условиях потерях заведомо невыполнимую задачу. Но как это ни парадоксально, именно на генерала Стаськова моздокский штаб впоследствии возложит всю вину за провал новогоднего штурма. Ярость непрофессионализма, считает офицер Главного оперативного управления ГШ, не знает границ, а общество и армия просто не осознают той угрозы, которую несут такие генералы, как Квашнин, Шевцов и им подобные.

В поведении этих генералов не только личные амбиции, а часто и тщательно продуманные действия по ликвидации ВДВ как рода войск с последующим растворением их в структуре Сухопутных войск России. В планах реформирования Российской Армии предусматривается создание каких-то «мобильных сил» с совершенно размытыми функциями и структурой. Подразумевается не просто изменение названия, а изменение самой сущности воздушно-десантных войск, которые в значительной степени определяют современный облик Вооруженных Сил России. У них оптимальный состав дивизий и бригад, со-

ответствующее вооружение и техника, система подготовки и воспитания личного состава. Но самое главное — они всегда напрямую были подчинены только Верховному Главному Командованию и министру обороны. Изменить это — значит превратить их в то, что собой сейчас представляет основная масса частей и соединений Сухопутных войск. Это ведомственная месть за собственную бездарность. Я не хочу, говорит полковник, чтобы руками Квашнина, Шевцова и иже с ними было уничтожено то, что осталось еще боевого в растерзанной Российской Армии. Из этого же ряда и шум, поднятый в штабе Моздока, по поводу некоторых генералов из ВДВ, якобы «отказавшихся выполнять приказы». Это неправда. Могу утверждать, поскольку сам был свидетелем всех событий, связанных с действиями генералов Стаськова, Чандарова и других. В Генеральном штабе, как и в штабе в Моздоке, достаточно не потерявших еще чести и профессионализма офицеров, и они думают так же. Вся работа в Моздоке вытягивалась именно этими людьми, часто вопреки гибельным для частей приказам и распоряжениям генералов Шевцова и Квашнина. И то, что сейчас происходит в недрах Генерального штаба, то, что прорабатывается в ГОУ, где я прослужил много лет, вызывает тревогу.

Генеральный штаб уже приступил к анализу боевых действий в Чечне, этим же вопросом занимаются и другие инстанции, Главные штабы видов Вооруженных Сил и штабы родов войск. Уже сейчас можно сделать некоторые основные выводы. Ход боевых действий в Чечне до предела обострил противоречия в руководстве Вооруженных Сил России. Кризис российского генералитета, наблюдаемый в Генеральном штабе и в Сухопутных войсках, гораздо глубже, чем это представлялось ранее. И кризис этот, по сути, является такой же борьбой за власть, как и в российском правительстве, в котором интересы государства, армия и ее будущее занимают последнее место.

Результаты действий войск в Чечне — это итог руководства Вооруженными Силами, в том числе и министром обороны и Верховным Главнокомандующим, доведшими армию, органы разведки и контрразведки до плачевного состояния. Но и в ГОУ и в Генеральном штабе в целом, в других управлениях и службах Министерства обороны не все заражены местничеством и не у всех вместо мозгов пластилин. Хотя России, видимо, исторически предеше-

но сначала совершать стратегические ошибки, а потом о них горько сожалеть и тяжело расплачиваться.

Таково почти дословно пересказанное мною мнение полковника Главного оперативного управления Генерального штаба Российской Армии о тех процессах, которые происходят сегодня в недрах Министерства обороны России.

От автора

Очень сожалею, что не могу привести все «чеченские» материалы офицера-десантника, полковника запаса Валерия Борисенко в настоящей книге, как и материалы многих других авторов военно-политического обозрения «Сигнал». Почти пять лет на его страницах мы вместе писали историю Российской Армии. Эта книга — теперь уже тоже история. Что мог — я сделал, о чем смог — рассказал.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Афганистан, который мы потеряли

Афганская эмиграция в Германии вообще и в Мюнхене в частности весьма многолика. Здесь и вчерашние рядовые душманы и талибы, либо уставшие от своей бесконечной войны, либо же скопившие на ней капиталец, давший им возможность рвануть на Запад и кое-как устроиться в этой новой, совсем не исламской и тем более не военной, но от этого тоже весьма нелегкой, несладкой и непривычной для них жизни. Теперь им приходится зарабатывать на жизнь торговлей на блошиных рынках либо же составлять конкуренцию туркам, албанцам и прочим, прибывшим сюда раньше и занявшим те рабочие места, которыми коренной немец традиционно брезгует. Их идеологи и некоторые командиры из различных исламских партий и альянсов, прибывшие на Запад раньше своих солдат, устроились, в общем, неплохо, у многих свой, хоть и мелкий, бизнес. Однако согласитесь, что как-то непривычно видеть наследного пира из хазратов — потомков пророка Мухаммеда — в качестве хозяина и по совместительству официанта небольшой ресторации, улыбающегося редким клиентам, вытирая при этом руки о засаленный фартук. Тем не менее он оказался неплохим малым, этот наследный пир, кухня в ресторане тоже оказалась более чем хорошей, водки для шурави он не жалел, и нам с приятелем Мишей Емурановым — бывшим майором из печальной памяти Западной группы войск — там понравилось. Пир этот, полупуштун-полуараб, весьма прилично говорил по-английски, и от него можно было почерпнуть массу сведений об афганской эмиграции в Мюнхене. Добавлю также, что к «братьям-моджахедам» он

относился не очень-то хорошо, подчеркивая, что сам-де придерживается традиционалистских взглядов. Оккупация Афганистана, конечно, была негативным явлением, но лично ему и его семье шурави ничего плохого не сделали. Зато моджахеда, а затем и талибы дважды разрушали его кабульскую забегаловку за то, что он кормил гяуров.

Это, так сказать, одно из лиц афганской эмиграции. Есть и второе. Это бывшие функционеры режима, а точнее будет сказать, даже целых трех, если не четырех, считая от «Нура Мура» Тараки. К этой части эмиграции можно отнести и совершенно простых, далеких от политики афганцев, вся вина которых состояла в том, что они нормально уживались с шурави, в душманы не шли и сыновей своих в духовские банды не отдавали. Об этом втором лице афганской эмиграции в Мюнхене на примере одного моего знакомого я и хочу рассказать чуть подробнее.

Начну я, пожалуй, с самого факта знакомства с Мохаммадом Камалем, афганцем-пуштуном из провинции Гильменд. В один из ноябрьских вечеров мы с неизменным моим адъютантом, все тем же бывшим майором Мишей, сидели в «Венском кафе» на Арабелла-парк, расположенном поблизости от моего дома, и не спеша потягивали баварское пиво, втихомолку по очереди прикладываясь к принесенной нами же бутылке «Московской», дабы не платить лишние марки в кассу кафе. Разговор наш, может, чуть более громкий, чем обычно, шел, понятно, по-русски. Как раз в момент очередного нашего тайного прикладывания к «стволу» к столику подошел смуглый, прихрамывающий на одну ногу разносчик-продавец завтрашних утренних газет и тоже по-русски сказал:

— Добрый вечер!

Сказал очень чисто, практически почти что без акцента. Мне хватило доли секунды, чтобы понять, что передо мной афганец. Будь я чуточку трезвее, я бы не бросил ему в ответ, правда, больше все-таки обращаясь к майору Мише:

— Гляди, еще один русскоговорящий душман, научили на свою голову....

— Я не душман! — почти невозмутимо ответил на мою реплику афганец.— Я был членом НДПА. Кстати, меня зовут Камаль! — представился он, протягивая руку.

Мы также по очереди представились новому знакомому, я извинился за «душмана» и предложил Камалю присесть за наш столик и чего-нибудь выпить.

— Может, водки? — мгновенно подсказал майор.

— Не могу, сейчас пост — рамадан.

— Ну и что, — вмешался я, — ты же был членом партии, а не муллой.

— Не могу, я правоверный мусульманин и оставался им, даже когда был членом партии и воевал за идеалы НДПА. В рамадан не пью. После — пожалуйста.

Сказав это, Камаль чуть вытянул ногу и, задрвав штанину выше колена, показал пулевое ранение, оставившее его хромым на всю жизнь. Я попросил официантку принести для Камалю кофе, ибо чай, подаваемый в большинстве немецких питейных заведений, способен оскорбить желудок не только правоверного мусульманина.

Мы разговорились и постепенно обрисовалась следующая картина. Родом Камаль из зажиточной пуштунской семьи в провинции Гильменд. Его дядя был одним из руководителей фракции «Хальк» в этой провинции.

— Для пуштуна, который связал свою жизнь с НДПА, было абсолютно нормально состоять в «Хальк». Ненормально, когда пуштун состоял в таджикско-хазарейской «Парчам», как это имело место с Наджибом, — подчеркнул Камаль.

Тесть Камалю занимал одну из руководящих должностей в ХАДе — органах госбезопасности Афганистана. Собственно говоря, он занимал эту должность и при короле Захир-Шахе, и при его двоюродном братце Дауде, и при Тараки, и при Амине, и лишь только при Кармале и Наджибе был уволен, так как выяснилось, что образование тестя Камалю получил в Германии, закончив специальную школу контрразведки в Гамбурге. Тесть Мохаммада Камалю, разумеется, тоже был «халькистом». В «Хальк» вступил и он сам.

Когда нужно было защитить идеалы революции от моджахедов и памятного армейского мятежа в рамадан 80-го года, Камаль не раздумывая взял в руки автомат и ушел воевать. Был ранен в ногу, лечился в госпитале, а когда обнаружилось, что в строй больше не встать, уехал учиться в Союз, поступив в Ленинградский торгово-финансовый. После учебы вернулся в Афганистан, но увидел, что революция проиграла, шурави скоро уйдут, а

и без того хронически больную войной страну раздерут на части или победители-моджахеды, или талибы. Что было делать в той ситуации? Попробовал поговорить с советскими специалистами, но те уже явно «наострили лыжи» и желанием помочь бывшему афганскому товарищу как-то не горели. К слову сказать, лишь очень немногие из членов НДПА смогли уехать в Советский Союз, да и то предпочтение почему-то отдавалось таджикам. Как тут не вспомнить фразу, оброненную бывшим генерал-губернатором Кандагара времен режима Кармаля, обращенную к моему другу Владимиру Никитовичу Пластуну: «Вы, «мошаверы» (то бишь советники), наверное, все «парчамисты», иначе не понимаю, почему вы так любите таджиков».

Как бы там ни было, но факт остается фактом: «халькистов»-пуштунов в эмиграции в СССР оказалось совсем мало. Таким образом, несмотря на прекрасное владение русским языком, знание русской культуры и обычаев, наконец, полученное в Союзе высшее образование и неподдельную любовь к нашей стране, кстати, привитую и его детям, член НДПА Мохаммад Камаль вынужден был, по примеру «духов», уходить с семьей в Пакистан. Уже оттуда, используя старые связи своего тестя-чекиста, он смог въехать в Германию, где и попросил политическое убежище. Что ж, не он один. Но интересно другое: Камаль не только не обозлился на «вероломных шурави», но даже здесь, в эмиграции в Германии, учит русскому языку своих сыновей. Я ему даже свой Коран по-русски подарил. Забегая вперед, скажу, что младший брат Камалья остался в Пакистане и позднее, после разборки с моджахедами Хекматияра, присоединился к талибам. Сейчас он полевой командир.

Обнаружив мой интерес к афганским проблемам и знание ситуации в этой стране, Камаль согласился поговорить со мной подробнее «об Афганистане, который мы все потеряли». И они и мы. Они — потому что проиграли и были брошены на произвол судьбы; мы — потому что бросили их и так и не поняли той страны, где находились долгих девять лет. Все сказанное Камалем я и хочу предложить читателям в виде рассуждений последнего над теми или иными событиями новейшей афганской истории. Замечу, что нашу новейшую историю афганец Камаль знает получше той людской массы, если не сказать,

отбросов из бывшего Союза, которая особенно в последние годы схлынула в Германию и на вопрос немцев «кто вы такие?» беззастенчиво отвечает: «Мы русские!» Отмечу, что в своей жизни беженцу Камалю в основном приходилось сталкивался именно с ними, и его отношение к таким «русским» вполне определенное. К настоящей же России и к ее народу, как я уже говорил, он относится доброжелательно и с любовью.

Оговорю и его отношение к таджикам. Пуштуны, в его понимании,— хозяева Афганистана, коренное население страны. Таджики, хазарейцы и иже с ними — пришлые нацменьшинства. В этом вся разница. «Мы можем ужиться с ними, но Афганистан принадлежит нам, пуштунам»,— не раз подчеркивал в разговоре Камаль. Отсюда и его мнение о насильственном устранении Хафизулы Амина и замене его Бабраком Кармалем как о страшной политической ошибке, допущенной тогдашним советским руководством. Отмечу: именно этот шаг, а не ввод советских войск в Афганистан Камаль считает политической ошибкой. По его словам, при другой, более умной развязке событий присутствие советских войск все равно было бы необходимо в Афганистане, но отношение к шурavi оказалось бы совсем иным. Таким, как во времена Ленина и Амануллы-хана, заключает Камаль.

В чем же он видит допущенную нами ошибку?

Во-первых, Амин никогда не был и не мог быть американским шпионом, говорит Камаль. Если бы это было так, мой тесть об этом наверняка бы знал. Или он тоже, как и все остальные «халькисты»-пуштуны, был американским шпионом? Но именно такая картина ложного видения Афганистана и продажности Амина заокеанским хозяевам и была навязана советскому руководству. Умело подана извне и изнутри, чтобы в нужной интерпретации быть доведенной до ушей Брежнева. Конечно, Брежневу было жаль своего друга Тараки, но мы на Востоке смотрим на кровавые дворцовые перевороты несколько под иным углом зрения.

На самом-то деле все было по-другому, продолжает Камаль. Да, не будем ни скрывать, ни забывать: Амин был жестоким человеком, но он был патриотом Афганистана и пуштунским националистом. Его часто называли афганским Сталиным. А что, собственно, плохого по большому счету сделал Сталин для России и русских? Мы же часто

говорим о себе, что, во-первых, мы пуштуны, во-вторых, мы афганцы, и только в-третьих, мы мусульмане. В нас сильна национальная идея, истребить которую не удалось никому за всю нашу многовековую историю. Ни Александру Великому, ни Чингисхану, ни английским колонизаторам. Амин тоже был таким, рассказывает Камаль, для него Афганистан и пуштунская идея были связаны неразрывно. Он стоял у истоков Саурской революции, имел огромное влияние в афганской армии и, по моему мнению, был более искренним другом Советского Союза, чем двуличный Бабрак Кармаль. Амин не мог спокойно смотреть, как безвольный Тараки шаг за шагом сдает позиции таджикам-«парчамистам». К чему это приводило? «Парчам» — это фракция мелких таджикских и хазарейских лавочников в НДПА, а также некоторых представителей таджикской аристократии. В Афганистане не было реального сильного рабочего класса. «Хальк», например, пользовался влиянием у военных и у части крестьян-пуштунов. Свой вес у фракции «Хальк» был и в зоне пуштунских племен. Пуштунские земли искусственно рассечены линией Дюранда после раздела Индии англичанами и образования государства Пакистан. Часть Пуштунистана оказалась на пакистанской территории, но племена никогда не признавали такого передела своей земли. Конечно, они не признавали и власть Кабула, но уживались с нею, если это была та же пуштунская власть и она не мешала жить племенам.

Так было при короле Захир-Шахе и при принце Дауде. Амин тоже старался не нарушать этой традиции. Конечно, известно, что Амин «перегнул палку» с мусульманским духовенством, отмечает Камаль, но все-таки пуштунам было бы легче понять друг друга... А что сделали вы? Хорошо, вы устранили Амина, так как он не угодил Брежневу, убив его друга Тараки, но почему на его место вы, для надежности подперев своими штыками, поставили не пуштуна, а таджика Бабрака Кармаля? Хорошо, правда, хоть не худжура в звериной шкуре — полудикого обитателя Памирских гор, печально пошутил Камаль. Худшего оскорбления национального достоинства пуштунов нельзя было и придумать. Это сравнимо с тем, попытался четче сформулировать свою мысль Камаль, как если бы кто-то оккупировал вашу страну и навязал русскому народу в качестве верховного правителя представителя одного из

нацменьшинств, например еврея или чечена (почему-то последних он тоже недолюбливал), который, ненавидя все русское и самих русских, вел бы себя по отношению к вам соответствующим образом. Что бы вы делали? Наверное, тоже бы ушли в партизаны. Именно так мы, пуштуны, и восприняли Кармаля.

Самозванцы не из пуштунов в нашей афганской истории уже были. Вы, нынешние шурави, плохо учили нашу историю, хотя Ленин, устанавливая отношения с Амануллой-ханом, показал себя ее прекрасным знатоком. Один из генералов Амануиллы-хана, Надир, будущий правитель Афганистана и отец короля Захир-Шаха, даже помог Советской России в борьбе с басмачеством. Он боролся не против мусульман-единоверцев, а против таджикских и узбекских бандитов, проникавших на афганскую территорию, получавших деньги от ненавистных ему, пуштуну, англичан и тем самым угрожавших безопасности Афганистана. Так что не только лишь одно присутствие советских войск, сказал Камаль, хотя и оно тоже негативно сказалось на завязке событий в Афганистане, а неумение и нежелание понять нашу национальную особенность привели к тому, что шурави в глазах пуштунов, даже тех из них, кто поддержал Сауру и состоял членом «Хальк», из друзей стали превращаться во врагов.

Пропагандистскому аппарату моджахедов в Пешаваре вами же самими был дан в руки очень веский козырь: шурави не только враги ислама, они хотят отобрать Афганистан у пуштунов и отдать его таджикам, узбекам, киргизам, хозарейцам и прочим нацменам.

Как здесь не вспомнить рассказ уже упомянутого мною Владимира Пластуна об одном из таких «горесоветников», который пытался отдать распоряжение о передаче одной из суннитских мечетей хозарейцам-шиитам в исконном пуштунском городе под предлогом того, что, дескать, у пуштунов мечетей несколько, а у хозарейцев нет ни одной. Реализуй он свою сумасбродную идею, сколькими еще жизнями советских солдат было бы заплачено за подавление очередного религиозного бунта? «Дикий, однако, народ эти афганцы. Средневековье, что и говорить», — вспоминал потом этот «советник». Но вернемся к разговору с Камалем.

Следующей темой, понятно, стали сами шурави, причем не только армия, но и гражданские специалисты, то

бишь партийные и иные советники. О последних у Камаля сложилось мнение, что в Афганистан посылали совершенно случайных людей, словно хотели, чтобы они специально наломали там дров. Опять вспомню здесь рассказанное моим другом Владимиром Пластуном. По его словам, один из таких партийных советников на полном серьезе просил показать ему на географической карте, где находится этот «чертов Афганистан», в который его посылают. Военные советники в массе своей были лучше, но говорили в основном на дари и благоволили к таджикам, видимо, считая их чем-то вроде дальних родственников таджиков советских.

— То-то вы теперь расхлебываете родственные связи между «вовчеками» и «юрчеками»,— мимоходом бросил Камаль.

Самую высокую оценку Камаль дал советникам из КГБ. По его словам, те знали, в какой стране находятся, что от нее ждать и как себя вести. И уж точно знали разницу между пуштунами и таджиками. Но, увы, зачастую решали не они. Что касается самой 40-й армии, то, по словам Камаля, армия, которая годами топчется на месте, не выполняя боевую задачу ввиду либо ее отсутствия, либо же отсутствия четкой формулировки самой поставленной перед армией задачи плюс к тому ввиду плохого тылового снабжения, неминуемо превратится в армию воров и мародеров. Не вина в этом офицеров и тем более не вина солдат, говорит Камаль, а вина бывшего политического руководства вашей страны. Я к шурави всегда относился хорошо. Но если бы в одном из кишлаков, например, убили бы моего младшего брата, чтобы я делал тогда? Взял бы в руки автомат и ушел к моджахедам, сам ответил на свой же вопрос Камаль. И так, к сожалению, часто случалось, так поступали многие, у кого в результате необдуманных боевых действий гибли близкие. Тем более что пуштуны видели, что армейское командование только и делает, что заключает бесконечные перемирия с таджиком Массудом, которые само тут же и нарушает.

— Как можно было уважать согласно нашему кодексу чести «пуштун-вали» такое весьма странное поведение ваших высоких армейских командиров? — спрашивает Камаль.

Кстати, о моджахедах. По словам Камаля, неоднородность и внутренние противоречия в Пешаварском альянсе

были столь очевидны, что только слепой не мог их не увидеть и только дурак не мог не обратить их себе на пользу. Однако и тут все пошло по знакомой схеме: непримиримые и умеренные. К последним отнесли таджика Раббани, потомка выходцев из Индии Моджадедди и пира-хазрата Гейлани. Последние два очень уважаемы в мусульманском мире, а Гейлани почитаем и у пуштунов, так как породнился с королевской династией Дуранни-Мохамадзай. Но пуштунский национализм и интересы пуштунов как нации, по словам Камалья, не в меньшей, а в большей степени представляли как раз те же «непримиримые» моджахеды-пуштуны Хекматияр, Халес и Сайяф. Начатый «парчамистом» Наджибом процесс «национального примирения» в Афганистане также был в первую очередь обращен к «умеренным», что могло быть воспринято пуштунами как еще один реверанс по отношению к таджикам и прочим национальностям. А ведь тот же Хекматияр достаточно откровенно шел на диалог с Кабулом и советскими и даже освободил не меньше пленных советских солдат, чем таджик Ахмад-шах Массуд. Начни с ним диалог советские представители с позиций уважения пуштунов как нации и прояви они должную лояльность к исламу, то есть вернись они к ленинской политике в отношении Афганистана, заключил Камаль, вопрос национального примирения мог бы быть куда более быстрым и весомым для обеих сторон, а не декоративным мероприятием в стиле Наджибуллы — Горбачева.

В отношении казненного талибами Наджиба Камаль не скрывает некоторой своей неприязни. Да, он пуштун, но всегда был членом фракции «Парчам». В конце концов даже родной брат Наджибуллы сбежал к моджахедам в Пешавар, вспоминает Камаль. Он, Наджиб, увольнял «халькистов» из ХАДа только потому, что того хотели таджики-«парчамисты» во главе с Кармалем, а в результате полностью развалил госбезопасность, ибо новые люди, которые приходили в ХАД, в отличие от старых профессионалов зачастую служили либо себе, либо себе и моджахедам, но никак не режиму.

Наконец шурави ушли, и немедленно началась схватка за власть всех и вся. Вчерашние «борцы за веру» начали воевать между собой за контроль над наркопроизводством, за доллары и оружие, за чуждые пуштунам идеи типа иранского экспорта исламской революции, наконец,

даже за свободу Чечни в качестве платных наемников, подытожил Камаль. Российское руководство в вопросах афганской политики оказалось еще более беспомощным, чем советское, по уши увязнув в запутанном таджикско-таджикском конфликте, за участие в котором приходится платить все той же кровью русских солдат. И словно идя на поводу у неких закулисных режиссеров, оно, это нынешнее руководство, говорит Камаль, напрочь забывает о том, что Россия уникальная в одном отношении страна. В ней исконно уживались рядом и служили государственной и национальной идее две религии — христианство и ислам. Теперь же, по словам Камала, Россия используется как «цепной пес» против ислама под вывеской борьбы с «исламским фундаментализмом», вызывая тем самым растущее недовольство в мусульманском мире, что в будущем может привести к таким локальным военным конфликтам, которые далеко перекроют и Афганистан, и Таджикистан, и Чечню.

— Кто останется в выигрыше? Россия? Исламский мир? — спрашивает Камаль.

В заключение, возвращаясь к ситуации в Афганистане, Камаль сказал мне, что пока что видит будущее за талибами. Талибан — это не только религиозное, это и пуштунское движение. Его успехи и неудачи — закономерный процесс возвращения Афганистана к национальным и духовным истокам, без которых не может быть и территориальной целостности государства. Как поведет себя по отношению к Афганистану и его проблемам внешняя политика России, зависит от российского руководства. Не нынешнего — Камаль, по его словам, не столь наивен, чтобы ожидать чего-либо позитивного и умного от нынешнего руководства России в отношении Афганистана. У него, афганца-пуштуна, как и у всякого нормального русского, как ни странно, схожая цель: увидеть у власти в России разумное национальное правительство. Тогда можно будет начать и непростой процесс примирения шурави — а точнее будет, уже не шурави, а «урусов»-русских — и афганцев. Будут ли это талибы, или в будущем в Афганистане заявит о себе иная национально мыслящая политическая сила, Камаль пока не знает. У нас на Востоке, улыбается он, в таких случаях говорят «иншалла».

Афганистан, который они нашли

Зимой 1997 года, находясь под впечатлением от встреч и разговоров с некоторыми представителями афганской эмиграции в Германии, я написал тогда небольшую статью-размышление «Афганистан, который мы потеряли». Статья эта была опубликована в еженедельнике «Литературная Россия» в начале апреля того же года.

Прошло более пяти лет. Многие из того, над чем я размышлял, не сбылось или же утратило свою актуальность. Но я и подумать не мог, что мне вновь придется обращаться к теме происходящего за далеким хребтом Гиндукуша совсем уже по другому поводу и по другой, если угодно, причине. Нельзя сказать, что эти пять лет я вообще не занимался как исторической, так и актуальной афганской проблематикой, даже совсем наоборот — я весьма пристально следил за развитием событий в Афганистане и за режимом талибов. Кто-то из древних сказал, что истории свойственно повторяться. Теперь там снова военное присутствие, но уже не наше — Соединенные Штаты пошли по стопам Советского Союза. Разве мог я, будучи еще военным редактором Русской службы радио «Свобода», даже вообразить себе такое в далеких 80-х, когда на территории «южного соседа» почти что целый десяток лет находилась наша 40-я армия, а США от усердия из кожи вон лезли, снабжая своих подопечных-моджахедов всем, чем только могли: от мин в пластиковой упаковке и до зенитно-ракетных комплексов «стингер».

В начале 89-го мы Афганистан потеряли. Мы, конечно, могли и не уходить оттуда, но решала не армия — решали политики. Другой дело, что политическое решение за подписью «миротворца» Горбачева оказалось предательством национальных интересов и Советского Союза и Афганистана. Без нас Афганистан остался обреченным на одиннадцать лет кровавой междоусобицы вчерашних моджахедов и таких же поскребышей ЦРУ США — талибов. В 2001-м американцы нашли Афганистан и, похоже, отнюдь не собираются быстро расставаться со своей находкой.

Итак, «Афганистан, который они нашли». Чем это может обернуться для Афганистана, Пакистана, соседних регионов Центральной Азии, России да и для самих Соединенных Штатов?

Заглянул я тут как-то наемдни в небольшое принадлежашее афганским эмигрантам кафе. Жили они когда-то в наших краях, от «греха подальше» уйдя «в обозе» Ограниченного контингента, потом с установлением в России «демократии» подались в Европу и осели в Германии. Русский язык еще немножко помнят, но не в этом дело. Назад в Афганистан уезжать никто из них не собирается, хотя по старым временам семья эта из Пагмана, смешанная, пуштуно-таджикская, была не из бедных. Мог бы и не задавать глупых вопросов. На Востоке спешить не принято. (Там торопятся только в одном случае — на похороны тещи.) Мы, дескать, уже более двенадцати лет на чужбине, подождем еще столько же. Хамид Карзай? Усмехаются. Ну у вас, шурави, был Кармаль. У них, у американцев, — Карзай. Суть такая же — марионетка. Когда это в Афганистане центральная власть хоть что-то решала? К тому же власть, навязанная извне. Короля еще уважали, пока он не потерял эту власть. Но на местах все решали и решают племенные и военные вожди. В Афганистане испокон веков было так: у кого в руках винтовка — у того и власть. Если американцы начнут покушаться на власть военных и племенных вождей, опять начнется война (которая и не завершалась), и такая, что им Вьетнам с овчинку покажется.

Это, скажем так, мнение тех, кто хорошо жил у себя дома при нашем военном присутствии. Правда, и вчерашние моджахеды тоже не все подались домой по первому зову «карманного» президента Карзая. Причины в основном те же, сродни вышеперечисленным. Для полноты картины к политической пестроте добавьте еще и этническую и получите полный спектр мнений афганской диаспоры в отдельно взятой Германии, хотя и в целом по Европе она мало чем отличается от осевшей на берегах Рейна.

Нынешнему военному присутствию «дядюшки Сэма» в Афганистане предшествовали, сопутствовали и способствовали многие факторы. Порой их запутанность дает возможность только очень приблизительной увязки причины и следствия, словно имеешь дело не с «единственной в мире сверхдержавой», а с запущенным пациентом психиатрической клиники, страдающим тяжелой формой параноидальной шизофрении вперемешку с психопатией возбуждимого круга. (Но государствам, в отличие от индивидуумов, психиатры диагнозов не ставят. А зря!)

К середине 2001 года «югославский фактор», на целое почти что десятилетие связавший и увязавший евро-

пейских членов НАТО и США в отсутствие реальной военной угрозы, которой бесспорно для них являлся Варшавский Договор, да и отдельно взятый Советский Союз, изжил себя начисто. Сербь после бомбово-штурмовых ударов быстро «демократизировались», а албанские «шалости» УЧК в Македонии просто смешно было бы рассматривать в качестве «стратегической угрозы». В самих США очередные президентские выборы поменяли «шило на мыло», то есть партию демократов (на американском политическом жаргоне «геев» — педерастов) — на республиканцев («радеков»). Последнее трудно переводимо на русский язык, поэтому прибегну к описанию. «Радек» — это «некто», с очень плохо развитой верхней частью черепа, но зато с мощной нижней, от постоянного жевания «резинки». Верхнюю, менее развитую часть от посторонних любопытных взглядов отлично скрывает широкополая ковбойская шляпа. Все, надеюсь, прекрасно помнят, как выборный представитель «радеков», Буш-младший, стал президентом США, вырвав победу у Альберта Гора по итогам беспрецедентной перепроверки голосов избирателей в штате Флорида, где губернатором еще один Буш-младший, родной брат Джорджа? Гор в конце концов (видимо, не без нажима) сдался, и «ковбой» стал 43-м президентом «Диснейленда».

Не думаю, что такое развитие событий устроило в Америке поголовно всех. Из моих разговоров с некоторыми американцами я пришел к выводу, что «победу» Буша-младшего на президентских выборах они считают фальшивкой. (Другое дело — оказался бы «хрен» слаще «редьки»?) Не знаю, может, кому-то из россиян это покажется и в диковинку, но многие граждане США очень не любят и даже ненавидят свою «сверхдержаву» и ее вашингтонское правительство, каким бы по политической окраске оно ни было. К этой категории граждан США можно отнести часть интеллектуальной элиты (например, всемирно известный гроссмейстер Фишер), бывших военных, с которыми Пентагон поступил примерно так, как поступают с побывавшим в употреблении презервативом, компьютерных хакеров и прочих «хай-теков» (за «хакерство» в «демократической» Америке дают так же, как за убийство), членов различных религиозных сект, которых в США как грибов в лесу после дождя, остатки почти вымершего коренного населения — индейцев и, наконец, цветных, в основном черных мусульман (лидер — Майкл Фаррахан).

Впрочем, есть еще один фактор, вполне белый и респектабельный, в основном проживающий в сельской местности Штатов,— так называемые милиционные формирования. В конце 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия США захлестнула очередная волна психоза под названием «советское вторжение», и американцы вполне серьезно стали готовиться к затяжной партизанской войне (совсем как в СССР по почину Клина Ворошилова и Ионы Якира перед самой Великой Отечественной). Как мы знаем, никто их оккупировать не собирался, только поугали малость «кубинским кризисом», до известной «тяжести в штанах», но «милиция» эта на добрых полвека оказалась предоставленной самой себе. Теперь даже ФБР до конца не знает, что делать с «партизанами» и где их искать.

Ну а об их любви к официальному Вашингтону вы и сами можете погадать-прикинуть. К внешним факторам я бы отнес даже не мусульман как таковых (эти-то уж США точно не любят), а «рукой подать» лежащую Латинскую Америку. Достаточно взять только Колумбию, где за годы борьбы с «наркобизнесом» сосед-«жандарм» такого наворотил, что любить его просто не за что, (А у наркокартелей денег столько, что известный бен Ладен, по сравнению с ними просто «уличный побирושка».)

Мне не раз, еще и в бытность мою сотрудником американской радиостанции «Свобода», и от американцев, и от неамериканцев приходилось слышать, что последние десятилетия США как политическая система и государство пребывают в состоянии «латентной гражданской войны». История учит, что ничто так не сплачивает раздраемое внутренними противоречиями государство и общество, как угроза извне. Если таковой не существует, то ее надо выдумать либо же использовать любую причину, любой случай, любое явление, хоть природное, хоть рукотворное, задействовав в этом направлении все имеющиеся в наличии, пропагандистские мощности. Американцы в массе своей по-детски наивны (не хочу сказать, слабоумные, но это слово так и подворачивается на язык). Они верят всему, что им говорят, и всему, что видят по телевизору. Верят и в «летающие тарелки», и в «маленьких зеленых человечков», и в «годзилу», и в Осаму бен Ладена.

В соответствии с пожеланиями вашингтонских «отцов-отморозков» за последние два-три десятилетия Голливуд

из «фабрики грез» превратился в настоящий «конвейер ужасов». Во всевозможных, выпущенных им кинолентах Америку десятки и сотни раз захватывали, взрывали, топили, сжигали, распыляли, угощали метеоритным и кометным «дождем», опустошали термоядерным, сейсмическим, бактериологическим, химическим и черт-те еще каким оружием все кому не лень: от своих же недовольных жизнью вчерашних вояк либо «разгневанных домохозяйек» 20 футов ростом — до космических пришельцев, разумных тараканов и пауков из Невады, уже упомянутого «годзилы», антиглобалистов, «ангелов Господних», северных корейцев, других вчерашних и сегодняшних «красных», боснийских сербов во главе с Радованом Караджичем, вампиров-дракул, «русской мафии», колумбийских наркокартелей и агентов КГБ (которого больше нет) на службе у пророка Мухаммеда. (Уф, кажется, я всех перечислил, но если вдруг кого-то упустил, то смотрите, пожалуйста, голливудские новинки.)

Наконец подвернулся «счастливый случай» — 11 сентября,— и пережившая «большую беду» нация сплотила свои ряды вокруг «Микки-Мауса». Я не буду здесь оспаривать авторство бен Ладена и его сподручных «аль-кайдовцев», в которое лично сам мало верю (или, точнее будет сказать, считаю, что «автор и исполнители» представляли хорошо спаянный коллектив, и отнюдь не только арабский), а приведу лишь несколько «странных нестыковок» в последовавшем за этими событиями «разборе полетов».

Начну, пожалуй, с телефонного звонка американской журналистки Барбары Орсон, пассажирки одного из захваченных самолетов, своему мужу-адвокату. На вопрос мужа о национальной принадлежности воздушных террористов она ответила буквально: «Они такие, как мы». То есть для нее они были американцами. Хорошо, согласимся и с тем, что в США живет не так уж мало арабов. Вот тут-то и первое «но». Если террористы, достаточно долго прожив в Америке, а то и родившись там, прекрасно владели английским (в американских частных летных школах преподают только по-английски — в Калифорнии я в одну такую заглядывал), то за каким лядом им понадобились словари и справочник по вождению самолетов на арабском? Надо же, от явно взорвавшегося в воздухе четвертого самолета, обломки которого засеяли кукурузное поле, в первые дни спасатели едва-едва фрагментов от

курсографа насобирали, а еще через неделю — бац! — ФБР «находит» листы из Корана и справочник по-арабски, которые целы-целехоньки. (Воистину «рукописи не горят» и не взрываются, особенно если они еще и на арабском.) Вообще создавалось ощущение, что с первых же часов ФБР так ловко взяло «арабский след» террористов, словно само эти акции планировало и исполнителей готовило. Будь то в Бостоне во время «штурма» отеля, или с «мерседесом» в тамошнем аэропорту, «под завязку груженным Коранами» (менее приметную машину в Америке и придумать-то трудно), или с летной школой во Флориде — просто каким-то «центром подготовки воздушных пиратов».

А что делал в нижних этажах Международного торгового центра некий офис, принадлежавший, как позднее выяснилось, ЦРУ? Тоже торговал (интересно чем?) или, может, наводил на цель эти самолеты? (И во время войны с Ираком, и когда натовцы бомбили Сербию, была отмечена одна «странность» — поступление в эти страны дешевой множительной техники производства США со встроенными в нее «маячками» как раз накануне этих военно-силовых акций.) Мне приходилось здесь, в Германии, от вполне компетентного в летных делах человека слышать мнение, что американский пилот навряд ли ошибся, поразив ракетой китайское посольство в Белграде. Видимо, в каком-нибудь принтере работал «маяк наведения», а ничего не подозревавшие китайцы просто позарились на относительную «дешевизну» заокеанской продукции. Тот же человек, в свое время налетавший немало часов именно в арабских странах, весьма сомневался, что «воздушные террористы-арабы» обладали достаточно высокими навыками пилотов-профессионалов плюс ко всему совмещенными еще и с дипломами незаурядных архитекторов (знание «ахиллесовой пяты» башен МТЦ).

Все вышесказанное только добавляло уверенности в том, что, даже будь на самом деле за штурвалами «самолетов-таранов» люди Осамы бен Ладена, без высокопоставленных и компетентных «помощников» на земле с такой сложной задачей им одним бы просто не справиться.

Дальше — больше. ФБР нашло «европейскую штабквартиру арабских террористов», которая оказалась, например, не во Францию с ее почти что четвертью арабского населения, что было бы логично, а почему-то в Германии. Делать нечего, по приказу заокеанского «дяди» немецкие власти со свойственной им тупой исполнитель-

ностью стали хватать и сажать кого ни попадя, лишь бы выглядел как мусульманин. Из Германии антиарабская и антиисламская истерия поползла уже дальше по всей Европе.

Вот здесь-то и встал вопрос о так называемом пятом пункте Устава НАТО, про который до сего времени помнили разве что дотошные юристы. Дескать, граждане-европейцы, коли вы действительно наши союзнички, то будьте добры по «круговой поруке» и кровью повязаться — воевать с проклятыми «сарацинами» будем сообща по нашей «геройской» натовской формуле «все на одного». Вы, как всегда, в «первом эшелоне», заместо «пушечного мяса», а мы, «янки», за вашими широкими спинами.

Так в порядке отдающий тленом военный блок НАТО вдохнули новую жизненную идею. Теперь пора было подыскивать и «цели», коль «средство» уже есть.

Признаюсь, поначалу я думал, что первыми в «длинном списке государств-террористов» окажутся Судан или Ирак, ну на худой конец Ливан, Ливия либо же Йемен, а то и Иран (эх, жаль, что население Северной Кореи не исповедует ислам!), но уж никак не Афганистан. Ведь еще в августе 2001 года правительство США уже готово было «де-юре» признать своих «внучатых племянников» талибов, переговоры с которыми закулисно велись через «дядюшку» — Пакистан.

В самих США средства массовой информации теперь четко держались версии «аль-кайедовского следа», больше никак не упоминая о более ранних нестыковках в официальной версии. Тех же, кто пытался вспомнить эти «нестыковки» да еще и задавал «каверзные вопросы», как, например, журналистка Барбара Тейлор, задвинули с глаз подальше. (Точно так же поступили и с теми журналистами, кто засомневался в «заграничном» происхождении спор сибирской язвы. Только спустя несколько месяцев ФБР наконец публично призналось, что заразу распространяет «внутренний враг».) Без ответа остался и вопрос: откуда у «арабских террористов» такая «нелюбовь» к американской символике? Ведь куда логичнее было бы вогнать оба «самолета-тарана» в один из блоков АЭС на расположенном не так уж и далеко от Нью-Йорка Трехмильном острове. Помнится, в первые часы и дни после терактов этому удивлялись и сами американские власти, тут же усилившие охрану всех своих АЭС и других не упрятанных под землю ядерных объектов.

Наконец «враг» был найден и «цель» была объявлена — режим талибов, приютивший в Афганистане бен Ладена и его «Аль-Кайду». Одноглазому «эмиру правоверных» мулле Омару Мохаммеду предложили выдать бен Ладена американским властям. Тот отказался (родственник все-таки!) и тем самым подписал приговор своему режиму. А ведь еще за неделю до «полетов» над Нью-Йорком и Вашингтоном цээрешники тайно встречались с доверенными лицами своего бывшего агента Осамы бен Ладена на территории тренировочного лагеря «Аль-Кайды» в Судане и о чем-то переговаривались. Что же касается тренировочных лагерей «Аль-Кайды» как таковых, то их по миру хватает без Судана и без Афганистана; один Бог и ЦРУ знают, сколько их, например, в Боснии или в отторгнутом от Сербии Косове. Не в Афганистан же в самом деле ездят осевшие в Европе чечены проходить боевую подготовку?

Битый месяц американцы и их союзники по НАТО наращивали группировку войск. Бушу-«сынку» явно не давали спокойно спать «персидско-заливные» лавры его собственного родителя — 41-го президента США. Наконец, «средства и силы, привлекаемые к войсковой операции», сочли достаточными, и на головы «бедных талибов» из заоблачных высот посыпались бомбы и ракеты. Правда, больше всего от «прицельного» американского бомбометания страдали не талибы, а афганский «мирняк» либо свои же коллеги по коалиции, то там, то тут то и дело попадавшие под так называемый дружественный огонь. Но, как говорится, «лес рубят...».

В совершенно двусмысленной ситуации оказался и режим генерала Мушарафа в соседнем Пакистане. Для Пакистана его «детище» талибы были (да и сегодня есть) незаменимым воинством в борьбе с Индией за контроль над Джаму и Кашмиром. Ведь что такое талибы, как не оторванные от своих родных очагов солдаты-наемники? Если обратиться к истории движения Талибан (ДТ), то в корне своем оно повторило тот путь, который когда-то в истории уже прошли «янычары» Османской империи. Еще во времена нашего присутствия в Афганистане и в годы премьерства в Исламабаде Беназир Бхутто, которую за глаза называют, если такое выражение, конечно, применимо к политическому деятелю в мусульманской стране, «крестной матерью» ДТ, в пакистанские медресе стали собирать мальчиков-пуштунов, оставшихся сиротами или

же насильственно отторгнутых от своих племен и кланов. В духовных училищах они изучали не только Коран и уложения шариата, но и военное дело под руководством американских и пакистанских инструкторов. Их готовили тогда для определенной цели — поменять режим таджика Раббани, которым Пакистан, мягко говоря, был недоволен. На тот момент погрязшие в междоусобицах и наркодрязгах афганские душманы, на которых в США уже давно махнули рукой, перестали быть реальной силой, способной удержать контроль над страной.

Так и зародилось движение Талибан — на деньги ЦРУ и при непосредственной военной помощи Пакистана, — в середине 90-х овладевшее Кабулом, а позднее и большей частью Афганистана. Пакистан получил дружественный и подконтрольный себе режим, а США в этом вопросе тогда вполне доверяли своему союзнику. Незначительный по военной силе и весьма разношерстный по национальному составу так называемый Северный альянс, во главе с бывшим хозяином Панджшерской долины Ахмад-Шах Массудом, мог еще долго трепыхаться на своей пятипроцентной территории. Талибы отмахивались от него как от назойливой мухи.

России и соседнему Таджикистану в большей степени доставляли беспокойство как раз боевики из «Северного альянса» — с их наркобизнесом, бандитизмом и разбойными заходами через Пяндж, нежели более дисциплинированные в военном отношении талибы, хотя и те время от времени отпускали угрозы в адрес «большого гяура на Севере». Официальная Россия тем не менее, рассматривая талибов как «главное зло», поддерживала негласные контакты с Массудом и даже, чем могла, оказывала ему помощь, как и второму по значимости лидеру «Северного альянса», бывшему командующему «царандоём» (милицией) времен НДПА — генералу-узбеку Абдуррашиду Дустуму. О Массуде также было известно и то, что «янки» он, в отличие от большинства своих соратников по борьбе против советских войск, не любит. Видимо, в силу того, что в молодости сам Массуд воевал против Израиля, в рядах палестинского «Хамаса».

Во внезапной, накануне американского вторжения в Афганистан, гибели Ахмад-Шах Массуда (по официальной версии — от рук «аль-кайдовских террористов», подобранных к нему под видом журналистов из Марроко) есть определенная тайна. Дело в том, что в его ополче-

нии всегда было достаточно арабских наемников, в том числе и из «Аль-Кайды». Ведь и сам Осам бен Ладен в свое время был арабским наемником в Афганистане, под эгидой ЦРУ воевавшим против «советских оккупантов». Те же талибы на протяжении пяти-шести лет имели возможность организовывать покушения на Массуда хоть каждый день, но почему-то не предпринимали таких действий, как не вели и тотальной войны на уничтожение «Северного альянса», попросту загнав его на пяточок земли, а точнее Памирских гор. Один из представителей афганской эмиграции, таджик, в прошлом моджахед из Панджшера, сказал мне, что он лично считает виновником этого теракта ЦРУ США, так как, по его словам, Массуд никогда не согласился бы на присутствие в Афганистане «американского сатаны, у которого на руках кровь правоверных».

Так оно или нет, но если спецслужбы США просчитали и такой вариант, то дни Ахмад-Шаха действительно были сочтены. «Северный альянс» был нужен американцам в той же степени, в которой нам в свое время понадобилась НДПА,— для «легитимности». Пришедшие на смену Массуду командиры «Альянса» оказались не столь привередливы к «чистоте рук». Но то, что произошло потом, не было ни военной победой «Северного альянса», ни военным успехом американцев, как я уже упоминал, в основном отличившихся только в части «прицельного бомбометания» по мирным афганским жителям. Талибы, словно по команде вышестоящего штаба, сдавали города и укрепрайоны без боя, уходя с оружием в руках на юг — к Кандагару, а потом и в Пакистан. Отдельные участки очагового сопротивления, как в Мазари-Шарифе или Кундузе, в основном были делом рук различных наемников, которым уже нечего было терять или которых попросту списали, как, например, гражданина США Джона Уолкера, согласившегося работать на ЦРУ и оказавшегося поэтому в рядах талибов. Таких «американских талибов» было несколько, но отдуваться за всех лет этак 20, если не больше, в американской тюрьме придется именно Уолкеру. На электрический стул его не посадят. Тюрьма за молчание — такова обычная цена ЦРУ для своих провалившихся или же несостоявшихся агентов. «Иншалла», как говорят на Востоке — такие дела. Даже еще до того, как бойцы «Альянса» вошли в без боя оставленный им Кабул, США и их союзники начали спешно собирать и готовить к отправке в столицу Афганистана так называемое временное

правительство, попутно разыгрывая фарс-мажор и на «театре военных действий».

За первым делом долго не стало. В Германии, под Бонном, собрали весь «цвет» афганской эмиграции и через пару-тройку дней пришли к «консенсусу» — Хамид Карзай. Карзай выходец из небольшого пуштунского племени, ветви «гильзаев». (Бывший король Захир-Шах, например, из племени «мохаммадзай», ветви «дуранни». Есть еще «баракзай» — лидер талибов, мулла Омар был из них, «ализай» — это в провинции Гильменд, и очень много других «заев» той же ветви «дуранни», которые соперничают с «гильзаями».) В силу своего происхождения из незначительного пуштунского племени второстепенной, а не «королевской» ветви Карзай до недавнего времени был мало знаком даже специалистам по Афганистану, жил себе в США, работая менеджером в одной из крупных нефтяных компаний Техаса. Именно это и роднит его с Бушем-младшим. Они повязаны одной кровью, имя которой «нефть».

Но обратимся к «театру военных действий». В показухе этих самых действий военная машина США тоже весьма преуспела. Таких «афганских сказок» (куда уж там Лещинскому!), как по CNN, вкупе с комментариями отставного ныне, бывшего натовского «гауляйтера» Югославии генерала Кларка, я за все годы работы на радио «Свобода» не читал, не слышал и не видел. Сплошная «фабрика грез», будь то почему-то «круглые, в половину профиля, окопы под зонтиком с кока-колой» якобы где-то под Кандагаром, в пустыне Регистан, или же полуторамесячная «долбежка» сверху и в упор некой Тора-Боры, где-то в горах под Джелалабадом. Что за Тора-Бора такая? В приблизительном переводе с пушту на русский получается «черная вдова» — это при всем при том, что цвет траура у мусульман белый. Я полдня искал эту чертову Тору во всех географических справочниках и на картах (и на «двухсотке», и на более крупных масштабом) и, простите, так ни хрена и не нашел. Наверное, она в самом Голливуде, а может, в Израиле. Важно не это, а сам «результат».

Как с апломбом сообщило американское военное ведомство спустя полтора месяца боев, в пещерах этой самой Боры были обнаружены два или три трупа то ли талибов, то ли «аль-кайедовцев» (американцы, что, столько времени против трех человек воевали?), видеокассета-свидетельство, на которой бен Ладен берет вину за 11-е сентября на

себя и угрожает США ядерной войной, а также справочники типа «сделай сам» — руководства по созданию атомной бомбы кустарно-ремесленным способом в полевых условиях и такое же руководство по химоружию. Америка снова поверила и, сплотив ряды еще теснее, стала спешно готовиться к «атомно-химической террористической войне», раскупая противогазы не только дома, но даже за границей. Первым безвозмездную помощь противогазами Соединенным Штатам оказал Израиль.

К слову сказать, раз уж речь зашла об Израиле, никто не поленился обратить внимание на резкую активизацию действий оккупантов на палестинской земле, по времени «странно» совпавшую с американскими военными действиями в Афганистане. Я не поленился и обратил. Произошло то же самое, что и в декабре 79-го, когда, войдя в Афганистан, мы на добрый десяток лет отвлекли и арабский мир и мировое сообщество от государства-агрессора, уже более пятидесяти лет проводящего целенаправленный геноцид арабского народа Палестины. США и здесь повторили пройденное, дав Израилю «зеленый свет» на разбой в секторе Газа и на западном берегу реки Иордан, а мировое сообщество глаз не могло оторвать от «спектакля на афганских подмостках».

Тем временем американцы еще раз устроили «показуху» войны, уже в Бамиане и в Пактии, от которой в большей степени пострадало мирное население этих провинций, да союзники по коалиции — канадцы, чем якобы засевшие в бамианских пещерах талибы и «алькайдовцы». Досталось и коллегам по коалиции — немцам, взявшимся было за деактивацию мин, поставленных на неизвлекаемость, и демонтаж неразорвавшихся реактивных снарядов. Им, наверное, забыли сказать, что все это должно уничтожаться накладными взрывами. Результат не замедлил сказаться — несколько цинковых гробов с «горе-саперами» доставили по месту жительства, что, понятно, не прибавило радости населению страны. Против американской военной авантюры в Афганистане и участия в ней бундесвера в Германии протестовали не только левые, но и крайне правые — те, кого здесь именуют «неонацистами».

У самих американцев тоже проблема, хотя и тщательно скрываемая от общественности,— четверо ветеранов-морпехов, возвратясь из Афгана домой, тут же «на радостях» перемочили своих жен. Мол, психика не выдержала.

(Что-то больно хлипкая у них психика ввиду незначительности срока, проведенного в Афганистане. Скорее, дело тут в «химии», которой американские вояки пичкают себя для «храбрости».) Как это теперь называть — рецидивом «вьетнамского синдрома» или уже новым «афганским»?

Наконец, истек и шестимесячный срок беременности у «временного правительства». В Афганистане наступило лето, и пора было уже что-то «рожать». В Кабуле собралась Всеафганская шура — совет. Как и следовало ожидать, президентом марионеточного режима почти единогласно утвердили Хамида Карзая, а в вице-президенты определили еще одного пуштуна — Ходжу Кадыра, родного брата убитого талибами осенью прошлого года моего старого знакомого, агента американской и британской разведок Абдул Хака. Не прошло и двух месяцев, как Кадыр тоже был убит «неустановленными лицами», читай, талибами. Вскорости те же «неустановленные лица» совершили покушение и на самого Карзая во время его вояжа в Кандагар. (Бывший король Захир-Шах, прибыв из Рима на шуру, посидел, поулыбался да так «несолоно хлебавши» и укатил обратно доживать свой век в относительно спокойной Италии.)

Я детально следил за ходом заседаний шуры, обратив особое внимание на выступление так называемых военных лордов, в частности, Сайяфа (бен Ладен, кажется, принадлежал к его отрядам) и Хекматияра (последний — самый крупный наркоделец в стране), которые без обвиняков дали понять, что пока «новая власть», Карзай, сидит себе в Кабуле и не лезет вместе с американцами в их вотчины, они ее номинально признают; если же она к ним полезет — ответят, у них найдется чем.

Остался повисшим в воздухе и столь наболевший для Афганистана, национальный вопрос. Большинство в правительстве Карзая составляют пуштуны (в основном те же «гильзай», столь полюбившиеся британцам), таджикам оставили иностранные дела (Абдулла Абдулла), узбекам — оборону (Дустум), но есть еще много других, например, киргизы, туркмены, хужуры, белуджи, афганские монголы или тяготеющие к Ирану шииты-хозарейцы, которых и в этот раз обошли «куском пирога».

Как американцы собираются решать в Афганистане национальный вопрос и примирять межнациональные трения, не знаю, но сидят они на хорошо знакомой нам бочке с порохом. Да и своим «бомбометанием» они уже

порядком достали мирных дехкан — в той же Пактии «перепутали» свадьбу с тренировочным лагерем «Аль-Кайды» Я не жду, что «второй Вьетнам» США заработают буквально завтра-послезатра. Восток не торопится. Не сразу «братья-моджахеды» и с нами начали воевать, мы просто влезли в уже существовавшую «разборку», подперев своими штыками одного из дерущихся. Наша ставка была на таджиков, американцы тяготеют к пуштунам. Но суть-то все равно получается одна и та же — национальная рознь.

Так сказать, под занавес обратимся и к геополитике. Раз что-то произошло в мире, то вполне закономерен и вопрос: кому это было выгодно? «Агрессорскую выгоду» Израиля я уже отметил и возвращаться к ней больше не буду. А что вторжение в Афганистан принесло самим США и их союзнику Пакистану? Пакистан с обретением в Кабуле марионеточного пуштунского режима, подпертого теперь уже американским штыком, впредь может не беспокоиться о продвижении таджиков, узбеков и прочих «нацменов» к своим границам. Опальных же талибов, кого не выловили и не свезли в концлагерь на Кубе, спешно переформировали и отправили воевать на «кашмирский фронт». Эти «актеры» ЦРУ, похоже, уже навсегда сошли с афганских подмостков. Какую же выгоду от присутствия в Афганистане получили или надеются получить в будущем США?

Ну, во-первых, военные базы в непосредственной близости от границ Ирана, Китая и России. В бывшей советской Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан и Киргизия) у них уже есть временные базы тылового снабжения, но, как говорится, нет ничего более постоянного, чем что-то «временное присутствие». Афганистан, по сути дела, — огромный рынок сбыта для залежалой продукции. Это вкупе с возросшими военными заказами выгодно для американской экономики, переживающей далеко не лучшие времена. Далее — сырье. Недра Афганистана — кладь природных ископаемых. Там есть все — от драгоценных и самоцветных камней до урановой руды. Два крупных месторождения, где уран залегает неглубоко и его можно добывать финансово необременительным, «карьерным» способом, расположены в провинциях Бадахшан и Гильменд. В Гильменде уран обнаружили мы, о чем свидетельствовала докладная записка наших советников при Министерстве геологии ДРА председателю Реввоенсовета Нур Мухаммеду Тараки. (Я держал копию

этого документа в руках.) Теперь этот уран достанется американцам, которые испытывают нехватку данного вида стратегического сырья ввиду его использования в обычных, неядерных боеприпасах.

Минусы от афганской кампании также очевидны, но США, видимо, надеются их избежать. В случае эскалации военных действий довольно остро встанет вопрос не только продолжения массированных авиа- и ракетных ударов (в горном Афганистане это, во-первых, дорогостоящая, а во-вторых, бесполезная с военной точки зрения тактика), но и наращивания наземной группировки войск, доведения ее сил и средств до уровня решения возникших задач. Мало того что это еще более тяжким бременем ляжет на экономику государства, но и в чисто военном отношении «показушно-компьютерным» войкам США придется повторять пройденное — нашу «суровую школу», а это потребует не только изменения тактики и оперативного искусства применительно к существующим на ТВД условиям горно-пустынной местности, но и перефилирования определенной части оборонной промышленности на нужды воюющей армии, что также приведет к дополнительным и довольно значительным финансовым расходам. (Это при всем при том, что война не примет сильно затяжного характера.)

Скорее всего, с учетом вышесказанного (так, кстати, считают и некоторые американские военные аналитики), Вашингтон уберет свой «экспедиционный корпус» из Афганистана, тем самым предоставив соседнему Пакистану, НАТО, Европейскому сообществу и ООН расхлебывать заваренную им «кашу». Эскалация конфликта будет продолжаться, пока междоусобица не вытолкнет на поверхность очередного самого сильного или самого хитрого «военного вождя» либо же «военную силу», подобную движению Талибан. (Афганистан — все еще феодальная страна.)

Правда, есть и третий «афганский вариант». О нем вели разговор до начала военно-силовой акции США в Афганистане. Это так называемый новый план Маршалла — дробление Афганистана по территориально-национальному признаку. Такой «план» дает возможность удержать самый «ценный» осколок страны под достаточно действенным военным и политическим контролем США, предоставив остальным и дальше вязнуть в кровавом конфликте. Такое развитие событий устроило бы также Пакистан и Велико-

британию, имеющую свои давние «аппетиты» на Афганистан. Вот только американцы забыли спросить: устроит ли такой «план» ООН? (С мнением мирового сообщества США считаются все меньше и меньше.) Постепенно окружаемый американскими военными базами Китай и в той же степени имеющий протяженную границу с Афганистаном Иран уже весьма косо посматривают на присутствие США в этом регионе и навряд ли будут приветствовать как долговременность такого присутствия, так и любой передел Афганистана по американскому образцу. Но на международной арене эти страны пока занимают выжидательную позицию. (От талибов досталось и Ирану — в Мазари-Шарифе те перестреляли весь персонал иранского генерального консульства, а Китай по горло сыт брожениями среди собственных мусульман в провинции Сычуань.)

Таким образом, США спустя двадцать один год наконец смогли достичь того стратегического преимущества, которое Советский Союз оттянул на достаточно долгий срок вводом своих войск в Афганистан в далеком уже 79-м. Чем это может обернуться в дальнейшем для столь шаткого равновесия в мире? Поживем — увидим.

Теперь давайте зададим и заключительный вопрос: что от раздутой США под предлогом борьбы с «терроризмом» антиисламской истерии получила в итоге Россия, устами своего нового президента приветствовавшая и поддерживавшая «ковбойский почин» на новый «крестовый поход»? Что, прекратилось военное противостояние в самой Чечне или теракты чеченских боевиков в городах России, грозящие принять еще более страшные формы? Или американцы прекратили оказывать идеологическую, финансовую и прочую помощь «борцам за свободу Ичкерии»? Отнюдь нет. «Дорогого гостя» Мовлади Удугова по-прежнему негласно потчуют в Госдепе США, радио «Свобода» теперь вещает на чеченском языке не только из Праги, но и прямо из московской подворотни на улице Чехова, а прибывшие в соседнюю с Чечней Грузию «бравые американские коммандос» уже свободно разгуливают в качестве советников батона Эдуарда «по борьбе с терроризмом» у самых южных границ России (Панкисское ущелье).

В одном из своих еще прошлогодних выступлений Буш-младший как-то обронил фразу, что «русских надо научить уважать права нацменьшинств». Весьма «дружественное» по тону пожелание, надо сказать. Значит, когда

американцы бомбят Афганистан, Ирак, или Ливию — это борьба с «терроризмом», когда евреи оккупируют Палестину, при этом методично уничтожая ее коренное население, это тоже борьба с «терроризмом», но если Россия пытается навести хоть какой-то порядок (замечу, не на чужой, а на своей территории), разобраться с реальными боевиками-террористами — это, согласно мнению президента и Госдепа США, «неуважение к правам национальных меньшинств»? Все та же хорошо мне знакомая за 12 лет работы в пропагандистском аппарате США «убийственно-железная логика» пациента психиатрической клиники, на которого давно уже не обращал внимания лечащий врач.

А что было бы, если бы Россия сказала «нет» американской военной акции в Афганистане? Но этого «нет» сказано не было — Россия присоединилась к так называемой антитеррористической коалиции. Что в итоге от этого она получила? Посулы о вступлении в Международную торговую организацию, номинальное членство теперь уже в «большой восьмерке», такое же номинальное членство в НАТО в обозримом ближайшем будущем, 20 миллиардов долларов на «окончательное ядерное разоружение»? Или на деле она получила утрату влияния в стратегически и экономически важном для нее регионе Центральной Азии, в который входит и Афганистан, да американские военные базы у своих южных границ в придачу. Соединенные Штаты нашли теперь когда-то «потерянный» нами Афганистан, но теперь Россия рискует потерять (если уже не потеряла) гораздо большее — государственное и национальное достоинство, все больше становясь похожей на второстепенного «статиста» в чужом «театре абсурда».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	5
<i>Глава 1. В ЭТОЙ ГЛАВЕ НЕМНОГО О СЕБЕ И ЧУТЬ МЕНЬШЕ О РАДИО «СВОБОДА»</i>	6
<i>Глава 2. «СВОБОДА» — «КРАСНЫЙ АРХИВ», А ТАКЖЕ О РУССКИХ И РУСОФОБИИ</i>	22
<i>Глава 3. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ РАДИО «СВОБОДА» — «РЭНД КОРПОРЕЙШН»</i>	37
<i>Глава 4. РУССКАЯ СЛУЖБА РС: К АВГУСТУ 91-го И ПОСЛЕ ОНОГО</i>	53
<i>Глава 5. ПЕРВЫЕ КОМАНДИРОВКИ: ЗГВ И МОСКВА</i>	72
<i>Глава 6. МОСКВА 92-го: КОРРЕСПОНДЕНТСКИЕ БУДНИ</i>	89
<i>Глава 7. КОМАНДИРОВКИ В РОССИЮ: ЛЕТО И ОСЕНЬ 92-го</i>	108
<i>Глава 8. ГОД РАССТРЕЛЯННОГО ПАРЛАМЕНТА</i>	156
<i>Глава 9. ЕТ СЕТЕРА...</i>	223
<i>Глава 10. СО «СВОБОДЫ» С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ</i>	294
ПРИЛОЖЕНИЕ	356

Валерий Николаевич Коновалов
ВЕК «СВОБОДЫ» НЕ СЛЫХАТЬ
Записки ветерана холодной войны

Редактор П. С. Ульяшов
Художник Д. Д. Гванцеладзе
Набор и верстка А. А. Кувшинников
Выпускающий редактор С. В. Маршков

ООО «Алгоритм – Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 151-5563
Оптовая торговля: «Столица-Сервис» – 916-1882

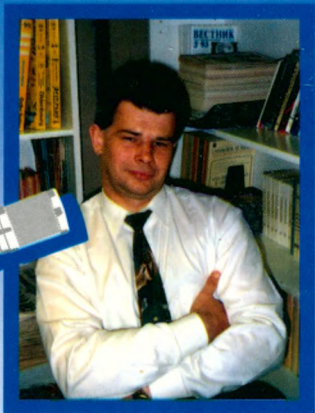
Сдано в набор 19.01.03. Подписано в печать 26.01.03.
Формат 84 × 108/32. Бумага газетная. Гарнитура HelvDL.
Печ. л. 12. Тираж 3000 экз. Заказ № 2588.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии
им. В. И. Смирнова. 214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-9265-0086-9

9 785926 500865

Валерий Николаевич Коновалов - человек с незаурядной судьбой. Родился в белорусском городе Речица в 1961 году.

В четырнадцать - попал в колонию для несовершеннолетних. После окончания средней школы поступал в Минское художественное училище, но не прошел по конкурсу. Брал частные уроки живописи у художника - неформала.

Перебравшись в Ленинград, за организацию квартирных выставок своих живописных работ и участие в самиздате, несколько раз привлекался КГБ. Жил в Выборге, работал грузчиком в магазине. В 1983 году был выдворен из СССР. С 1984 по 1989 г. - кадровый сотрудник Исследовательского отдела американской радиостанции "Свобода". Тогда же стал сотрудничать с военно-исследовательской корпорацией "RAND", расположенной в США. С 1990 по 1995 г. - военный редактор русской службы радио "Свобода", автор и редактор военно-политического обозрения "Сигнал". Публиковался в отечественных и зарубежных изданиях. Сейчас проживает в Мюнхене (Германия).